АБСОЛЮТНО НОВЫЕ ИСТОРИИ ИЗ РАСШИРЕННОЙ ВСЕЛЕННОЙ *«ЧУЖОГО»*

ДЭН АБНЕТТ
ТИМ ЛЕББОН
МАЙК РЕЗНИК
КРИСТОФЕР ГОЛДЕН
И МНОГИЕ ДРУГИЕ

ЧУЖИЕ™

ОХОТА НА ЖУКОВ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ

ОСНОВАНО НА БЛОКБАСТЕРАХ КИНОКОМПАНИИ «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ФОКС»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Когда Колониальные морпехи отправляются на поиски самой смертоносной добычи, Ксеноморфов, они называют это «охотой на жуков». И правило тут только одно: убей или будь убитым. Перед вами восемнадцать совершенно новых историй о таких «тесных контактах», написанных выдающимися современными мастерами боевой фантастики.

События первых четырех фильмов серии «Чужой», экспедиции отважных землян в иные миры, на заброшенные космические поселения и в гнезда самых опасных монстров Вселенной, – эти приключения гарантированно заставят кровь бежать быстрее… так или иначе.

- Чужие: Охота на жуков: [Антология]
  -
  - Предисловие
  - Случайная встреча
  - Жнецы
  - Сломанный
  - Найти и вернуть
  - Вспышка
  - Дезинсекторы
  - Не делай добра
  - Как стать героем
  - Темная мать
  - Эпизод 22
  - Не для прессы
  - Пустое гнездо
  - Наступает тьма
  - Смертельные объятия
  - КРОМЕШНЫЙ МРАК
  - Аварийный вызов
  - Опасная добыча
  - Злоба
  - Об авторах
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14

Чужие: Охота на жуков: [Антология] Редактор-составитель Джонатан Мэйберри

Посвящается Ридли Скотту и Джеймсу Кэмерону.

Спасибо, что вывели нас в безбрежный мрак космоса и напугали до чёртиков.

И, как всегда, Саре Джо.

ALIENS™: BUG HUNT
Печатается с разрешения издательства
Titan Publishing Group Ltd.
www.titanbooks.com

TM & © 2017 Twentieth Century Fox Film Corporation.
All Rights Reserved.

Предисловие
Джонатан Мэйберри

Однажды прекрасным весенним днем мы с приятелем, киномехаником по профессии, ехали из Филадельфии в Нью-Йорк на премьеру фильма Ридли Скотта. До того времени он был известен нам только как автор исторической драмы «Дуэлянты», так что мы понятия не имели, что этот парень может сделать из научно-фантастического фильма. Не забывайте, что до «Бегущего по лезвию» оставалось еще несколько лет. Никто Скотта не знал. Никто не представлял себе, на что будет похож его новый фильм «Чужой», потому что кроме трейлеров никто еще ничего не видел.

Мой приятель-киномеханик гонял этот трейлер перед сеансами уже несколько недель и был уверен, что фильм получился отличный. Я же, разочарованный несколькими свежими НФ-фильмами, был настроен скептически и, откровенно говоря, надеялся, что это будет что-то вроде «Звездных войн».

Мы оба были заинтересованы и одновременно пресыщены, как зрители. Мы видели все, что можно видеть, и полагали, что любой фильм может только послужить основой для критической

дискуссии. Мы никак не ожидали, что фильм может буквально дать под дых.

Или, что еще точнее, вцепиться тебе в горло.

Сеанс был ранним, но зал оказался забит битком. За стенами кинотеатра был залитый солнцем нью-йоркский полдень, а мы внезапно оказались в космическом пространстве. Болтаясь в неведомой дали на борту старого, проржавевшего космического грузовика. С серьезными проблемами.

Слоган фильма гласил «В космосе никто не услышит твой вопль».

Вопли зрителей в кинотеатре было слышно очень хорошо. Всех. До. Единого. Включая и меня… а меня не так просто заставить заорать. Я парень не маленький. В те времена я подрабатывал телохранителем и вообще был крут до невозможности. Приятель мой пересмотрел все «ужастики», которые были сняты к тому времени. И вообще мы были матерые кинокритики, а не те салаги, которые при виде монстра на экране ойкают, визжат и подпрыгивают.

Но именно это с нами и произошло. Фильм до смерти напугал нас.

Со мной ничего подобного не приключалось с тех пор, как я в 10 лет посмотрел «Ночь живых мертвецов». И именно из-за этого дикого страха я сделал то же самое, что сделал после просмотра ромеровской ленты про зомби: остался на второй сеанс.

С течением времени я перезнакомился со всеми героями картины. Я прочитал отличную новеллизацию фильма, написанную Аланом Дином Фостером, а также комиксовый вариант в журнале Heavy Metal. Я даже купил чертов календарь. Короче говоря, я подсел.

Я посмотрел абсолютно все дешевые копии и поделки, последовавшие за «Чужим», в надежде, что хоть какой-то из этих фильмов приблизится к оригиналу в сочетании умного сюжета, нюансов и адреналина. Но я никогда больше не видел фильм, который произвел бы похожий эффект. До самого лета 1986 года, когда Джеймс Кэмерон оглушил зрителей своими «Чужими».

В отличие от многих продолжений, это не был римейк или тупое следование за оригиналом. Это был шедевр. Еще один шедевр. Фильм отличный – и совершенно другой. «Чужой» был фильмом ужасов, действие которого происходило в глубоком космосе. «Чужие» оказался фильмом о войне в космосе. Как и в случае с первым фильмом, его успех во многом был обусловлен блестящим подбором характерных актеров. Как и первый фильм, он шел неторенными путями. И так же, как первый, до чертиков меня напугал. Именно так, как и должен был.

С тех пор было снято много сиквелов и приквелов. Были изданы комиксы, написаны тонны романов, созданы видеоигры. Мир «Чужого» разросся и продолжает разрастаться благодаря тому, что ему удалось завладеть воображением публики, уважая при этом ее интеллект. Поддерживать подобный баланс очень непросто.

Из всех фильмов на тему моим любимым по-прежнему остаются «Чужие» Кэмерона. Мне нравятся сами Колониальные морпехи, Эйпон и Хикс, Хадсон и Васкес, и вообще вся эта компания. Мне даже Горман нравится. Ну, не то чтобы очень…

Дружба и товарищеские отношения этих морпехов вдохновили меня, в числе прочего, на создание «Группы Эхо» – команды спецназа в моей серии триллеров о приключениях Джо Леджера и его отряда. Триллеров, основанных на всяческих странных научных исследованиях.

Несколько моих знакомых писателей создали отличные романы, действие которых происходит во вселенной «Чужого». Алан Дин Фостер написал первые три, один круче другого. Последний, «Чужой: Возрождение» был написан Энн Кэрол Криспин, которой, к сожалению, больше нет с нами и которой нам будет очень не хватать. Многие другие авторы писали на эту тему и некоторые из них представлены в этой антологии: Ивонн Навarро, Кристофер Голден, Джеймс А. Мур и Тим Леббон.

Мне уже много лет хотелось, так сказать, надеть скафандр и присоединиться к боевому отряду Колониальных морпехов. Пару лет назад, будучи в Лондоне, я встретился за обедом с представителями издательства «Титан», Ником и Вивиан Ландау, которые занимались романами о Чужих. Я упомянул, что хотел бы составить антологию рассказов, действие которых происходило бы в этом мире. Не в метавселенной, которая включает в себя абсолютно все, написанное во франшизе «Чужой», но именно в мире, где действуют Колониальные морпехи. Ник и Вивиан связали меня с редактором Стиви Саффелом и дело пошло.

Наконец-то я мог развернуться вовсю. Я составил перечень тех авторов, у которых, по моему мнению, мог получиться шикарный рассказ о схватке военных с Чужими. Не только с Ксеноморфами, но вообще с любыми видами Чужих, которые встречались в книгах, фильмах и комиксах на тему. Так что в этой книге есть рассказы, в которых морпехи сталкиваются с самыми разными видами инопланетной угрозы. У морпехов есть короткое словечко для любой неземной нечисти, любящей подзакусить человеком: жуки. Отсюда и знаменитая фраза Хадсон из «Чужих»: «Будет нормальный бой или очередная охота на жуков?»

В этой книге как раз идет охота на самых разных жуков. Схватки с Ксеноморфами и с тварями, у которых пока еще даже нет названия. С затаившимися в темноте жуткими монстрами. Мы исходили из предположения, что в огромной, странной и полной опасностей вселенной до черта существ, которые совсем не напоминают милашку Инопланетянина[1], вовсе не желают делить с кем-то территорию и теплокровных разумных считают отличным горячим обедом.

Сперва я думал, что мне понадобится не меньше месяца, чтобы набрать команду из литературных стрелков, готовых отправиться вместе со мной на охоту за жуками. Какое там! Хватило двух дней. Как оказалось, я был не единственным автором, у которого руки чесались написать что-нибудь об этом мире. Я моментально получил столько обещаний, что хватило на превосходный, толстенный том. Более того, как только народ узнал, что планируется подобная антология, мне еще и пришлось отказать паре сотен желающих поучаствовать.

Здорово, правда?

Так что встречайте: «Чужие: Охота на жуков».

В сборнике собраны самые разные рассказы. Здесь есть чистый адреналиновый экшн, интроспективная человеческая драма, всяческие странные и беспокоящие истории. Мне, как редактору антологии, по долгу службы пришлось прочесть их все – в этом есть особый алчный редакторский кайф. У меня, как у давнего фаната жанра, было ощущение, что меня снова позвали в мир Ксеноморфов, жадных корпораций, крутых потасовок, героизма, ужаса и той темной магии, которая свойственна научной фантастике, основанной на хорроре.

Это великие истории о героизме и трусости, преодолении препятствий и предательстве, сожалении и о том, чего стоит человечеству готовность идти в бой с неизвестным врагом. Некоторые из этих рассказов легко укладываются в рамки франшизы «Чужой»/«Чужие». Другие не обязательно вписываются в канон, они уводят дальше в пограничные области, намекая, что вселенная куда больше, темнее, страннее и опаснее, чем мы думаем…

Так что хватайте свою импульсную винтовку и – хорошей вам охоты!

Случайная встреча
Пол Куперберг

– Спорим, ремонтникам не удастся поднять это корыто с земли до следующей смены? – сказал Лондон.

– Даже не собираюсь спорить, – Гилмор почти не обращала внимания на напарника по разведкоманде.

– Ну, хорошо, назови любое время.

– Лондон, отвяжись, – Гилмор прибавила ходу. Разреженная атмосфера и сила тяготения всего в четверть земного позволяли передвигаться плавными длинными прыжками, но нужно было постоянно отслеживать возможные препятствия в высоком ржаво-красном кустарнике и бурой траве, через которую им приходилось пробираться.

Разведка по внешней среде означала полноценный скафандр с внутренней связью, недостатком которой было то, что голос Лондона зудел в ушах, как бы далеко она не ушла. Лондон обожал трепаться, но слушать его означало только время терять. Непонятно, что было причиной его неумолкающего трепа: то ли нервы, то ли бесконечный словесный поток прирожденного

жулика, то ли ему просто нравился звук собственного голоса. Может, вообще все вместе. Но к настоящему времени большинство в команде «Тайфуна» усвоило, что либо надо уметь отключаться, либо избегать общения с навигатором. По крайней мере, те из команды, кто хотел сохранить хоть какие-то деньги до конца полета.

– Да ладно, Гилмор, подумаешь, пари. Ну, спорим?

Но куда от него денешься, если пришлось совершить вынужденную посадку на планете с низким тяготением и весьма разнообразной биосферой в системе Дзета Сетки, заниматься срочным ремонтом и идти в разведку на местности ради сбора данных для корпорации «Вейланд-Ютани». Стандартный операционный протокол подразумевал исследование планеты и поиск потенциально важных для компании ресурсов. Корпорация щедро вознаграждала за подобные открытия, и Лондон всегда был тут как тут.

– На что ты хоть спорить хочешь?

– Проигравший будет должен что-то выигравшему, по выбору, – ответил Лондон.

– Слушай, – она даже не старалась скрыть раздражение, – я хоть раз ввязывалась в спор с тобой?

Лондон подумал:

– Нет, никогда. Да какая разница? Я просто стараюсь сделать жизнь поинтереснее.

– Спасибо, мне и так интересно.

Гилмор остановилась на краю равнины с бледной травой. Чуть дальше трава постепенно переходила в заросли тонких деревьев, вздымавшихся на головокружительную высоту в чистом безоблачном небе. Она глянула на сенсорную панель, прикрепленную к предплечью. Научные исследования не входили в ее сферу деятельности и мелькающие на экране цветные линии графиков и цифры не говорили ей ровным счетом ничего. Но данные об изменении природных и атмосферных условий записывались и пересылались на «Тайфун», где ими, как положено, займется Джепсон, офицер по науке.

Из-за ограничивающего движения скафандра ей пришлось сильно откинуться назад, чтобы взглянуть на кроны деревьев, поднявшиеся высоко в небо.

– Нет, ты только посмотри на них. Эти штуки по меньшей мере раза в два выше самых высоких земных секвой.

– Ну, так что, спорим?

– Заткнись, Лондон, – Гилмор сделала пару прыжков к ближайшему дереву. Диаметр его не превышал пару метров, но то же низкое тяготение, благодаря которому каждый шаг Гилмор

был в несколько раз длиннее обычного, позволило тонкому стволу подняться почти на тысячу метров.

Гилмор толкнула ствол, и он легко качнулся под нажимом ее руки.

– По-моему, это вообще не деревья. Скорее уж какой-то вид гигантской травы. Возьмешь пробы?

Лондон уже достал нужный инструмент и пакеты для образцов.

– Так точно. Представляешь, какие здесь помидоры можно вырастить, если разобраться с генетическим кодом?

Гилмор переключила визор шлема на телескопическое исследование местности.

– Какой-то безумный мир. Гравитация всего двадцать два процента земной, но есть атмосфера, кислород, вода, развитая флора и, возможно, фауна тоже.

Лондон срезал щепку с ржаво-красного ствола и убрал ее в пакет:

– Странно, что здесь вообще что-то есть. У планет с такой низкой гравитацией обычно не бывает атмосферы.

– Джепсон сказала, что это редкий случай. Это как-то связано с орбитой, периодом вращения, магнитным полем и скоростью убегания кислорода… Сам знаешь эти ее научные объяснения: если у тебя нет профессорской степени, ты все равно ничего не поймешь… Эй, Лондон, глянь-ка сюда!

Навигатор обернулся, глядя в том направлении, куда указывала Гилмор.

– Черт меня побери!

Они скользили среди деревьев, чем-то похожие на морских животных: нечто среднее между медузами и кальмарами. Огромные серо-ржавые туши плыли, словно существа в толще земной воды. На фоне местного ландшафта с его преувеличенными размерами всех растений трудно было на глаз определить их размеры, но дисплей шлема Гилмор показывал шестьдесят метров и больше. А еще их было слишком много, чтобы сосчитать, и они двигались с приличной скоростью, благодаря тому, что длинные тянущиеся щупальца постоянно испускали облачка пара.

– Ты только глянь, какие шустрые, – сказала Гилмор. – Километров восемьдесят – девяносто в час точно делают.

– Ага, явно куда-то торопятся. Как ты думаешь, что может напугать животных такого размера?

– Что-то еще более крупное?

– Очень надеюсь, что это не так.

Гилмор только было собралась ответить, что, возможно, это

была обычная миграция, или же существа перебирались на новое пастбище, как гигантские стволы за ними внезапно задрожали и стали раскачиваться. Плывущие существа прибавили скорость и бросились врассыпную.

Из леса гигантским прыжком вылетел черный силуэт, размерами намного меньше «поплавков». Мускулистые задние ноги спружинили, и охотник взвился в воздух вслед за своей добычей. Воздушный гигант старался набрать высоту, его щупальца вздрагивали от усилий, но цель была слишком велика, чтобы охотник промахнулся. Черное существо с длинным хвостом приземлилось на спину гиганта, вцепившись в плоть цвета ржавчины мощными когтями. Гигант вздрогнул и почти сразу стал терять скорость, словно сдувающийся воздушный шар. Хищника не было видно за дрожащей и вздымающейся волнами кожей «поплавка», но потоки крови и скользкие внутренности заливали бока медленно, по спирали опускающегося к земле существа.

Гилмор скорее почувствовала, чем услышала сквозь шлем высокий вибрирующий крик. Предсмертный вопль существа, заставивший ее вздрогнуть.

– Господи боже, – прошептал Лондон.

– Да уж, – Гилмор тяжело дышала. Этот странный легкий мир теперь казался опасным, а не интересным. – Пошли, пора возвращаться на корабль.

* * *

К тому времени, как Джепсон закончила синхронизацию датчиков информации с камерами скафандров Гилмор и Лондона, у нее уже были готовы четкие изображения и определенные теории по поводу обоих существ. Лондон, Гилмор, капитан Лофорд и старший офицер Кац столпились вокруг экрана.

– Начнем с «поплавков». В нашей базе внеземных существ ничего подобного нет, но шансы, что во Вселенной достаточно много планет с низкой гравитацией, способных поддерживать атмосферу и жизнь в подобных масштабах, вообще невелики.

– Спорим, двенадцать к одному? – тут же встрял Лондон под общий издевательский стон.

– На самом деле шансов еще меньше, – ответила Джепсон и глянула в сторону ухмыляющейся Гилмор. – Кстати, ты мне все еще должна с той партии в покер на прошлой неделе.

– Будем считать, что я этого не слышала, – заметила капитан

Лофорд.

– Я рассчитала их массу, удельный вес и могу обосновать предположения относительно их химических процессов, методов передвижения и тому подобное. Судя по общему виду и поведению, «поплавки» не агрессивны. Скорее все свидетельствует о том, что эти существа развивались в среде без естественных врагов, в связи с чем у них не было необходимости вырабатывать защитные механизмы. Полагаю, малая сила тяжести благоприятна для более легких и слабых существ по сравнению с хищниками, которым понадобится более мощная структура для поддержи их биологического «вооружения». С генетической точки зрения, это…

Капитан Лофорд прервала размышления Джепсон:

– Если, как вы говорите, «поплавки» развились в благоприятной среде, то что же тогда эта черная тварь, которая напала на одного из них?

– Какой-то пришелец, чужой, – ответила Джепсон. Она коснулась экрана планшета, заменив фото грациозного гиганта на крупный план «прыгуна». – С нашей точки зрения он приличных размеров, от пяти до семи метров в длину, но по сравнению с «поплавками» просто карлик, и я почти на сто процентов уверена, что он не с этой планеты.

Лондон присвистнул:

– Ничего себе! Ставки все повышаются.

– Но откуда он взялся? И как сюда попал? – спросил Кац.

– Понятия не имею, – пожала плечами Джепсон. – Образцы тканей сильно помогли бы решить этот вопрос.

– Вряд ли «прыгун» сожрал добычу полностью, так что образцы тканей одного из них мы точно добудем, – заметила Гилмор.

– К тому же, «прыгун» мог оставить на туше следы своего генетического материала, – Джепсон возбужденно выпрямилась.

В дверь заглянул помощник инженера Кнутсон.

– Босс, на компьютер Компании пришло срочное зашифрованное сообщение.

– Какого черта им опять надо? – пробурчала Лофорд, поднимаясь из кресла.

– А мне откуда знать? – и Кнутсон исчез в коридоре. Лофорд последовала за ним.

* * *

Два часа спустя Гилмор и Лондон, облаченные в скафандры,

вновь двигались по равнине к месту гибели «поплавка». Только теперь их сопровождали старший офицер и офицер по науке. Все четверо были вооружены лазерными винтовками.

Ознакомившись с сообщением от Компании, Лофорд вернулась в кают-компанию нахмуренной.

– В Корпорации получили предварительный отчет Джепсон и сильно заинтересовались этими данными. Должно быть, мы на самом деле натолкнулись на что-то очень для них интересное, потому что я получила приказ добыть и доставить им «прыгуна». Живого или мертвого, и любой ценой. В пределах разумного, конечно.

– Не нравится мне все это, – сказал Кац.

– То, что я скажу дальше, понравится вам еще меньше. Приказ сопровождался предупреждением, что к «прыгунам» следует приближаться с исключительной осторожностью.

Лондон ухмыльнулся:

– А за работенку-то, похоже, можно получить отличный бонус?

Лофорд кивнула.

– Ну, раз так, я вызываюсь добровольцем.

– Пойдешь опять с Гилмор. Кац и Джепсон – вы с ними. Всем вооружиться. Не нравится мне, что даже в Компании нервничают по поводу этого задания.

Гилмор и Лондон вернулись к уже знакомому месту на опушке, где трава переходила в заросли гигантских стеблей. Все было точно так же, как и в первый раз, если не считать оружия в руках и тревоги от осознания того, что им, возможно, придется воспользоваться.

Гилмор показала на восток:

– «Поплавок» рухнул меньше, чем в километре отсюда. Не теряйте бдительности – «прыгун» может все еще находиться неподалеку.

– Термальные датчики по-прежнему регистрируют данные «поплавка», – подтвердила Джепсон. – Такой туше требуется приличное время, чтобы полностью остыть.

– Есть какие-нибудь свидетельства присутствия «прыгуна»? – спросил Кац.

– Трудно сказать. Датчики фиксируют разнообразную биоактивность, но основная часть данных, подозреваю, исходит от «поплавка». Это существо явно не вполне мертво, но разобраться трудно, поскольку это просто мешанина биопоказаний, и я не знаю, что среди них искать.

– Ищи шестиметровое чудище с ногами и задницей, как у

кенгуру на стероидах, – заметил Лондон. – Такое трудно не заметить.

– Я постараюсь, – заметил Кац. – Ладно, пошли. Джепсон, проверь-ка ты лучше заряд лазера. Датчиками и наукой займешься потом, когда мы убедимся, что здесь безопасно.

* * *

Когда он был еще совсем подростком, Лондону удалось втереться в группу военных и космолетчиков Корпорации, которые постоянно устраивали подпольные игры в покер. К тому времени Лондон был неплохим игроком и успел накопить небольшой капиталец, который позволял ему вести игру, пока не удавалось понять, какая ситуация складывается за столом. Он в основном помалкивал и внимательно следил за обстановкой. Большинство игроков были просто любители – легкая добыча, пусть и не самая прибыльная. Единственным серьезным игроком среди них был матерый морской пехотинец по имени Клонски. Этот играл небрежно, как будто ему было наплевать на все на свете, комментировал все происходящее, без конца сыпал шутками и почти не обращал внимания на свои карты и на растущую гору денег перед собой.

Лондон играл нарочито спокойно, намеренно проигрывая чуть больше, чем выигрывая, и периодически сбрасывая карты, как любой другой случайный игрок, выжидая время и нужную комбинацию карт. Наконец, во время партии в «техасский холдем», обстоятельства сложились в пользу Лондона. Пока морпех, как обычно, трепался без остановки, Лондон собрал отличную «руку», просто конфетку, и, по мере того, как банк все рос, а его карты все улучшались, все его сбережения потихоньку оказались на столе.

Когда они открыли карты, выиграл Клонски.

– Удача любит дерзких, малыш, – морпех усмехнулся и подмигнул ему. Лондон смотрел, как исчезают его деньги, и, к своему удивлению, не чувствовал ни злости, ни огорчения. Игра стоила ему всех сбережений, зато он получил бесценный урок и понял, как многому ему еще надо было научиться. Это случай сделал Лондона беднее, но умнее, и он принялся создавать свой собственный вариант личности «под Клонски», потихоньку подгоняя поначалу не слишком хорошо сидевший образ под себя.

Лондон понимал, что многим он не нравится, но это его не волновало. Возможность втянуть кого-то в игру и завладеть чужими деньгами интересовала его куда больше, чем чье-то

одобрение.

Контракт с «Вейланд-Юлани» он тоже заключил не столько из-за тяги к приключениям, сколько из-за денег. Компания платила хорошо, и в космосе полно было скучающей публики с денежками в кармане, которые негде было потратить.

Удача любит дерзких, вспомнил он. Что ж, на борту «Тайфуна» никто не мог превзойти его в дерзости.

Лондон постепенно обогнал остальных и теперь шел первым в высокой траве. Первое место гарантирует успех, но не ценой безопасности. Если ты мертв, тебе уже не нужны все деньги Вселенной. Вот почему он постоянно следил одним глазом за обстановкой вокруг, другим – за приборами, и не снимал палец со спускового крючка.

* * *

Мертвый «поплавок» превратился в огромную гору постепенно оседающей органики. Туша все еще подергивалась и вздрагивала, а лежащие вдоль туловища спутанные щупальца вяло извивались в ржавой траве, словно гигантские серые змеи.

– Ты уверена, что оно мертво? – спросила Гилмор. – Для трупа оно слишком сильно дергается.

– Уверена, насколько это вообще возможно, если учесть, что мне не с чем сравнивать, – ответила Джепсон. – Насколько я могу судить, у этой штуки по меньшей мере четыре сердца, три мозга и как минимум штук шесть независимых нервных систем.

– Приближаться к нему безопасно? – спросил Кац.

– Думаю, да, – ответила Джепсон.

– Ах, ты думаешь? Мне сразу стало спокойнее, – усмехнулась Гилмор.

– Все нормально, умники, – заметила Джепсон. – Только за шутками не забывайте, что где-то совсем рядом бродит еще одна форма жизни. А теперь поищем место, где «прыгун» нанес смертельную рану «поплавку», и наберем побольше образцов.

– Поддерживайте постоянный зрительный контакт друг с другом, – Кац огляделся, – А где Лондон?

Гилмор указала на точку метров на десять впереди них, ближе к гигантским стеблям:

– Я только что видела его вот там.

Кац чертыхнулся и принялся вызывать навигатора по общей связи. Но ответа не было.

* * *

Пока остальные возились с приборами и осторожно тыкали в тушу палками, Лондон разбежался и вскочил на бок «поплавка». Карабкаться по скользкой коже было не проще, чем по мокрой резине в дождь, но Лондону удалось, хоть и с трудом, взобраться наверх.

Слушая теоретические рассуждения своих коллег, навигатор только посмеивался. К тому времени, как они решат что-то сделать, он уже вернется с добычей и бонус, считай, будет у него в кармане. Удирая от «прыгуна», «поплавок» направлялся строго на север, так что нужная им точка находилась с южной стороны туши. Неужели так трудно это сообразить?

Как оказалось, это было совсем несложно. Через пару минут Лондон увидел впереди огромную страшную борозду, пропаханную в ржаво-красном мясе. Посеревшие края сочились жидкостью, зияющая, словно пещера, полость раны открывала взгляду плоть, покрытую мерзкими темными пятнами и разлагающуюся на глазах.

К горлу подкатила тошнота, и секунду Лондон думал, что со съеденным обедом придется попрощаться, но он закрыл глаза, напомнил себе об обещанном вознаграждении, подавил рвотный позыв и принялся за работу. Набрав из раны образцы мышечной ткани и внутренностей, он принялся искать хоть какие-то следы, оставленные хищником, помня, что за образцы тканей «прыгуна» была обещана особая награда.

Он слышал, как Кац вызывает его по радио, но продолжал исследовать рану, не отвечая на вызовы. Ничего, подождут несколько минут. Всегда можно сказать, что что-то случилось со связью, все равно ничего не докажешь.

– Лондон, ответь на вызов, – голос Каца сопровождался потрескиванием, а потом связь и вовсе прервалась, и голос сменился статическим шумом, который перешел в такой пронзительный вой, что Лондон вздрогнул от боли в ушах.

И тут «прыгун» пулей вылетел из раны и подскочил высоко в воздух. Тень хищника накрыла ошеломленного навигатора еще прежде, чем черная тварь ринулась вниз, на человека.

* * *

Когда в наушниках раздался дикий визг, Гилмор схватилась за шлем, словно пытаясь зажать уши. Звук физически подкосил ее, и она поняла, что медленно падает, извернувшись в воздухе. Низкая гравитация сделала все движения по-балетному изящными, и, медленно оседая в траву, она увидела, как над

мертвой тушей поднимается в воздух «прыгун» – тварь, созданная из тьмы и жил, ощетинившихся острыми клыками и когтями.

– Берегись! – закричала Гилмор, не в силах расслышать собственный голос за пронзительным воплем «прыгуна».

* * *

Черная тварь опускалась прямо на него. Лондон бросился в сторону, поскользнулся на резиновой шкуре и упал. Ружье он еще раньше отложил в сторону, собирая образцы из раны, и сейчас едва успел ухватиться рукой в перчатке за ствол, прежде чем скатиться по туше «поплавка», как падающий с горы камень.

«Прыгун» приземлился на то место, где только что стоял человек. Хищник упруго подскочил, словно на трамплине, и последовал вниз за своей жертвой. У Лондона не было времени перехватить винтовку для выстрела, вместо этого он размахнулся, словно битой, и ударил тварь прямо по массивной вытянутой морде. Навигатор решил не терять время, проверяя, успешен ли оказался удар, или он только раздразнил хищника, и, кое-как восстановив равновесие, бросился прочь гигантскими прыжками по три-четыре метра, прекрасно понимая, что при желании «прыгун» мог нагнать его в одно мгновение. Но погони, кажется, не было и страшный визг в наушниках умолк.

* * *

Осознание того, насколько она не продумала все варианты развития ситуации, было настолько внезапным, что Джепсон показалось, будто ей дали под дых. Предвкушая встречу с «прыгуном», она даже не подумала, что тот может оказаться не один.

А теперь пришлось подумать.

Твари выскакивали из туши «поплавка» одна за другой. Четвертая, пятая, шестая – их становилось все больше. Огромные существа, по пять-шесть метров в высоту, и все в них говорило о том, что эволюция создавала машину для убийства. Их черная шкура блестела, как полированная, конечности и длинный толстый хвост щетинились смертоносными шипами, словно лезвиями. Длинная узкая голова переходила в широко распахивающиеся челюсти с рядами бритвенно-острых зубов, мощные задние лапы давали огромное преимущество в условиях низкого тяготения.

Когда в ушах раздался страшный визг, Гилмор пошатнулась и непроизвольно нажала на спусковой крючок импульсной винтовки, опалив землю перед собой. От визга существа дрожали все мышцы, звук словно пронзал ее насквозь, трудно было даже думать, не то что прицелиться.

Заметив «прыгуна», Кац выхватил из рюкзака светошумовую гранату и рванул за кольцо предохранительной чеки. Он точно знал, какое примет решение, если придется выбирать между «добыть для Компании образцы тканей “прыгуна”» или «спасти жизни своей команды и разнести этих мерзких тварей на мелкие кусочки».

Он запустил гранату броском снизу, отправив ее по плавной дуге прямо в центр приближающейся группы из трех «прыгунов». Граната уже взлетела в воздух, когда визг существ пронзил мозг Каца, и он сам закричал, пытаясь заглушить этот чудовищный звук и дать себе возможность поднять оружие и прицелиться.

Ослепительная вспышка, грохот и ударная волна сотрясли разреженный воздух, облако серого дыма расползлось вокруг. Кац не видел сквозь дым, удалось ли ему причинить какой-то вред «прыгунам», но взрыв хотя бы на какое-то время остановил этот чудовищный визг.

И тут сквозь треск статики в наушниках прорезался голос Лондона:

– Эй, берегись! Я бегу к вам… и я не один.

Кац сожалел, что в ранце осталось только три цилиндрические гранаты. А после того, как он использовал еще одну против четверых «прыгунов», нацелившихся на Гилмор, их осталось всего две. А потом, когда к ним присоединилась Джепсон, – и вовсе всего одна. Но первые три взрыва, похоже, заставили тварей быть осторожнее и не приближаться, пока земляне медленно пятились от них.

– Лондон, черт тебя подери, где ты?! Мы окружены! – вызвал навигатора Кац.

– У меня своих проблем полно, – проворчал в ответ тот. – Я отрезан от вас, попробую укрыться в лесу.

Джепсон глянула на приборную панель на рукаве:

– Лондон, держи включенным транспондер, чтобы я могла отслеживать твои перемещения.

– Понял. Постараюсь найти какую-нибудь точку для наблюдения, чтобы… вот дерь…

Конец фразы потонул в статическом шуме и возобновившемся визге «прыгунов».

* * *

Внезапно мир вокруг него завертелся, и Лондон перестал понимать, где верх, а где низ. Что-то держало его за ногу, и он болтался в воздухе, словно тряпичная кукла, над проносящейся под ним ржаво-красной землей. Потом и земля, и небо исчезли, все вокруг потемнело, и после короткой жестокой тряски он рухнул вниз, погружаясь в еще большую темноту.

«Прыгун» мягко приземлился среди деревьев, мощные задние ноги спружинили, смягчая удар. Он отпустил ногу Лондона, который со стоном шлепнулся на мягкую темную землю, да так и остался лежать, глядя вверх и пытаясь прийти в себя после сумасшедшей гонки. Тварь стояла над ним, чуть пригнувшись и наклонив голову, словно прислушиваясь к чему-то.

Лондон лежал неподвижно, стараясь отдышаться и не отводя глаз от «прыгуна». Его так крутило и трясло все время, пока хищник нес его, что сейчас навигатор понимал только, что они находятся где-то в самой глубине леса, но даже не представлял себе, в какой стороне может находиться спасение. При нем остался только пистолет в кобуре, но не похоже было, что несколько пуль обеспокоят этого монстра.

Лондон проверил, работает ли радиосвязь, но успел лишь прошептать сквозь зубы несколько слов, прежде чем электронный визг заглушил его голос. В дополнение ко всем его проблемам заверещал сигнал тревоги, сообщая, что кислорода осталось на полчаса. По истечении этого времени навигатор мог рассчитывать только на аварийный запасной баллон, воздуха в котором хватало всего на десять минут.

И тут «прыгун» повернул к нему свою безглазую, похожую на череп морду.

«К вопросу о моих шансах», – подумал Лондон.

* * *

– Дело дрянь. Похоже, они намеренно загоняют нас в лес, – сказал Кац, медленно водя стволом винтовки вдоль шеренги тварей, прижавших людей к зарослям гигантской травы.

– «Тайфун» не отвечает на сигнал бедствия, – ответила Гилмор.

– Они не слышат наш сигнал, – от испуга Джепсон говорила очень быстро. – Это все «прыгуны». Я думаю, «поплавки» общаются между собой, используя какой-то вид сонара, наподобие китового, и «прыгуны» научились прерывать их сигналы с помощью встречных волн. Наши рации, судя по всему, работают на частотах, близких к тем, что используют «поплавки»,

поэтому сигналы «прыгунов» воздействуют и на нашу связь. Я переключила каналы связи между скафандрами на другую частоту, но радиус действия очень небольшой.

– В данный момент это для нас не самое главное, – заметил Кац. – Насколько я понимаю, у нас только два варианта: либо мы попытаемся прорваться сквозь их цепь сейчас, и тогда они убьют нас здесь, либо позволим загнать нас, куда им нужно, и тогда нас убьют там.

В наушниках внезапно прорезался голос Лондона. Он едва успел сказать, что один из «прыгунов» схватил его, но сейчас он в порядке, как пронзительный свист заглушил дальнейшие слова.

Джепсон ахнула:

– Он жив!

– Если кому-то из нас повезет, так это Лондону, – ответила Гилмор.

* * *

«Прыгун» снова схватил Лондона за ногу и бросился бежать через лес. Компания уверяла сотрудников, что костюмы для внешней разведки способны были выдержать любые нагрузки, но Лондон сильно сомневался, что вариант «вас тащит гигантское когтистое чудище» был включен в программу испытаний.

«Надо что-то делать, иначе так и умрешь», – подумал он. Хотя тут скорее напрашивалось «умрешь в любом случае», но все было лучше, чем служить игрушкой-поноской для этого ожившего кошмара. Навигатор потянулся было к кобуре, но решил пока не доставать пистолет. Его крутило и трясло в воздухе, и не хотелось уронить единственное оставшееся у него оружие.

Долго ждать не пришлось. «Прыгун» протиснулся сквозь заросли гигантских стеблей, оказавшись на поляне, и тут Лондон по-настоящему испугался. На поляне, придавив всю растительность кругом, лежала туша убитого «поплавка». Судя по серой, гниющей плоти, животное было убито уже давно. Гигатская туша служила убежищем для целой колонии «прыгунов».

Лондон облизал сухие губы, чувствуя подкатывающую тошноту. Похоже, шансов выиграть эту партию не было ни при каком раскладе. Чудищ было слишком много, и, даже если бы ему удалось сбежать, любой из них мог догнать его в пару прыжков. Да, возможно, ему удалось бы перед смертью уложить несколько монстров, но что с того? Может, лучше всего просто покончить с собой?

– …Лондон, ты меня слышишь? – голос Гилмор прорывался сквозь статику и потрескивание в наушниках. Навигатор поморщился, ожидая услышать уже привычный свист, но его не было.

– Гилмор, меня слышно? Вы там все в порядке? – Лондон почувствовал, что его сердце начинает биться все быстрее.

Ответная фраза пропала в шуме, но дальше связь стала улучшаться с каждой секундой. Товарищи Лондона были живы, но «прыгуны» теснили их в глубину леса и, судя по тому, что сигнал становился все сильнее, они двигались как раз в его направлении. Это была хорошая новость. Плохо было то, что «прыгун» снова схватил его за ногу и потащил в направлении гниющей туши «поплавка».

Лондон достал пистолет.

– Слушайте, если вы не поторопитесь, моей заднице конец, – голос его звучал хрипло.

– Движемся с максимальной быстротой, – донесся ответ Каца.

– Похоже, мне придется тут немного пострелять, – Лондон говорил просто для того, чтобы услышать ответ, чтобы слышать звук человеческого голоса.

– Винтовка при тебе? – спросил Гилмор.

– Нет, сломал о голову одного из них. Остался только пистолет.

– Ладно, постарайся продержаться, – Джепсон тяжело дышала. – Судя по силе сигнала, мы где-то совсем рядом с тобой.

– Тут уж как карта ляжет, – Лондон выругался. – Вот дерьмо, он затащил меня внутрь «поплавка». Ребята, давайте-ка бегом!

Внутри туши было темно. Сумрачное пространство заполняли глубокие тени и свисающие с вздымающихся, подобно аркам свода, костей остатки гниющей плоти. Темные силуэты двигались среди них по коридорам и похожим на пещеры помещениям. «Прыгун» волок Лондона сквозь склизкую массу гниющей органики на полу.

– Есть какие-нибудь новости для меня? – спросил навигатор.

– Заткнись, Лондон, – напряженный голос Гилмор дрожал от сдерживаемой паники. Слышимость была великолепная. – Мы уже на поляне, но здесь штук пятьдесят этих тварей.

– Я внутри, и здесь их еще больше. У кого есть какие-нибудь идеи?

– У меня только одна, – отозвался Кац.

* * *

Первый помощник поднял винтовку, скомандовал «Огонь!» и медленно повел лазером, выжигая широкую дугу в группе столпившихся «прыгунов». Умирающие монстры широко открывали пасть, выдвигая из горла дополнительные глоточные челюсти, капающие слюной, тела их взрывались фонтанами плоти и кислотной крови.

– А неплохо горят! – закричала Гилмор, в свою очередь открывая огонь. Джепсон присоединилась к ней, и наступил полный хаос. Выжившие «прыгуны» принялись метаться в панике, словно кто-то бросил горящую спичку в гнездо саранчи.

– Это просто невероятно! – ахнула Джепсон. – Цельтесь в корпус. Голова и конечности у них бронированные, но тело очень уязвимо.

* * *

«Прыгун» внезапно уронил Лондона, который свалился прямо в жидкую слизь, и бросился обратно тем путем, откуда они пришли. Остальные видимые в полумраке «прыгуны» тоже направились к выходу.

Лондон перевернулся на живот, с трудом поднялся на одно колено, поднял пистолет и выстрелил в ближайший к нему темный силуэт. Тот упал, будто сломавшись.

– Бинго! – закричал Лондон, с трудом поднимаясь на ноги и пытаясь удержать равновесие на скользком полу. Для полноты счета он уложил еще парочку тварей и повернулся, чтобы убедиться, что никто не нападет на него сзади. Тут-то он и увидел гнездо. Навигатор включил небольшой фонарик на шлеме, чтобы лучше видеть в окружающем его полумраке. Мертвая плоть «поплавка» между двух огромных ребер была утыкана тысячами кожистых предметов неправильной формы.

Лондон понимал, что нужно поскорее уносить ноги, но перед этим у него осталось еще одно дельце.

* * *

Сжимая в руках последнюю гранату, Кац ожидал, когда Лондон, наконец, присоединится к ним, чтобы прикрыть отступление. «Прыгуны» явно не привыкли к сопротивлению и несли чудовищные потери от оружия землян. Но их было столько, что, реши они напасть всей толпой, у разведгруппы не осталось бы ни единого шанса.

Первый помощник немедленно пожалел, что позволил себе подумать об этом, потому что в ту же минуту поведение «прыгунов» начало меняться, как если бы они приспосабливали тактику к новому смертоносному противнику. Твари стали расходиться в стороны, увеличивая расстояние между отдельными целями, затрудняя стрельбу и одновременно сужая кольцо вокруг группы людей.

– Лондон! – заорал Кац.

– Бегу, босс! – отозвался Лондон. – Только задам им жару напоследок.

– Объясни, – потребовал первый помощник.

Лондон ухмыльнулся, двигаясь со всей возможной скоростью по скользкой слизи внутри туши:

– У меня остался аварийный баллон кислорода и пистолет. Сложи одно с другим и получишь искомый результат.

Внезапно прямо перед ним мелькнул темный силуэт. Лондон споткнулся, теряя равновесие, и нырком бросился вперед, к выходу. Скользя по слизи, словно на санках по льду, навигатор пролетел под «прыгуном» и вылетел наружу.

– Берегись! – закричал он, отталкиваясь от земли и пружинисто поднимаясь на ноги благодаря низкой силе тяжести. Остальные земляне стояли спина к спине, не спуская глаз с окруживших их «чужих». Лондон достал из кармана на груди маленький запасной кислородный баллончик, аккуратно кинул его внутрь туши, а потом прицелился и выстрелил. Первый раз он промахнулся, второй тоже. Третий выстрел оказался еще хуже.

– Господи, Лондон! – рявкнула Гилмор. – А ну прочь с дороги!

Двумя прыжками она подскочила к навигатору, подняла импульсную винтовку, навела ствол на цель и выстрелила.

«Прыгуны» двинулись вперед.

Кац что-то закричал, но в этот момент взрывная волна смела и отшвырнула землян. От взрыва загорелась трава на поляне, от туши «поплавка» и от растений стали распространяться волны жара, хотя языков пламени видно не было.

Люди еще продолжали катиться по земле, когда «прыгуны» внезпно пришли в движение. Но вместо того, чтобы наброситься на беззащитную добычу, все до единой твари бросились внутрь горящей туши.

– Ты сказал, что нашел гнездо, – Джепсон тяжело дышала. – Должно быть, они пытаются спасти свое потомство.

– Какая разница? – ответил Лондон. – Пора уносить ноги, пока еще можно.

– Кто-нибудь знает, в какую сторону идти? – спросила Гилмор.

– Я знаю, – заявил Кац. – Я пометил дорогу. Я ведь был когда-то бойскаутом.

Лондон обернулся к нему:

– Ты – и бойскаут? Серьезно?

Кац только усмехнулся, срывая кольцо с чеки гранаты и швыряя ее в отверстие в туше. Прямо в сгрудившихся там «прыгунов», которых инстинкт продолжения рода заставлял слепо нестись навстречу опасности, лишь бы спасти потомство.

– Я же сказал «был».

Прогремел взрыв, и группа землян отступила в лес, скрывшись в клубах дыма.

* * *

Ремонтная группа, наконец, завершила работу, и пока «Тайфун» поднимался в небо, команда могла видеть огромное облако дыма, расползающееся по лесу гигантской травы. Датчики инфракрасного излучения показывали, что пожар распространился почти на три километра от эпицентра, но пламя уже потихоньку гасло само по себе. Джепсон принялась было объяснять, что низкое атмосферное давление в сочетании с определенными горючими веществами дало эффект горения без открытого пламени, но разведчики внезапно почувствовали, насколько они устали, и отправились спать.

Вернувшись в каюту, Лондон разделся и долго стоял под душем, горячим настолько, насколько позволяла корабельная система. Потом он уселся на край койки, держа в руках добытый во время разведки сувенир. Группе удалось доставить на корабль большую часть собранных образцов растительности и тканей «поплавка», но ни у кого не нашлось времени и решимости прихватить еще что-нибудь до их бегства от «чужих».

Когда они вернулись на корабль, руководство поворчало насчет отсутствия генетических образцов «прыгуна», но все согласились, что им вообще повезло выжить в этой ситуации. К тому же, им в любом случае полагался бонус за добытые образцы тканей «поплавка».

Лондон спрятал добытый экземпляр у себя в каюте и никому ничего не сказал. Сейчас он крутил в руках непонятный объект чуть больше картофелины размером и с черной кожистой скорлупой. Навигатор подозревал, что перед ним яйцо «прыгуна», и готов был побиться об заклад, что Компания выплатит ему целое состояние за подобную добычу. А раз весь риск достался на его долю, то и деньги по праву принадлежали только ему.

– Удача любит дерзких, малыш, – произнес он вслух, улыбнулся, положил яйцо на тумбочку, выключил свет и лег спать, продолжая мечтать о том, что он сделает с внезапно свалившимся на него богатством.

* * *

Лондону снилось, что он играет в покер с пятью «прыгунами», один из которых к тому же курит сигару. Вместо фишек на столе лежали яйца «прыгунов». Лондону крупно везло, карта шла отличная, он собрал полный комплект Чужих и уже потянулся было за самым крупным яйцом, чтобы кинуть его в банк, как вдруг почувствовал, что мягкая кожистая скорлупа тепло пульсирует у него в руке. Потом раздался резкий хлюпающий звук, и кожистую поверхность прорезала трещина.

Лондон открыл глаза. Он проснулся настолько внезапно и быстро, что все еще слышал в темноте кабины звук трескающейся скорлупы.

Он понял, что это не сон, когда теплое влажное существо накрыло его лицо и запустило щупальце глубоко в горло, но к тому времени было уже слишком поздно.

Жнецы
Дэн Абнетт

Катера вывалились из находящихся в нижней части фюзеляжа транспортных отсеков «Монторо» и, вибрируя от сильного ветра, понеслись вниз к поверхности планеты LV-KR 115.

Предстоял тридцатиминутный спуск. Канетти сидел за штурвалом ведущего «Шайенна». Второй катер он потерял из виду за считаные секунды. После того, как, стукнув, разошлись зажимы, и катер с тошнотворной внезапностью провалился вниз, он поднял голову и глянул вверх. Огромная вытянутая тень «Монторо» над его головой медленно поворачивалась и исчезала в полумраке ближнего космоса, словно это корабль удалялся от катера, а не наоборот.

Второй катер шел сразу слева от машины Канетти, небольшие синие лопасти турбин то и дело включались, когда пилот корректировал траекторию стремительного снижения.

А потом они вошли в слой облаков, и пилот потерял второго из виду. Корпус судна гудел от вибрации, дрожь штурвала передавалась рукам. Облака напоминали суп-пюре. Канетти

следил, как желтая пунктирная линия посадочного курса то наползает на равномерно мигающую точку катера на экране, то уходит в сторону.

– Второй, следуете за мной? – запросил он в микрофон шлема.

– Вас слышу, ведущий. Да, мы рядом. Ничего себе погода для посадки.

– Второй, вас понял.

Снова раздался резкий скрипучий шум.

– Выходим на точку смены курса. Начало маневра через десять секунд. Увидимся на той стороне.

– Понял, второй. Удачной охоты!

Где-то там, в этом облачном супе, второй катер взял курс на запад, направляясь через северный водораздел ко второй посадочной зоне.

Тихо пискнул интерком: лейтенант Теллер из нижнего грузового отсека.

– Канетти, как у нас дела?

– Идем в безопасном коридоре. Пока все нормально.

– Какие-нибудь сложности?

– Погода, сэр, – ответил Канетти.

* * *

Роджерс принялась изучать рабочие схемы уборочного комбайна, а Теллер сдвинул кресло вдоль палубного ограждения к настенному дисплею. За время полета весь взвод десантников подробно разобрал имеющуюся информацию пару дюжин раз, не меньше, включая и прогон возможных вариантов в симуляторе.

Катер снова завибрировал, но Теллер не отрывал глаз от дисплея. Роджерс видела, как напряжен лейтенант. Теллер провел уже восемь высадок, но каждый раз операция проходила под командованием капитана Брума. На этот раз Брум находился на втором катере, который направился ко второй цели, и Теллер оказался командующим офицером основного отряда. Роджерс знала, что это испытание, что Теллер добивался повышения в звании. Лейтенант уже получил все необходимые сертификаты, но ему нужны были записи о командовании боевыми операциями в личном деле.

– Верхняя часть основного корпуса достаточно велика и там есть плоское место, где мы могли бы сесть, – Роджерс указала на нужную точку.

Теллер только пробурчал что-то неразборчивое.

– Правда, при таком резком ветре нас может снести с верхней площадки, – добавила Роджерс. – И тогда мы врежемся в контрольную башню или в радиомачты.

– В таком случае, лучше отвернуть и садиться на кожух упаковочного пресса, который сбоку, – сказал Теллер. – Там как раз есть большая площадка.

– Согласна, – ответила Роджерс. Впрочем, они уже давно обговорили детали посадки, Теллер просто заново репетировал весь процесс. Это то, что сержант Бозе называл «прочесать частым гребнем»: повторные прогоны возможных ситуаций до тех пор, пока все действия не превращались в автоматические, наподобие мышечной памяти.

Роджерс нажала несколько кнопок на панели управления.

– Канетти был прав, – сказала она. – Погоды тут переизбыток. Очень сильный боковой ветер из-за надвигающейся грозы.

– Значит, точно садимся на упаковочный пресс, – ответил Теллер.

– Я скажу Канетти, – отозвалась Роджерс.

* * *

Теллер смотрел на экран, пролистывая фотографии устройства, к которому они приближались: общий вид и чертежи в разрезе, крупные планы похожих машин за работой и фотографии из рекламных брошюр «Вэйланд-Ютани». Комбайн 868 «Церера», модель для сборки урожая. Общая вместимость 210 000 метрических тонн, 297 метров в длину. Корпус покрыт слоем ярко-желтого полимера, устойчивого к влиянию внешней среды. Чертова громадина.

Теллер был морпехом в четвертом поколении. Он вырос в Аннаполисе[2], и в детстве много часов провел в знаменитом музее Военно-морской академии. Машина для сборки урожая напомнила ему старые авианосцы, стоявшие на приколе в музее, словно трофеи. Древние корабли ушли в прошлое вместе с устаревшей школой военных действий лет за шестьдесят до его рождения. Но дух их продолжал жить в десантных кораблях класса «Конестога», таких как «Монторо» и в еще более массивных боевых крейсерах класса «Геллеспонт» – совокупность принципов дизайна кораблей, когда-то царивших над океанами, была перенесена на космические корабли.

Визуально те же принципы сохранились в конструкции громадных машин для сбора урожая, установленных на гигантские гусеничные траки и запрограммированных на

бесконечный сбор продукции с равнин генномодифицированных агро-миров, таких, как планета LV-KR 115.

Машина, к которой они приближались, с серийным номером 678493, относилась к модели «Конс»[3]. Исполина обслуживала команда из шестидесяти восьми человек, сменявшихся каждые пять лет непрекращающейся круглосуточной работы по посадке, уборке урожая и заморозке собранной продукции. Радиоуправляемые транспортные корабли доставляли готовую продукцию в орбитальные хранилища, откуда ее забирали специальные танкеры. И так пять лет. Жуть, а не жизнь.

«Конс» был одним из двух работающих на LV-KR 115 комбайнов. Через шесть недель после начала очередного цикла команда сообщила о неполадках в работе машины. Затем контакт с командой пропал, а через некоторое время система отслеживания Компании показала, что комбайн сошел с запрограммированной сетки перемещения. «Деметра», второй комбайн, работающий на LV-KR 115, пытался было установить контакт и пять раз посылал на «Конс» спасательную группу, но все попытки провалились из-за плохой погоды. Старший офицер «Деметры» сделал запись в бортовом журнале: «Самые сильные ураганы из всех, когда-либо виденных на LV-KR 115». Имеющаяся информация подтверждала, что планета страдает от сезонных штормов, но последние три месяца в ее атмосфере творилось что-то неописуемое.

Все полеты в атмосфере были прекращены, но десантные катера типа UD4L «Шайенн» относились к всепогодным аппаратам, и видали еще и не такое. Пилоты-десантники тоже были куда лучше обучены, чем обычные контрактники Компании. Теллер был свидетелем того, как Канетти вручную посадил катер посреди песчаной бури, при порывах ветра скоростью до 200 километров в час.

Для того чтобы догнать комбайн, никаких усилий не требовалась. Исполинская машина ползла по равнине с максимальной скоростью семь километров в час, что делало посадку на нее до смешного простой.

К тому же, три недели назад «Конс» вообще остановился.

– По-прежнему думаете, что дело в системе двигателей? – спросила Роджерс.

– Поломка двигателей объясняет остановку машины, но не отсутствие связи, – ответил Теллер.

– Может, проблема с энергетической установкой?

– Включая и запасную? Какое-то уникальное невезение. К тому же, Компания четыре раза пыталась перезапустить системы через удаленную связь. Они не получили сигнала неисправности.

Они вообще никакого сигнала не получили.

– Да я ж говорил, – подключился к разговору сержант Бозе. – Сдается мне, там у какого-то идиота съехала крыша.

Бозе отсоединил ремни безопасности, поднялся на ноги и встал позади их кресел, придерживаясь за страховочную петлю, присоединенную к проходящей над головой штанге. Катер по-прежнему трясло, и Бозе слегка покачивался в такт толчкам и вибрации кабины.

– Может быть, – сказал Теллер. Печально, но факт: несмотря на все меры безопасности, дополнительный запас прочности, дублирующие системы и тому подобные меры, основной причиной поломок дорогостоящих механизмов по-прежнему оставались человеческие действия. Несмотря на жесткую систему отбора и психологическое тестирование, работники на долгих вахтах порой срывались. Один такой деятель с оружием мог уничтожить команду и внутренние системы гигантской машины, что объясняло все имеющиеся факты.

– Мне кажется, это куда вероятнее, чем «может быть», – заметил Бозе.

– Именно поэтому берем пластиковые пули, – Теллеру совершенно не хотелось, чтобы кто-то из его отряда пострадал от случайного перекрестного огня, поэтому магазины ко всему оружию взвода были помечены голубыми наклейками «нелетальные боеприпасы».

Бозе только пожал плечами. Все равно у каждого члена отряда были с собой боевые патроны.

Раздался громкий сигнал.

– Внимание, посадка через две минуты! – прозвучал из динамиков голос Канетти.

– Всем приготовиться! – прокричал Бозе, обернувшись к замершим в посадочном снаряжении десантникам. – Как только загорится сигнальная лампочка, быстро на выход!

Морпехи поднялись и принялись в последний раз перед высадкой осматривать снаряжение, готовые немедленно отсоединить страховочные ремни.

– Защитные щитки, очки, газовые маски, – напомнил Теллер. – В воздухе полно пыли и грязи, причем все это движется с большой скоростью. Постарайтесь как можно быстрее попасть внутрь машины. Лица не открывать, пока все не окажутся внутри. Если мне придется распекать кого-то из вас за очередную дурацкую выходку, я хочу, чтобы вы были в состоянии видеть и слышать весь процесс.

* * *

Канетти плавно двинул штурвал от себя. До поверхности кожуха оставалось метров сорок, катер, включив режим вертикального взлета-посадки, осторожно опускался кормой вперед на минимально возможной скорости. Воздух был до того грязный, что казалось, вокруг машины крутятся хлопья черного снега. Резкие боковые порывы ветра скоростью до 160 километров в час. Нулевая видимость. Канетти включил было омыватели, но стало только хуже: несущиеся в воздухе частицы почвы или мелкие остатки обработанного зерна превратились в жидкую грязь, словно кто-то плеснул черную краску на кварцевое стекло кабины пилота.

Канетти переключился на датчики наблюдения. На экране возникло объемное изображение земли рядом с комбайном и огромной борозды, прорезающей почву – след от гусениц гигантской машины. Пилот отрегулировал изображение, и внезапно прямо перед его носом возник бок «Конса», поднимающийся в высоту, словно стена огромной дамбы.

– Вот дерьмо, – тихо сказал Канетти и резко потянул штурвал на себя. Завыла сирена, предупреждая о возможном столкновении. На панели управления замигали датчики опасности. Катер резко тряхнуло, двигатели протестующе взвыли. Штурвал почти не слушался рук, словно приклеенный. Канетти доверял автоматической системе вертикальной посадки, но сейчас он боялся, что крутящаяся снаружи грязевая взвесь забьет воздухозаборники и сопла двигателей. Автопилот и компьютерная система управления держали катер в воздухе, словно жонглер, балансирующий вращающимися тарелками на конце шпаги. Задача постоянной корреляции посадочных векторов и работы двигателей была не под силу человеку.

– Ну же, давай, – прошептал он.

Комбайн был огромен. Канетти подкорректировал резкость изображения и запустил сравнение изображения с имеющимися чертежами агрегата. Раздался тихий сигнал, подтверждающий, что изображения совпадают. Как пилот и предполагал, глядя на следы гусениц, они приближались к исполинской машине с левого борта. Канетти не хотел доверять своим инстинктам, катер легко могло развернуть в слепящем месиве, через которое они летели.

Он переключил экран на передний обзор и поискал взглядом кожух упаковочной секции. Упаковочный блок представлял собой длинную крытую платформу, напоминающую транспортный ангар с открытыми боковыми погрузочными воротами. Низко нависающая крыша предоставляла мало места для маневрирования. Канетти и автопилоту предстояла непростая

задача: завести катер на платформу под низкой крышей через боковые ворота ангара, почти равные по ширине катеру.

– Приготовиться к посадке, – передал он по радио экипажу. Посадочные двигатели работали на пределе возможностей. Что с автопилотом, что без автопилота, серьезный порыв ветра мог снести катер вбок и смять его о корпус комбайна или же о нависающую крышу погрузочной секции.

– Слушай, тебе хоть нормально платят за такую дерьмовую работенку? – Роджерс говорила спокойно и размеренно, чтобы не нарушить его концентрацию.

– Какое там, – отозвался пилот.

Господи боже, ну кто же делает такую низкую крышу! Резким движением Канетти выключил сигнал, предупреждающий о возможности столкновения. Он и сам видел, насколько опасен маневр, и это завывание действовало ему на нервы.

– Ну, давай, потихонечку… – шептал пилот машине.

Двадцатипятиметровый десантный катер мягко, боком, вплыл в отверстие погрузочного ангара. Даже хвост не поцарапал. Сквозь крутящуюся в воздухе грязь Канетти разглядел палубу ангара и опустил машину.

Контакт. Посадочные шасси спружинили, катер чуть подпрыгнул, и пилот почувствовал легкий боковой дрифт. Металлический скрежет. Катер замер.

– Все на высадку! – закричал Канетти в микрофон.

* * *

Роджерс выдвинула трап и открыла внешний люк. Вихревой ветер в сочетании с резкой переменой давления едва не сбил морпехов с ног. Грузовой отсек мгновенно заполнился крутящейся в воздухе грязью. Теллер слышал, как ее мелкие частички барабанят по броне, а его защитные очки словно поливали из брандспойта.

– Пошли! – резко приказал Бозе по внутренней связи.

Отряд двинулся вперед. Это явно нельзя было назвать самой динамичной или героической высадкой в истории морпехов: медленно продвигаясь против крутящегося вихря, бойцы скорее напоминали классическую цирковую пантомиму.

– Направляйтесь к шлюзу, – приказал Бозе, идущий во главе отряда. – О'Дауд, приготовь этот чертов страховочный трос!

Они шаг за шагом продвигались к шлюзовому люку в связках по пять человек. Идущие первыми тащили специальные карабины для крепления тросов, но идти приходилось медленно, сильно

наклонившись вперед и борясь с ветром за каждый шаг. Последние в группе медленно вытравливали тросы с катушек, закрепленных в грузовом отсеке катера.

– Господи! – протестующе выдохнул рядовой О'Дауд.

– Господь любит тебя, сын мой, – отозвался Бозе. – А ну давай цепляй трос!

Шедший первым в группе Бозе тоже нес страховочный карабин. Он чуть ли не всем телом впечатался в люк шлюза, лихорадочно нашарил крепежный узел, открыл крышку и мгновенно прицепил карабин.

– О'Дауд!

О'Дауд оказался рядом с ним, подтягивая второй трос. Внезапный удар ветра швырнул бойца на дверь шлюза, и он уронил карабин. Страховочный трос был прикреплен к его поясу, и карабин повис, раскачиваясь в воздухе. Морпех попытался вслепую нашарить болтающийся трос, но по ошибке отсоединил свой личный страховочный карабин от троса. Не подозревая, что он больше не связан со страховочной линией, О'Дауд чуть расслабился, и его немедленно сшибло с ног ветром. Морпех упал на бок и ветер потащил его, перекатывая вдоль палубы, пока он не сшиб с ног Теллера, который шел во главе третьей группы. Роджерс, шедшая в связке позади Теллера, ухватилась за его броню, чувствуя, как ее ботинки скользят по палубе ангара. Теллер вытянул руку и ему удалось ухватиться за ремень снаряжения О'Дауда. Судя по чертежам, транслируемым на внутренний экран его очков, Теллер видел, что О'Дауд находился всего метрах в трех от края открытого палубного люка, в пяти метрах под которым зияли стальные внутренности скирдующих механизмов.

– Лейтенант! – закричал Бозе.

– Открывай этот чертов входной люк! – заорал в ответ Теллер, изо всех сил стараясь не выпустить из рук ремень О'Дауда.

Бозе повернулся к люку. Рычажная ручка была покорежена. Сержант попытался найти запирающее устройство, потом включил плазменный резак и разрезал ручку вместе с внутренним затвором.

Электрические системы комбайна не работали, и Бозе вместе с рядовым Белфи пришлось откатывать скользящую дверь вручную. Дверь поддалась на удивление легко, как будто ветер ослабил или расшатал раму люка.

Во входном шлюзе царила темнота. Морпехи один за другим забрались внутрь, последней вошла группа Теллера, таща за собой О'Дауда. Ветер и грязь последовали за ними.

– Закрыть люк! – приказал Теллер. Роджерс и Патор задвинули тяжелую плиту, и шторм остался снаружи.

Ветер прекратился, висящие в воздухе частички пыли и грязи стали оседать. Морпехи по-прежнему слышали, как бушует и грохочет ураган за дверью шлюза, как мелкие частицы воздушной взвеси барабанят по корпусу комбайна, словно потоки тропического ливня. Люди тяжело дышали. Одна за другой включались нашлемные лампы и фонари, освещая пространство, заполненное серым туманом и тенями. Теллер поднял защитные очки на лоб, но видимость почти не улучшилась.

– Открыть внутренний люк! – приказал Теллер, слыша, как тускло и мертво звучит его голос в пыльном воздухе тесного шлюза. Лейтенант чувствовал, как пыль скрипит у него в горле, а нос, казалось, был намертво забит грязью.

– Внутренний люк заперт, – отозвался Бозе.

– Режь механизм, – сказал Теллер.

Бозе снова взялся за резак, и через минуту десантники смогли открыть внутреннюю дверь.

Внутри их встретил затхлый холодный воздух и темнота. Внутреннее освещение не работало, отопление тоже, и, судя по всему, уже давно. Морпехи медленно двигались по коридору, включив фонари и держа оружие на изготовку.

– Гляньте сюда, – Бозе подозвал Теллера и указал на внутренний замок входного люка. Там, где прошелся плазменный резак, блестел свежий срез металла, но сам внутренний замок был покорежен и оплавлен.

– Что это, черт возьми, такое? – спросил Теллер.

– Кто-то расплавил механизм плазменным резаком или автогеном, – ответил Бозе. – С замком на внешнем люке было то же самое.

– Они намертво заперли двери изнутри?

– Не знаю, они ли, но кто-то явно это сделал, – заметил Бозе.

– Но зачем? – спросила Роджерс.

– Чтобы не допустить что-то внутрь? – предположил Теллер.

– Я понимаю. Но что?

– Понятия не имею.

* * *

Прикрывая друг друга, бойцы продвигались через темные внутренние помещения гигантской машины. Внутри была полная пустота без единого признака жизни. Не было видно даже мусора или каких-нибудь обломков. Свет фонарей выхватывал из тьмы

голый металл решетчатых палуб, некрашеные стальные стены, острые углы внутренних переборок. Роджерс наткнулась на стеллаж с тяжелым противопогодным обмундированием, но крюки для защитных костюмов были пусты – на полках остались только некрашеные шлемы, наплечники и пряжки от снаряжения.

– Кому может понадобиться костюм без шлема? – удивилась она.

– Может, кто-то просто замерз? – предположил Белфи.

Роджерс сняла с полки один из шлемов. Сперва ей показалось, что тяжелый лицевой щиток сделан из металла, но перевернув шлем, она обнаружила, что щиток был из стекла, словно покрытого изнутри слоем какого-то серебристого матирующего вещества. Смягчающая подкладка отсутствовала, остались только пряжки и пружинные штифты для лучшей подгонки шлема. Все было покрыто тонким слоем пыли, которая выплыла облачком, когда Роджерс перевернула шлем.

– Мы можем что-нибудь сделать с электричеством? – спросил Теллер.

Готлин порыскала вокруг, нашла на стене распределительный щит и попыталась подключить переносной генератор, но безуспешно.

– Контакты в нормальном состоянии? – поинтересовался Теллер.

Готлин посветила внутрь фонариком:

– Контакты в отличном состоянии, сэр. Даже лучше, чем на «Монторо».

Теллер заметил, что металлические детали электропанели блестят под лучом фонаря, словно хромированные.

– Погоди, посвети-ка туда снова, – сказал Теллер, и Готлин повела фонарем, освещая стену вокруг щита. Электропроводка отсутствовала. Не было ни кабелей, ни подсоединенных к панели проводов, ни кабельных каналов. В одном месте на стене виден был старый грязный след от электрокороба. Остались только металлические контакты для проводки.

– Они срезали всю проводку? – спросила Готлин.

– Может, провода понадобились для какого-то ремонта? – предположил Белфи.

Теллер покачал головой:

– Не похоже, чтобы провода срезали. Такое впечатление, что они просто исчезли.

* * *

Морпехам пришлось разрезать замки еще четырех люков, прежде чем они добрались до пульта управления комбайна. За третьей дверью луч фонаря Белфи внезапно выхватил из тьмы несколько небольших металлических предметов на полу.

– Что там такое? – спросил Теллер.

Белфи присел на корточки и собрал детальки в ладонь:

– Сэр, здесь пряжка от ремня. И обручальное кольцо. И еще… даже не знаю, что это…

Теллер глянул повнимательнее: маленькие металлические предметы казались странно знакомыми, но вне привычного контекста память не сразу подсказала ответ:

– Это эглеты.

– А что это такое?

– Металлические наконечники для шнурков от ботинок.

* * *

В контрольной рубке было темно; десантники осторожно пробирались между многочисленными рабочими консолями и креслами.

– Это что у них, окна? – спросила Роджерс, направляя луч фонаря на стену.

– Должно быть, да, – ответил Теллер.

– Сержант! – позвала Роджерс. – Посмотрите, нельзя ли поднять штормовые защитные щиты с окон?

– Слушаюсь, – отозвался Бозе.

– Смотрите, здесь с проводами все в порядке. И кабели, и проводка на месте. Рабочие станции на вид почти как новые, – заметила Готлин.

– Попробуй включить хоть одну, – обратился к ней Теллер. – В первую очередь нас интересует архив, бортовой журнал и канал связи.

Готлин принялась за работу.

– Лейтенант? – донесся голос Бозе.

– В чем дело?

– Нам удалось поднять защитные панели с окон.

Теллер и Роджерс прошли в переднюю часть помещения к окнам. За окнами была полная чернота, как будто противопогодные щиты по-прежнему были на месте.

– Вы уверены, что подняли их? – спросил Теллер.

– Абсолютно, – последовал ответ Бозе.

– Неужели так темно из-за урагана? – удивилась Роджерс.

– Нет, похоже, что-то случилось с самим стеклом, – ответил

сержант.

Теллер отцепил свои очки от шлема и посветил фонарем на стекла: антибликовое покрытие исчезло. Внешняя сторона линз была шершавой, как будто ее потерли наждаком, и из-за огромного количества микроцарапин стекла казались почти матовыми.

– Это что, из-за пыли? – спросила Роджерс.

В этот момент зажегся один из экранов и послышалось металлическое пощелкивание: Готлин удалось подсоединить переносной источник питания и включить одну из рабочих станций.

Теллер подошел к ней:

– Ну, что тут у нас?

– Практически ничего, сэр, – ответила Готлин. – Память или стерли, или забэкапили где-то, куда у меня нет доступа. Бортовой журнал отсутствует.

– Как насчет связи? – спросила Роджерс.

– Сейчас попробую восстановить, – Готлин вернулась к работе.

– Попробуй проверить автоматический журнал выполнения работ, – подсказал Теллер. – Комбайн должен вести учет маршрутов и заданий для подтверждения выполнения квот.

– Отличная идея, – отозвалась Готлин. – Эти записи полностью автоматизированы и практически не поддаются уничтожению.

Она напечатала несколько команд, и по экрану поплыли столбцы данных. Видимость была плохая. Роджерс попыталась было протереть экран и обнаружила, что дело не в скопившейся пыли: монитор был затерт так же, как стекла очков.

Готлин пристально вглядывалась в экран:

– Ага, здесь записи о маршруте комбайна. А здесь временные показатели по дням и по часам. Так, а это что такое?.. Данные об объеме собранного урожая. Боковая шкала – это координаты, мы можем ориентироваться на них. Похоже, за последние три недели никаких данных нет. Вообще ничего, информация о перемещении агрегата отсутствует. Судя по всему, последние три недели этот красавчик с места не двигался.

– А что в последней имеющейся записи? – спросила Роджерс.

– Сейчас гляну… это было три недели назад… запись неполная, как и за предыдущие девять недель. Комбайн находился в движении, но уборка урожая не производилась. Или не регистрировалась. Погоди-ка, здесь есть какой-то дополнительный код. Сейчас разберусь, только подберу к нему ключ. Код предваряет каждую запись за эти девять недель. Ага,

поняла. Код означает «уклонение от запрограммированного курса».

– Ты хочешь сказать, что все девять недель «Конс» двигался не по курсу? – уточнил Теллер.

– Это совпадает с данными, полученными Компанией, – ответила Роджерс. – Комбайн сошел с рабочего курса, и никто не знает, почему.

– Нужно глянуть на данные в самом начале этих девяти недель, – подсказал Теллер. – А это что такое?

Плотный поток цифр и кодов заполнил экран. Готлин принялась печатать команды:

– Здесь как раз данные о неисправности.

– То есть о событии, с которого начались все проблемы, – прошептала Роджерс.

– Подробности есть? – спросил Теллер.

– Хм… сейчас посмотрим… ага, вот оно! Похоже, «Конс» с чем-то столкнулся. Комбайн убирал урожай и налетел на что-то в поле. Режущие лезвия получили легкие повреждения, ничего серьезного. Но то, с чем он столкнулся, было довольно больших размеров. Здесь есть прикрепленный файл.

– Открывай! – скомандовал Теллер.

– Слушаюсь! – усмехнулась в ответ Готлин.

На экране появились фотографии. На размытых снимках, сделанных сверху беспилотником, был виден комбайн и бескрайний океан зерна вокруг него. Погода тогда явно была получше – снимки были сделаны до прихода ураганов.

Прямо перед комбайном виднелось что-то темное, массивное, полускрытое высокими колосьями.

– Можно увеличить изображение? – попросил Теллер.

– Увеличить не получится, но в файле есть пара крупных планов, – ответила Готлин и открыла дополнительные изображение.

– Вот черт, что это вообще такое? – удивился Теллер.

* * *

Ураган как-то внезапно улегся. Канетти, сидящий в кабине пилота, неожиданно понял, что за окном становится светлее. Черная грязевая взвесь медленно редела, уступая место странному желтоватому полумраку. Ветер слабел, и вибрация прекратилась.

Пилот глянул наружу через обзорный иллюминатор. В воздухе все еще плавала пыль, и свет был тусклый, словно лучи

солнца проходили через завесу дыма. Но теперь Канетти мог видеть что-то за пределами ангара. Он даже видел землю – голую и серую.

Пилот включил связь:

– Канетти на связи. Ураган прекратился, и видимость улучшается.

– Вас поняла, Канетти, – голос Роджерс потрескивал в наушниках.

– Что у вас там делается?

– Все еще пытаемся разобраться, что здесь произошло, – ответила Роджерс.

– Может, мне выйти и оглядеться здесь снаружи? А то из кабины много не увидишь.

– Хорошо, но будь осторожен. И перед выходом свяжись со вторым отрядом.

– Понял, – Канетти переключил канал связи. – Второй, Второй, вызывает Первый. Второй отряд, вы меня слышите? Вызывает Первый. Как слышите?

В ответ не было ни звука, кроме тихого посвистывания атмосферных помех.

– Второй отряд, второй отряд, прошу ответить капитана Брума. Второй отряд, доложите обстановку. Вам удалось добраться до «Деметры»?

Молчание. «Наверное, дело в помехах и в погоде», – подумал Канетти. Он оставил канал открытым, переключил шлем на мобильную связь и отстегнул ремни безопасности.

Снаружи налетающие порывы легкого ветра тянули его за одежду. Тонкая как мука пыль висела в воздухе, и мир за пределами ангара был залит янтарным светом. Мертвое пустое небо висело над мертвой землей, запорошенной мелкой пылью. Пилот прикинул, что видимость была около двух километров, дальше все опять терялось в дымке.

Все прерии Земли казались крошечными перед равнинами планеты LV-KR 115. Огромные, абсолютно плоские, без гор и неровностей, они представляли собой идеальное место для массового выращивания зерновых культур.

«Вейланд-Ютани» терраформировала почву, насытив ее азотом, после чего равнины северного и западного полушарий были засеяны высокоурожайным генномодифицированным самовоспроизводящимся сортом пшеницы. Компания с гордостью объявила, что равнины LV-KR 115 будут приносить несколько урожаев в год, и пройдет не менее девяноста лет, прежде чем планете понадобится новый цикл терраформирования и внесения азотных удобрений в почву.

«А где же пшеница?» – подумал пилот. «Конс» сошел с курса и находился в районе, где систематический сбор урожая еще не проводился. Но насколько хватало взгляда, вокруг была только голая черная земля.

– Что это за яма? – спросила Роджерс.

– Это натуральное образование? – поинтересовался, в свою очередь, Бозе. – Типа провала?

Теллер еще раз глянул на снимки:

– На природное явление не похоже. Точнее, это что-то органическое. Как будто оно кем-то построено.

Углубление в почве, о котором они говорили, было метров пятьдесят в ширину. Края отверстия покрывали странные складки, вызывавшие неприятное впечатление органической ткани. Все в целом напоминало гортань или схожую часть живого существа.

– Такое впечатление, что комбайн наехал на эту штуку и снес всю верхушку, – сказала Готлин. – Так сказать, вскрыл ее.

– И выпустил что-то наружу, – добавила Роджерс.

– Что, черт побери, ты хочешь этим сказать, Роджерс? – спросил сержант.

– То, что все это напоминает гнездо.

– Что, снова предстоит охота на жуков? – раздраженно отозвался Белфи. – Вот черт, только не говорите мне, что это жуки.

– Пока ничего еще не понятно, – Теллер отозвал Роджерс в сторону. – Слушай, ты знаешь что-нибудь наверняка?

– Я знаю, что Канетти не удается связаться с «Деметрой» или со вторым катером, – ответила та.

– Понятно. Но я не это имел в виду.

Роджерс пожала плечами:

– Я родом с юго-запада и знаю, как выглядит гнездо термитов или муравейник.

– Отлично, но здесь…

– Термиты могут десятилетиями оставаться в спячке, – прервала его Роджерс.

– Ты говоришь про саранчу.

– Какая разница – один и тот же принцип применим к разным видам. Если это гнездо, то его обитатели могли спать, пока «Конс» не срезал верхушку и не разбудил их. А если у них есть какой-то цикл кормежки, то, благодаря Компании, к их услугам оказалась целая планета зерна.

– Но «Вейланд-Ютани» должна была обнаружить что-то подобное во время разведки и терраформирования планеты.

– Да, конечно, – язвительно заметила Роджерс. – А то они

раньше не делали ошибок. «Конс» явно разбудил какую-то форму жизни, и она объедает все дочиста: органику, одежду, любые материалы, включая изоляцию проводов… даже ботинки.

Теллер внезапно побледнел:

– И людей. Посмотри, на комбайне все съедено до голого металла. Команда спасалась, закрываясь в помещениях все ближе к центру управления. Тем временем, эти существа съели все внутри машины, пока не уничтожили системы управления, после чего комбайн просто замер.

– Ты хочешь сказать, они заперлись в центре управления? Но где же они тогда? – Бозе невольно схватил Теллера за плечо.

Теллер огляделся:

– Гляньте-ка сюда.

В самом конце помещения находился ряд металлических запирающихся шкафов. Бозе и Белфи попытались было их открыть, но пришлось воспользоваться плазменным резаком, потому что дверцы были заварены изнутри.

Одному богу было известно, какая судьба постигла остальных членов экипажа комбайна, но последние четверо умерли здесь, в этих шкафах, словно в гробах, которые они сами закрыли за собой.

Теллер смотрел на иссохшие останки внутри шкафа. «Голод, – подумал он. – Голод и жажда».

– Но почему они не вышли наружу? – Глаза Готлин были расширены от ужаса. – У них же были резаки.

– Потому, что не знали, безопасно ли снаружи, – ответила Роджерс. – Они боялись.

– Сворачиваем операцию! – приказал Теллер. – Всем немедленно вернуться на катер.

Бозе попытался было возразить:

– Но если это опять жуки, мы могли бы…

– Мы ничего не можем сделать, – твердо сказал Теллер. – Если гипотеза Роджерс верна, то мы имеем дело с внеземным хищником огромных размеров. К тому же это не единая цель, а организм, состоящий из бесчисленного множества мелких особей. Вы отличный стрелок, сержант, но сколько у вас с собой патронов? И каковы ваши шансы в стрельбе по стае космической саранчи?

– Вот дерьмо, – Бозе помрачнел.

– Компании придется засыпать планету бомбами с ядохимикатами, – заметила Роджерс.

– Всю планету? – уточнил Белфи.

– И эта странная погода, – задумчиво продолжала Роджерс. – По-моему, катастрофические возмущения в атмосфере это

результат перемещения громадного роя.

– Ты это серьезно? – ужаснулся Патор.

– Сам подумай. Эти космические жуки годами спят, а потом просыпаются для цикла кормежки. Скорее всего, в прошлом они начисто объедали все на равнинах, после чего опять впадали в спячку в ожидании момента, когда восстановится растительность. Обычный жизненный цикл. Но Компания засеяла планету быстрорастущей, высокоурожайной и самосеющейся пшеницей. У жуков появился нескончаемый источник пищи. А теперь представь себе, до какого размера может вырасти рой, если ничто ему не препятствует?

– Господи Иисусе, – прошептал О'Дауд.

– Получается, что при посадке это был не ураган, – заключил Теллер. – Это была воздушная волна от прохождения роя.

* * *

Канетти подошел к краю погрузочной платформы и вытянул шею, чтобы глянуть на боковую поверхность комбайна. Он ожидал увидеть ярко-желтую краску, какой были выкрашены машины на всех фотографиях в рекламной брошюре, но поверхность машины в призрачном желтоватом свете выглядела, как неокрашенный металл. Он протянул руку и дотронулся до стены. Голый металл был шершавым, словно обработанным пескоструем.

Внезапно его накрыла тень, и Канетти глянул вверх.

Ураган возвращался. Небо почернело, видимость быстро падала. Внезапно налетел сильный порыв ветра. Стена тьмы мчалась через равнину по направлению к комбайну.

Несущееся облако мрака поднимало перед собой облака пыли и сухой грязи. Сама надвигающаяся стена представляла собой кипящую, клокочущую черную массу с редкими проблесками чего-то блестящего.

Шатаясь под порывами ветра, Канетти вернулся к трапу катера и вцепился в стойку, боясь, что ураган свалит его с ног. Воздух был полон песка и грязи. Пилот еще раньше снял маску с очками, и теперь почувствовал, что его руки и лицо иссечены до крови. Дышать было невозможно.

А потом черный вихрь накрыл комбайн.

У человека не было даже времени вскрикнуть. Миллиарды мелких черных существ заполнили все пространство вокруг пилота, и он исчез, словно искромсанный бесчисленными лезвиями. На палубу ангара свалился наплечник от брони.

Потом металлические детали наушника связи.

И до блеска отполированная металлическая пряжка от ремня.

* * *

Морпехи бежали к входному люку, когда комбайн внезапно вздрогнул и покачнулся, как от удара. Огромная машина тряслась и вибрировала. Завывающий вихрь проник через люки, которые они вскрыли, и мчался по коридорам им навстречу.

– Назад! – закричал Теллер. – Все назад!

– Куда?! – закричал в ответ Бозе.

Лейтенант не знал, что ответить.

– К шкафам?! – Роджерс пришлось кричать, чтобы перекрыть вой ветра.

Ужасная, непереносимая мысль. Но все понимали, что сейчас это единственный шанс на спасение.

Шанс, в любом случае, чисто теоретический, потому, что центр управления остался двумя этажами выше, а черная ревущая масса, мчащаяся по коридорам, уже почти добралась до людей.

Без всякой надежды они повернулись и побежали обратно.

Все, кроме сержанта Бозе, который навел плазменную винтовку на приближающийся рой и открыл огонь.

Это было все, что он мог сделать. Последнее, что он мог сделать. До последнего дыхания оставаться морпехом и прихватить с собой как можно больше врагов.

Он продолжал стрелять и кричать что-то до того мгновения, как рой поглотил его.

Сломанный
Рэйчел Кейн

– Включен.

Это были его первые слова, когда он открыл глаза. Они функционировали безупречно, но поток информации, полученный через оптические рецепторы, буквально затопил его, и ему понадобилось мгновение, чтобы обработать полученные данные. Это заняло примерно наносекунду, а потом он моргнул, поскольку, когда лубрикант увлажнял поверхность его глаз, они выглядели совершенно как человеческие.

Он знал, что он не человек. Знание было заложено в его систему вместе с различными терминами, описывающими его сущность. Андроид. Синтетик. Робот. Искусственный человек.

Он решил, что последний термин ему подходит, улыбнулся стоящему перед ним человеку и произнес:

– Здравствуйте.

Стоящая перед ним женщина не обратила на его слова ни малейшего внимания, продолжая что-то набирать на планшете. Внезапно он понял, насколько громко работает ее организм, и

отрегулировал свои рецепторы, снижая чувствительность до приемлемых уровней, чтобы пульсирующий рокот сердца, шум текущей крови, звуки, издаваемые ее пищеварительной системой и легкими, не отвлекали его. Теперь он слышал только постукивание ее пальцев по экрану планшета, легкий гул электронных приборов вокруг, тихий шорох воздуха в вентиляционной системе. Информация поступала со всех сторон, но его мозг обрабатывал, идентифицировал и складировал сведения без малейших затруднений.

Женщина – первый Настоящий Человек в его жизни – слегка нахмурилась, и он быстро сверился с базовыми данными, чуть расширил глаза согласно запрограммированным параметрам, понизил тембр голоса до более теплого участливого тона и спросил:

– У вас какие-то неприятности? Могу я чем-то помочь?

Женщина подняла на него взгляд, и он внезапно почувствовал странный всплеск в системе, что-то вроде сбоя контура. Что это было? Мгновением позже аналитическая система выдала ответ и обозначила испытываемое ощущение как эмоцию. Женщина была раздражена, а он… он сожалел об этом. Внезапно ее плечи напряглись, и теперь ее поза выражала… что? Подозрение?

– Номер Эйч-Эс-Семнадцать-Би-Сорок-восемь-Икс-Джи-Пять-Ди-Пять, ты будешь отзываться на имя Бишоп. Понял?

Ее голос представлял чудесное сочетание сложных обертонов, и он оставил для себя запись, чтобы проанализировать ее позднее. Но необходимо было ответить на заданный человеком вопрос, что он немедленно и сделал:

– Я понял, доктор Сасаки. Рад с вами познакомиться.

– Я не называла своего имени, – женщина нахмурилась еще сильнее.

– Прошу меня извинить, доктор Сасаки, я прочитал его на вашей именной табличке. Надеюсь, это не проблема? – он снова улыбнулся. Улыбка казалась наиболее подходящей реакцией в данной ситуации, и он выбрал вариант «обеспокоенная» из имеющихся в базе данных. – Я сделал что-то не так?

Она надолго задумалась, не отрывая пальцев от рабочего экрана, потом покачала головой:

– Нет, Бишоп, все в порядке. Ступай к остальным.

Она указала на дверь в противоположной стене комнаты. Комната была белая и пустая, кроме доктора Сасаки здесь больше никого не было. Доктор Сасаки тоже была одета в белое – в облегающий комбинезон, капюшон которого полностью закрывал ее волосы. Единственными пятнами цвета в окружающей его

белизне были черные буквы на табличке с ее именем и выпуклым значком компании «Вейланд-Ютани», ее кожа – янтарного оттенка – и ее глаза, цвет которых в базе данных был представлен как темно-коричневый. Даже ее рабочий планшет, по крайней мере, та сторона, которую он мог видеть, был такого же стерильно-белого цвета, как и все вокруг.

Продолжая анализировать обстановку, Бишоп повернулся и взглянул, куда она показала. Позади него была дверь, а за ней – еще одно помещение.

Вместо того чтобы шагнуть в том направлении, Бишоп наклонил голову и посмотрел вниз, потому что поверхность, на которой он стоял, резонировала по-другому, чем весь пол. Под его ногами был круглый люк, состоящий из двух створок, под которым ощущалась пустота.

– Что это такое, доктор Сасаки? – спросил он и, поняв, что сформулировал вопрос неточно, добавил: – На чем я стою?

– А ты любопытный, – ее голос изменился, и он занес изменения тона в память для дальнейшего анализа. – Это предохранитель. Синтетик твоего типа при активации может проявить признаки… нестабильности. Вероятность подобного очень мала, но она существует.

– Я понимаю, – Бишоп не отрывал глаз от створок. – Люк открывается. Куда он ведет?

– Шахта ведет вниз, к машине, которая разбирает дефектный экземпляр на составные части для повторного использования.

Бишоп стоял над помещением для уничтожения таких, как он.

Он сошел с люка. Это не было сознательным решением, но его процессор – его мозг – отдал приказ в интересах самосохранения. Искусственный орган, отвечающий за циркуляцию гидравлической жидкости в его теле, увеличил скорость потока.

Он не хотел умирать.

– Благодарю вас, доктор Сасаки, – сказал он со всей запрограммированной вежливостью и прошел в соседнюю комнату, слыша, как за его спиной она глубоко вздохнула и дрожащим голосом прошептала фразу на языке, значащимся в базе как японский.

«Мне стоило бы отправить его на переработку».

Он ощутил еще один всплеск эмоции, теперь уже другой.

Печаль.

В соседней комнате сидели четверо синтетиков. Они были одеты в серые комбинезоны с логотипом корпорации «Вейланд-Ютани» на воротнике, и это было их единственное отличие от

стоящего перед ними Бишопа, на котором не было ничего, кроме его искусственной кожи.

– Добрый день, – поздоровался он. – Меня зовут Бишоп.

Остальные встали с безупречной синхронностью движений. Они обменялись информацией на недоступной для человеческого уха – но слышимой ему частоте – и один из них сказал:

– Я Рук.

Остальных звали Касл, Кинг и Найт.

– Кто-то здесь любит шахматы[4], – Бишоп улыбнулся, потому что испытываемое им ощущение осознавалось как веселье. За ним последовало беспокойство, поскольку никто из четверых не ответил на его улыбку. Они молча смотрели на него, клинически анализируя и препарируя информацию.

– Нам дали имена, соответствующие названиям шахматных фигур, – произнес Найт. Это был тот же голос, голос Бишопа, но интонации звучали плоско и мертво. – Я не понимаю, почему это должно означать, что кто-то любит шахматы.

– В этом я не могу тебе помочь, – Бишоп продолжал исследовать окружающую обстановку. Комната была белой, как и предыдущая, но здесь отсутствовал предохранительный люк в полу, зато стояли два жестких белых дивана, рассчитанных на троих каждый. На низком столике в середине комнаты – столик тоже был белый и Бишоп внезапно понял, что этот цвет начинает ему приедаться, – лежал аккуратно сложенный комбинезон, точно такой, какие были надеты на его собратьях. Мог ли он называть их братьями? Он развернул комбинезон, быстро и аккуратно натянул его поверх своей искусственной кожи, застегнул молнию и спросил:

– Что теперь?

Остальные четверо синхронно сели. Он слышал общий для всех поток информации и команд, но вместо того, чтобы присоединиться к ним, Бишоп предпочел остаться стоять, скрестив руки на груди.

Четыре идентичные пары глаз смотрели на него – коричневые, но светлее, чем у доктора Сасаки, – пока он изучал абсолютно одинаковые, чуть усталые черты их лиц. Бледная кожа, высокий выпуклый лоб, густые каштановые волосы. Глубокие морщины, идущие от носа к уголкам рта.

Глядя на сидящую перед ним четверку, он видел чужие лица, а не собственные отражения.

Все четверо синхронно повернули головы к двери в дальней стене комнаты. Бишоп тоже услышал активационный код, но специально дождался, пока дверь открылась, и только тогда посмотрел в ту сторону.

Молодой, плотного сложения мужчина – настоящий человек, раздраженный и скучающий – заглянул в комнату:

– Выходите. Вам пора на отправку.

– На отправку куда? – спросил Бишоп. Его вопрос явно удивил человека и тот нахмурился, в точности как доктор Сасаки. «Мои реакции выходят за рамки стандартных параметров, – подумал Бишоп. – Но не настолько, чтобы отправить меня на смерть в ту камеру под люком. Что это значит? Я странный? Дефектный?»

«Другой, – подумал он следом. – Я просто другой». Дождался всплеска эмоции и идентифицировал яркую вспышку как… удовлетворение.

– Заткнись и шагай, – приказал человек, и Бишоп выполнил приказ, намеренно делая более длинные шаги и двигаясь не в такт остальным четверым, шагавшим абсолютно синхронно.

Другой.

* * *

– Мать твою, смотри, куда стреляешь! – рев лейтенанта Ларсена был адресован рядовому Пикскиллу, положившему очередь слишком близко к вопящей в ужасе группе местных жителей. Гражданских было много, они сидели, пригнувшись, или лежали вокруг; по меньшей мере пять мертвых тел распростерлись посреди исклеванного пулями пола, прямо под разбитым стеклянным окном в потолке.

Безоружный Бишоп скорчился за колонной рядом с Ларсеном. Остальная часть взвода, включая Пикскилла, оказалась на противоположной стороне большого зала, который служил местом для собраний, а заодно и торговой площадью для недавно основанной колонии Хаарса. Бетонные колонны переходили в изящные арки, противоположную стену зала украшала прекрасная стеклянная мозаика, сильно пострадавшая от пуль и осколков. Хаарса планировалась, как показательный образец работы Отдела терраформирования компании «Вейланд-Ютани». Бишоп припомнил, что местное население состояло из сорока семи колонистов. По его подсчетам, по крайней мере половина из них к настоящему моменту была мертва, что сулило неприятные результаты в квартальном отчете о прибыли и убытках.

– Извини, Лью! – прокричал в ответ Пикскилл и открыл огонь по нависающему над залом балкону. Пули вгрызались в бетон, дерево, стекло и сталь над их головами, разнося на мелкие осколки витрины магазинчиков и заставляя искры сыпаться из

перерезанных электрокабелей. Бишоп уменьшил чувствительность слуховых рецепторов, но даже после этого услышал другие звуки, когда пули нашли живую цель, разрывая плоть, кости и внутренние органы.

– Пикскилл уложил одного из них, – доложил Бишоп лейтенанту Ларсену, что впрочем, было и так понятно по победному воплю Пикскилла на другом конце зала.

Бишоп продолжал прислушиваться.

– Остальные отходят, сэр. Не думаю, что нам удастся выкурить их отсюда подобными методами, к тому же, у нас мало времени. Корпорация не собирается рассмотреть вопрос о выкупе?

В данный момент колония Хаарса была захвачена преступниками, называвшими себя «Группой Эф». «Группа Эф» пополняла свои ряды из числа бывших солдат, Колониальных морпехов, наемников и вообще всех, чья алчность и отсутствие моральных стандартов соответствовали духу группы. Пираты высаживались на колонизированных мирах, захватывали мирное поселение, убивали столько заложников, сколько было необходимо, чтобы компания-владелец поняла серьезность их намерений, после чего выставляли финансовые условия корпорации «Вейланд-Ютани» или ее конкурентам, в зависимости от того, кто владел данной колонией. Получив требуемое, налетчики исчезали до следующего грабежа. Бишоп подумал, что подобную тактику быстрой наживы объективно можно было назвать блестящей.

Но в этот раз все пошло не так просто потому, что подразделение морпехов под командованием лейтенанта Ларсена по прозвищу «Везунчик» оказалось меньше чем в дне полета от планеты. И корпорация «Вейланд-Ютани» решила, что хватит платить «Группе Эф».

* * *

– Чтоб его… – с отвращением проворчал Ларсен. – Бишоп, сколько еще живых в «Группе Эф»?

Лейтенант был невысок и крепко сложен. Длинный, похожий на неровный шов, шрам рассекал его лицо почти посередине, слегка съезжая вбок на носу, левую сторону шеи покрывали грубые рубцы от ожогов. Понятно было, почему подчиненные прозвали своего лейтенанта Везунчиком.

– По моим подсчетам должно быть около тридцати, за вычетом последнего, которого уложил рядовой Пикскилл. У них одиннадцать заложников, включая четырех детей.

«Группа Эф» любила брать детей в заложники, полагая, что это ускоряет решение вопроса с выкупом. Бишоп подумал, что испытываемое им ощущение называется даже не гнев, а скорее отвращение.

– Слишком много, своими силами нам их отсюда не выкурить, да и приказ у нас другой, – как показалось Бишопу, лейтенант был непривычно мрачен. – Ладно, пора уводить тех, кого сможем. Бишоп, собери всех, кто способен передвигаться, отведи к челноку и отвези на корабль. Проверь всех раненых, которые годятся в заморозку, но не забывай, что у нас только двенадцать запасных криокамер.

– Слушаюсь, сэр, – Бишоп встал, но, несмотря на четкий приказ, не спешил отправиться выполнять задание. – Сэр, если мы не собираемся преследовать «Группу Эф», то как мы освободим заложников?

– Никак, – ответил Ларсен. – У нас приказ: взорвать центральные конвертеры и эвакуироваться с планеты.

– Сэр, я не понимаю. Если мы взорвем центральные конвертеры, основные помещения колонии окажутся заполненными газом «Превокс». Погибнут все, у кого не будет масок, – Бишоп мог бы добавить: «погибнут мучительной смертью», но не стал. Ларсен и так знал, как действует «Превокс», поскольку нестабильный и опасный газ являлся одним из основных компонентов, необходимых для процесса терраформирования.

– К счастью для нас, кодировка масок завязана на нашу систему, так что «Группа Эф» не сможет ими воспользоваться, даже если они доберутся до склада, – заметил Ларсен. – Ибарра уже перекрыл им доступ.

Бишоп почувствовал, как искусственные мышцы его лица сокращаются, придавая ему трагичное выражение:

– Но это означает, что погибнут все, включая заложников.

– Да, Бишоп, ситуация дерьмовая, мне это известно, но мы все равно ничего не можем сделать. Нужно спасти тех, кого мы еще можем спасти. Иди, выводи людей к транспортнику. Это приказ.

Бишоп понял, что лейтенанту совершенно не нравится вся эта ситуация, независимо от полученного приказа. Настоящие люди (про себя Бишоп называл их биологическими) могли ослушаться и не выполнить приказ, но редко это делали, особенно, когда за невыполнение грозили серьезные последствия. «Можно подумать, – заключил он, – что между настоящими и искусственными людьми практически нет серьезных различий. Но у искусственных, по крайней мере, имеется оправдание –

заложенная изначально программа».

Бишоп прикинул, насколько реально убедить Ларсена нарушить приказ, и пришел к выводу, что это вряд ли удастся. Везунчик придерживался прагматичного взгляда на военные действия и не боялся ни убийств, ни жертв среди мирного населения. С точки зрения лейтенанта колония Хаарса превратилась в зону боевых действий, гибель какого-то количества невинных людей была неминуема, а его основной задачей было позаботиться о выживании своих солдат.

Бишоп вышел в атриум, успокоил перепуганных колонистов и приказал им отправиться вместе с группой Пикскилла на корабль. Сам он продолжил методично проверять состояние пострадавших. Семеро были мертвы, а двое в таком тяжелом состоянии, что никакие усилия медицины и криокамера уже не могли им помочь. Оставалось десять человек, которых можно было отправить в заморозку, и Бишоп, связавшись с кораблем, попросил выслать за ними транспортную группу.

Ларсен направился к центральному пункту управления, на ходу сверяясь с картой колонии. Бишоп спокойно объяснил тем из раненых, кто способен был слышать его, что они в безопасности и что им предстоит эвакуация на корабль, где они получат медицинскую помощь. Он старался не слушать крики и стоны тех, кого он пометил красным кодом, как «безнадежных», зная: он не ошибся в оценке их шансов на выживание; ничто не могло им помочь; его решение не было случайностью.

Тем более странно было, что когда прибывшие с корабля медики, Патель и Люо, принялись грузить раненых, отмеченных желтым кодом, на носилки, Бишоп прошел к «безнадежным», к тем, кого оставляли позади, чтобы уверить их, что все в порядке, и успокоить. Он стал говорить им, что их ждала смерть.

Один умер за то время, пока он разговаривал с ними. Еще один – прежде, чем он подошел к нему.

Когда он, наконец, поднял голову, вокруг никого не было. В опустевшем атриуме было совершенно тихо, если не считать свист ветра, врывающегося через разбитое стекло потолка. Мертвые молчали, и молчал разбитый, изрешеченный пулями бетон вокруг них.

– Бишоп! – Ларсен смотрел на него вниз с балкона. – Всех забрали?

– Да, лейтенант.

– Так какого дьявола ты тут делаешь? Отправляйся на корабль. До взрыва конвертеров осталось меньше пяти минут.

Бишоп обдумал приказ. Вычисления заняли какие-то наносекунды, но он знал, какое решение примет, еще до того, как

система выдала результат. Может быть, он на самом деле был дефектным экземпляром. Настоящий Искусственный Человек просто не мог принять решение до окончания обработки данных.

– Я могу взять с собой несколько масок для заложников. Я успею к ним до взрыва.

– Нет.

– Мне не нужно дышать…

– Бишоп, я сказал «нет». Ты являешься имуществом Компании, и я не собираюсь оставлять тебя здесь, чтобы в тебя насажали пуль, или чтобы «Группа Эф» тебя перепрограммировала. Ты хоть представляешь, сколько ты стоишь?

Бишоп моргнул, но не потому, что его глазам в данный момент требовалась смазка, а просто, чтобы дать себе мгновение заново осмыслить информацию. «Для лейтенанта Ларсена я имущество, а не член его команды. Я просто машина. Дорогая машина, которую он не хочет потерять, потому, что с него за это спросят». Это был тот же холодный расчет, по которому в «Вейланд-Ютани» приняли решение дать погибнуть колонии Хаарса и всем ее обитателям только для того, чтобы дать понять «Группе Эф», что Компания больше не собирается платить пиратам.

Это был ультиматум, ультиматум, написанный кровью… и лейтенант Ларсен готов был подписать его. Но не ценой синтетической крови.

Искусственный человек Бишоп вышел из атриума и направился в глубь колонии по уходящему вниз коридору, не обращая никакого внимания на раздающиеся позади крики и приказы Ларсена. Он понимал, что лейтенант не станет его преследовать. Везунчик был не настолько глуп, чтобы рисковать своей жизнью в подобной ситуации. Если Бишопу удастся спасти заложников, Ларсен объявит это своим успехом. Если нет – вся вина ляжет на пиратов.

Бишоп слышал, как лейтенант бегом направился к выходу из колонии, но он как раз дошел до шкафа с аварийным оборудованием и рывком оторвал дверцу. На висящих в ряд масках светились красные индикаторы, подтверждая, что система жизнеобеспечения отключена. Бишоп снял маску с полки, открыл крышку процессора и сломал крохотную проволочку, предохраняющую систему от внесения изменений. Он проделал то же самое со всеми масками, после чего синхронизировал системы масок со своим процессором и заложил новую программу.

Заложников было одиннадцать. Он взял одиннадцать масок,

засунул их в эластичный рюкзак и побежал дальше к центру колонии Хаарса.

Дверь с надписью «ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА» была слишком тяжела и массивна, чтобы он мог ее сломать, но программа – взломщик паролей (изначально предназначенная только для официального использования Компанией) справилась с замком за пятнадцать секунд. Выведенный на сетчатку левого глаза бледно мигающий таймер показывал, что до взрыва конвертеров осталось менее двух минут. Потребуется какое-то время, чтобы концентрация газа достигла летальных показателей, но «Превокс» связывался с кислородом, что означало, что все дышащие организмы умрут еще до того, как наступит полная интоксикация.

Дети умрут первыми.

Бишоп попробовал было подсчитать, насколько быстрее наступит смерть для детей, но у него не было достаточно данных. Он отменил подсчет и побежал быстрее, изо всех сил напрягая искусственные связки и мышцы и заставляя гидравлические системы работать на пределе возможностей.

Из-за его скорости первые выпущенные по нему пули прошли далеко в стороне и Бишоп успел сменить курс и нырнуть под защиту выступа стены, прежде чем услышал новый грохот выстрелов. Пули откалывали острые куски бетона вокруг него. Он почувствовал боль, глянул на свою руку и увидел, что один из осколков прорезал синтетическую кожу, из-под которой сочилась густая белая жидкость. В разрезе виднелись бледные синтетические связки, клапаны, кабели передачи данных, поблескивали тонкие, как волос, провода – картина технического чуда. Будь у него время, он с удовольствием рассмотрел бы все это поподробнее. Но Бишоп только открыл прикрепленную к поясу аптечку, достал аэрозольный баллончик и нанес слой синтетической кожи поверх пореза. Выглядело это не очень, но он решил, что разберется с раной позже. Если, конечно, какое-то «позже» у него будет.

– Эй, морпех! – раздался окрик из-за угла. – Каково это, быть всего лишь очередной пушкой на службе у всяких воротил? Вы теперь корпорациям на верность присягаете?

Бишоп не ответил, потому что в этот момент его отвлекло какое-то непонятное ощущение. Не рана, а странное чувство, как будто кто-то прикоснулся к его мозгу. Что-то знакомое, но он не сталкивался с этим долгие годы с тех пор, как…

С тех пор, как появился на свет.

– Он не морпех, – произнес очень знакомый голос. Его собственный голос. – Он синтетик. Такой же, как я.

Теперь Бишоп понял, что странное ощущение являлось

попыткой другого мозга синхронизировать системы. Все модели были запрограммированы на связь между собой и синхронизацию имеющейся информации. Он послал сигнал об отказе от синхронизации и ответил спокойным голосом, тон которого ничем не напоминал голос его собрата:

– Я не такой, как ты, Рук.

– Его зовут Бишоп, – пояснил Рук своим коллегам по ту сторону разделяющего их выступа. – Он не опасен. Мы не запрограммированы на участие в боевых действиях. Он даже не вооружен.

Все это было правдой. Бишоп не любил оружие и, хотя ему никогда прежде не приходило в голову связать это с заложенной в него программой, скорее всего, так и было. Неважно, все равно он не Рук.

– Еще один синтетик нам может пригодиться, – произнес другой голос, не похожий на его собственный. – Эй, Бишоп, выходи. Мы не будем стрелять. Можешь считать себя новым членом «Группы Эф».

– Это не так просто, – уточнил Рук. – Он запрограммирован на верность Корпорации, нужно будет менять программу.

Голос Рука по-прежнему звучал странно – так же монотонно и мертво, как помнил Бишоп. Было что-то неправильное в этом голосе, и это что-то заставило Бишопа подумать, все ли в порядке с ним самим.

– Тебя перепрограммировали? – спросил он. В ответ донесся холодный смех:

– Нет, нам даже не пришлось нажимать на кнопочку. Кстати, меня зовут Ки Паркер и я начальник «Группы Эф». Старина Рук перешел на нашу сторону по своей воле. Его подстрелили во время задания, Компания отправила его в утиль, а мы его оттуда вытащили. Ты сейчас в группе Везунчика Ларсена? Черт, мир действительно тесен. Я был с ним в той заварушке, когда ему лицо порезали. Выглядел он жутко до тошноты. «Группа Эф», считай, те же морпехи, только мы платим лучше. Ну что, Бишоп, пойдешь к нам?

– Согласен, – ответил Бишоп. – При условии, что вы отпустите заложников. – Он снова сверился с таймером: – У вас осталось семнадцать секунд.

Раздалось приглушенное бормотание, женский голос произнес «что за дерьмо?», кто-то другой проворчал «гребаный синтетик, надо было сразу разобрать его на запчасти», кто-то из заложников заплакал.

Шестнадцать секунд.

Пятнадцать.

Четырнадцать.

Когда осталось десять секунд, Бишоп назвал оставшееся время и спокойно спросил:

– Что означает название «Группа Эф»?

– Для тебя означает: «Пошел ты к такой-то матери со своим отсчетом», синтетик проклятый. Если выйдешь сам, мы стрелять не будем. Попробуешь отсидеться – превратим в решето.

Но Бишоп знал, что это было вранье, потому что даже без связи с Руком он каким-то образом знал – в этот момент Рук пытается обойти его сзади, чтобы взять в плен, а, возможно, чтобы просто выстрелить в спину.

Бишоп повернулся и бросился бежать в ту сторону, откуда должен был появиться Рук, рассчитав время так, чтобы встретиться со своим собратом, со своим двойником, как раз на углу.

Они вновь оказались лицом к лицу.

Только теперь они уже не были зеркальным отражением друг друга. Рук двигался, как человек, но его безжизненное пластиковое лицо не выражало никаких эмоций. Бишоп не определился в своем отношении к понятию «душа», но одного взгляда в пустые глаза Рука было достаточно, чтобы понять, что никакой души там не было.

Без малейшего колебания, Рук атаковал его, занося для удара черный боевой нож с шестидюймовым лезвием. Бишоп отвел удар в сторону, нож прошел мимо, а он нанес удар основанием ладони в точку уязвимости киборга – недаром он внимательно изучил все уязвимые места в своем теле – и через три секунды Рук уже лежал у его ног, выронив клинок.

Бишоп коленом прижал противника к полу. Быстрое «мне жаль» – и он всадил лезвие ножа точнехонько в нервный узел, передающий команды мозга телу киборга. Рук не был мертв, только обездвижен. Через какое-то время кибернетическая система перейдет в режим «выключено», и в конце концов отключится полностью, но это случится еще через несколько человеческих жизней.

Бишоп встал, подбросил нож, заставив его крутнуться в воздухе, ловко поймал за лезвие и убрал в ножны на поясе.

– То, что тебя не запрограммировали на что-то, не означает, что этому нельзя научиться, – бросил он Руку, хотя тот уже не мог услышать его слова. Синтетик лежал ничком, повернув голову в сторону и уставившись на Бишопа одним глазом. Из автоматически открывающегося и закрывающего рта вытекала струйка белой гидравлической жидкости.

Когда цифры на таймере замерли на нуле, Рук пригнулся за

стеной, которая, по его вычислениям, должна была меньше всего пострадать от взрыва конвертеров.

Бум!

В книжках, которые он читал, звук взрыва обозначали именно так, но то, что он услышал, не было похоже ни на какой «бум»: это был низкий оглушительный рокот, подобный грохоту грома. Бишопу показалось, будто его прихлопнуло страшным ударом, который состряс всю станцию, разрушая помещения и конструкции. Бишоп вспомнил о красивой рыночной площади, изуродованной пулями и осколками, и подумал, что оставшиеся там умирающие навсегда похоронены под руинами здания.

Взрыв сильнее всего ударил по его противникам. Бишоп перезапустил таймер и побежал в ту сторону: у него было меньше минуты, чтобы успеть надеть маски на заложников, если кто-то из них остался в живых.

Большая часть «Группы Эф» погибла, вокруг лежали окровавленные разорванные тела, но четверо остались живы и сейчас стояли, направив оружие на Бишопа. Он резко затормозил.

– Это я, Рук, – его голос звучал плоско, безжизненно и, главное, спокойно, в точности как голос его искалеченного собрата. Он вынул нож из ножен, показал его пиратам и положил на землю. – Бишоп мертв.

Один из солдат сплюнул и опустил оружие. Остальные последовали его примеру:

– Что у тебя в сумке?

– Я нашел взрывчатку, – Бишопу нужно было заставить их говорить и протянуть время. Из-под кучи обломков доносились крики одного из раненых пиратов. Бишоп покосился в ту сторону и перевел взгляд на Ки Паркера, главаря группы: – Хотите, я их откопаю?

– Нет, я хочу, чтобы ты взял свою сумку с взрывчаткой и отправился на корабль морпехов. Скажешь им, что ты Бишоп, и взорвешь этих мерзавцев к чертям собачьим. Пусть получат за наших ребят. Это приказ, Рук. Покончи с ними.

– Да, конечно, – так же спокойно и безжизненно согласился Бишоп. – Какие-нибудь еще задания?

Согласно таймеру, с момента взрыва конвертеров прошло двадцать секунд. Концентрация опасных веществ в воздухе нарастала; внутренние датчики должны были подать сигнал, когда заражение достигнет опасного для Паркера уровня.

– Какие, к черту, тебе еще нужны задания? Отправляйся!

Бишоп глянул вверх:

– Крыша нестабильна. Вам лучше уйти отсюда.

Паркер выругался, оглядываясь. Большинство заложников –

пятеро взрослых и трое детей – выжили. Остальные трое оказались погребены под завалами вместе с пиратами.

– Ладно, поднимай их и пошли отсюда. Показывай дорогу.

Бишоп старался двигаться медленно, отсчитывая секунды. Сигнал тревоги на сетчатке загорелся красным, он моргнул, выключая сигнал, и повернулся к группе людей позади себя.

Паркер и оставшиеся в живых пираты еще держались на ногах, но двигались нетвердо. Один из заложников – ребенок – упал, и взрослые подхватили его. Второй ребенок, постарше, пошатываясь, уцепился за женщину рядом с ним. Все они тяжело дышали, хватая ртом воздух.

– «Превокс», – выдохнул Паркер и, опередив Бишопа, рванулся к шкафам с защитным снаряжением. Он провел пальцами по электронной панели замка, выхватил маску и натянул ее, жадно вдыхая. Бишоп следил за каждым его вздохом.

Паркер обернулся к синтетику, которого он по-прежнему принимал за Рука, и Бишоп навсегда запомнил его взгляд – отчаянный, полный ужаса и злобы. Бишоп никогда ничего не забывал, но в выражении лица пирата было что-то особенное.

Это мгновение было важно.

– Я не Рук, и маски не работают, – Бишоп подхватил Паркера и усадил его на пол. Пирату удалось стащить с себя маску, и он пытался дышать, но безуспешно. Его кожа посерела. – Мне нужно спасти заложников. Вам я тоже помогу, но только в последнюю очередь.

Бишоп разоружил Паркера и отложил винтовку в сторону. Остальные из «Группы Эф» уже упали, впрочем, как и заложники. Действуя методично, Бишоп разоружил пиратов и надел маски на заложников, начиная с самого младшего. Из-за того, что несколько гражданских погибли, у него остались лишние маски.

Но когда он вернулся к Паркеру, было уже поздно. И для Паркера, и для остальных пиратов.

«Я не могу причинить вред человеку», – подумал Бишоп. Но ведь он и не причинил никому вреда – просто наиболее логично расставил приоритеты в задаче помощи людям, и не его вина, что при этом кто-то погиб. «В любом случае, лучше уж пираты, чем заложники», – мелькнула еще одна мысль. Бишоп не был уверен, имеет ли он право на подобные суждения, и не знал, кто в подобном случае мог бы определить, что хорошо и что плохо.

Он подхватил обоих детей и бросился бежать к выходу на поверхность.

* * *

Морпехи оставили ему челнок, но людей рядом не было: из-за взрыва поверхность была нестабильна. Датчики Бишопа регистрировали многочисленные сбои системы жизнеобеспечения, станция могла взорваться в любой момент: если не главный реактор, то запасы кислорода, когда до них доберется распространяющийся по помещениям огонь.

Бишоп вновь и вновь возвращался за заложниками, относя их по двое на шлюпку. Вернувшись за последними двумя, он обнаружил их мертвыми. Их рты были раскрыты, а глаза поблескивали серебристым цветом, характерным для отравления «Превоксом». Масок на обоих не было.

Бишоп стоял над ними, пытаясь понять, что произошло, когда пуля ударила его в спину.

Он не знал, что ощущает настоящий человек, когда ему больно, но его словно бы проткнули насквозь обжигающе горячим лезвием. То ли стрелявший знал, что делает, то ли ему просто повезло, но пуля попала в нервный узел. Бишоп рухнул на землю и перекатился на спину, чувствуя, как вся левая половина тела немеет и отключается.

Двое из «Группы Эф» стояли над ним, направив на него винтовки. На них были маски – те самые, которые он надел на заложников.

Это было полной неожиданностью.

Бишоп знал, что на его лице отразились эмоции, но не был уверен, как он при этом выглядел. Как трагикомическая маска, рассеченная посередине, подобно лицу лейтенанта Ларсена? Его искусственный мозг информировал, что боль не прекратилась. Оказывается, умирать больно. Это был интересный факт. Киборг задумался, боится ли он предстоящей смерти. Гидравлическая система сигнализировала о перегрузке, словно Бишоп бежал изо всех сил, хотя на деле он едва мог шевельнуться. Язык у него пересох, и он почувствовал холодную струйку жидкости под собой. «У меня течет кровь… нет, гидравлика. А есть какая-нибудь разница?»

– Гребаный синтетик, – женщина выругалась под маской и пнула Бишопа в бок, но удар пришелся по той стороне, которую он больше не чувствовал. – Что, не ожидал? Под завалом остался чистый воздух, и это нас спасло. А потом мы выбрались и нашли маски. – Она постучала пальцем по маске, скрывавшей ее лицо: – Так что спасибо тебе за помощь.

– Я тебе покажу «спасибо», урод, – сказал мужчина, и оба пирата направили винтовки на Бишопа. На таком расстоянии пули должны были разнести его в клочья.

Бишоп попытался заговорить, но половина лица не

шевелилась, и он не был уверен, что ему удалось сказать то, что он хотел: «Мне очень жаль».

Это была странная фраза, и Бишоп был совершенно уверен, что его система не функционирует нормально, потому что он безошибочно узнал затопившее его чувство. Жаркое, неконтролируемое и почти человеческое в своей ярости. «Если дать им уйти, они убьют заложников» – это было все, что он понимал в тот момент. Моральная дилемма, на решение которой синтетик не был запрограммирован.

Пока он не запрограммировал решение сам.

Бишоп восстановил синхронизацию своей системы с масками и отключил их.

Он видел лица пиратов в тот момент, когда они поняли, что маски не работают, и что они дышат воздухом, насыщенным смертоносным «Превоксом». Он ожидал, что они начнут стрелять в него, но вместо этого оба бросили оружие и вцепились в маски, тряся их, словно пытаясь заставить работать. Потом пираты сорвали маски в отчаянной попытке вдохнуть чистый воздух… которого не было. А потом…

Бишоп закрыл глаза, чтобы не видеть их последние мгновения. Он ощущал что-то новое – чувство вины.

Выполняя свое последнее задание, Бишоп установил связь с челноком, перевел управление на автопилот и приказал катеру доставить выживших заложников на корабль. Он следил за челноком до тех пор, пока тот не отошел слишком далеко и связь не оборвалась. Ему оставалось только надеяться, что катер доберется до цели, и лейтенант Ларсен поймет, что он выполнил свою работу. «Я правильно расставил приоритеты, – сказал он сам себе. – Я никого не убивал. Только расставил приоритеты, защищая людей».

У него не было больше заданий. Бишоп перевел систему в режим экономии энергии и уснул.

* * *

Он пришел в себя в медблоке, чувствуя, как чьи-то пальцы копаются в его спине, ощупывая разные узлы и осторожно отодвигая гидравлические шланги. Бишоп ощущал слабые уколы, когда пальцы соединяли тончайшие провода. Внезапно все системы восстановились и заработали в полную мощность. Его вылечили.

– Ага, так-то оно лучше, – произнес незнакомый голос. Человек, копавшийся у него в спине, убрал руки и опустил

искусственную кожу на место, заклеивая шов. Бишоп мгновенно перекатился вперед и сел.

Ремонтировавший его морпех сделал быстрый шаг назад и поднял руки в примиряющем жесте:

– Тише, парень, спокойно. Я тебе друг.

– Я тоже, – ответил Бишоп. – Привет. Где лейтенант Ларсен?

– Получил другое назначение и отбыл, приказав нам найти тебя, – морпех широко ухмыльнулся, не выпуская изо рта незажженную сигару. – Сказал, что на Хаарсе, вроде бы, остался поврежденный синтетик, которого можно починить. Мы не так давно потеряли своих двоих. Но ты ведь не из серии моделей А-2?

– Нет, я из более позднего поколения моделей. Серия Ди-4. – Бишоп подумал, что у стоящего перед ним мужчины острый взгляд. – Мой номер Эйч-Эс-Семнадцать-Би-Сорок-восемь-Икс-Джи-Пять-Ди-Пять.

– А как тебя зовут, когда у тебя, так сказать, «все дома»?

– Бишоп, – он улыбнулся в ответ. – Меня зовут Бишоп.

– Хорошее имя, синтетик. И тебе подходит.

– Я предпочитаю термин «искусственный человек», сэр.

– А я сержант Эйпон. Я, черт возьми, не офицер, так что не надо никаких «сэров». Или сержант, или Эйпон, или вместе. Понял?

– Понял, сержант.

– Вот и хорошо, – Эйпон протянул ему руку. Бишоп несколько секунд смотрел на нее, потом осторожно ответил на рукопожатие, стараясь не раздавить пальцы человека.

– Добро пожаловать в команду, Бишоп. А вот, кстати, и местный дурачок подошел. Знакомься, это рядовой Хадсон.

– О, сержант, а я и не знал, что вы ко мне неровно дышите, – ухмыльнулся вновь прибывший.

– Заткнись, Хадсон.

Рядовой широко улыбнулся Бишопу, демонстрируя все зубы:

– Это он только говорит «заткнись», а я-то слышу, что на самом деле это значит «продолжай болтать». – Он тоже протянул Бишопу руку. Странно. За всю его жизнь никто еще не обращался с Бишопом, как с равным. Как с человеком. Как эти двое.

– Бишоп, ты когда-нибудь играл в Пять-Пальцев-Порубил? – поинтересовался Хадсон.

Бишоп покачал головой. Эйпон закатил глаза, покрепче закусил сигару и заявил:

– Хадсон, если ты его повредишь, ты за него и заплатишь. – После чего скрестил руки и прислонился к стене, явно не собираясь дальше вмешиваться.

Хадсон вытащил нож:

– Тебе точно понравится.

Хадсон оказался прав.

«Кажется, я все-таки сломался, – думал Бишоп, все быстрее и быстрее втыкая нож между прижатых к столу пальцев под восторженные вопли Хадсона. Ни с того ни с сего он вдруг вспомнил доктора Сасаки, готовую отправить его на переработку, ее палец, зависший над планшетом – и рука с ножом замелькала с такой быстротой, что даже его собственные глаза едва могли уследить за ее движением. – А может, я был сломан с самого начала».

Эта мысль ничуть не обеспокоила его. Наоборот, он почувствовал себя… счастливым.

Найти и вернуть
Ивонн Наварро

После тренировочного лагеря морпехов Дуэйна Хикса направили на базу, и вот там, в столовой, он первый раз увидел женщину, которая позднее стала его женой. У него было полно друзей среди морпехов, с некоторыми он был знаком еще до службы, и он дал себе слово, что не повторит их ошибок и не позволит первой же симпатичной мордашке (особенно из армейских) поставить крест на его мечтах. Только и надо: кольцо, да пара ребятишек – и прости-прощай исследования космоса за казенный счет.

И вдруг прямо перед собой он увидел, как Рэйчел Миллер развернулась и всадила свой «Ка-Бар»[5] в столешницу, пригвоздив чью-то руку, имевшую неосторожность погладить ее обтянутый форменными штанами зад.

Разве в такую женщину можно не влюбиться?

Меньше, чем через два месяца в часовне базы состоялась небольшая церемония, во время которой рядовая Рэйчел Миллер стала рядовой Рэйчел Миллер-Хикс. Старший сержант одобрил их

решение при условии, что ни на какие поблажки они рассчитывать не будут. Морпех всегда морпех, и приказы выполнять надо. Единственной уступкой в данной ситуации было то, что они могли поселиться вместе. Они успели получить по паре повышений в звании и провести друг с другом одиннадцать чудесных месяцев, а потом отряд Рэйчел получил приказ отправиться на разведку небольшого спутника, где мог скрываться пиратский корабль.

– Пустячное дело, – сказала она Хиксу. – Корабль называется «Парадокс». Два месяца пути туда, неделя-другая разведать обстановку и разобраться, в чем там дело, да два месяца обратно. Полгода в самом худшем случае. Справимся.

* * *

Первое видеосообщение от Рэйчел пришло через семь недель, когда ее отряд вышел из гиперсна. Зернистое изображение на черно-белом экране показало Хиксу его жену с примятыми темными волосами, стоящими дыбом вокруг головы. Полежишь сорок девять дней, не двигая головой, вот нимб и получается. Рэйчел сонно терла щеки, пытаясь вернуть чувствительность коже, и показалась Хиксу самым прекрасным, что он когда-либо видел в жизни, хотя то, что он видел, было уже в прошлом. Стандартное время запаздывания передачи с корабля на Землю составляло двенадцать часов.

Привет, малыш. Я только что проснулась, так что извини, если говорю не очень складно. Сержант сказал, мы примерно в пяти днях пути от цели. Пока мы спали, никаких новых данных не поступало. Если все так спокойно, я не очень понимаю, из-за чего весь сыр-бор. Впрочем, мне-то что, мое дело выполнять приказы. – Рэйчел замолчала, снова потерла лицо и вдруг усмехнулась в камеру: – Какое счастье, что мне не надо бриться. Ребята после сна обросли, как обезьяны. Завтра свяжусь с тобой снова. Целую.

Ответить он ей не мог, но сообщения приходили регулярно, и в самом их однообразии было нечто успокаивающее.

Привет, малыш. На космическом фронте без перемен, голый кусок камня, к которому мы летим, все ближе, проводим подготовительные работы. Как матушка говаривала: лучше никаких новостей, чем плохие новости, верно? Ну, пока, до завтра. Люблю тебя.

Рядовому первого класса морской пехоты вечером особо делать нечего, кроме, разве что, надраться и устроить заварушку. Но, хотя Хиксу еще далеко было до состояния «давно и надежно

женат», ему хотелось быть дома каждый вечер, когда наконец приходило очередное сообщение от Рэйчел. И потому его вечера стали отражением служебной рутины его жены где-то далеко в космосе: по окончании рабочего дня он шел в столовую базы, съедал пару тарелок непонятного месива и торопился домой. Он снимал форму, принимал душ и садился перед экраном в ожидании сигнала начала связи. В тот самый вторник он не ожидал ничего особенного. Но всякая дрянь случается как раз тогда, когда ее совсем не ждешь.

Привет, малыш. Сержант дал всего минуточку, так что я быстро. Мы уже не спутнике, сели часов пять назад, но пока ничего не нашли. Засекли сигнал другого корабля, до него примерно километров шестьдесят. Пока не ясно, пират это или кто-то свой, но скоро выясним.

Его жена на экране была в полной боевой выкладке: шлем, защитная броня, очки, оружие. Хикс сам не знал, почему он внезапно почувствовал беспокойство. Они много раз проходили учения вместе, и он знал, что Рэйчел вполне способна постоять за себя и еще надрать кому-нибудь задницу. Он усмехнулся, вспомнив, при каких обстоятельствах впервые увидел жену.

Рэйчел на экране оглянулась, словно проверяя, не может ли кто-нибудь услышать ее. Изображение затряслось от вибрации корабля.

Что-то с этим спутником не так. Не могу сказать точно, что, но другие тоже это чувствуют, я уверена. Тут вроде одни камни и холмы, даже атмосферы нет, так что по идее ничего живого быть не должно. Но иногда тени выглядят так… даже не знаю, как объяснить. Как-то странно, будто идешь и вдруг краешком глаза замечаешь какое-то движение. – Внезапно она рассмеялась: – Нет, ты только послушай, что я несу. Прямо как маленькая. Мандраж перед первой высадкой, вот и все. – Она снова глянула через плечо, на этот раз Хикс услышал чей-то голос, хотя и не разобрал слов. – Ладно, мне пора, мы уже близко к цели. Люблю тебя.

Изображение мигнуло и погасло, и в первый раз за все эти недели Хикс прошептал: «Я тоже тебя люблю».

* * *

На следующий вечер пришло последнее сообщение. По армейским понятиям – с опозданием (если вы пришли до намеченного времени – это вовремя, а пришли точно по времени – считай, опоздали), и Хикс уже с нетерпением расхаживал перед

экраном, по которому шла какая-то передача. Он выключил звук: его раздражала тупая болтовня актеров на экране, каждый звук резал и без того истрепанные нервы. Он уже с час беспокойно кружил по комнате в ожидании вечерней связи с Рэйчел.

«Но иногда тени выглядят так… даже не знаю, как объяснить. Как-то странно, как будто идешь и вдруг краешком глаза замечаешь какое-то движение».

Он никак не мог выбросить из головы ее слова и отказывался верить в то, что это просто нервы перед операцией. Рэйчел это было не свойственно. В любой нештатной ситуации она всегда реагировала быстрее всех и принимала наилучшее решение. Она всегда, на всех учениях, сохраняла ясную голову и твердую руку. Ее мозг оценивал ситуацию, взгляд зеленых глаз становился сосредоточенным – и готово, миссия выполнена. Так что никаких оснований думать, что в этот раз будет по-другому, не было. Кроме…

«Но иногда тени выглядят так… даже не знаю, как объяснить. Как-то странно, как будто идешь и вдруг краешком глаза замечаешь какое-то движение».

Звякнул сигнал коммуникатора, Хикс рывком обернулся и уставился на компьютер. Он быстро подошел и включил связь, наклонившись к экрану, словно так ему было лучше слышно жену.

Дуэйн, я быстро. Мне вообще не стоило бы терять время на запись, и если сержант меня поймает, то выволочки не избежать, но мне все равно. На нас напала какая-то внеземная тварь. Мы ее толком не разглядели, так что проверить по ксенобазе невозможно. Кажется, что-то черное – черт, да здесь вообще все черное – и большое. Мы стреляем по теням, и иногда раздается странный визжащий звук… вот и все. Датчики показывают движение вокруг нас, но засечь ничего невозможно. Час назад мы отправили двоих на разведку и с тех пор от них не было ни слова.

Внезапно где-то за пределами видимости раздались выстрелы. Его жена на экране встала и взяла оружие на изготовку. Хикс услышал человеческий окрик, а потом – страшный вопль. Он в жизни не слышал, чтобы человек так кричал – казалось, морпеха сжигают живьем. Но тут вопли боли заглушил другой звук – высокий визг, который напомнил Хиксу скрежет железных гвоздей по стеклу. Рэйчел открыла огонь и успела выстрелить раз шесть. Он видел ее спину в защитном костюме и видел, как вздрагивали ее плечи при каждом залпе. Внезапно она быстро обернулась и лихорадочно застучала пальцами по клавиатуре.

На нас напали. Я собираюсь…

Что-то огромное и темное прокатилось через весь экран, и Рэйчел отпрыгнула в сторону. Снова раздались выстрелы, стали непрерывными, потом снова крики, вопли боли, потом…

Потом наступила тишина.

Сжав кулаки, Хикс беспомощно уставился на экран, ожидая, надеясь, молясь, что сейчас это все закончится и жена вернется к компьютеру. Прошла минута, вторая, третья…

На экране появилась рука, вся в синяках и пятнах казавшейся черной крови. Хикс успел только увидеть кладдахское кольцо[6], такое же, как у него самого, прежде чем Рэйчел с силой ударила по кнопке «Отослать сообщение».

Это было последнее сообщение, которое Хикс получил от жены.

Пять лет спустЯ

Кто-то явно прокололся с информацией.

Капрал Дуэйн Хикс не отрывал взгляда от только что полученных приказов, размышляя, чем он обязан редкой удаче, которая нечасто выпадает в обычной жизни. Идиотская ошибка какого-то рядового в штабной канцелярии? Без сомнения. Совпадение? Может быть. Знак судьбы?

Он самый.

Его воспоминания о той ночи, когда он получил последнее сообщение от Рэйчел, были прерывисты и раздроблены, словно разбитый кристалл. Когда передача закончилась, он вылетел из квартиры, прижав телефон к уху, прыгнул в машину и, как безумный, помчался в штаб базы, одновременно плача и крича что-то в трубку своему командиру. Потом были бесконечные звонки, совещания, видеосовещания и поток бессмысленной болтовни, который не мог скрыть тот факт, что связь с Рэйчел и ее группой была потеряна, и что командный центр не получил ни сигнала бедствия, ни сигнала маяка десантного корабля, – вообще ничего.

Всякая связь с ними прервалась. Навсегда.

Рядовая Рэйчел Миллер-Хикс, а вместе в ней старший сержант, два капрала и еще восемь морпехов были официально признаны «пропавшими без вести при исполнении служебных обязанностей». Командование, как и положено, впустую трепало языком, рапорты направлялись все выше и выше по служебной лестнице, до тех пор, пока этот вопрос не застрял где-то наверху и всякие действия прекратились. В конце концов, для командования это был не первый потерянный корабль, и уж точно

не последний. Поскольку морпехов послали на поиски пиратского корабля, то финальный вердикт гласил, что корабль и команду, скорее всего, захватили пираты, корабельный маяк был отключен и с корабля было снято все ценное. Команда наверняка была убита, но до официального признания смерти должно было пройти семь лет, а пока они все числились «пропавшими без вести».

Хикс потерял счет письмам и обращениям, отправленным им начальству в попытке выяснить, почему смерть Рэйчел – а в том, что она мертва, у него не было никаких сомнений – так и не была расследована. Он знал, что произошло, он видел это на экране, и то же самое видели десятки старших офицеров в командовании. Ему было сказано, что лучше не будоражить эту тему, и что, хотя командование ни в коем случае не считало судьбу его жены и прочих морпехов неважной, но посылать другой корабль за останками членов отряда в удаленный от центра район слишком рискованно и дорого. Когда Хикс требовал, чтобы ему объяснили, зачем тогда группа Рэйчел вообще была послана в этот район, в ответ он слышал только одну и ту же чушь про «а это вам знать не положено». Он схлопотал три замечания «с занесением» за свои саркастические комментарии, что ему-то, как раз, знать и положено. Его старший сержант раз за разом вытаскивал его из этих передряг, но последний раз не выдержал:

– Бог троицу любит, Хикс. Слушай, я понимаю, что ситуация дерьмовая, но больше я ничего не могу для тебя сделать. Понятно, что ты ничего не забудешь, но пока что притихни и займись своей жизнью.

С того разговора прошло восемь месяцев, и внешне Хикс так и сделал. Взгляд его голубых глаз казался спокойным, но под маской «плевать я на все хотел» все в нем кипело. И вдруг…

Он снова уставился на текст приказа.

Кодовое обозначение цели экспедиции ничего ему не говорило, но он много раз видел эту комбинацию букв и цифр на разных документах и знал, что цель расположена в четырех парсеках за Бетой Австралийского Треугольника. Согласно документам, морпехи должны были забрать оборудование, оставленное на планете предыдущей экспедицией. Его ничуть не удивило, что в приказе не упоминались ни дата предыдущей высадки на планете, ни имена погибших. Кто-то прошляпил этот момент, и Хиксу повезло: если бы имена значились в тексте, перекрестная компьютерная проверка не дала бы ему даже взглянуть на документ, и он так и не узнал бы, что готовится новый десант на ту же планету. Экспедиция должны была отправиться через восемь дней, и для семейного человека сложно

было бы собраться за такое короткое время, учитывая длительность полета. Но Хикс уже не был семейным человеком – это будущее у него отняли, когда его жена была убита кем-то – или чем-то – на том самом спутнике, куда должна была отправиться новая экспедиция.

Восемь дней тянулись, как целая жизнь. Хикс жалел только об одном: что старт не на следующий же день.

* * *

Дуэйн Хикс вышел из гиперсна, все еще мысленно видя перед собой лицо мертвой жены. Он заставил себя разлепить ссохшиеся губы, и ему показалось, что во рту у него не язык, а кусочек куриной кожи, как минимум с неделю провалявшийся в помойном ведре. Суставы и мышцы сопротивлялись любой попытке сесть, но он не в первый раз был в этой ситуации и ощущение было ему знакомо.

Вокруг слышались обычные проклятия и стоны просыпающих морпехов. Максвелл, массивный старший сержант с седым ежиком волос на голове, уже в полном обмундировании сидел за пультом управления. Хикс не был до отлета знаком ни с кем из команды, а сам корабль представлял из себя средних размеров судно для поисково-спасательных работ, которое переоснастили для скоростных полетов. До цели и высадки на спутник прошло чуть более пяти недель – время полета сильно сократилось с тех пор, как Рэйчел отправилась в свою последнюю экспедицию.

– Слушайте меня, детки, – загрохотал сержант, поднимаясь и прохаживаясь перед капсулами с десантниками. – Ну-ка встали, ручки-ножки размяли. Нам надо посадить это корыто на поверхность ровно через пятьдесят восемь минут, и отсчет уже пошел.

Рядовая Шмидт перекинула одну ногу через край капсулы и подняла на сержанта сонный взгляд, почесывая растрепанные черные волосы:

– Что, без предварительного облета, сержант?

– Время – деньги, Шмидт. Если морпех не укладывается в отведенное время, это похуже, чем если ты не влезешь в бикини, в которое влезала в школьные годы.

– Черта с два, еще как влезу, – возразила Шмидт, которая уже была на ногах и возилась со своим рундуком.

Максвелл перевел взгляд на Хикса:

– Проведите перекличку персонала. Убедитесь, что все вышли из гиперсна и находятся в рабочем состоянии. Всем быстро

перекусить – и по скафандрам.

Прежде, чем Хикс успел что-то сказать, рядовой Лафф вклинился с вопросом:

– А душ?

– Очень смешно, Лафф! – рявкнул Максвелл. Было явственно слышно, как кто-то – должно быть Вернон – с трудом пытается подавить смешок. – Душ примешь в следующем месяце. У нас задание, которое нужно выполнить.

– Все слышали сержанта? – торопливо добавил младший капрал Хорсли. – У нас осталось пятьдесят две минуты.

– Я буду называть имена, – Хикс повысил голос, чтобы его было слышно даже в самом конце спального отсека. Он поддернул брюки, доставая из ящика планшет. – Все, кто не истекает кровью, должны быть готовы вовремя.

Продолжая одеваться, он принялся выкликать имена морпехов:

– Трекслер!

– Здесь!

– Лафф, тебя я уже слышал. Эддисон?

– Здесь.

– Шмидт, с тобой все понятно. Стрэнд?

– Тут я.

– Низу?

Симпатичная блондинка обернулась, сердито сверкая голубыми глазами:

– Моя фамилия произносится Нез, – резко заявила она. И после паузы добавила: – Сэр.

Никс про себя усмехнулся: ему всегда нравились люди, способные постоять за себя.

– Хорошо. – Он назвал оставшиеся в списке имена – Найт, ДеПерт, Вернон, Хэгерти – и услышал отклики бойцов. К тому времени все до единого уже одевались и готовились к предстоящей высадке на спутник.

– Оружие брать? – спросил Хэгерти.

– Непременно, – отозвался Хикс, бросая косой взгляд на сержанта, который ничего не возразил. – Мы всегда при оружии.

* * *

До сих пор Хиксу отлично удавалось скрывать свои эмоции. Однако когда корабль опустился на мрачную пыльную поверхность спутника, где Рэйчел произнесла свои последние слова, он почувствовал, как сердце у него заколотилось и биение

крови стало тяжелыми ударами отдаваться в висках, как всегда, когда он был в ярости. Он глубоко вдохнул, стараясь успокоиться, но медитация ему никогда не удавалась, а сейчас ситуация была слишком важна, слишком серьезна…

Голос сержанта в наушниках прервал его мысли:

– Хикс, какого черта, что с тобой происходит? Твои биопоказания зашкаливают!

– Это от радости службы в морской пехоте, сержант. Каждый день и час – новое приключение.

– Очень смешно. В обморок не грохнешься?

– Не в этом году.

Сержант ничего не ответил, но Хиксу показалось, что даже по радиосвязи он чувствует на себе внимательный взгляд бывалого ветерана.

– Воздушный шлюз в состоянии готовности, – доложил рядовой ДеПерт по основному каналу связи. – Входной люк откроется через пять… четыре… три… две…

Раздалось шипение гидравлических приводов огромного грузового люка. Люк был специально расширен, чтобы позволить высадку двух челноков одновременно, а установленные в отсеке прожекторы вполне могли бы осветить небольшой город. Проблема была только в том, что за границей освещения все терялось в непроглядной мгле – ослепительный свет резко сменялся абсолютной чернотой.

– А почему здесь? – вдруг спросил Найт. – Почему мы сели именно здесь?

– Когда-нибудь узнаем, – шутливо бросил Стрэнд.

– Металл, – низкий звучный голос принадлежал Эддисон, высокой и поразительно красивой афроамериканке, внешность которой, по мнению Хикса, скорее подходила актрисе, чем морпеху. Несмотря на это, Хиксу не хотелось бы оказаться ее противником в бою. – Я сканировала местность на присутствие металла и сразу попала в яблочко. По показаниям сканера, по соседству находится или крупный металлический объект или много металлических обломков.

– Возможно, это корабль, – заметил Вернон. – Мы ж сюда из-за него и прилетели?

– У нас мало информации о цели экспедиции, – ответила Нез. – Но и так понятно, что мы должны собрать все, что осталось от рухнувшего здесь корабля. Интересно, как давно он здесь?

– Морпехи, хватить болтать, – голос сержанта заглушил реплики остальных бойцов. – Приведите скафандры в боевую готовность и убедитесь, что они обеспечивают надежное сцепление с почвой. Любому, кто решит весело попрыгать при

низком тяготении, влеплю сто отжиманий за каждую секунду свободного полета. Понятно? – раздавшийся хор утвердительных откликов его удовлетворил, и сержант добавил: – Все на выход. Кто-нибудь, подтащите прожектор. На обзорном экране ни хрена не видно.

Стрэнд прошел вперед и включил мощный фонарь. Яркий конус света словно бы вспух и быстро рассеялся в бесконечной тьме, окружавшей морпехов. Из-за отсутствия атмосферы в луче света не видно было даже пыли.

– Полный провал, – попытался было пошутить младший капрал Хорсли, но его попытка тоже провалилась.

– Пошли, – приказал Хикс. – Стрэнд, ты со мной. Трекслер, идешь впереди с детектором радиации. Эддисон и ДеПерт – левый фланг, Вернон и Хэгерти – правый. Остальным рассредоточиться вокруг, но далеко не отходить.

Границу светового круга, очерченную прожекторами корабля, они пересекли очень быстро. От переносного прожектора толку было немного, и маленькие, но мощные фонарики на шлемах тоже не помогали: через тонированный щиток шлема Хикса безжизненная поверхность планетоида казалась все такой же серо-черной. Они сели на обширной ровной площадке между невысокими острыми скалами. Вокруг виднелись метеоритные кратеры размерами от пары метров до полумили в диаметре. Как и на многих негостеприимных, лишенных воздуха спутниках, застывшая картина была полна холодной красоты.

Они продвигались вперед, пока Хикс не поднял руку, приказывая остановиться.

– Сержант, куда идти дальше? Я ничего не вижу, кроме пыли и скал.

Максвелл отозвался через несколько секунд:

– Еще триста метров прямо вперед. Сканер показывает присутствие металла. Если он лежит здесь уже давно, то, возможно, придется откапывать, но он там точно есть.

– Принял, – сказал Хикс. Стало быть, сержант тоже ничего не знал о предыдущей экспедиции. Он подал сигнал группе идти вперед, не забывая отслеживать их местонахождение на экране тактического GPS-локатора, прикрепленного к запястью. Ему удалось унять бешеное сердцебиение, но он по-прежнему ощущал, как обострились все его чувства, и был готов действовать при малейшем признаке опасности. Воспоминания и вопросы вихрем крутились у него в голове. Как жаль, что ему не удалось добыть сведения о последней высадке Рэйчел, точные данные, где сел корабль предыдущей экспедиции. Если на этом спутнике на самом деле иногда прятались пираты, то не было

никакой гарантии, что корабль, к которому они сейчас шли – если это на самом деле был корабль, – принадлежал ее группе.

– Детектор показывает присутствие радиации, – объявил Трекслер. – Излучение слабое и рассеянное.

– Для нас безопасно? – спросил Хикс.

– Да, от этого уровня излучения наши скафандры отлично защищают. Это просто означает, что мы уже почти подошли к… объекту.

– Смотрите, – внезапно сказал Стрэнд. – Вот там, у подножия холма… Но что это за ним?

Хикс взял у него фонарь и поднял, направляя луч поверх лежащих перед ними покрытых пылью металлических обломков. Он продолжал идти вперед, пока объект, точнее – объекты, не оказались в луче света.

– Корабль, – сказал Хикс. – И он тут не один. Сержант, вы нас слышите?

Дальние края кораблей терялись во мгле.

– Ага, – донесся ответ Максвелла. – Какие-нибудь признаки активности есть?

– Ответ отрицательный, – отозвался Хикс.

– Повреждения корпусов?

– Отсюда не видно. Мы подойдем поближе. – Хикс подал знак остальным и они осторожно двинулись вперед, не забывая посматривать по сторонам. Разговоры стихли, морпехи внимательно оглядывали окружающую местность. В десяти метрах от первого корабля Хикс остановился, остальные последовали его примеру.

Никаких сомнений – это был «Парадокс» – корабль, на котором прилетела Рэйчел со своей группой. За прошедшие пять лет Хикс наизусть выучил все внутреннее устройство корабля и внешний вид под любым углом зрения. Корабль стоял в положении нормальной посадки без внешних признаков повреждения, но кое-где на корпусе виднелись темные пятна, похожие на следы от выстрелов. Для корабельного оружия они были слишком малы, значит, стреляли из персонального?

– Хикс?

Черт, биодатчики скафандра снова выдали его эмоции:

– Сержант, я в порядке.

Прежде, чем Максвелл успел что-то ответить, Хикс указал на Вернона и Хэгерти:

– Вы двое, проверьте со стороны кормы, есть ли какие-либо проникающие повреждения корпуса. Эддисон и ДеПерт проверят носовую часть и все, что с той стороны. Остальные трое идут со мной внутрь.

Нез, Шмидт и Найт вместе с Хиксом подошли к закрытому входному люку.

– Макс, корабль называется «Парадокс». Наружная дверь закрыта, но рядом есть контрольная панель. Сможете найти код?

– Дай мне тридцать секунд, – ответил Максвелл, но справился с задачей секунд за пятнадцать. Хикс набрал код, и дверь скользнула в сторону. Внутри корабля царили тишина и беспросветная тьма: ни звука выходящего воздуха, ни огоньков рабочих панелей или аварийного освещения. Судя по открывшейся двери, энергоустановки работали, но кто-то специально погасил все освещение внутри.

Стрэнд подтащил прожектор прежде, чем Хикс успел напомнить о нем. Капрал убавил интенсивность света до уровня, пригодного для внутренних помещений, и направил луч внутрь корабля. Во входном шлюзе было пусто – ни мертвых тел, ни оружия. Кроме…

– Это что, кровь?

Хикс повел фонарем в том направлении, куда указывала Шмидт. Свет пробежал по закрытой внутренней двери и большому темному пятну, начинавшемуся от простого выключателя рядом с дверью и стекавшему к полу длинной полосой из капель.

– Обе внешние группы, немедленно подтвердите свой статус, – резко приказал Хикс. Первым отозвался красивый голос рядовой Эддисон:

– Мы в порядке.

– Мы тоже. – Голос Вернона чуть прерывался потрескиванием статики, но звучал спокойно и уверенно.

– Обеим группам подойти ко входу в шлюз, – приказал Хикс.

– Что у вас происходит? – поинтересовался Максвелл.

– Переход в состояние повышенной боевой готовности, – Хикс переключился на общий канал, чтобы его слышали все. – При таком освещении трудно точно сказать, но похоже, что внутри корабля есть следы крови.

Хикс чувствовал, как частит его пульс, но несмотря на это, голос его звучал ровно и сильно – и это заставило его почувствовать гордость за себя. Разумеется, за пять лет он понял, что Рэйчел давно нет в живых, но надежду трудно загасить полностью.

– Идем на разведку внутрь «Парадокса», – добавил он. – Переключайтесь на ночную оптику. Я оставлю прожектор возле люка. Держите оружие на изготовку и не теряйте друг друга из виду. Разведгруппы, где вы находитесь?

– Прикрываем ваш тыл, – отозвался Хэгерти. – Видим

Эддисон и ДеПерта. Как только они подойдут, идем следом за вами.

– Хорошо, мы пошли, – Хикс опустил прожектор на пол возле открытого люка так, чтобы свет падал на площадку перед кораблем, включил прибор ночного видения и двинулся вперед. Дойдя до двери с пятном крови возле выключателя, он остановился, проверил готовность своей команды и нажал на выключатель. Зеленый индикатор, указывающий рабочее положение, не загорелся, но дверь открылась.

За ней была такая же темнота, ни единый огонек не нарушал слегка размытую зеленоватую картинку на экранах ночного видения. Кое-где на полу и на потолке виднелись темные пятна, некоторые расплывчатые, некоторые больше похожие на длинный тянущийся след. Хикс глянул вниз и увидел, что стоит прямо посередине самого большого пятна. Похоже, морпехам уже не нужно было объяснять, что это на самом деле была кровь.

– Сэр? – Найт говорил шепотом, как будто на корабле, кроме них, был кто-то еще, кто мог услышать его.

– Пошли дальше, – приказал Хикс. – И без паники.

Шмидт пошла первой, чуть пригнувшись, держа винтовку наготове. Прямо перед ними коридор расширялся и переходил в командный центр, который был практически разрушен – неудивительно, что корабль не смог подняться с поверхности планеты.

– Радиация присутствует, но уровень крайне низкий, – тихо доложил Трекслер. – Но мне кажется, там труп под разбитой консолью… точнее, даже не один.

Шмидт и Лафф направились в ту сторону. Хикс пошел за ними, чувствуя, как снова начинает колотиться сердце. Сейчас он ничего не мог сделать, чтобы унять сердцебиение, и каждую секунду ждал, что Максвелл выскажется по поводу показаний его биодатчиков, но сержант, судя по всему, решил не отвлекать их внимание в этой ситуации. Размытый зеленый свет очков ночного видения мешал Хиксу сопоставить то, что он видел перед собой, с картинкой с экрана во время последнего сеанса связи с Рэйчел. К тому же, он всегда смотрел только на ее лицо.

Один из морпехов что-то сказал, и Хикс внезапно понял, что не расслышал его слов из-за собственного участившегося дыхания.

– Повтори, – сказал он, стараясь, чтобы его голос не прерывался. От напряжения он весь взмок и, несмотря на температурный контроль скафандра, капли пота скатывались по его лбу.

– От погибших мало что осталось, – повторил Лафф. –

Высушенная вакуумом и холодом кожа и кости. Но мы можем опознать их по именным нашивкам на форме.

Хиксу казалось, что каждое слово тяжко ударяет его в грудь, словно молот по наковальне. Лафф покосился на него и продолжил:

– Они явно погибли в бою, но мы не знаем, с кем.

– Или с чем, – добавил Трекслер.

Хикс нахмурился и повернулся к нему:

– Что вы имеете в виду?

Трекслер поднял руку и указал на что-то в самом конце комнаты:

– Посмотрите на дверь, сэр.

Морпехи обернулись туда, куда он указывал. Из-за большого расстояния они едва могли разглядеть детали, но похоже было, что дверь в дальнем углу осталась приоткрытой. Поскольку промежуточного положения у нее не существовало, это должно было быть результатом какой-то неисправности.

– Сейчас проверим, – голос Хикса звучал хрипло. Он глубоко вдохнул и заставил себя сделать шаг вперед. Лафф отодвинулся, и Хиксу стали видны мертвые тела на полу. Его взгляд заострился и на секунду все вокруг него – «Парадокс», его команда, сама его жизнь – все завертелось и исчезло. Чтобы через мгновение обрушиться на него ужасающей реальностью.

– Рэйчел, – прошептал он так тихо, что сам едва расслышал свой голос.

Правая сторона ее черепа отсутствовала. Невозможно было понять, было ли это следствием удара чем-то тяжелым или выстрела. Мертвые руки крепко сжимали импульсную винтовку. Высохшее лицо казалось ликом самой смерти – туго натянутая кожа, глубокие провалы глаз, сморщенные губы над по-прежнему белоснежными зубами. Хикс опустился на колени и смахнул пыль с нашивки у нее на груди: «Р. МИЛЛЕР-ХИКС».

– Господи! – ахнула Шмидт. – Он что, ваш родственник?

– Это она, – автоматически поправил Хикс. Руками в перчатках он неловко разжал тонкие, сухие мертвые пальцы, сжимающие винтовку, и снял с пальца Рэйчел обручальное кольцо.

– Сэр? – Шмидт явно не понимала, что происходит.

– Это моя жена, – Хикс открыл молнию на кармане и опустил золотое кольцо внутрь. Он в последний раз дотронулся до припорошенных пылью волос Рэйчел и поднялся на ноги.

– Хикс, какого черта тебя вообще допустили в эту экспедицию? – раздался в наушниках требовательный голос Максвелла.

– Не знаю, сэр, но я рад, что так получилось. По крайней мере, теперь я знаю, что ждать ее бесполезно.

Наступила долгая пауза. Потом кто-то из морпехов – Хикс не разобрал, чей это был голос, ему казалось, что в голове его стоит странный шум – спросил:

– Как давно она пропала?

Гул в голове прекратился, и Хикс ответил тусклым деревянным голосом:

– Она пропала вместе со всей командой пять лет назад.

– Господи, – тихо сказала Эддисон. – Мне очень жаль.

Хикс откашлялся и, прежде чем остальные присоединились к ее соболезнованиям, приказал:

– Идем дальше. Нам нужно осмотреть весь корабль и убедиться, что мы в безопасности. – Усилием воли он заставил себя повернуться спиной к мертвому телу жены и направился к люку на другом конце комнаты. – Начнем отсюда.

Десантники последовали за ним, двигаясь слаженно, словно это не было их первое совместное задание. Дверь заклинило так, что оставалась щель дюйма четыре в ширину, через которую ничего не было видно.

– Сейчас все сделаю, – младший капрал Хорсли отошел куда-то и через минуту вернулся с длинным металлическим обломком вместо лома. Через пятнадцать секунд дверь со скрипом откатилась в сторону.

Шмидт осторожно пошла впереди группы. Десантники вошли в помещение, где находились капсулы гиперсна, наполовину убранные в стену.

– Здесь тоже много повреждений, – сказала Шмидт. – Похоже, была перестрелка, но трупов не видно.

В капсулах никого не было, но крышки многих были разбиты или покрыты отметинами от пуль.

– Сержант, вы принимаете наш сигнал? – Хикс вышел на связь с Максвеллом.

– Да.

– Можете сделать инфракрасное сканирование корабля?

– Проверка начата. Следов жизни не наблюдается.

– Мне кажется, те, кто напал на десантников, уже давно покинули корабль, – заметил Хорсли.

– Может, и так, – ответил Хикс. – Но на всякий случай лучше не расслабляться.

Рядовая Нез вместе с парой морпехов двинулась вдоль ряда капсул, методично проверяя их одну за другой. Сейчас они находились в дальнем конце помещения, ближе к симметрично расположенным складским ячейкам. Конец комнаты с

расставленными вдоль стен шкафами терялся в непроницаемой мгле.

– Здесь что-то странное на полу, – вдруг сказала Нез. – Что-то липкое.

Хикс вместе с остальными подошел к ней, глядя вниз. Хорсли, по-прежнему державший в руках импровизированный лом, провел им по поверхности пола.

– Оно не только на полу, но еще и застыло под полом. Причем не ровно, а какими-то витками.

Найт, который стоял, опершись рукой на стену, отвел руку и увидел, как за перчаткой потянулись длинные липкие нити:

– Черт побери, что это вообще такое?

Хикс нахмурился:

– Знаете что, давайте-ка…

Он умолк, увидев, как в кромешной темноте за спиной Нез мелькнуло что-то огромное.

И очень быстрое.

Внезапный пронзительный крик, как электронный визг в наушниках, заставил нескольких морпехов непроизвольно схватиться за шлемы, словно пытаясь зажать уши. Несмотря на это, они рванулись к Нез на помощь, но в эту секунду ее винтовка выстрелила. Лазерный импульс опалил потолок и рикошетом прошел по правой стене на уровне груди. Комната наполнилась дымом, криками ужаса и удивления и ослепительно-белыми вспышками лазерных выстрелов.

– Ложись! – закричал Хикс, падая на пол и откатываясь к стене. – Это непроизвольная реакция!

Он чувствительно приложился спиной о стену, охнул и постарался сконцентрироваться на происходящем в дальнем конце комнаты. Он не понимал, что видит – словно огромные черные черви кольцами выкатывались из-за шкафов. Все происходило очень быстро, и Хикс не мог сосредоточиться на чем-то одном. Понятно было, что идет настоящий бой, но он никак не мог понять – с чем.

– Что происходит?! – кричал по общей связи Максвелл. – У меня пропадают сигналы морпехов! Черт побери, Хикс, ответьте, что у вас происходит?!

Внезапно, словно в ответ на приказ Максвелла, еще один звук врезался в общую какофонию – похожий на чудовищное сочетание рева слона с диким визгом гиены. Хиксу показалось, что его словно режут лезвием. Он вскрикнул и попятился, инстинктивно стараясь отползти подальше. Его рука коснулась рукава чьего-то скафандра, и он вцепился в него, таща бойца за собой. Морпехи отступали, думая только о том, чтобы остаться в

живых, но, распластавшись на полу, Хикс не мог стрелять, не рискуя попасть в кого-то из своих людей.

– Отходим! – закричал он. – Морпехи, немедленно отходим!

Хэгерти была прямо рядом с ним. Она успела только повернуться и сделать шаг назад, как что-то рывком подняло ее в воздух и впечатало в потолок. Винтовка, которую Хэгерти не выпустила из рук, непроизвольно выстрелила и Хикс увидел, как двое морпехов дернулись, когда выстрелы пробили их скафандры.

– Хикс, вы там живы?! – крик Максвелла в наушниках смешивался с визгом неизвестной твари и воплями умирающих десантников. – Что происходит?! Мы теряем людей!

– На нас напал неизвестный противник, – с трудом выдавил Хикс. Потом с усилием вдохнул и заорал изо всех сил: – Морпехи, отходим немедленно!

Он попытался было оттолкнуться ногами и отодвинуться назад, но боец, рукав которого он держал, не двигался. Хикс упал на бок, покрепче ухватился за скафандр и перевернул морпеха на спину. Судя по нашивке это был Трекслер, но на месте визора его шлема зияла только влажная черная дыра.

Уши снова пронзил чудовищный, животный визг. Хикс отпустил скафандр Трекслера и пополз на животе вперед. Он хотел бы продолжать сражаться, попробовать спасти хоть кого-нибудь из своей команды, но быстрый взгляд через плечо убедил его в тщетности подобной попытки. Вспышки лазерного огня пронзали помещение, но частота выстрелов все уменьшалась, и выстрелы хаотично били с пола в потолок, опасно рикошетя во все стороны. Только один из морпехов продолжал стоять, расставив ноги и упрямо посылая заряд за зарядом в темноту перед ним.

Хикс хотел подняться, но острая вспышка боли пронзила левую ногу: то ли заряд, то ли осколок металла прошил насквозь мышцы под коленом. Скафандр автоматически заклеил отверстие вокруг раны, но встать на ногу капрал не мог. Он приподнялся, уцепился за край спальной капсулы и подтянулся, поднимая винтовку, готовый стрелять по целеуказанию трассирующих зарядов стоящего десантника – судя по позе и росту, это была Эддисон. И вдруг что-то метнулось к женщине с такой быстротой, что Хикс даже не понял, что это было. Винтовка Эддисон взлетела в воздух, а длинное гибкое тело перегнулось почти пополам, когда тварь, хозяйствующая на корабле, уволокла ее в темноту.

– Хикс, немедленно уходи! – загремел в наушниках голос Максвелла. – Больше никого не осталось, ты последний! УХОДИ!

Какую-то секунду Хикс не мог двинуться от шока. Он не мог

поверить, что вся его группа погибла. Но потом инстинкт взял свое, он повернулся и, хромая, стал пробираться к сломанному люку. Капрал шел вдоль ряда спальных капсул, и путь казался ему неимоверно долгим. Он потерял счет падениям и в очередной раз решил не вставать, а просто пополз дальше.

Уже возле самого люка, он заметил движение у дальней стены. Что-то огромное и черное быстро скользило по полу в его сторону. Хикс решил, что сейчас не время пытаться установить, что же это за существо. Он перевалился через порог дверного проема, с трудом поднялся и, шатаясь и чуть не падая, когда раненая нога грозила подломиться под ним, стал пробираться через командный центр. Он помнил, что где-то справа от него лежит мертвое тело Рэйчел, но думать об этом не было времени, если он хотел выжить. Его очки ночного видения были повреждены, зеленоватая картинка то появлялась, то исчезала, и капралу нужно было добраться до входного шлюза прежде, чем оптика откажет полностью и оставит его слепым.

Хикс ввалился в шлюз, спиной чувствуя приближающуюся тварь, и ударил по панели, закрывая дверь. Та скользнула на свое место, и капрал привалился к стене рядом, хватая ртом воздух…

И тут что-то огромное с силой врезалось в стену изнутри. Удар был такой силы, что Хикса отшвырнуло от двери и он упал навзничь, не в силах даже вздохнуть. Какое-то время он просто лежал без движения, словно перевернутая на спину, ошеломленная черепаха, слушая, как чудовищной силы удары сотрясают внутренний люк. Наконец он встряхнул головой, с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, побрел к выходу из шлюза. За его спиной тонкий металл заскрежетал и стал выгибаться – понятно было, что внутренний люк долго не выдержит.

– Код! – закричал он. – Макс, мне нужен код от входной двери!

– Так она уже открыта, – ответил сержант. – Зачем тебе…

– Мне нужно закрыть ее! – Хикс выпрыгнул из корабля и упал на колени, скользя по пыльной поверхности и чувствуя, как в правой ноге пульсирует боль. – Дверь нужно немедленно закрыть!

Он рывком поднялся на ноги, опираясь на стену рядом с дверью. Его трясло от напряжения. Прибор ночного видения по-прежнему барахлил, голова разламывалась, а в ушах стоял звон, но капрал готов был поклясться, что слышит визг разрываемого металла.

– Макс, скорее!

Три секунды, потребовавшиеся сержанту, чтобы прочитать ему код, показались целой вечностью. Хикс ввел код, но дверь не закрылась – кто-то из них ошибся.

– Повтори еще раз! – закричал он, глядя в шлюз и видя, как зеленоватая картинка на экране очков начинает мерцать от движений чужеродной твари. – Давай!

Максвелл еще раз зачитал код, на этот раз помедленнее, чтобы Хикс успел ввести правильные цифры. Тяжелая плита закрылась, когда Хикс уже чувствовал, как что-то черное и извивающееся приближается к нему. Раздался глухой удар, когда тварь врезалась в дверь изнутри. Но внешняя дверь была рассчитана на то, чтобы выдерживать боевые действия и вакуум глубокого космоса. Она устояла.

* * *

Смертельно опасная негуманоидная органическая форма жизни, неопределенного происхождения и внешнего вида.

Старший сержант Максвелл использовал эту формулировку во всех отчетах, в графах наподобие «Указать причины потери персонала, причины невыполнения задания и свертывания экспедиции». Им с Хиксом даже не пришлось согласовывать свои версии произошедшего, они просто рассказали все, как было, а видеозаписи со шлемов Хикса и одиннадцати погибших морпехов подтвердили их слова. К сожалению, когда начался бой, записи зафиксировали в основном беспорядочную стрельбу, вопли умирающих людей и неясные движения чего-то огромного, темного и быстрого, что не поддавалось опознанию. Потом Хиксу пришлось выдержать нелегкий допрос перед комиссией, где каждый из сидевших перед ним офицеров был настолько старше его по званию, что мог покончить с его карьерой одним росчерком пера. Но он и здесь просто продолжал говорить правду.

– Капрал Хикс, почему вы не доложили своему начальнику, что ваша жена была в составе команды «Парадокса»?

– Потому, что я хотел попытаться узнать, что с ней случилось, сэр.

– Вам это удалось?

– Да, сэр. Она погибла…

Дальше следовала та самая ключевая фраза из всех отчетов: погибла в результате нападения «смертельно опасной негуманоидной органической формы жизни, неопределенного происхождения и внешнего вида».

Вся эта история дошла по командной цепочке аж до подполковника, прежде чем дело, наконец, закрыли. Статус морпехов с «Парадокса» и жены Хикса изменили с «пропали без

вести» на «погибли при исполнении». Сержанта Максвелла перевели с базы куда-то еще. Хикс вернулся к обычной службе и обнаружил, что его непосредственный начальник в ярости, что капралу удалось, минуя его, попасть в экспедицию, отправившуюся за «Парадоксом». Но старший сержант вечно был в ярости на весь мир, так что ничего нового в этом не было. Жизнь продолжалась.

Тайна исчезновения жены Хикса была, наконец, разгадана.

Но это не принесло ему ни покоя, ни удовлетворения. Скорее, наоборот.

Иногда ночью он садился перед компьютером, раз за разом просматривая все сообщения от Рэйчел и перекатывая в пальцах ее обручальное кольцо. Последнее сообщение он пересматривал снова и снова, внимательно прищурившись, стараясь совместить картинку со своими собственными воспоминаниями о том, что случилось внутри корабля, который стал ее гробом.

В такие ночи капрал Дуэйн Хикс, внешне спокойный и собранный, постоянно переводил взгляд с экрана на золотое кольцо Рэйчел.

А еще в эти ночи он сжимал кольцо в кулаке с такой силой, что края врезались в ладонь, и на золоте кольца оставались следы крови.

Это существо все еще было там, в космосе. И Хикс знал, что когда-нибудь, – как угодно, любым способом, – он доберется до твари, убившей его жену.

Вспышка
Кристофер Голден

Дитрих еще ни разу не случалось блевать во время высадки на планету, и она очень надеялась, что в этот раз тоже обойдется. Она вцепилась в дугу безопасности перед грудью и старалась дышать размеренно, но стремительное падение десантного катера сквозь плотную атмосферу спутника этому не способствовало. Катер трясло так, что казалось, он сейчас развалится, и Дитрих почти слышала, как стучат от тряски ее кости.

Она бросила взгляд на лицо рядовой Малинки, покрытое зеленоватой бледностью, и подумала, что еще вопрос, кого из них стошнит первой. Но девушку хотя бы оправдывал возраст. Джетте было всего девятнадцать лет, и это была ее первая настоящая высадка на планету. Единственным оправданием Дитрих было то, что она сильно перебрала виски накануне.

Очень сильно перебрала.

Крепко сжав челюсти, Дитрих дышала через нос и смотрела прямо перед собой, одновременно стараясь не замечать сидящего напротив капрала Тима Стенбека. Смотреть на Стенбека ей не

хотелось по двум причинам: она до сих пор помнила вкус виски на его губах и обжигающее чувство вины, затопившее ее утром, когда она проснулась в его постели. Они со Стенбеком какое-то время встречались. Не то чтобы всерьез, просто несколько месяцев они ели, пили и спали вместе. Но все это закончилось почти два месяца назад.

Если бы не прошлая ночь. Это была нелепая случайность, глупая ошибка, но она до сих пор чувствовала легкое раздражение на лице от его щетины. Ощущение было странно приятным и от этого было еще хуже. Дитрих сама оборвала отношения: Стенбек наскучил ей, и она стала побаиваться, что капрал решит, будто влюблен в нее, и начнет строить какие-то долгосрочные планы.

То, что Дитрих сделала прошлой ночью, было нечестно по отношению к нему, и она боялась, не сделает ли Тим неверные выводы из случившегося.

Хотя, с другой стороны, он сам пришел, да еще и с бутылкой. Она всего-навсего впустила его в комнату.

Сидя в падающем к поверхности планеты челноке, Дитрих сосредоточенно дышала через нос в ожидании момента, когда вернется сила тяготения, Хан в своем пилотском кресле возьмет управление катером на себя, и они постараются посадить этот летающий ящик на каменистом плато планеты с негодной атмосферой. Планеты, которая уже убила две исследовательские команды.

Морпехи не собирались ничего исследовать. «Вейланд-Ютани» планировала прислать на планету очередную группу ученых, и задачей морпехов было обеспечить им безопасность и время на постройку лагеря, прежде чем местная фауна – или аборигены, если это были они – сделает из них закуску.

Думая о своем, Дитрих рассеянно оглядывала лица товарищей вокруг. Спанкмейер, Хикс, Васкес, Фрост, Малинка, Вержбовски, Кроу, Зеллер, сержант Эйпон и их командир, лейтенант Эмма Паулсон. Все – просто отличные ребята, включая и Стенбека, на которого она по-прежнему старалась не смотреть.

Когда она, наконец, глянула на него, то ничуть не удивилась, увидев, что он тоже наблюдает за ней. Стенбек кивнул, словно желая уверить ее, что все в порядке, он уже большой мальчик и понимает, как обстоят дела. Она все еще чувствовала себя слегка виноватой, но тут подумала, что, может, и зря. В конце концов, ночь им обоим понравилась.

Дитрих кивнула в ответ. В этот момент Хан взял управление челноком на себя, и катер резко подбросило вверх. Рвота подкатила к горлу, но Дитрих сдержала тошноту, досчитала до

десяти и выдохнула. Посадочный катер по-прежнему мотало в облачном супе, но теперь она слышала шорох песчинок о корпус корабля и знала, что посадка уже скоро.

– Черт, ничего себе спуск! – закричал Хадсон. – А ну, еще разок!

Вокруг засмеялись. Хикс ободряюще похлопал Малинку по колену, но девушка и так явно чувствовала себя получше.

– Нет уж, к черту такие повторы, – отозвалась Васкес. – Мне это задание заранее надоело. Ну почему нельзя просто слетать на планету, перебить там все, что положено, и покончить с этой жучиной охотой пораньше?

– Васкес, заткнись, – проворчал сержант Эйпон. – Мы все должны показать пример нашему новобранцу. Рядовая Малинка должна увидеть, как работает отряд, и научиться от вас практическим навыкам выживания. Считай, что ты, Хадсон, Вержбовски и Стенбек получили предупреждения еще до посадки. Всем действовать быстро и строго по протоколу. Все ясно?

– Сержант, я ваш голос даже во сне слышу, – Васкес глянула на ухмыляющиеся лица вокруг. Только Хикс не улыбнулся, но он уже полностью сконцентрировался на предстоящем задании.

– Я не расслышал, что ты сказала? – рявкнул Эйпон.

– Я сказал «есть, сэр, сержант, сэр!»

– То-то же, – пробурчал Эйпон.

Васкес и Дитрих обменялись понимающим взглядом. Большую часть времени Васкес просто старалась подначить сержанта Эйпона. Сержант был ненамного старше самой Дитрих, но производил впечатление матерого ветерана. Отчасти – из-за пышных черных усов, которые он вечно приглаживал с раздраженно-отеческим выражением. Но из долгих ночных посиделок с Васкес, Дитрих вынесла впечатление, что подруга была не слишком высокого мнения об отцах вообще, и она просто не могла удержаться, чтобы в очередной раз не подколоть сержанта.

Странно было, что Эйпон включил Стенбека и Хадсона в список бузотеров. Когда-то эти двое были лучшими друзьями, но это было до того, как Стенбек и Дитрих начали встречаться. После этого между друзьями наступило охлаждение, иногда переходящее в открытую вражду. Дитрих не понимала, чем это было вызвано, но ей пришлось признать, что это была одна из причин, почему она порвала со Стенбеком. Ее дружба с Хадсоном пострадала из-за постоянной готовности этих двоих вцепиться друг другу в глотку, и к тому же ее раздражало возникшее напряжение в отряде.

С тех пор как она перестала спать со Стенбеком, ситуация

потихоньку наладилась, хотя между двумя мужчинами по-прежнему чувствовалась легкая враждебность. Она вспомнила прошлую ночь и подумала, не слышал ли их Хадсон, и что вообще заставило его поссориться с приятелем.

– Лейтенант, не могли бы вы разъяснить нам обстановку? – Хикс повернулся к Паулсон. – Я знаю, что операция секретная, и доступ к информации ограничен, но мы уже почти что приземлились.

Лейтенант Паулсон нахмурилась, тонкий белый шрам, пересекавший ее губы, чуть дрогнул. Она провела ладонью по обритому черепу и подняла взгляд на пилота:

– Капрал Хан, сколько осталось до посадки?

Хан глянул на приборную панель, не выпуская штурвала из рук:

– Меньше трех минут.

Лейтенант медленно кивнула, подумала и повернулась к Хиксу. Дитрих заметила, что на лице сержанта Эйпона промелькнуло раздражение, и подумала, известно ли ему о цели высадки, и чем было вызвано его неудовольствие – тем, что он знал, или тем, что не знал?

– Мы высаживаемся на Клитемнестре, это спутник Тестия в системе Поллукса, – Паулсон окинула серую кабину катера острым взглядом. Холодные голубые глаза казались особенно яркими в полумраке. – То, что я вам сейчас скажу, является конфиденциальной информацией, и вы не должны ее никому разглашать. Если вы это сделаете, то вам будут предъявлены обвинения в…

– В корпоративном шпионаже, – заметила Дитрих. – Мы это знаем. Может, только Малинка пока не знает.

– Я в курсе, – отозвалась девушка. Она обернулась к Дитрих, и ее короткие кудряшки вздрогнули. – Синтия, я понимаю, что иногда мы действуем, как часть армии, а иногда – как часть корпоративных сил, поскольку Корпорация является спонсором армии. Но я также знаю, что подписала определенные обязательства.

Дитрих моргнула и подняла руку, чтобы успокоить ощетинившуюся девушку:

– Спокойно, детка. Я забочусь о твоих же интересах.

– Спасибо, – холодно бросила Малинка.

– А ну обе уймитесь, – приказал Эйпон. – Рядовая Малинка, я рад слышать, что вы знаете свои обязанности и не желаете, чтобы за вами присматривали, поскольку в нашем отряде никто с вами нянчиться не будет.

– Сама справлюсь, – коротко бросила Малинка.

– Вот и отлично, – ответил Эйпон.

Стенбек рассмеялся и ткнул Спанкмейера локтем в бок:

– Похоже, Васкес теперь не единственная бешеная сучка в отряде.

– Хватит болтать, – бросила лейтенант Паулсон.

Васкес смерила Стенбека убийственным взглядом:

– Эта сучка тебе враз яйца откусит.

– Причем, за один укус, – внес свою лепту Хадсон. – Ну ты и придурок.

– Хватит! – рявкнул Эйпон. – Кому-нибудь еще хочется узнать, за что вы сегодня умирать будете, или уже нет?

Морпехи притихли.

– Итак, возвращаясь к Клитемнестре, – начала Паулсон. – Исследовательские дроны Корпорации обнаружили на спутнике элемент, способный совершить революцию в межпланетных перелетах. Целые десятилетия ученые работали над улучшением двигателей и топлива. Одиннадцать лет назад теоретически было установлено, что комбинация двух элементов – для простоты забудем про химию и назовем их просто «соль» и «перец»…

– Думаете, мы не способны понять химические термины? – обиделся Фрост.

Сержант Эйпон пригладил усы:

– Заткнись, Фрост. Лейтенант и без того знает, что ты-то – точно не способен.

Паулсон подняла руку, чтобы унять раздавшийся взрыв смеха, и продолжила:

– Проблема в том, что каждый раз, когда ученые пытались соединить эти элементы, все кончалось взрывом. Нужна была какая-то третья составляющая, чтобы стабилизировать смесь. Судя по отчетам, которые я читала, они перепробовали около двух тысяч комбинаций и в конце концов несколько лет назад пришли к выводу, что это бесполезно.

А одиннадцать месяцев назад «Вейланд-Ютани» обнаружила в атмосфере спутника газ, который, судя по всему, способен делать взрывные компоненты инертными. Если это на самом деле так, то ученые смогут создать топливо, которое позволит космическим кораблям летать во много раз быстрее. До этого открытия комбинация элементов в топливе просто привела бы ко взрыву корабля. Но с этим газом с Клитемнестры… можете себе представить, какие открываются перспективы.

Хикс откашлялся:

– Спасибо, лейтенант. Остальное мы и так знаем.

– Все как всегда, – согласился Хадсон. – Опять нам лезть в мясорубку.

– Хадсон, ты просто неженка, – заметила Васкес. – Ты думай о главном, hermano[7]. Корпорация закинула две группы ученых на эту планету – жуки убили их всех. И тогда компания вызвала санэпидконтроль – то бишь, нас. Уничтожать жуков – дело хорошее.

– А нам-то с этого какая выгода? – тихо пробурчал Вержбовски.

Сержант Эйпон бросил на него ледяной взгляд:

– Для начала, не пойдешь под трибунал.

Дитрих вздохнула. Тошнота почти прошла. Она обернулась к Вержбовски:

– Я тебе скажу, какая нам выгода. Меньше времени будем болтаться в космосе в ожидании настоящего боя.

Тут улыбнулся даже Хикс.

– А что известно о местных жуках? – спросила Малинка.

Колониальные морпехи традиционно называли все негуманоидные формы жизни жуками, но ей хотелось бы узнать какие-то подробности до того, как они встретятся с оными жуками в бою.

– Информации немного, – проворчал Эйпон. – Но в здешней атмосфере нам точно понадобятся защитные костюмы.

– Вот дерьмо, – заныл Хадсон. – Ненавижу эти штуковины: такое впечатление, что дерешься, весь покрытый мокрой шерстью.

Лейтенант Паулсон кивнула и обвела морпехов серьезным взглядом:

– Они немного замедляют движения, но в здешней атмосфере эти скафандры сохранят вам жизнь.

Васкес мрачно улыбнулась в ответ:

– Нет, лейтенант. Мое оружие – вот что сохранит мне жизнь.

С полдюжины морпехов согласно взревели в ответ, и на этот раз командир не стала их останавливать. Дитрих заметила, что Эйпон с Паулсон озабоченно переглянулись, и на секунду снова почувствовала подкатывающую тошноту. Этот взгляд ей категорически не понравился.

– Эй, компания, – раздался голос Хана из пилотского кресла. – Приехали!

Катер сел, скользнул пару метров в сторону под напором сильного ветра, и остановился. Дитрих прикусила губу во время посадки и сейчас чувствовала во рту медный вкус крови. «Шикарно, – подумала она, – еще из корабля не вышли, а уже кровь течет».

Шутка показалась ей совсем не смешной.

* * *

– Впереди движение, – сказал Зеллер, держа сканер перед собой, словно щит.

Дитрих держала винтовку наготове, но в атмосфере Клитемнестры было столько пыли и грязи, что даже через очки трудно было что-то разглядеть. Она как-то попала в буран, и ощущения были очень похожие. Сильный порыв ветра ударил ее сзади, заставив споткнуться, в очередной раз проклиная этот чертов спутник, где ветер никак не мог решить, откуда ему дуть. Направление ветра менялось каждую секунду, возможно, из-за того, что морпехи находились на высокогорном плато. С севера и запада возвышались скалистые стены метров по десять высотой, от чего возникало ощущение, что отряд оказался в середине разбитой чаши.

– Я ничего не вижу, – заявил Вержбовски, проверяя собственный сканер. – У меня на экране ни малейших следов движения.

Морпехи рассредоточились, образовав круг, и продвигались слаженно, внимательно оглядывая местность. Двигаясь боком, чтобы постоянно быть спиной к центру круга, Дитрих пригнулась, стараясь удержать винтовку под ударами ветра.

– У меня сразу несколько целей! – закричал Зеллер. – Северо-западное направление, движутся в нашу сторону.

– На этой высоте?! – сержант Эйпон старался перекричать ветер. – Эти штуки летают?

И тут Дитрих увидела что-то крылатое, словно бы режущее воздух в полете. Тонкая и хрупкая на вид тварь легко скользила по воздуху прямо к ней, широко распахнув крылья. Дитрих выругалась и вдавила спусковой крючок, заставив пыльную бурю вспыхнуть от лазерного разряда, как от молнии. Тварь заложила левый вираж, каким-то образом исхитрившись стать меньше, а потом стремительно понеслась к земле, целясь в лицо Дитрих. Та упала ничком, перекатилась и поднялась, упираясь коленом и нацелив винтовку на то место, где приземлилось неведомое существо. Тварь стояла в паре метров от нее, и какое-то мгновение человек и жук смотрели в глаза друг другу. Дитрих в первый раз видела подобное существо. Тонкое высокое тело, гладко-черное, словно вулканическое стекло, держалось прямо, а конечности походили на бритвы. Дитрих насчитала две пары глаз, прикрытых прозрачными мембранами, которые служили защитой от пыли и мелких частиц в атмосфере.

Вокруг загрохотали выстрелы. Зеллер что-то кричал про приближающихся жуков, а Вержбовски продолжал уверять, что у него на экране ничего не видно.

Дитрих выстрелила, но очередной порыв ветра заставил ее

пошатнуться и сбил прицел. Заряд плазмы опалил землю рядом с черной тварью, бросившей на Дитрих взгляд, в котором читалось только любопытство. Внезапно крылья развернулись, подобно флагу, и подхваченное ветром существо стремительно взвилось вверх и назад, за одно мгновение уйдя на недоступное для выстрела расстояние.

– Ни фига себе, – потрясенно прошептала Дитрих в коммуникатор.

– Синтия, – позвал чей-то голос, и она обернулась, сообразив, кто это мог быть. Стенбек, само собой. Несмотря на защитный костюм и очки, Дитрих прочитала озабоченность в его взгляде.

– Я в порядке, – сказала она.

– Слушай, здесь нельзя задумываться, – обеспокоенно предупредил Стенбек. – Так и погибнуть недолго.

Хадсон попятился в их сторону, продолжая стрелять в темноту, прервав их разговор:

– Эй, вы, двое, может, потрахаетесь позже, когда мы прикончим эту чертову саранчу, или как там она называется?

Снова раздались крики и выстрелы. Острые черные тени скользили в воздухе, их становилось все больше. Вержбовски продолжал жаловаться на отсутствие показаний на детекторе движения, пока Спанкмейер не выбил сканер у него из рук.

– Придурок, да он просто сломан! Ты лучше глаза разуй!

Морпехи засмеялись.

– Блин, Бовски, надо быть совсем идиотом, чтобы Спанкмейеру пришлось объяснять тебе такие простые вещи, – заметила Васкес.

Выстрелы на время отогнали жуков. Десантники собрались вокруг лейтенанта Паулсон и сержанта Эйпона.

– Хикс, почини детектор, – приказал Эйпон.

Они все слышали приказ. Дитрих проследила взглядом за Хиксом, который поднял с земли неработающий сканер. Она понятия не имела, как он может починить прибор, не имея возможности снять защитный костюм, и без инструментов. Для начала Хикс просто несколько раз как следует шлепнул сканером о бедро. Потом он постучал по нему ладонью и нажал какую-то кнопку на нижней стороне прибора. Морпехи тем временем внимательно следили, не приближаются ли жуки.

Дитрих услышала по связи, как Хикс вздохнул, и даже сквозь завесу пыли увидела, как засветился экран сканера. Хикс повернулся, чтобы отдать прибор Вержбовски, и тут Зеллер снова закричал, а экран прибора в руках Хикса вспыхнул красным.

– Приближаются! – кричал Зеллер.

Дитрих и Хадсон стояли спина к спине, и она услышала, как

товарищ споткнулся и упал, громко выругавшись. Тени скользили в воздухе над их головами, и Дитрих прошила порывы бури плазменным огнем, заставив жуков отвернуть в сторону. Она упала на колено и помогла Хадсону, который шустро поднялся на ноги, невзирая на мешающий движениям защитный костюм.

– Ты в порядке?

Хадсон невесело усмехнулся:

– Мне в любом случае лучше, чем вон тем придуркам.

Не сразу поняв, что он имел в виду, Дитрих перевела взгляд вниз, куда он указывал. Морпехи знали, что две исследовательские команды, заброшенные на спутник до них, погибли, так что увиденное не должно было настолько потрясти. Но она все равно застыла, глядя на выбеленные ветром кости, ссохшиеся мертвые тела и туго натянутую кожу мертвого лица под разбитым шлемом защитного костюма.

«Какая жуткая смерть», – подумала Дитрих.

– А ну поднимайтесь! – закричал Стенбек. – Они приближаются, черт побери! Поднимайтесь немедленно!

Дитрих и Хадсон одновременно встали, глядя на бегущего к ним капрала. Он поднял винтовку и принялся стрелять в воздух над ними, но Дитрих не могла оторвать глаз от пары жуков, стремительно режущих пыльный воздух за спиной Стенбека. Они были слишком низко, и она не могла выстрелить, не задев товарища.

– Ложись! – заорал Хадсон, наводя на них винтовку. – Стенни, ложись!

Даже на расстоянии десяти метров, сквозь пыль и защитные очки, они увидели, как в глазах Стенбека вспыхнуло понимание. Капрал нырнул вниз, перекатился, опираясь на локти – но было слишком поздно. Жуки почти настигли его. Дитрих и Хадсон открыли огонь.

Внезапно тонкая высокая фигура в защитном костюме и с винтовкой наготове вынырнула из пыльной бури рядом с ними. Дитрих не сразу поняла, кто это, и только услышав по связи ругань и крики, узнала голос Малинки. Во время тренировочной стрельбы девушке не было равных. Несмотря на свои девятнадцать лет, она со ста метров могла попасть в муху. Но до сегодняшнего дня ей еще не приходилось бывать в настоящем бою.

Первые два выстрела прошли мимо. Падая, Стенбек прижал винтовку к земле и сейчас пытался вытащить оружие, но в эту минуту один из жуков приземлился прямо ему на спину. Острое крыло распороло защитный костюм, как будто он был сделан из паутины.

Дитрих снова открыла огонь, вызывая Стенбека по связи. Она успела только произнести один звук, и тут третий выстрел Малинки попал в одного из жуков.

Тварь буквально взорвалась, превратившись в огненный шар, и врезалась в жука, сидевшего на спине у Стенбека, заставив его тоже вспыхнуть факелом. Взрывная волна отшвырнула Малинку в сторону, и девушка исчезла из вида в клубах пыли и дыма. Несколько секунд Дитрих, моргая, вглядывалась в расцветающее облако огня. Ветер трепал языки пламени, заставляя пыльную тьму вспыхивать алым, оранжевым и голубым.

– Господи боже, что это было? – простонал Хадсон. – Стенни, дружище… Стенни!

Он рванулся в сторону бушующего пламени, почти не обращая внимания на вспыхивающую над ними пыль. Порывы ветра сносили языки пламени все дальше, угрожая превратить все небо в пылающий костер.

Дитрих вцепилась в Хадсона.

– Прекрати истерику! Ему уже ничем не поможешь. Ты что, не видишь, что там творится?

Они стояли лицом к лицу, почти соприкасаясь очками. Она запрещала себе думать об этом, но в глубине души знала, что привело к разрыву между друзьями. Знала, что Хадсон хотел, чтобы она была с ним, хоть и не говорил этого вслух. Отчасти из-за этого она и бросила Стенбека. Их дружба была важнее для них, чем привычное присутствие Стенбека в ее постели – для нее. Она рада была, что прошлой ночью они напились и снова занялись любовью – это было приятное воспоминание. Но ради Хадсона ей хотелось бы, чтобы этой ночи не было.

А сейчас она вынуждена была смотреть, как Хадсон оборачивается в сторону медленно гаснущего огненного шара и упирается взглядом в почерневшие обугленные кости на фоне пламени – все, что осталось от Стенбека.

– Господи, – выговорил Хадсон. – Вот ведь дерьмо.

Наверху словно загрохотал гром. Они обернулись и увидели еще один огненный шар, стремительно несущийся вниз. Горящие обломки жука пронеслись мимо них и врезались в землю, словно шрапнель. Дитрих огляделась, не увидела больше никого вокруг и поняла, что единственная надежда на спасение – с боем пробиться к отряду.

– Принимайся за работу, Хадсон. Давай, жги этих тварей!

Хадсон вздрогнул, поднял голову и кивнул. Что-что, а убивать жуков у него всегда получалось отлично. Они медленно пятились в направлении к центру плато. Жуки мельтешили в воздухе над ними, словно флаги, бьющиеся на ветру. Дитрих

подстрелила одного и пошатнулась от взрыва. Хадсон уложил еще двух.

– Черт возьми, лейтенант, – послышался голос Хикса. – Что это за нечисть такая?

Прежде чем Паулсон успела ответить, в наушниках Дитрих раздался целый хор голосов. Громче всех кричали Зеллер и Вержбовски, сообщая, что новая волна жуков приближается со стороны скал на северо-западе. Хадсон и Дитрих обернулись в ту сторону, и тут налетевший ветер унес пыль, и они увидели остальных морпехов, подтягивающихся к центру плато. Хромающая Малинка, раненная, но живая, торопилась присоединиться к остальным.

– Вам придется драться врукопашную, – резко приказала Паулсон. – Если они подойдут слишком близко, стрелять нельзя. Придется убивать их врукопашную!

У Дитрих кровь застыла в жилах. Она вспомнила мертвые тела ученых, иссохшую кожу, обтянувшую черепа. Неужели Паулсон думала, что они могут перебить этих тварей, пользуясь только боевыми ножами? Она достала нож из ножен на бедре, но сомнения продолжали терзать ее. Они даже не знали, сколько здесь вообще этих жуков. Это было чистое самоубийство. Но тут она увидела, как Фрост вытащил нож, и поняла, что остальные будут продолжать стрелять, но тех жуков, которые смогут подобраться близко, придется убивать им с Фростом.

Раз так, что же поделаешь. Дитрих только надеялась, что ее мертвое тело не останется лежать на Клитемнестре, и что ей не суждено превратиться в одинокий призрак, обреченный вечно скитаться по этой пустой планете. Она снова глянула на обугленные останки Стенбека и пожелала его духу – и всем их душам – найти прибежище где-то в другом месте, получше, чем это.

Пыльную бурю снова осветили сполохи плазменного огня. Вспышки выстрелов прорезали тьму по всех направлениях. Кроу и Спанкмейер, не останавливаясь, орали что-то нечленораздельное, потом к ним присоединились Васкес, Хадсон и Вержбовски, а теперь еще и Зеллер с Малинкой. Черные воздушные змеи реяли на ветру, опускаясь к десантникам. Лейтенант Паулсон вела дуло винтовки за целью, выжидая удобный момент. Наконец она открыла огонь: одна из тварей взорвалась в воздухе, столкнулась с другой и превратила ее в огненный шар. Потом еще одну, и еще, пока цепная реакция не распространилась по небу, где крутился пылающий вихрь из пыли и горящих обломков.

Дитрих казалось, что они попали в ад.

Стрельба не утихала. Каждый новый взрыв подпитывал

бушующее над головами пламя, и Дитрих подумала, что так они скоро изжарятся в своих костюмах. Она мельком заметила какое-то движение на юге, обернулась и увидела низко летящую тварь, нацелившуюся на Зеллера с Малинкой.

Даже не задумываясь о том, как она рискует, подчиняясь только инстинкту и навыкам морпеха, Дитрих сделала несколько быстрых шагов и встала между своими соратниками и приближающейся тварью. Жук держался низко над землей, но на расстоянии пары метров от нее внезапно взмыл вверх, целясь женщине в лицо.

Дитрих увернулась и пнула существо прямо в середину тела. Летун стал складываться, и тут она ясно поняла, что сейчас произойдет, каким образом эти острые крылья разрежут ее скафандр. Дитрих отдернула ногу, тварь по инерции проскочила мимо и в эту минуту Дитрих, развернувшись, ударила ножом прямо в черное крыло. Нож соскользнул по черной стеклянистой поверхности, оставив после себя только царапину.

Дитрих замерла. Ножи были бесполезны.

– Лейтенант! – закричала она, поворачиваясь и пытаясь взглядом найти Паулсон. Ей нужно было добраться до командира, объяснить, что необходимо отступить, что нужно убираться с этой распроклятой планеты.

Она не видела жука, приближающегося с южной стороны плато, пока Зеллер на завопил, что тварь уже слишком близко для выстрела, и кто-то должен убить ее. Дитрих обернулась и поняла, что он был прав – взрыв изжарил бы его вместе с Малинкой. Понимая, что ножи бесполезны, Дитрих все равно бросилась бежать в их сторону, не желая бросать товарищей на верную смерть.

Зеллер успел выхватить нож. Он сцепился с жуком, и ему даже удалось воткнуть нож в защищенный мембраной глаз твари, но бритвенные крылья кромсали его защитный костюм, пока тот не превратился в лохмотья, и через несколько секунд Зеллер упал на колени.

– Не могу… – услышали они его голос в наушниках. – Что-то с глазами… Мне кажется, у меня из глаз кровь течет.

Дитрих остановилась. Даже если жук не убил Зеллера, отравленная атмосфера планеты сделала свое дело. Кожа Зеллера покрылась волдырями, он захлебывался собственной кровью.

Стрельба не утихала, как и крики в наушниках. Жуки взрывались прямо над краем плато. Чем сильнее разгоралось пламя в воздухе, тем проще было их заметить и убить прежде, чем они подлетят поближе.

Малинка попятилась от Зеллера, сцепившегося в последнем

бою с черной, словно бы стеклянной, тварью. Морпех все больше слабел, его движения замедлились. Когда Малинка оказалась рядом с ней, Дитрих увидела шок в ее глазах и поняла, что, несмотря на все тренировки, девушка только сейчас осознала, что такое настоящий бой. Что такое настоящий ужас. И что значит быть Колониальным морпехом.

Дитрих сунула нож в ножны, подняла винтовку и всадила три заряда в тварь, убивающую Зеллера. Взрыв испепелил Зеллера на месте, сшиб Малинку и Дитрих с ног, и они покатились по раскаленной каменистой земле.

Через какое-то время Дитрих моргнула и поняла, что несколько минут была без сознания. Подняв глаза, она увидела кричащую на нее Малинку, приказывающую ей встать. Потом на помощь подоспели ругающиеся Васкес с Хадсоном. Дитрих протянула Хадсону руку и увидела страх в его глазах. Он испугался за нее. Но тут Васкес вцепилась в ее руку, рывком подняла на ноги и тычком в спину заставила бежать к отряду.

Лейтенант Паулсон приказала отступать. Дитрих слышала в наушниках низкий рык сержанта Эйпона, поторапливающего своих солдат. Она не знала точно, где находится, поэтому ей пришлось ориентироваться на других морпехов, бегущих к челноку. Их отступление сопровождалось новыми взрывами, раскалившими атмосферу до такой степени, что горячий воздух опалял легкие и было больно дышать.

Наконец все бойцы оказались возле катера. Хан опустил посадочный трап. Дитрих споткнулась на входе и тяжело опустилась на пол челнока рядом с другими морпехами. Пока трап поднимался, она смотрела на пылающую бурю за стенами корабля и думала о призраках Стенбека и Зеллера. Корабельные орудия разнесли в клочья пару черных тварей, не давая им приблизиться к открытому люку, и все закончилось.

Все было позади.

Дитрих вспомнила руки Стенбека на своей коже прошлой ночью, вкус виски на его губах и то, что она разбила ему сердце. Снова подкатила дурнота, но ей удалось взять себя в руки.

– Слушайте, кто-нибудь может объяснить, каким образом эти твари так взрываются? – сердито спросила Васкес, стягивая защитный костюм. – Там же все небо горело!

Хан, пилот челнока, обернулся и оглядел морпехов, вылезающих из костюмов, убирающих оружие по местам, проверяющих, не ранены ли товарищи.

– Это доказывает, что ученые Компании были правы, – объяснил Хан. – Это углеродная форма жизни, как и большинство остальных, известных нам. Разница только в растворителе. Для

земных форм жизни это вода, а у этих – пропан.

Дитрих лежала на спине, даже не сняв защитный костюм, пытаясь заставить себя подняться.

Хадсон расхохотался:

– Это просто потрясающе! Выходит, они знали, что эти твари взрываются при выстреле, и все равно отправили нас сюда?

– Они знали, что подобный шанс существует, – признал пилот.

– Хан, увози нас с этой гребаной планеты, – проворчал Эйпон, усаживаясь на скамью вдоль правого борта катера и пристегивая страховочные ремни.

– Извините, сержант, но я не могу выполнить этот приказ.

Дитрих старалась отдышаться, зная, что сейчас придется пристегнуться и выдержать взлет. Но при этих словах она перекатилась на живот, подтянула колени, села и уперлась в пилота тяжелым взглядом. Разговоры и жалобы вокруг смолкли, морпехи прекратили заниматься оружием и с горечью вспоминать об оставленных позади погибших товарищах.

– Что вы несете, капрал?! – рявкнул Эйпон, намеренно подчеркивая звание пилота, чтобы напомнить ему, кто здесь командует.

Но Хан смотрел не на него, а на лейтенанта Паулсон. Десантники повернулись и, как один, тоже уставились на нее.

– Лейтенант, вы можете объяснить, что здесь происходит? – спросил Эйпон.

Дитрих прислушивалась к слабым ударам и шелесту от крыльев тварей, тыкавшихся в корпус корабля, но не сводила глаз с Паулсон, которая словно вдруг поникла под тяжестью горечи и сожаления.

– Капрал Хан, – произнесла Паулсон. – По вашей реакции я понимаю, что вы получили данные с внешних датчиков корабля? Вам удалось установить источник стабилизирующего элемента?

Если бы кто-то решил опросить морпехов, кто из них самый уравновешенный, то большинство наверняка назвало бы Хикса. Но сейчас именно Хикс – не Спанкмейер, не Вержбовски и даже не Васкес, – Хикс врезал кулаком по стене и обернулся к лейтенанту с выражением ярости на лице.

– Какого черта?! – голос его срывался. – У вас не только была информация об этих тварях, которая могла бы спасти Стенбека и Зеллера, но выясняется, что вы с Ханом утаили от нас и другие вещи?

Паулсон расправила плечи:

– Вам лучше сменить тон, капрал Хикс.

Дитрих с трудом поднялась и дотронулась до плеча Хикса,

стараясь успокоить его. Он не глядя стряхнул ее руку, продолжая вызывающе смотреть в глаза командира.

Сержант Эйпон встал между Хиксом и Паулсон:

– Успокойтесь, капрал, – Эйпон повернулся к Паулсон и добавил: – Лейтенант, не могли бы вы пояснить свои слова? Если у задания были какие-либо параметры, которыми вы не могли поделиться с нами раньше, мне хотелось бы услышать про них сейчас.

Лейтенант Паулсон не стала скрывать факт, что чувствует себя неловко. Она медленно кивнула, бросила взгляд на Хана и сделала шаг назад, явно ощущая направленную на нее враждебность:

– Существовало дополнительное задание. Вы все знаете, как это бывает. У каждого задания, как правило, бывает несколько целей. Целью номер один было очистить плато, чтобы следующая группа ученых могла построить там временную базу. Целью номер два было проверить, смогут ли наши инструменты установить источник стабилизирующего элемента. На основании информации, которую успела передать последняя группа ученых, Компания вывела определенные теории…

– Это именно то, что я собирался сказать, – прервал ее Хан. – Это больше не теории.

Дитрих чувствовала, как в ней закипает гнев. Ярость помогла ей хоть на минуту забыть про горечь потери. Она смотрела на Паулсон и Хана, про себя обвиняя их в смерти Стенбека и Зеллера, хотя и понимала, что это была не их вина. Виновата была Компания. Вейланд-гребаная-Ютани.

Она предчувствовала, что последует за объяснением лейтенанта. Не детали, о которых собирался рассказать пилот, а то, что эти детали означали для них, и во что им это обойдется.

– Давайте, колитесь, наконец, в чем там дело, – сказала она.

Хан бросил вопросительный взгляд на Паулсон, та кивнула, знаком позволяя ему говорить.

– Жуки производят тот самый элемент, который нужен Компании, – сказал Хан. – Мы вдыхаем кислород и выдыхаем углекислый газ, а они дышат той дрянью, из которой здесь состоит атмосфера, и выдыхают этот газ. Если бы не он, тут уже все небо полыхало бы.

Дитрих потерла виски, пытаясь осмыслить сказанное:

– То есть, если мы убьем достаточное количество жуков…

– То дестабилизируем атмосферу, – закончил за нее Эйпон. – Может быть, даже взорвем всю планету. Черт.

– Получается, что нам не нужны мертвые жуки, – Дитрих смотрела на товарищей вокруг, на Хикса, Хадсона, Малинку,

Васкес и остальных, и видела, как на их лицах медленно проявляется понимание того, что это значило. Потом она тихо чертыхнулась, проверяя застежки на защитном костюме, и потянулась за своим шлемом.

– Слушайте, я ничего не понял, – заметил Вержбовски. – Мы же прилетели сюда убивать жуков.

Он никогда не отличался особым умом.

– Выясняется, что не за этим, – ехидно заметила Васкес. Она бросила ядовитый взгляд на Паулсон и Хана и принялась снова натягивать костюм.

– Наше задание изменилось, Вержбовски. – Дитрих обменялась встревоженным взглядом с Хиксом. – Получается, что мы не должны их больше убивать. Получается, что эти твари – и есть тот самый распроклятый приз, который все искали. Так что теперь нам надо поймать одного из них.

Мрачное выражение на лице Вержбовски полностью соответствовало ее собственным ощущениям. Обменявшись хмурыми взглядами, остальные тоже принялись надевать только что снятые защитные костюмы и разбирать оружие. Только Малинка усмехнулась, явно предвкушая предстоящий бой, и Дитрих поняла, что от девушки лучше держаться подальше: подобное возбуждение обычно вело к безрассудству.

Шорох за стенами корабля продолжался. Жуки окружили катер в ожидании, словно знали, что он никуда не денется.

Сержант Эйпон направился к входной двери, ожидая, пока Хан опустит трап.

– Ну что, морпехи, – прорычал он, – пошли выполнять задание! Прикрывайте друг друга и постарайтесь не умереть.

Васкес и Хадсон подняли руки в перчатках в традиционном «дай пять», стараясь ободрить друг друга. Трап пополз вниз, замигали сигнальные лампочки, морпехи покрепче сжали винтовки, глядя в расширяющийся проем в ожидании появления черных стеклянных крыльев с бритвенно-острыми краями. Воздух из шлюза устремился наружу, и отряд двинулся вперед.

«Постарайтесь не умереть», – сказал Эйпон.

Что ж, Дитрих собиралась стараться изо всех сил.

Дезинсекторы
Мэтт Форбек

Капрал Синтия Дитрих и рядовой первого класса Рикко Фрост вломились в «Последний шанс» как вусмерть пьяные носороги. Они стряхивали с себя капли горячей воды, будто не под дождем вымокли, а искупались в кипящей реке. Все присутствующие в этом захолустном баре – все четверо – повернулись и глянули на двух морпехов с нескрываемым отвращением. Седеющий бармен, судя по виду с первых дней шедший в комплекте с этим древним сараем быстрой сборки, был единственным исключением.

– Черт побери, – буркнул Фрост, вытирая лицо. – Снаружи жарче, чем в аду.

– Чего изволите, дамочки? – спросил бармен, шлепнув ладони на грубую обшарпанную стойку перед собой.

Фрост покосился на него, пытаясь разглядеть лицо в полумраке комнаты, освещенной только мигающими рекламами пива и чего-то покрепче, да тусклой газовой лампой. Затем решил: неважно, разглядит он бармена или нет. Он не знал его.

Черт возьми, ни он, ни Дитрих не знали абсолютно никого на всей этой дерьмовой, вечно мокнущей планете.

– Текилы! – рявкнула Дитрих с ухмылкой. – Давай всю, что есть!

Опираясь друг на друга, новоприбывшие подошли к стойке и уселись на расшатанные стулья. Бармен достал пару пластиковых стопок и налил в них прозрачной жидкости из бутылки без этикетки.

Фрост сморщил нос. Он понятия не имел, текила это или нет, но, в данный момент, это было совсем не важно. Как ее ни назови, лишь бы была крепкой и ударяла в голову как следует.

Он схватил один из этих двух гигантских пластиковых наперстков, а Дитрих – другой. Их рюмки стукнулись друг о друга, и содержимое было разом выпито. Оба морпеха крякнули, когда алкоголь обжег горло, и, смеясь, упали друг на друга. Они стукнули пустыми рюмками по столу, все еще хихикая.

Фрост наконец огляделся вокруг и заметил мрачные, тяжелые взгляды посетителей. Он хлопнул Дитрих по плечу и незаметным кивком указал на остальных.

– Ну, и какого дьявола вам надо, ребята? – спросила Дитрих с улыбкой.

– Шли бы вы двое отсюда ко всем чертям! – рыкнул седеющий черный мужчина с бородой.

– Что? – возмутился Фрост, не намеренный так просто сдаваться. – Да мы только пришли! Мы полгода тащились с дальних рубежей на черепашьей скорости. Нам чертовски нужно выпустить пар!

– Отстань от них, Джесси, – буркнул толстый лысый белый, сидящий рядом с черным и баюкающий руку на колене. – Уже слишком поздно.

– А может и нет, Тим, – ответил черный. – Они молодые. Спортивные. К тому же солдаты. Если рванут со всех ног прямо сейчас, то шанс у них есть.

Фрост глянул на Дитрих. Им совсем не понравилось то, что они услышали. Случалось им вляпаться в настоящее дерьмо в других барах, но здесь они неприятностей не ожидали. Салливан 9 представлял собой захолустную заправочную станцию, на которой ни черта не было, кроме разнообразного топлива – кислород, водород, да хоть пропан или дерево – и выпивки, чтобы скрасить долгую дорогу.

Но в главном здании станции, где остался их взвод, они не нашли ни глотка. Им пришлось умасливать одну из станционных служащих, чтобы им указали на этот бар. Она, конечно, поначалу сопротивлялась, но Дитрих перла, как танк.

– Мы с места не сдвинемся, пока здесь есть что выпить, – на весь бар заявила Дитрих.

– Ну, или пока капитан не вытащит нас за шкирки, – хихикнув, добавил Фрост. Он глянул на бармена и многозначительно постучал по рюмке. Бармен тут же наполнил и одну, и вторую.

– Да брось, Берто, – сказал Джесси. – Зачем им подыхать тут с нами?

– Никто здесь не собирается подыхать, – сказал бармен. Он поставил бутылку перед морпехами и усмехнулся Джесси в лицо. – Как бы то ни было, я делаю свою работу. А ты делай свою.

– В гробу я видал эту работу, – буркнул Джесси. – За такое дерьмо нам не доплачивают.

– Хочешь уйти? – спросил Берто. – Дверь там.

Джесси глянул на выход, но, вместо того чтобы подняться, глотнул пива и утерся грязным рукавом.

– Нам это не провернуть.

– Что за ерунду вы несете? – выпалила Дитрих. – У меня от вас мурашки по коже.

Берто хмыкнул и прокашлялся.

– Лучше б вам не приходить. Здесь небезопасно.

Фрост вообще был не из пугливых, а уж тем более не собирался позволить запугать себя какому-то заштатному бармену. Он хлопнул ладонью по столу, привлекая внимание, зыркнул на бармена, как бы говоря «не на того напал», и выплюнул одно слово:

– Почему?

Берто глаз на Фроста не поднял. Он скорчил выразительную рожу и сказал Тиму и Джесси:

– Покажите им.

Мужчины отодвинули стулья и встали. На дальнем конце стола, лицом вниз, сидел еще один человек. Все это время он не подавал признаков жизни, и Фрост решил, что он пьян в стельку, именно так, как хотел бы сам морпех.

Тим подошел, взялся за козырек кепки пьяницы и толчком вернул его безвольно обмякшее тело в сидячее положение. Голова мужчины откинулась, не застегнутая рубашка распахнулась на груди, а из-под нее показалось что-то вроде бронированного нагрудника.

Дитрих уставилась на мужчину, а Фрост, давясь от смеха, подколол Берто:

– Это ты так пытаешься намекнуть, что твою адскую жижу пить опасно для жизни?

Бармен покачал головой:

– Глянь-ка на него как следует. Он не пьян.

– Чтоб меня! – прошептала Дитрих. – Что это с ним, черт возьми?

Редко когда Дитрих говорила таким серьезным тоном, поэтому Фрост придержал язвительное замечание, которым собирался срезать Берто. Вместо этого он встал со стула и осторожно подошел к безмолвному посетителю.

Это был азиат, с широкими, румяными щеками и полосками седины в шевелюре. Его лицо оплыло, и на коже выступил пот. Глаза были открыты, но зрачки закатились.

– Он мертв?

Джесси покачал головой:

– Пока, вроде, нет.

Фрост подошел ближе. Что-то неправильное было в нагруднике мужчины. Фрост такого раньше не встречал. Он был твердым на вид, похожим на хитиновый панцирь, но покрывал не всю грудь, а только часть в вырезе майки.

Фрост не мог понять, как шесть креплений по сторонам нагрудника удерживают его на груди. Они были не настолько длинны.

А потом он со свистом втянул в себя воздух. Это были вовсе не крепления. У нагрудника были лапки. Фрост отступил к барной стойке и ткнул в рюмку. Берто наполнил ее доверху, и повторил для Дитрих.

Фрост хлопнул рюмашку, и Берто тут же молча налил снова.

– Что это за хрень? – спросил Фрост.

Тим качнул головой:

– Мы не знаем. Пак пропустил свой обычный стаканчик на ночь и потащился на улицу, а потом вдруг закричал. Мы вышли помочь ему и нашли уже с этой штукой.

– Что за черт? – выпалила Дитрих. – С чего это вы притащили его сюда, а не на станцию? Там хоть медики есть.

Тим указал на грудь Пака.

– Там в темноте были эти твари. Не знаю, сколько, но явно слишком много, чтобы пробраться мимо них с Паком на руках.

Фрост застонал.

– А вызвать подмогу вы, конечно, не могли?

– Мы, по-твоему, похожи на легальное заведение? – Берто фыркнул. – Думаешь, у меня тут связь протянута?

Джесси грустно покачал головой:

– Удивительно, как это «Вейланд-Ютани» нас до сих пор не прихлопнула.

– Эй, мы же не можем бросить парня в таком состоянии, – вступила Дитрих. – Надо снять с него эту хрень!

Тим поднял руку, которую баюкал. Пальцы на ней были такими красными, будто с них слезла кожа.

– Уже пытались, – сказал он. – Не очень-то получилось.

Теперь Фрост понял, откуда взялось напряжение в голосе мужчины. Дело было не в чужаках, вломившихся в бар, а в мучительной боли, которую он пытался скрыть.

– Я пытался отодрать ее голыми руками, и Пак завизжал, как будто его режут заживо. Я решил, что это хороший признак, засунул пальцы под край панциря и потянул.

– Оно приклеилось к груди Пака какой-то кислотой, – сказал Джесси. – Это дерьмо брызнуло во все стороны вместе с кровью Пака и обожгло Тиму руку.

– И вы не бросились за помощью? – возмутилась Дитрих. – У вас совсем крыша поехала?

Тим откинулся на стуле.

– Мы и десяти метров не прошли, как эти твари отрезали нам путь. Мы рванули назад. Прошло уже часа три. Все это время мы пытались решить, что же теперь делать.

– А потом заявились мы! – простонал Фрост.

– И теперь тоже застряли здесь, с нами, – добавил Джесси.

– Пока мы неслись сюда под дождем, мы ничего подобного не видели, – сказала Дитрих. – Может, эти твари уже расползлись.

Фрост прошагал к двери и со скрипом распахнул ее. С ночного неба все так же лил дождь, теплый, как кровь. Он прищурился в темноту, пытаясь разглядеть что-то кроме огней заправочной станции вдалеке. Их корабль сел где-то за ней, и отсюда был совсем невидим.

Фрост знал, что до станции вовсе не так уж далеко, но, казалось, что она в миллионах световых лет отсюда. Он подозревал, что капитан не хватится их до самого утра. Вот черт, он ведь рассчитывал на это до сих пор.

– Что-то у меня плохое предчувствие.

– Ты всегда так говоришь, – Дитрих пихнула его в плечо. – Что-нибудь видишь?

Фрост покачал головой. Свет, падающий из двери, позволял разглядеть только землю перед входом и большой бак с пропаном для освещения бара. Все остальное тонуло во влажной темноте. Сверкнула молния, и Фрост засек какое-то движение там, куда не доставал свет от вывески бара. Сначала он решил, что это листья, вроде пальмовых, шелестят на ветру. Но, несмотря на дождь, ветра не было.

– Там, – он указал Дитрих, куда смотреть. – Что это?

Дитрих наклонилась вперед и уставилась в темноту.

Где-то совсем близко громыхнул гром. Снова сверкнула

молния, и в этот раз Фросту удалось все разглядеть. Это были не листья. Это были огромные насекомые. И они просто кишмя кишели.

Фрост достал из кармана небольшой фонарик и посветил туда, где видел насекомых. Яркий луч света пронзил темноту и высветил несколько жуков. Они попрятались в темноте, спасаясь от света. Некоторые просто разбежались, некоторые спрятались в трещинах в земле. Секунда, и их не стало.

Дитрих отскочила назад, прижав руку ко рту, чтобы подавить крик, и Фрост захлопнул дверь.

– Это просто жуки, – сказал Фрост, обнимая Дитрих за плечи и пытаясь успокоить ее. – Ничего страшного.

– Пак тоже так думал, – сказал Джесси. – И посмотри, что вышло.

Фрост не стал смотреть. Вместо этого он повернулся к Берто.

– Здесь ведь безопасно? – спросил он. – Мы можем просто переждать. В конце концов, кто-нибудь нам поможет.

– Может быть, – заметил Тим. – Если эти твари снаружи и их не достанут.

– У тебя есть план получше?

Как бы Фрост хотел, чтобы и у него, и у Дитрих было при себе оружие. Но просто уйти в самоволку – это одно, а вот полностью вооруженным – совсем другое. Поэтому они оставили все оружие на корабле.

Тим уставился в пол. Джесси пожал плечами:

– Нет, пожалуй, это лучшее, что можно сделать. Именно поэтому мы здесь и сидим.

– И правда, – Фрост повернулся к Берто. – Налей всем за мой счет.

Бармен отмахнулся от Фроста, но бутылку с предполагаемой текилой на стойку выставил.

– Брось это, – сказал он. – Последнее, о чем стоит сейчас беспокоиться, это деньги.

– Вот это правильно, – заявила Дитрих, хватая бутылку.

Пока она наполняла две рюмки, Берто достал еще четыре. Их она тоже наполнила. Фрост передал по рюмке Джесси и Тиму. Он боялся, что руки будут трястись, но, на удивление, не пролил ни капли. Берто опрокинул в себя одну из оставшихся рюмок и уставился на вторую.

– А это кому? – выпалила Дитрих.

Берто кивнул на Пака.

– Он все еще жив.

Фрост вернулся к бару и взял оставшуюся рюмку. Он принес ее Паку и, хотя тот был без сознания, поставил перед ним.

– Не думаю, что ему сейчас хочется выпить.

– Может, и нет, – заметил Тим. – Но ведь не предложишь – не узнаешь.

Подхватив рюмку здоровой рукой, Тим помахал ей под носом у Пака, чтобы тот мог учуять резкий запах неочищенного спирта.

– Давай, приятель, – уговаривал он. – Ты наверняка хочешь выпить.

Внезапно Пак дернулся всем телом. Тим отскочил, облив бедолагу спиртом.

– Вот дерьмо! – выругался он. – Сукин сын.

Пак мотнул головой и выкатил глаза. Он уставился на окружающих, пытаясь сфокусироваться. Джесси потрепал его по плечу.

– Все в порядке, друг, – сказал он ровным, спокойным тоном. – Ты снова в баре.

Пак попытался сесть прямо, но панцирь на груди ему помешал. Он глянул на панцирь, явно пытаясь понять, что это такое. Открыл рот, чтобы высказаться по этому поводу, но не издал ни звука.

– Мы здесь застряли, – принялся рассказывать Паку Джесси. – Хотели отвести тебя к доктору, но, скорее всего, придется ждать рассвета.

Пак снова попытался заговорить и опять неудачно. Он огорченно скривился, а в глазах его застыли слезы. Фрост хотел было подойти и поговорить с ним, но решил, что Пак не в том состоянии, чтобы беседовать с незнакомцами. А еще, сказать по правде, его до жути пугала тварь на груди этого человека.

Тим стоял рядом с Паком, пытаясь утешить его.

– Все будет хорошо, – говорил он.

Фрост подозревал, что никто в этой комнате Тиму не верил.

Пак потянулся и сжал здоровую руку Тима. Это принесло ему облегчение, и он глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. На секунду показалось, что с ним, возможно, все будет в порядке.

А затем Пак начал кашлять.

Сначала он кашлял тихо, будто прочищая горло. Подошел Джесси и похлопал его по спине. Однако вскоре Паку стало хуже, и он зашелся в надсадном кашле. Похоже, каждый раз, когда он наклонялся вперед, будто сгибаясь вокруг проклятого панциря на груди, кашель становился все более мучительным.

– Его нужно показать доктору, – заявил Фрост. – Сейчас же.

– Хочешь нести его в таком состоянии? – спросил Тим.

– Значит, нужно привести доктора сюда, – сказала Дитрих, шагнув к двери. Фрост пошел за ней.

– А как быть с теми тварями снаружи?

Дитрих пожала плечами:

– Мы же не знаем, насколько они быстрые. Так что можем просто рвануть к станции со всех ног, и они нас не догонят.

– В такой ливень? – спросил Берто. – А если поскользнетесь? Они вас облепят в одну секунду!

Фрост решил, что это неважно. Если это был их единственный шанс, следовало им воспользоваться. Они же не могли позволить Паку загнуться вот так.

Фрост распахнул дверь и обнял Дитрих.

– Готова?

Она кивнула, и пара приготовилась к безумному забегу по пересеченной местности под горячим ливнем. Они проделывали такое и прежде, на других планетах. Иногда им вслед еще и пули свистели. Так что, это должно быть намного легче, успокаивал себя Фрост. Безопаснее, так уж точно. Правда?

Но не успели они и шагу наружу сделать, как вдруг Пак запрокинул голову и закричал.

Дитрих отскочила от двери, Фрост рванулся следом, захлопывая ее. В дальнем углу бара Пак выгнулся на стуле, как мотылек, насаженный на булавку. Джесси и Тим сидели по обе стороны от друга, беспомощно глядя на него.

– Что происходит? – пискнула Дитрих тонким, полным паники голосом.

Никто не ответил. Пак перестал кричать и затрясся, как на электрическом стуле.

– Остановите его! – велел Берто Тиму и Джесси. – Держите его, пока он что-нибудь себе не разбил!

Мужчины послушались Берто и взяли Пака за плечи с двух сторон. Только так они могли удержать его от падения на пол. Спустя пару секунд Пак перестал корчиться и откинулся на спинку стула. Потом глянул на друзей, словно собираясь поблагодарить их, но вместо слов изо рта у него хлынула кровь.

– Боже мой! – прошептал Тим.

Несмотря на ужас, написанный на его лице, он продолжал держать Пака, так же как и Джесси. Фрост не мог сказать, намеренно ли они держали друга, или просто были настолько шокированы, что даже не подумали его отпустить.

Затем раздался ужасный булькающий звук. Это в горле у Пака клокотала кровь. Он склонился над столом, и алая жидкость выплескивалась изо рта всякий раз, как его желудок сотрясали спазмы.

Сначала ничего, кроме крови, не выходило.

Но спазмы не прекращались. Они стали чаще и сильнее, и Фрост недоумевал, как это Пак до сих пор не выблевал

собственный желудок.

Пак дернулся вперед так резко, что мог бы разбить лицо об стол, если бы друзья не держали его. И тут что-то темное и скользкое полезло из его рта, заглушая мучительное бульканье.

Фрост непроизвольно отступил назад. Увидев, что Дитрих замерла на месте от страха, он дернул ее к себе.

– Вот дерьмо! – выругался Берто. – Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

Пак продолжал блевать, корчась в судорогах снова и снова. С каждой судорогой все больше и больше мерзости лезло из его рта. Ее было столько, что Фрост задумался, откуда она берется. Эта куча отвратительных тварей медленно заняла весь стол и начала сползать на пол.

В своей жизни Фрост повидал немало странных вещей, но ничего более мерзкого не встречал.

А затем эти твари начали двигаться.

Фрост, хоть и был сам себе противен, не смог сдержать короткого писка отвращения. Хотя визг Тима явно был и громче, и дольше.

Джесси и Тим отпустили Пака, подскочили со стульев и в ужасе отшатнулись. Пак тут же завалился назад, сраженный последней судорогой. Его стул опрокинулся и треснул от удара.

Мерзкий живой водопад продолжал течь со стола на пол. А уже оттуда насекомые размером с палец разбегались во все стороны. Некоторые направились прямиком к морпехам.

Дитрих схватила Фроста за руку и потащила к двери.

– Пойдем, – сказала она. – Нам надо бежать.

– Подожди, – Фрост вырвался из ее хватки и снова вытащил фонарик. Направив луч фонарика на тварей, он тут же понял, что это.

– Это та же дрянь, что и снаружи!

Насекомые разбегались от света фонарика, перебирая лапками так быстро, как только могли. Некоторые стали взбираться по штанам Тима и Джесси. Мужчины взвыли и в слепом ужасе затопали ногами. Фрост посветил фонариком на одного, а затем на другого. В то же время он старался следить за теми паразитами, которые, осмелев от отсутствия света, кинулись к нему.

– Их слишком много! – заорал Фрост. – Я не смогу остановить всех!

Снова и снова он направлял луч фонарика на Тима, на Джесси и на пол между ним самим и насекомыми. Ему не удавалось освещать одно место достаточно долго, чтобы паразиты повернули назад. Если он останавливал луч на какой-то одной точке, то жуки напирали во всех других.

Фрост хотел помочь Тиму и Джесси, которые уже стряхивали жуков голыми руками. Там, где твари касались их кожи, оставались ожоги, и мужчины визжали от боли и страха.

– Свет! – крикнула Дитрих бармену. – Нам нужен свет!

Берто нырнул под стойку и что-то там повернул с диким скрипом. Тусклая газовая лампа в центре потолка, которая до сих пор толком не светила и не грела, ослепительно вспыхнула.

Жуки попрятались. Большая часть насекомых спрыгнула с Джесси и Тима, расправила крылышки, прятавшиеся под панцирем, и полетела прочь с жужжанием и стрекотом.

– Они еще и летают? – выпалила Дитрих. – Так нечестно!

– Собираемся под лампой! – сказал Фрост, обращаясь и к Дитрих, и ко всем остальным в баре. – Здесь они нас не тронут!

Джесси и Тим пробрались к ним, то и дело поворачиваясь вокруг себя, чтобы убедиться, что жуки не прячутся в их собственной тени. Они сбросили пару насекомых в сторону остальных, но Фрост отпугнул их светом фонарика. Через несколько секунд все четверо стояли под светом шипящей лампы в относительной безопасности.

– Ай! – сказал Джесси. – Чертовски больно!

И он, и Тим были покрыты красными отметинами, которые оставили нападавшие жуки. Фрост не мог разобрать, кусали их, жалили или что-то еще, но следы были размером с бильярдный шар и выглядели ужасно болезненными и воспаленно-красными. Одна такая отметина пришлась прямо на правый глаз Джесси, и он прикрывал глаз рукой. Кровь сочилась сквозь его пальцы.

– Думаю, они ушли, – сказала Дитрих.

– Пока да, – уточнил Тим. – Мелкие ублюдки.

– А что с Паком? – сказал Джесси. – Надо проверить, как он там.

– Он уже мертв, – сказала Дитрих. – Забудь о нем.

И они вдвоем уставились на стол, который мешал рассмотреть место, где упал Пак.

– Мы не можем просто бросить его, и всё, – сказал Тим. – Это неправильно.

– Как и рой тараканов, вылезающих из твоего рта, – выпалила Дитрих. – Во всем этом нет ничего правильного.

– Дай мне фонарик. – Тим протянул руку к Фросту. – Если вы все трусите, я схожу и посмотрю.

Фрост уставился на пустую руку Тима. Он точно знал только одно: эти мерзкие букашки так пугали его, что он не собирался отдавать единственную вещь, которая наверняка помогает от них избавиться. Ни за что.

– Даже не думай, – сказал он. – Сам схожу.

– Все пойдем, – добавила Дитрих.

– Нужно просто убрать с дороги этот стол, – сказал Джесси.

Он убрал руку от глаза. Тот опух настолько, что совсем не открывался.

– Верно, – согласился Фрост. – Добровольцы есть?

Джесси ничего не ответил. Он просто рванул вперед и толкнул стол в сторону, быстро и сильно. Из-под стола тут же выпорхнули несколько жуков, так что он перевернул проклятую деревяшку, выставляя обратную сторону на свет.

Еще дюжина жуков скрылась в темноте. На этот раз Фрост проследил за ними лучом фонарика, чтобы увидеть, где они прячутся. Жуки подлетали к стенам и исчезали в трещинах возле самого пола, протискиваясь даже через самые незаметные из них.

– Посвети-ка сюда, – попросил Джесси, подобравшись к телу Пака.

Фрост наклонился в сторону и направил луч фонарика мимо Джесси. И тут же тяжело сглотнул, пытаясь удержать в себе выпитое. Тварь, цеплявшаяся за грудь Пака, отвалилась. Пустой панцирь, поблескивающий в свете фонарика – все, что от нее осталось, – лежал рядом с ним. Грудная клетка Пака в том месте, где крепился панцирь, была раскурочена, будто плоть содрали, выставив напоказ кости и внутренние органы.

Дитрих резко отвернулась, и ее стошнило на пол.

– Чтоб меня! Да они его просто прогрызли изнутри! – ужаснулся Берто.

Приглядевшись, Фрост понял, что бармен прав. Большая часть кишечника отсутствовала, а из желудка был вырван изрядный кусок.

– Надо убираться отсюда, – заявила Дитрих, прополоскав рот. – Незачем тут оставаться.

– А как же эти твари снаружи? – спросил Берто. – Как мы проберемся мимо них?

– Может, они уже убежали? – предположил Фрост.

Он повернулся к двери, с громадным облегчением найдя причину больше не смотреть на тело Пака.

– Можно хотя бы проверить.

Фрост выставил фонарик перед собой и свободной рукой толкнул дверь. Он направил луч фонарика туда, куда не доставал свет, падающий из дверей бара. Жуков там стало еще больше, чем раньше. В основном они были маленькими, как те, что вылезли из Пака, но их было столько, что все просто не смогли бы поместиться внутри обычного человека. Несколько огромных жуков ползали среди них, как великаны среди лилипутов.

– Путь перекрыт, – сказал Фрост. – Нам мимо них не пройти.

– Мы должны попробовать! – выпалила Дитрих. – Ну, раздавим мы по пути парочку-другую жутких насекомых. Так нам же лучше!

– Ты же видела, как быстро эти ублюдки летают, – сказал Джесси. – Нам их точно не обогнать.

– У нас нет выбора! – заявил Тим, подошедший сзади.

– Нужно больше света, – сказал Фрост. – Здесь есть еще фонарики?

Берто угрюмо покачал головой.

– Что можно использовать вместо них? Зажигалки? Спички?

Берто снова нырнул под стойку и вытащил огромную коробку безопасных спичек.

– Иногда горелка в лампе гаснет и приходится зажигать ее снова.

– Под дождем они гореть не будут, – сказал Джесси.

– И света от них все равно недостаточно, – добавил Тим.

– Но мы можем зажигать ими факелы, ведь так?

Берто издал визгливый, нервный смешок.

– А они вот только что закончились.

– Мы можем сделать их сами, – Фрост оглядел комнату. – Разломаем стул или стол и используем ножки. Обмотаем один конец тряпкой и намочим ее тем дерьмом, что ты называешь текилой.

Дитрих нахмурилась.

– Думаешь, они долго продержатся?

– В любом случае, дольше, чем чертовы спички.

– А сколько времени нам нужно, чтобы сделать достаточно факелов? – спросил Тим.

– А что? – хмыкнул Фрост. – Тебе так не терпится пойти к жукам?

Тим пожал плечами, признавая его правоту.

И в этот момент газовая лампа погасла. Но много хуже этого был звук, раздающийся из каждого угла бара – звук скребущих лапок. Насекомые прокладывали путь назад. Фрост не помнил, кто кричал громче всех – может быть, и он, – но в себя он точно пришел первым.

– Должно быть, перегрызли газопровод, – сказал Фрост.

– Это же жуки! – не поверил Берто. – Они не могут быть настолько умными!

Фрост не собирался отстаивать свою точку зрения. В его пользу говорили факты.

Он включил фонарик и, подсвечивая себе, схватил бутылку текилы со стойки. Сразу же вылил часть жидкости на пол, наметив широкий круг, опоясавший Дитрих, Тима, Джесси и его

самого.

И тут Берто – а он все еще был за стойкой – закричал. На этот раз не только от страха, но и от боли.

– Быстрее, – велел Фрост Дитрих. – Зажги спичку!

Он хотел посветить на Берто и помочь ему, но не мог. Не сейчас. Если бы помог, то обрек бы всех остальных на мучительную смерть. Он только надеялся, что бармену удастся продержаться еще немного.

Дитрих чиркнула спичкой о бок коробка, и та вспыхнула. Но руки у капрала так тряслись, что спичка выпала из ее пальцев. Упав на пол, она тут же погасла. Дитрих схватила другую, попутно уронив еще несколько спичек на пол. Матерясь, она чиркнула второй спичкой, наплевав на упавшие. Эту она удержала и смогла поджечь пойло, разлитое Фростом.

Слепящее огненное кольцо вспыхнуло вокруг людей. Жуткие насекомые, окружившие их, бросились врассыпную от жара и света. Некоторые попали прямо в огонь и вспыхнули. Они пищали и шипели, запекаясь заживо в своих панцирях. Нескольким тварям удалось прорваться в круг, но Джесси и Тим вышвырнули их обратно.

Фрост направил фонарик туда, где стоял Берто, но его не оказалось на месте. Дрожащего света пары рекламных вывесок в баре было явно недостаточно, чтобы что-то разглядеть, и уж тем более, чтобы напугать тварей. Однако Фрост был уверен, что Берто мимо них не пробегал. Значит, он все еще должен был оставаться в баре.

Фрост плеснул текилы на стойку, проложив дорожку к огненному кольцу. Она вспыхнула, и огонь побежал по всей стойке.

Берто выскочил из-под нее, отчаянно пытаясь выбраться на свет. Твари покрывали его полностью, вгрызаясь в плоть, пытаясь пробраться в рот. Бармен упал в озеро горящей текилы и вцепился в стойку, как в спасательный круг. Насекомые уползли с верхней части его туловища, но недалеко. Они просто спустились на ноги, подальше от огня и света.

Как только на лице Берто не осталось ни одного насекомого, он взвыл, как смертельно раненное животное. Рубашка на нем уже загорелась, но он и не пытался тушить ее. Наоборот, залез на стойку и окунулся в пламя целиком.

В воздухе запахло горящей плотью, и этот отвратительный запах заставил горло Фроста сжаться.

– Нужно спасти его! – сказал Джесси.

– Как? – спросил Тим. – Слишком поздно! Подумай о нас!

– К черту вас и всю эту хрень!

Джесси рванулся вперед и попытался схватить Берто за плечи, но не смог вынести жара пламени и отступил, опалив руки до волдырей.

– Вот дерьмо! – выругался он. – Дерьмо!

Бармен уже перестал кричать. Все увидели, как его судорожно сжимающие стойку пальцы разжались, и тело соскользнуло вниз, пропав из виду. Джесси снова кинулся к Берто, но Фрост удержал его, схватив за рубашку.

– Брось это, – сказал он. – Его больше нет.

На секунду Фросту показалось, что Джесси сейчас врежет ему и кинется к Берто. Но парень, кажется, понял, что это бессмысленно, и плечи его опустились от разочарования.

Деревянная поверхность барной стойки уже вовсю пылала, и огонь начал распространяться.

– Огонь, наверное, прогонит насекомых, – сказал Тим.

– Ага, и нас заодно, – добавила Дитрих. – Нужно выбираться отсюда.

– Ты чертовски права, – согласился Фрост. – Если эти твари перегрызли газопровод, думаю, всем ясно, что будет дальше.

– Вот дьявол, – бросил Джесси. – Утечка. Если огонь доберется до газа, мы покойники.

– Мы покойники в любом случае, – заметил Тим. – До станции нам просто не добежать.

– Говори за себя, – буркнула Дитрих. – Нам вовсе не нужно обгонять жуков, старик. Достаточно обогнать тебя.

– Идите к черту.

– Сам туда иди! – огрызнулась Дитрих. – Тут все может взлететь на воздух в любую секунду. Мы уходим. Иди с нами или сдохни здесь. Выбор за тобой.

– Она права, – сказал Джесси. – Надо идти. Сейчас.

– А что насчет факелов? – спросил Тим.

– Нет времени их делать, – сказала Дитрих. – Бежим к двери, выносим ее и мчимся, пока не доберемся до станции или не сдохнем.

Тим застонал, но Джесси рявкнул:

– Можешь придумать план получше за оставшиеся пять секунд?! Нет? Тогда вперед!

Тим пялился на Джесси пару секунд, прежде чем кивнуть.

– Ладно.

Фрост перехватил фонарик одной рукой, а наполовину полную бутылку текилы – другой.

– На счет «три». Раз…

Тим рванул к двери. Фрост и Дитрих, застыв, смотрели ему вслед. Джесси опомнился первым и кинулся за другом.

Когда они добежали до двери, Дитрих пихнула Фроста и морпехи тоже сорвались с места.

– Эй!

Тим и Джесси проигнорировали окрик Дитрих и выскользнули за дверь. Фрост тоже выскочил за дверь, с ходу попав под горячий ливень, и тут кто-то – он не понял кто – дал ему по голове.

Фрост упал лицом вперед, поскользнувшись в грязи. Рухнув на землю, он почувствовал выдающий утечку запах пропана. К нему примешивался горький вкус поражения. Фонарик выпал из его руки, пару раз перевернулся в воздухе и упал в нескольких футах от него.

Фрост увидел, как луч мелькнул по лицу Джесси, схватившего фонарик.

– Прости, – в голосе мужчины звучало неподдельное сожаление. Но затем, не медля ни секунды, он ринулся к станции, по следам Тима.

Фрост почувствовал, как кто-то тронул его за плечо, и обернулся, готовый к драке. Но это оказалась Дитрих. Она его не бросила.

– Ты как? – спросила она. – Нам надо двигать отсюда!

Поднявшись на ноги, Фрост увидел свет фонарика, тающий вдалеке.

– Нам их ни за что не догнать.

– Надо попытаться! – выпалила Дитрих.

Но, как только она это сказала, в ночи раздался чей-то крик. Может, это кричал Джесси. Другой крик последовал почти сразу. А секунду спустя едва видный свет фонарика пропал совсем.

– Вот черт! – выругалась Дитрих, таращась в темноту. – Мы по уши в дерьме.

Фрост вздрогнул от смешанного чувства стыда и боли. Он позволил тем двум себя провести, и теперь они с Дитрих заплатят за это своими жизнями.

– Стой, – сказала Дитрих. – У меня же с собой спички! Текила осталась?

Фрост поднял бутылку к глазам. Каким-то чудом, падая, он умудрился не пролить ни капли.

– Ну и что с того?

Дитрих не ответила. Вместо этого она достала коробок и вытащила спичку. А затем попыталась ее зажечь.

Первая попытка провалилась, и капрал достала другую спичку. Фрост слышал, как где-то ползут мелкие гады, стрекоча под дождем. Может, так они разговаривали? Обсуждали план нападения? Он не знал. Но точно знал, что крики все еще не

стихли. То, что, добив местных, жуки кинутся на морпехов, было всего лишь вопросом времени.

Дитрих подошла к Фросту вплотную, и они прикрыли коробок головами. На этот раз спичка вспыхнула.

Дитрих кинула ее в бутылку с текилой. Жидкость взметнулась из горлышка голубым пламенем.

– На кой черт это нужно? – спросил Фрост.

– Кидай ее в бак с газом, – велела Дитрих.

Фрост уставился на нее.

– Там утечка, – сказал он. – Я чую запах.

– Я тоже.

– Здесь все взлетит к чертям.

Дитрих взяла товарища за руку.

– Не хочу, чтоб меня сожрали мерзкие букашки. А ты?

Фрост глянул на бак, стоящий перед баром. А затем туда, где упали Тим и Джесси. Один из них уже перестал кричать. Он не знал, кто именно, но это не имело особого значения.

Он наклонился и поцеловал Дитрих. Затем размахнулся и изо всех сил швырнул бутыль с горящей текилой в подтекающий бак с пропаном.

Стекло бутылки разбилось о стальной бак, и пылающая жидкость расплескалась по нему.

Бак взорвался.

Ударная волна сшибла морпехов с ног. Последним, что запомнил Фрост, был гигантский столб огня, вырвавшийся из бака и осветивший ночное небо.

На следующий день Фрост проснулся на больничной койке, в абсолютно незнакомой палате, где все сверкало чистотой и белизной. Дитрих лежала на соседней койке без сознания.

Похоже, капрал прикрыла Фроста собой от взрыва и здорово обгорела. Медсестры сомневались, выживет ли она.

– Не стоит заранее отчаиваться, – сказала одна из них Фросту. – Она боец, каких еще поискать.

Затем пришла капитан, расспросить Фроста о том, что случилось, и он все ей рассказал. Представители «Вейланд-Ютани» тоже заходили, и он повторил свой рассказ еще раз. Кажется, никто из них не поверил ни одному его слову.

Капитан безжалостно пытала Фроста, записывая малейшие детали, а когда они закончили, сказала:

– Это, безусловно, было жутко. Вы с Дитрих чуть не погибли при взрыве. Неудивительно, что твой мозг придумал такое невероятное объяснение всему произошедшему.

– Идите к черту.

Капитан сочувственно ему кивнула.

– Попрошу доктора выписать тебе успокоительное.

Оставшись один на один со своими мыслями, Фрост и сам начал сомневаться в своей адекватности. Может, Берто что-то добавлял в текилу? Может, это все последствия сотрясения мозга? Может, ему вообще все это просто привиделось?

Он больше ни в чем не был уверен. Но все казалось таким реальным…

Вскоре Фрост заставил себя сползти с кровати, доковылял до койки Дитрих и сел рядом, чтобы взять ее за руку. Она лежала, холодная и безучастная, и он не знал, становится ли ей легче от этого, но ему – становилось. И пока этого было достаточно.

Фрост почти задремал, когда Дитрих, наконец, открыла глаза. Она едва дышала, но умудрилась выдохнуть пару слов из обожженных легких.

– Мы их уделали? – прокаркала она. Голос у нее был как у заядлого курильщика.

– Что? – Фрост вздрогнул от этого резкого звука. – Кого?

Дитрих уставилась на него слезящимися глазами.

– Жуков. Мы перебили всех этих гадов?

– Уж сколько смогли, – ответил Фрост. – Но вполне достаточно.

Дитрих широко улыбнулась и, прежде чем прикрыть глаза, заявила:

– В следующий раз, когда мы вляпаемся в подобное дерьмо, надо будет прихватить огнемет.

Не делай добра
Рей Гартон

Моим друзьям Скотту Коннорсу и Эринн Кемпер

– Эту луну не назовешь приятным местечком, – заметил Джекс, глядя на экран, пока его тонкие пальцы порхали над сенсорной панелью. – Ураганные ветра, жестокие электрические бури. А люди все равно здесь живут.

– Живи и трудись, – заявила Мэд, как только «Гадюка» опустилась на поверхность с легким толчком. – Правда, в данном случае, это одно и то же. Терраформирование здесь – жизненная необходимость.

– Геологоразведка и добыча – тоже. Это одно из скороспелых поселений «Вейланд-Ютани». Благодаря терраформированию атмосфера вполне пригодна для дыхания, но нам лучше бы надеть шлемы – будет защита от мерзкой погоды.

«Гадюка» заглушила двигатели, и Мэд отстегнула ремни безопасности.

– LV-426, одна из трех лун Калпамоса. «Вейланд-Ютани»

ведет разработки на всех трех. Также известна, как Ахерон. Мифическая Река Боли.

– А, по-моему, там было что-то вроде Потока Скорби.

– Поспорим?

Она хмыкнула и сказала:

– Заткнись, Джекс. Из поселения сообщений не поступило. Предполагаю, что они заняты чем-то более важным.

– Ты, конечно, тоже связаться не пыталась.

– Нет, но я бы ответила. Суть в том, что нас либо не заметили, либо им плевать. А это, в свою очередь, означает, что и двух недавно прибывших психопатов они могли также пропустить. Ты все еще можешь засечь Егера?

– Он и его спутник бросили шаттл и движутся к «Надежде Хадли».

– Нужно брать их там. Каковы наши шансы?

– С учетом текущего местоположения, нам придется изрядно поторопиться.

– Тогда вперед.

Ее кресло скользнуло назад, затем, жужжа, повернулось, и Мэд выбралась из него.

– Их фото я видела, а вот в личные дела, после отлета с «Тартара», заглянуть не успела. Открой файлы и расскажи мне об их судимостях, пока мы одеваемся.

Джекс тоже встал с кресла и, пока они шли переодеваться в задний отсек корабля, нашел нужный файл в своей внутренней базе данных.

– На подробности времени нет, но самое основное я тебе зачитаю. Энцо Егер, главный в этой связке, как-то взял в заложники кучу детей в детском саду, чтобы отвлечь внимание полиции от криминальных проделок своих сообщников по всему городу. Это была тщательно спланированная, идеально согласованная, чудовищно рискованная операция, но они провели ее безукоризненно.

– Дай-ка предположу: свидетелей он не оставил?

– Еще бы. Но после захвата здания Егер запер всех детей в комнате, и они не пострадали. Как только его кореша закончили свои дела, он убил всех взрослых.

– Оказывается, в парне есть сентиментальная жилка.

– Кто бы мог подумать, да? Затем он надел армейский реактивный ранец и стартовал с крыши, делить сорванный куш с сообщниками.

– Уцелевшие после дележа?

– Егер. И куш. Большую часть которого он пустил на создание своей криминальной империи. Оружие, наркотики, порнография,

сексуальное рабство, заказные убийства – прямо-таки преступный супермаркет.

– А это правда, что он подвесил одну из своих жен за ноги и выпотрошил, после чего она истекла кровью?

– Правда. И это многое о нем говорит, ведь так?

– А другой?

– Джек Бейтс. Его преступный путь начался в четырнадцать лет с убийства собственной матери. Кроме того, он еще и съел часть ее трупа. Дальше стало только хуже. Умом-то он не блещет. При побеге Егер использовал его в качестве ударной силы. Бейтс просто огромный и, судя по всему, готов сделать всё, что велит босс. Например, убить двадцать три человека при побеге из «Тартара». Голубки в заключении. История стара как мир.

– Как одиночка умудрился уложить двадцать три человека? Чем он был вооружен?

– Он был безоружен.

– Впечатляет. Но верится с трудом. Кстати, под «не блещет умом» ты подразумеваешь, что он умственно отсталый?

– Тут не всё так просто. После убийства матери его отправили в колонию для несовершеннолетних, а там, наверняка, жизнь была не сахар. Бейтс утверждает, что, когда он находился в заключении, его заставили участвовать в исследованиях компании «МетКон Фармасьютиклс».

С тихим шелестом застегнув «молнию», Мэд хмуро глянула на Джекса.

– На нем ставили опыты?

– Ему сказали, что это тестирование нового лекарства. Согласно их утверждениям, они испытывали препарат, повышающий производительность и увеличивающий продолжительность жизни. Назывался он, вроде бы, «Хаксон-Кей».

– Какого рода производительность?

– Он не сказал.

– Думаю, ему никто не поверил.

– Само собой, в «МетКон» всё отрицают, а власти скорее поверят солидной фармацевтической компании, чем малолетнему преступнику, съевшему собственную мать. Начальство колонии также опровергло эту информацию. Однако это уже не первый случай, и есть доказательства закулисных договоренностей между «МетКон» – или другими корпорациями – и различными тюремными учреждениями. Но этих доказательств недостаточно, чтобы заинтересовать власти.

– Их никогда не будет достаточно.

– Конечно, нет. Кому, как не нам, это знать. И, кстати, отвечу на твой вопрос – Бейтсу, действительно, никто не верит. Он

утверждает, что эксперименты сделали его совсем не таким, как прежде – тупым и ужасно злым.

– Злее, чем был подросток, убивший и съевший мать?

– Достаточно злым, чтобы убить двадцать три человека за восемнадцать минут. Думаешь, он говорит правду?

– В отличие от властей, я склонна доверять корпорациям, – особенно фармацевтическим – меньше, чем кому бы то ни было еще. Даже малолетнему преступнику, съевшему собственную мать. Мы знаем, что такое случается, Джекс, а такие, как Бейтс, становятся идеальной мишенью, именно потому, что им никто никогда не поверит.

– Мы собираемся брать Егера и Бейтса живыми?

– В нормальной ситуации стоило бы, потому что за живых обычно вознаграждение больше. Но ситуация явно ненормальная. Эти двое, не задумываясь, уничтожат любого, кто встанет у них на пути, да и без боя точно не сдадутся. Они тяжело вооружены, а мы не можем допустить здесь резни – слишком много колонистов, и велика вероятность, что среди них будут жертвы. Эти двое нужны живыми или мертвыми, и, я надеюсь, тут нам не соврали, потому что назад в «Тартар» я привезу либо тела в мешках, либо по пальцу от каждого. Все равно, вознаграждение одинаковое. Эти ребята им очень нужны.

– Вселенная будет тебе благодарна. Даже их матери будут благодарны. Ну… По крайней мере, мать Егера – точно. Она-то еще жива. Полностью отреклась от него.

– И правильно сделала.

Закончив одеваться, они перешли к стойке с оружием и начали пополнять свой арсенал. Мэд взяла смит-вессоновский «магнум» триста пятьдесят седьмого калибра, «глок» сорокового калибра и обрез, который идеально помещался в длинный карман на ее правом бедре. Добавила к этому электрический кастет, бивший током при каждом ударе, и нож. Затем, немного подумав, прицепила к поясу несколько ударных светошумовых гранат. На всякий случай.

Повернувшись к Джексу, она сказала:

– Как только мы выйдем отсюда, ты должен, не задумываясь, пристрелить любого из этих двоих, если представится случай. Сразу же, как мы их догоним.

– Другими словами, стрелять на поражение.

– Ага.

– Краткость никогда не была твоей сильной стороной.

Она хмыкнула и сказала:

– Заткнись, Джекс.

* * *

Мэд случайно оказалась в нужном месте в нужное время. Она прилетела на «Тартар» навестить старинную приятельницу, заключенную здесь. Джевел Варгас отбывала срок в зоне минимального контроля, потому что ее преступления имели ненасильственный характер, и, к тому же, она пошла на сделку со следствием. Она была кибервором, укравшим кучу денег у плохих парней, которые немедленно возжелали вернуть все назад. Когда они добрались до нее, Джевел заключила сделку с властями и передала им всю информацию на преступников, которых ограбила. Власти получили необходимые им доказательства и смогли упечь всех плохих ребят за решетку, а Джевел скостили срок и создали условия для его комфортного отбывания.

Не прошло и нескольких минут с начала их встречи, как взвыла сирена и вспыхнули красные тревожные огни. Взрыв, прогрохотавший на другом уровне, сотряс корабль. Затем еще один.

Мэдисон Восс использовала вымышленные имена всегда и везде, где существовала вероятность быть узнанной. Но, чтобы попасть на «Тартар» и увидеть Джевел, ей пришлось назвать свое настоящее имя и пройти проверку личности. Поймав пару очень важных беглецов, она заработала определенную репутацию как охотник за головами среди сотрудников органов правопорядка и системы исполнения наказаний. Охране понадобилось всего несколько минут, чтобы выяснить, что она в комнате для посещений «Б3», и проводить ее на административный уровень. Там ее ввел в курс дела начальник тюрьмы Джеффри Вэллингфорд – невысокий, но плотный крепыш с такой черной кожей, словно он был частью ночи, на которую надели униформу.

Двое мужчин совершили побег из «Тартара» на украденном шаттле. На каждой палубе корабля, откуда могли стартовать вооруженные крейсера, они заложили взрывчатку. Та сработала, как только беглецы покинули корабль. Два офицера с «Тартара» начали преследование на других шаттлах, но шаттлы не были вооружены и оснащены для преследования и возвращения беглецов, и, в итоге, они их упустили.

– Возможно, это несколько преждевременно, – сказал начальник Вэллингфорд, – но мы взяли на себя смелость отослать личные дела преступников на ваш корабельный компьютер. Я надеюсь, вы сейчас свободны и можете взяться за это дело, потому что этих двоих нельзя оставлять на свободе. Вы это сами поймете, ознакомившись с файлами.

– Я свободна, – согласилась Мэд. – Двадцать пять миллионов,

и половина вперед.

– Мисс Восс, вы знаете, что это просто возмутительно…

– Мэд, – поправила она с улыбкой. – Мне больше нравится Мэд. И цена моих услуг не обсуждается. Двадцать пять миллионов, и половина вперед, или я возвращаюсь к своей подруге. – Когда он непонимающе уставился на нее, Мэд добавила: – Сами знаете, в таких случаях время имеет огромное значение.

Секунду спустя Вэллингфорд кивнул.

И вот теперь они готовились столкнуться с «прелестями» сурового климата Ахерона, и все это даже без обеда.

Джекс уже привык к экстренным выездам, и установленный порядок стал его второй натурой. Они были вместе уже четыре года, и она возложила на него обязанность следить за тем, чтобы она сохраняла здравый рассудок во время работы. Особый друг Мэд, занимавший высокий пост в корпорации «Гипердин», помог ей приобрести сделанного на заказ андроида. Она получила доступ к таким техническим достижениям, которых широкая публика дождалась только с выходом намного более поздних моделей. Это стоило целого состояния, но она собрала деньги, поскольку точно знала, чего хочет: андроида-мужчину с чувством юмора. Того, кто сможет ее рассмешить. Этакого умника.

Охота за головами была нелегким делом, но оплачивалась хорошо и занимала все ее время. Так что, его не оставалось на общение с другими людьми, а именно этот навык был у Мэд совсем неразвит. Она ненавидела пустую болтовню и считала большинство людей мелочными и ограниченными. Мэд часто говорили, что у нее «депрессивный» тип личности, и она полагала, что так и есть. Возможно, именно поэтому ей было так трудно ладить с людьми. Они все, похоже, были чертовски счастливы без всякой на то причины. Или, что намного хуже, по какой-нибудь идиотской причине. Но она старалась не принимать антидепрессанты или другие лекарства, если без этого можно было обойтись. Ей всего лишь нужен был друг. И ей его сделали.

Джекс был ее единственным другом. Мэд никогда не забывала о том, что он – андроид, сделанный по ее заказу, но это не имело значения. Она действительно привязалась к нему, потому что он смешил ее, когда это было нужно, и затыкался, когда она просила. Он помогал ей не сойти с ума.

– Пойдем, заработаем немного деньжат, Джекс.

– Пойдем. Ой, и я, наконец, постреляю на поражение. Это так волнующе. Я, кажется, даже немного описался.

Мэд хмыкнула и сказала:

– Заткнись, Джекс.

* * *

Тонкий вопль Бейтса, с нотками ужаса, переходящего в истерику, ударил по ушам Энцо Егера, раздавшись внутри защитного шлема. На секунду этот вопль перекрыл даже постоянный звук бьющего по шлему дождя и грохотание грома. Егер посмотрел на спутника; он мог разглядеть его довольно хорошо только потому, что стекло на его шлеме было покрыто чем-то водоотталкивающим, обеспечивающим четкую видимость.

– Джек, какого черта? – спросил он.

После небольшой заминки Бейтс подал голос:

– Прости, Энцо. У меня нога застряла между двух камней. Испугался на секунду.

– Ногу вытащил?

– Да, Энцо. Эй, Энцо… – И снова заминка, а затем громила заговорил и в голосе послышался страх, но уже не так отчетливо: – Тут же не будет никакого «МетКона», правда?

– Никакого «МетКона»? Это фармацевтическая компания, Джек, и она находится не здесь. Здесь «Вейланд-Ютани», помнишь?

– Да, да, «Вейлунтани», ты же говорил мне, «Вейлунтани». – Бейтс показал на здание впереди, на котором во всю стену красовалась желто-голубая эмблема «Вейланд-Ютани», местами уже поблекшая. – «Вейлунтани».

– Черт возьми, Джек, я же тебе сто раз говорил! Это очередная наскоро слепленная колония «Вейланд-Ютани» и у меня здесь работает приятель. Помнишь? Эй, чтоб не было никаких чертовых панических атак, понял меня?

– Д-да, Энцо, понял. Я забыл, что ты мне говорил. П-прости. Просто я, вроде как, чуток испугался, что мы, ну, могли наткнуться на кого-то из «МетКона», – его страх внезапно пропал, а в голосе прорезались хнычущие нотки. Бедный, тупой сукин сын.

Человек-гора, к тому же невероятно сильный, он был единственным другом Егера там, на «Тартаре». Поэтому, предполагал Энцо, другие заключенные боялись и избегали его. Егер подружился с Бейтсом вскоре после того, как попал на тюремный корабль, потому что иметь в друзьях громилу, к которому все боятся подойти, было удобно. Джек интересовал Егера только потому, что выглядел опасным отморозком; Энцо вовсе не собирался, более того, не хотел, привязываться к нему.

Сначала он предполагал, что странности в поведении Бейтса и его очевидная тупость вызваны длительным употреблением наркотиков. Но проведя с ним больше времени – большей частью

свободного от общения с другими заключенными, к радости Егера, – понял, что этот громила туп, как пробка, вот и всё. Он никогда не употреблял наркотики. Несмотря на размеры и отталкивающую внешность – короткие, ярко-рыжие волосы, слегка обезьяньи черты лица с множеством веснушек, маленькие уши, глубоко посаженные глаза, зубы – образец бездарности стоматолога, выросшие до размера небольших бивней и оттопыривающие толстые, мясистые губы, – Бейтс был смирным, как овечка, по развитию находясь на уровне ребенка. Ребенка с искалеченной психикой, смутно помнящего, что он, вроде бы, сделал что-то плохое, но непонятно, что именно. Однако, все плохое, что делали с ним, он помнил очень хорошо. А самыми ужасными воспоминаниями детства стали постоянные издевательства жестокой и злобной матери.

Сначала Егер пропускал мимо ушей рассказы Бейтса о том, как он был подопытным кроликом в «МетКон». Джек застывал от ужаса, когда видел рекламу «МетКон» или их эмблему в журнале. Егер подозревал, что бедный жалкий дурачок состряпал эти истории, чтобы заполнить пустоты в своих воспоминаниях, и сам себя убедил в том, что это правда.

Но он слышал, как шептались окружающие. Чаще всего, когда рядом был Бейтс, они его избегали, но, когда был один, он иногда ловил обрывки разговоров. Как-то в столовой ему рассказали, что мямля Бейтс менялся на глазах, если его пугали или начинали угрожать. Он становился жестоким и опасным. Поговаривали, что менялся не только его характер, но и внешность, рост и даже цвет кожи. Из-за таких сдвигов громила несколько раз оказывался в карцере, а количество жертв его агрессии ясно давало понять, что из «Тартара» он не выйдет никогда.

Егер и сам однажды стал свидетелем такого сдвига, когда какой-то выскочка, только что попавший на «Тартар», решил ввязаться в драку с самым большим парнем, отпустив пару двусмысленных шуточек. Неудачных шуточек. Все произошло так быстро, и сопровождалось таким количеством крови, криков и шума, что у Егера об этом остались только размытые воспоминания. С тех пор он так и не смог определиться, что же все-таки тогда увидел. Однако он начал прислушиваться к тому, что Бейтс рассказывал о своей неблагополучной юности и кошмарном времени, проведенном в «МетКон».

Он узнал, что другие заключенные держатся подальше от Бейтса не из-за его роста или силы; они боялись ненароком разозлить или оскорбить его. Джек был так чудовищно туп, что не всегда правильно понимал слова или поступки окружающих; он всегда предполагал худшее и мгновенно обижался. После того,

как взбешенный Бейтс на глазах у всех жестоко прикончил засранца, шутившего по поводу его матери, никто не хотел случайно повторить его судьбу.

Вся эта история заставила Егера задуматься о том, сколько правды в рассказах Джека, и, если все так и было, что, черт возьми, с ним сделали в «МетКоне»?

– «Хаксон-Кей», – тихонько бубнил амбал на своей нижней койке, иногда во сне, а иногда просто пялясь в темноту. Он сказал, что так называлось лекарство, которое на нем испытывали. То самое лекарство, которое сотворило с ним все эти ужасные вещи, правда, он точно не мог сказать – какие.

Чем больше Егер думал об этом, тем меньше верил в то, что такой идиот, как Джек, смог бы выдумать подобную историю.

И Энцо было жаль его. Мать Егера называла таких, как он, «душевнобольными». Что бы ни вызвало такое состояние, это точно сделал не сам Бейтс. Егер подозревал, что физическое, сексуальное и психическое насилие, пережитое Джеком в детстве, тоже наложило свой неизгладимый отпечаток. Именно поэтому Егеру было жаль его. Ну, и еще потому, что, несмотря на все преступления, которые он совершил и еще мог совершить, у Бейтса было огромное сердце большого ребенка.

Энцо Егеру такое было совсем не свойственно. Жалость была чувством, которое он едва ли когда-то прежде испытывал.

Однако времени предаваться воспоминаниям у него не было, и Егер вернулся мыслями в настоящее. Бушующие ветра этой луны сбивали компаньонов с ног с самого прибытия до того момента, как они добрались до стены, защищающей «Надежду Хадли» от постоянных атак стихии. Теперь идти стало легче, но стена совсем не защищала от проливного дождя или внезапных ударов молний, освещавших темно-серое небо и бивших в землю и в раскрошенные скальные образования, упирающиеся в небо. У Егера был старинный приятель, Лупо, который встал на путь исправления и теперь работал с тяжелой техникой в этой самой наскоро слепленной колонии, раскинувшейся перед ними прямо сейчас. Он надеялся, что Лупо поможет ему найти корабль, чтобы убраться как можно дальше от «Тартара». И даже если бы Лупо не помог, они вполне могли бы сами взять все, что им нужно.

Но что-то было не так. Как только они выглянули из-за угла комплекса, у Егера внезапно возникло неприятное ощущение, словно вся кожа на его теле съежилась. Это был сигнал опасности, который всегда обострял его бдительность. Что-то слева привлекло его внимание еще до того, как он понял, что именно.

Огромный трактор «Дайхотаи» стоял посреди двери ангара.

За сплошной пеленой дождя машина с ее восьмиколесной базой напоминала неуклюжего механического монстра. Его приятель Лупо, наверное, работал именно на такой. Но сейчас этот монстр был тих и неподвижен. Когда они с Джеком обошли угол здания, Егер увидел, что место водителя в тракторе пустует, а сам он подпирает снаружи здоровенную металлическую дверь ангара.

Он остановился. Бейтс встал рядом, ожидая, что скажет босс.

– Все это выглядит как-то не очень, – сказал Егер. – Но нам все равно нужно внутрь. Не стреляй, пока не скажу. Понял, Джек?

– Понял, Энцо, понял.

Егер напрягся, приближаясь к двери ангара под бешеный стук собственного сердца. На секунду он наклонился вперед, глянул в приоткрытую дверь и тут же отступил. Энцо не заметил ни людей, ни малейшего движения, не услышал ни единого звука. Ничего в ангаре не подавало признаков жизни. Кто-нибудь уже должен был к ним выйти. А в сочетании с дверью, подпертой трактором, это наводило Егера на нехорошие подозрения.

– Почему здесь так пусто? – прошептал Бейтс.

– Хороший вопрос. Держи-ка ушки на макушке, понял?

– Ага.

Когда они проходили через полуприкрытую дверь, Бейтсу пришлось пригнуться, чтобы не врезаться головой в косяк.

Попав внутрь, они подняли визоры на шлемах. Холодный, сырой воздух проник под шлем, и Егер огляделся вокруг.

Справа стояли в ряд трактора, а слева – механические погрузчики, окруженные какими-то ящиками и разнообразным оборудованием. Егер решил, что они случайно оказались именно в той части колонии, где будет проще всего найти Лупо. Но здесь никого не было. Не было слышно ни звука, ни шороха, не считая буйства ветра за дверью ангара.

Когда он опустил взгляд на пол, его тревога переросла в страх. Он увидел темно-красные пятна в окружении мелких брызг.

– Здесь случилось что-то плохое, Энцо, – прошептал Бейтс.

Насколько Егер мог увидеть, лужи, брызги и потеки красного цвета пятнали весь пол этой огромной комнаты. Кровь осталась, а вот тела убрали. Картина получалась довольно мрачная.

– Н-да, – наконец ответил он. – Что-то плохое.

Правой рукой он расстегнул кобуру, висевшую через плечо, и вытащил из-за спины помповое ружье «моссберг» двенадцатого калибра. Затем раскрыл складной приклад, а левой рукой проверил, легко ли вынимается закрепленный на бедре девятимиллиметровый «глок».

Они прошли чуть дальше внутрь. Бейтс следовал за Егером по

пятам. Какой-то шум, вроде жужжания, заставил Энцо замереть и посмотреть туда, откуда он шел: вверх и направо. Звук раздался снова, но теперь слева.

Камеры наблюдения, установленные в помещении, следили за ними, поворачиваясь вслед.

Суровый женский голос зазвучал из потрескивающего переговорного устройства, которое Егер не смог обнаружить:

– Идентифицируйте себя.

Егер повернулся к Бейтсу и подмигнул, подавая знак не открывать рта, пока не будет велено.

– Эм, мы с другом случайно сели на этой луне и искали приют. Условия здесь далеко не благоприятные, – он улыбнулся камерам.

– Идентифицируйте себя.

– Ну, мы следовали в…

Из переговорника донесся какой-то шум, а затем мужской голос спросил:

– Энцо? Энцо чертов Егер?

Егер ухмыльнулся:

– Лупо? Это ты?

– Какого черта ты здесь делаешь?

Егер пожал плечами:

– Галактика не так велика, как кажется. А это мой друг Джек.

– Нет, серьезно, что ты здесь делаешь?

– Ну, это длинная история.

– Да уж, наверняка.

Егер кивнул на пол:

– У вас тут, я смотрю, нешуточные проблемы.

– Ага. Осторожней, Энцо, вы сейчас в большой опасности. Оглядись. Хорошенько оглядись, чтобы убедиться, что вы там одни.

Оглядевшись еще раз, Егер заметил, что между погрузчиками и тракторами, в углах притаилась темнота, и в ней не было видно ничего, кроме неясных теней. Сузившимися глазами он всмотрелся в эту темноту.

Что это было? Движение?

* * *

Как только они с Джексом покинули корабль, Мэд увидела вроде бы совсем рядом тусклый отсвет огней «Надежды Хадли», падающий на искореженные скальные образования. Но дорога к колонии затруднялась сильнейшими ветрами из всех, с которыми

ей доводилось сталкиваться, и нескончаемым проливным дождем, так что они потратили на нее значительно больше времени, чем ожидали.

– Непохоже, что здесь можно приятно скоротать вечерок, – заметил Джекс, когда они обошли защитную стену и остановились осмотреть видимую территорию комплекса. – Кстати, Егер и Бейтс нас обогнали. Если помнишь, я говорил, что нам нужно поторопиться, если мы хотим…

– Заткнись, Джекс.

Мэд нахмурившись глядела на колонию, раскинувшуюся перед ней.

– Это место словно вымерло.

Несколько лет назад, в погоне за беглецом, они с Джексом уже посещали подобную колонию и все время, что они там пробыли, в ней царила суета. Грохочущие механизмы и тяжелая техника работали сутки напролет, по территории бесконечно сновали трактора, прибывающие или отбывающие на раскопки, разведку, пробное бурение или по другой надобности.

Огни, освещающие «Надежду Хадли», казалось, еще больше привлекали внимание к неестественной тишине, затопившей колонию. Куда бы она ни посмотрела, нигде не было ни следа движения.

– Выглядит как город-призрак, – сказала Мэд. – Как будто все его покинули.

– Показания моих датчиков говорят об обратном, – заявил Джекс. – Судя по всему, они отсиживаются внутри. И они задраили все входы и выходы. Совсем не в духе «Вейланд-Ютани». Если, конечно, им не угрожает никакая опасность. Вероятно, снаружи.

– Тогда нам, наверное, нужно попасть внутрь.

Мэд быстро двинулась вперед, и Джекс последовал за ней.

Пару минут спустя Джекс сказал:

– Дверь в ангар, кажется, оставили открытой, а перед ней бросили трактор типа «Дайхотаи».

– Звучит не очень хорошо. Но будем считать это приглашением.

* * *

Егер понял, что у него стремительно развивается паранойя, и постарался оторвать взгляд от темных углов вокруг. Вместо этого, он снова посмотрел в камеру наблюдения, висящую прямо над ним.

– Кто здесь, Лупо?

– Мы сами толком пока не знаем. И это скорее «что», а не «кто».

– Ладно. Может, объяснишь, что за чушь ты несешь, или мне придется догадываться, о чем, черт тебя дери, идет речь?

– Вы прилетели очень не вовремя, Энцо. Вам с другом лучше развернуться и делать ноги, пока можете. Возвращайтесь на свой корабль и улетайте отсюда к чертовой матери.

– У нас не хватит горючего, чтобы добраться куда-нибудь еще.

– Тогда спрячьтесь на корабле. Я серьезно, Энцо. Вам нужно бежать отсюда прямо сейчас. В ангаре находиться опасно, а впустить вас мы не можем. К тому же… может, снаружи у вас больше шансов.

– Что за бред ты несешь, Лупо?

– Идентифицируйте себя, – снова произнес женский голос.

Егер нахмурился, зыркнув в камеру с подозрением.

– Чего?

– Идентифицируйте себя!

Тут до Егера дошло, что женщина обращается вовсе не к нему, и он повернулся, чтобы увидеть две безликие фигуры, возникшие в дверном проеме с оружием в руках и взявшие его на мушку.

– В укрытие, Джек! – рявкнул он.

Пришельцы открыли огонь за секунду до того, как Егер дернул за спусковой крючок дробовика, и спустя полсекунды после того, как они с Бейтсом нырнули под прикрытие ближайшего трактора. Прогрохотали три выстрела, и их звук, отразившись от стен, заметался по комнате.

Стрелки кинулись в разные стороны, ища укрытие; один – за тракторами, другой – за погрузчиками, в самых темных углах.

– Это еще кто, Энцо? – спросил Бейтс полным паники голосом. – Кто мог найти нас? Я думал, мы оторвались от всех крейсеров «Тартара». Кто стреляет в нас, Энцо?

– Успокойся. Я не знаю. Надо подумать. Хорошенько подумать.

Кем бы ни были эти стрелки, ясно было, что они собираются убить Егера и Бейтса, потому что стреляли они на поражение. Единственное, что оставалось беглецам, – уломать Лупо пустить их внутрь.

– Эй, Лупо! – крикнул Егер. – Мы тут, вроде как, в розыске. И нам здорово нужна помощь.

В ответ раздался сдавленный голос Лупо:

– Я же говорил, Энцо, мы не можем помочь и не пустим вас

внутрь. Боюсь, тут каждый сам за себя, приятель.

– Черт, – проворчал Егер, поворачиваясь, чтобы оглядеться. – Куда подевались эти двое?

* * *

Мэд съежилась за колесами трактора и слушала голос из переговорника:

– Послушайте, вы все, я не знаю, что вы там не поделили друг с другом, но выяснять это вам лучше в другом месте. Здесь опасно.

Когда голос утих, Мэд шепнула:

– Как ты думаешь, что он имел в виду?

– Здесь есть что-то еще, помимо нас, – сообщил в ее наушнике голос Джекса.

– Кто?

Вместо ответа из-за ряда погрузчиков, где прятался Джекс, раздалась длинная очередь. Когда Мэд посмотрела в том направлении, она увидела громадную фигуру, движущуюся в тени погрузчиков. Что-то значительно крупнее Джекса.

– Джекс, что происходит?

– Возможно, нам придется уйти ни с чем, – сказал ее напарник. – Предлагаю свалить отсюда к чертям прямо сейчас.

И снова раздались выстрелы.

Мэд перебежала открытое пространство между рядами, торопясь добраться до Джекса.

* * *

Егер следил, как один из стрелков кинулся из-под прикрытия тракторов к погрузчикам – туда, где звучали выстрелы, когда в его уши ввинтилось хныканье Бейтса.

– Ну, что опять? – шепнул Энцо, поворачиваясь к нему.

Он увидел, что Джек смотрит вверх, на что-то прямо за его спиной.

Когда Егер повернулся, Бейтс закричал. Он поднял глаза и увидел существо, поднимающееся из густой тени между двумя тракторами. Первым делом он заметил пасть, полную блестящих, влажных клыков.

Бейтс все еще кричал, отступая, и в громких, пронзительных криках, каким-то образом, слышались отголоски хныканья испуганного ребенка.

Егер пытался понять, что за тварь появилась перед ним из темноты – кошмарные клыки, которые топорщились в открывающейся пасти, тонкие руки с огромными кистями, больше похожими на когти, длинные мускулистые ноги и хвост, закрученный вверх.

Крик Бейтса зазвучал по-другому. Хныканье исчезло, звук стал грубее. Егер хотел повернуться и посмотреть, что случилось, но не мог оторвать взгляд от твари, медленно приближающейся к нему. На самом деле, он не мог даже шевельнуться – все тело с головы до пят будто заледенело.

Крик, превратившийся в утробное рычание, стих, но в наушниках шлема все еще слышалось тяжелое, с хрипами, дыхание Бейтса.

Потом Егер уловил какой-то звук над собой. Он хотел поднять глаза, потому что звук, похоже, шел с крыши трактора слева от него, но не смог отвернуться от собственной, неотвратимо приближающейся, смерти.

Каким-то чудом, он отмер и смог поднять ружье.

Как только он опустил палец на спусковой крючок, тварь ринулась вперед, сокращая дистанцию между ними.

Раздался звучный, гортанный рёв, и что-то рухнуло на зубастую бестию сверху. Тварь взвизгнула и закрутилась вокруг себя, колотя хвостом и пытаясь сбросить нападавшего.

Это был Бейтс. Монстру, только что нападавшему на Егера, стало не до него. Энцо опустил ружье и отступил на пару шагов, пытаясь осознать, что это Бейтс залез на крышу трактора и обрушился на тварь сверху. Но то чудище, которое сейчас оседлало визжащего черного монстра и, рыча, методично колотило по его цилиндрической башке, не было тем Бейтсом, которого он знал.

Джек стряхнул остатки костюма, ставшего ему слишком тесным. Показавшаяся из-под костюма кожа – ржаво-красная, будто все его веснушки слились в одну и потемнели – была грубой и морщинистой, как слоновья шкура, покрытой костяными шипами по всему телу. Его руки были размером с ноги прежнего Бейтса и казались длиннее, кисти были огромными, с шипами на каждой костяшке и смертоносными черными когтями на пальцах. Большой, туповатый и неуклюжий приятель Егера стал громадным, покрытым шипами, молниеносным дьяволом из самых глубин ада.

Тварь окончательно забыла о Егере, который с отвисшей от ужаса челюстью наблюдал за битвой двух монстров.

* * *

Когда Мэд увидела Джекса, он, лежа на спине, с оружием в каждой руке, быстро отползал назад, отталкиваясь ногами от пола. При этом он не прекращал стрелять в приближающуюся кошмарную черную тварь, похожую на смесь паука и скорпиона.

Сзади, из-за ряда тракторов, до нее долетал ужасающий рев и визг, будто металлические когти скребли по огромному стеклу. Однако Мэд едва слышала эти звуки, правой рукой выдергивая обрез, в то время как левая потянулась к «глоку», но остановилась в нерешительности. Передумав, охотница сунула обрез назад в карман и рванула с пояса одну из гранат. Сорвав чеку большим пальцем, она швырнула ее прямо в тварь и рухнула на пол, закрыв голову руками.

Ударная волна сотрясла ее до самых костей, а тварь, собиравшаяся напасть на Джекса, испустила раздирающий уши визг. Такие, по мнению Мэд, наполняли бы ад, если бы он существовал. Она подскочила на ноги и ринулась сквозь оставшийся после взрыва редкий, жгучий дым, к Джексу, который воспользовался секундным замешательством монстра, чтобы откатиться и попытаться встать. Но Чужой слишком быстро пришел в себя.

Пытаясь добраться до Джекса, Мэд чувствовала себя словно во сне, где все, в том числе и ее собственное тело, движется как в мучительно замедленной съемке. Тварь позади него рванулась вперед, вытянула одну из лап с чудовищными когтями и схватила Джекса за правую лодыжку.

Выхватив следующую гранату, Мэд беспомощно смотрела, как тварь тащит Джекса за ногу назад, в тень.

А потом она снова услышала дикий рев, но на этот раз он прозвучал над ней.

Что-то огромное рухнуло с крыши одного из погрузчиков на спину твари, которая тащила Джекса, встав на задние лапы. Чужой поднял синтетика и, раскрутив за ногу, попытался ударить им нападавшего. Но, вместо этого, монстр отбросил Джекса в сторону погрузчика. Он упал на пол в брызгах какой-то белой жидкости. Правой ноги у него не было.

Подняв глаза, Мэд увидела, что нога Джекса все еще зажата в когтях у твари, которая сцепилась с гигантским красным чудищем, которое лупило шипастым кулаком по ее голове. У чудища были выраженные обезьяньи черты лица с чем-то вроде бивней, рыжая грива и маленькие глазки, блестевшие в тени нависших бровей.

Ногу можно было заменить. Мэд подбежала, схватила Джекса за руку и потянула его прочь от рева и визга. Когда они вышли в проход между рядами тракторов и погрузчиков, она увидела Энцо

Егера, который брел между двух тракторов, пошатываясь, опустив голову и ружье. Он ее пока не заметил.

Охотница выхватила «глок».

Беглец вскинул голову и начал поднимать ружье.

Мэд выстрелила, и правая коленная чашечка Егера разлетелась вдребезги в брючине его оливкового комбинезона. Он закричал, падая на пол, а когда ударился спиной об бетон, ружье крутнулось и выпало из его руки.

Жуткие звуки по-прежнему наполняли ангар, отражаясь от стен и машин.

Мэд наклонилась и сказала:

– Никуда не уходи, Джекс.

– Ну, ладно. Но учти, вечно я ждать не стану.

Пока она подбиралась к Егеру, тот дотянулся до спрятанного в кобуре пистолета. Мэд пнула его по руке, и оружие отлетело прочь.

– Энцо Егер, я полагаю? – спросила она, поднимая визор на шлеме, чтобы он увидел, что проиграл женщине. Это был ее любимый момент.

Он уставился на нее. Боль исказила его черты, заставляя то ли хныкать, то ли хрипеть. Но, несмотря на боль, он изучал ее лицо, сощурив глаза.

– Ты… ты…

Она улыбнулась.

– Мэдисон Восс.

– Мм-Мэд.

Она кивнула, игриво приподняв брови:

– Похоже, ты слышал обо мне.

Егер выдавил кривую улыбку и тоже кивнул:

– Ага, слыхал. Ты здесь… чтобы вернуть меня?

– Верно. Тебя и твоего дружка. Где он, кстати?

– Ну, думаю… он только что… спас твою задницу.

Мэд вспомнила мощного, неистового монстра, с толстой, грубой, красной кожей, усеянной шипами, чье вмешательство помогло спасти Джекса. Это и был Джек Бейтс. Вспомнила она и его рассказы об экспериментах, которые ставили на нем в «МетКоне».

– Мне некогда маяться дурью, – сказала она, глядя на Егера и по-прежнему держа его на мушке.

И хотела было что-то добавить, но внезапно поняла, что рев и визг стихли. Снова повернувшись к погрузчикам, она изумленно вздохнула, когда из тени выступил обнаженный мужчина с кровоточащими ранами по всему телу, от шеи до бедер. Он, пошатываясь, выбрался в проход.

– Энцо? – раздался его каркающий голос.

Егер приподнялся на локте.

– Джек! Ты жив!

Устало сгорбившийся и прихрамывающий Бейтс снова позвал:

– Энцо? Это ты?

– Да, я, Джек. Я здесь. Здесь, на полу.

– Джек Бейтс? – вмешалась Мэд.

Бейтс медленно повернулся к ней и нахмурился.

– Кто она?

– Так это тот самый, который съел свою мать, да? – произнесла охотница с ухмылкой.

Егер захрипел, пытаясь сесть:

– Не обращай на нее внимания, Джек. Слышишь меня? Забей на нее.

– Мою мать? – спросил Бейтс, остановившись и уставившись на нее. – Ты говоришь о моей матери?

Мэд вытащила револьвер и направила на него:

– Иди сюда, маменькин сынок.

– Ма… маменькин…

– Я сказал, забей на нее, Джек! – Егер повернулся к Мэд и прошипел: – Заткни хлебало, сучка! – И снова обратился к Бейтсу: – Слушай, Джек, она никто. Черт возьми, забей на нее и слушай меня, Джек, слышишь?

Бейтс начал раскачиваться на месте взад-вперед, потом издал долгий, протяжный стон, который перешел в крик.

– Ох, черт! – крикнул Егер. – Ты, тупая тварь!

Он оглянулся в поисках ружья и рванул к нему изо всех сил.

Бейтс направился к Мэд – сперва прихрамывая, измотанный и израненный; но с каждым шагом он шел все быстрее, одновременно увеличиваясь в размерах с такой невероятной скоростью, что она не могла этого отследить. Его кожа сморщилась и потемнела, приобретая оттенок ржавчины, небольшие шипы повыскакивали тут и там, как подснежники в мультиках. Черты лица тоже менялись, делая его похожим на гориллу, а нижнюю губу оттопырили торчащие вверх клыки.

Замерев от ужаса, не в состоянии пошевелить и пальцем, она смотрела, как монструозный Бейтс надвигался на нее.

Подойдя, он протянул к ней чудовищно огромную руку, которая все росла и росла, пока не закрыла ей весь обзор.

Мэд выстрелила.

Клыкач остановился и увернулся, издав низкий, клокочущий рык. Это заняло не больше пары секунд, а затем он снова двинулся к ней.

– Джек! – крикнул Егер.

Шипастый монстр, минуту назад бывший Джеком Бейтсом, остановился и повернулся к Егеру сначала лицом, а потом и всем туловищем.

Выстрел из ружья снес большую часть его огромного, уродливого лица и отбросил тело назад. Бейтс упал на пол с глухим, громким шлепком.

Мэд быстро повернулась к Егеру и наставила на него пистолет.

– Бросай ружье, Энцо, – велела она.

Он не бросил.

– Ты заберешь меня с собой, – потребовал он скрипучим и низким от волнения голосом. – Мне нужно выбраться с этой чертовой луны, ясно? Он был моим другом. Джек был моим единственным другом. Ясно тебе? Я убил его, чтобы спасти тебя. Ты была покойницей, слышишь? Покойницей. Он бы прикончил тебя за твои слова. Я уже видел, как он это делает. Но я остановил его. Это что-то да значит. Черт возьми. Должно значить.

– Ты нужен живым или мертвым, Энцо. И я вовсе не собиралась везти тебя назад.

Она выстрелила, и над правым глазом Егера появилась дырка. За секунду до того, как он шлепнулся на пол.

* * *

Мэд направилась к двери ангара, все еще подпертой брошенным трактором. Джекс, на удивление легкий, был привязан за ее спиной, а его оторванная нога, которую она держала за лодыжку, вяло болталась при ходьбе.

– Пальцы взяла? – спросил Джекс.

– Я тебя умоляю. Думаешь, я в этом деле новичок?

Конечно же, она отрезала по пальцу у каждого беглеца. На «Тартаре» пальцы проверят на совпадение отпечатков и ДНК с биометрикой сбежавших заключенных, а затем ей выплатят оставшуюся часть вознаграждения.

– Можем устроить каникулы, когда закончим с этим, – предложила она.

– Ты можешь. А мне незачем.

Когда они подошли к двери, из переговорника послышались помехи, а потом женский голос закричал:

– Эй, вы! Кто бы вы ни были! Пришлите помощь! Нам нужна помощь!

Мэд услышала крики на заднем фоне, а затем женщина, обращавшаяся к ним, тоже закричала.

Из переговорника долетали крики:

– Выпустите нас!

– Откройте дверь!

– Нам нужно выбраться!

– Не наши проблемы, – сказала Мэд и перешла на бег. – Нам самим пора убираться отсюда к чертям.

Она опустила визор, нырнув из двери ангара в ледяную бурю снаружи. Дождь лавиной обрушился на ее шлем. Зигзаги молний ветвились по небу во все стороны.

– Просто не могу в это поверить, – сказала Мэд, мчась сквозь ливень. – Несусь сквозь бурю, с тобой на спине и твоей ногой в руке, будто со старинной удочкой.

– Да ладно, признайся уже. Ты просто все эти четыре года хотела урвать хоть кусочек меня.

Она хмыкнула и сказала:

– Заткнись, Джекс.

Как стать героем
Уэстон Окс

ЛЯМБДА ЗМЕИ: LV-666
9 ИЮЛЯ 2182 г.

Капрал Франклин Сайкс устроил свою жизнь наилучшим образом. Вряд ли нашлось бы место более удаленное от базовых систем, чем LV-666, крошечный спутник водной планеты Лямбда Змеи II в системе Лямбда Змеи. Здесь никогда ничего не происходило, разве что на Лямбде Змеи II периодически тонули аккумуляторы кислорода. Еще случалось, что шахтеры, работавшие на молибденовом руднике по контракту с концерном «Вейланд-Ютани», подхватывали какой-нибудь особенно опасный тип герпеса. Именно поэтому, когда пошли слухи об инопланетных монстрах, которые жрут металл и срут кислотой, капрал подстроил все так, чтобы его сюда перевели.

Сайкс не стал проверять, насколько правдивы эти слухи. Он обратился к одному управляющему из «Вейланд-Ютани», которого как-то раз застукал в подсобке с малолеткой, и

попросил вознаграждение за свое молчание. Мелкий начальник, в свою очередь, был только рад избавиться от Сайкса, и вскоре молодой морпех, погруженный в стазис, отправился в самый пустынный уголок известной Вселенной… в такой уголок, где ему не угрожали никакие Чужие, о которых все шептались каждый вечер после долгого и нудного рабочего дня.

База на LV-666 превзошла все его ожидания. Месторождение было почти истощено, и, по слухам, руководство «Вейланд-Ютани» подумывало над тем, чтобы свернуть проект. Отъезд шахтеров практически никак не сказался бы на работе небольшого отряда морпехов, размещенного на спутнике. Эти одинокие стражи, охранявшие границу с пустотой, остались бы здесь, несмотря ни на что.

Свободные от работы часы Сайкс проводил за игрой в «Камень филантропа». На этот межгалактический торговый симулятор подсели буквально все. Сам он дошел до уровня Иберийского купца и уже владел дворцами в семи системах, множеством торговых судов и собственным военно-космическим флотом. Сейчас он пытался завладеть восьмой системой, но этому препятствовала кучка мелких торговцев, объединившихся против него в консорциум.

Его жизнь была почти совершенна.

Когда он не был занят игрой, он разнимал дерущихся завсегдатаев баров или следил за работой системы оповещения о чрезвычайных ситуациях на руднике, которая практически всегда молчала. В этом ему помогал взвод из восемнадцати солдатов Колониальной морской пехоты, чья скука достигала поистине космических масштабов. Поэтому, когда во вторник, в 05:53 по местному времени, система аварийного оповещения загорелась разноцветными огнями, как рождественская елка на Старой Земле, изумлению Сайкса не было предела. Сообщение гласило:

SOS. ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ. ВСЕМ ЗАДЕЙСТВОВАННЫМ ИНСТАНЦИЯМ. ГОРНОДОБЫВАЮЩИЙ КОНЦЕРН «НОУ ВЕЙ-Ю» НА LV-666 ТРЕБУЕТ НЕМЕДЛЕННОЙ ЭВАКУАЦИИ ЛЮДЕЙ ИЗ ТОННЕЛЕЙ 10–14. 3 УБИТЫХ И 7 РАНЕНЫХ. SOS.

Не в силах поверить своим глазам, Сайкс уставился на экран, на котором снова появился сигнал бедствия.

Он сразу же подумал о невозможном. Как такое могло произойти?

Капрал гениальнейшим образом срежиссировал все так, чтобы оказаться как можно дальше от этих монстров. А

получается, именно то, чего он так боялся, его и настигло, и вдобавок ему вот-вот придется возглавить отряд по ликвидации этих тварей. Он стал дышать глубоко и размеренно, уверяя себя, что находится так далеко от центра событий, что им до него ни за что не добраться. Наверняка причина бедствия в другом: обрушение или нехватка кислорода. В сообщении не было и намека на то, чего он боялся.

Но все же… он снова пробежался глазами по строкам, где сообщалось число раненых и погибших шахтеров. Что-то определенно произошло, и, вполне вероятно, виной тому эти… Он прервался, напоминая себе, что нужно держать себя в руках, не терять голову. Сделал несколько глубоких вдохов и медленных выдохов, на этот раз через нос. Главное – сохранять спокойствие. Не хватало еще панической атаки. Восстановив ритм дыхания, Сайкс принялся анализировать факты. Возникла проблема, этого он отрицать не мог. Но прежде, чем впадать в панику, нужно было определить, в чем именно она заключается.

Он вспомнил, что помимо сигнала бедствия у него есть и другие поводы для беспокойства.

Нужно было зайти в «Камень филантропа», чтобы не дать другим игрокам проникнуть в его сокровищницу через заднюю дверь, которую он специально оставил открытой. Они знали, что дверь открыта. Он знал, что они об этом знают, но они не догадывались, что это западня. Ловушка была готова, оставалось лишь захлопнуть ее, но для этого надо быть онлайн.

А теперь ему придется разбираться с погибшими и ранеными шахтерами.

Сайкс почувствовал, как желудок сжался в комок.

Это уж слишком.

Его стало мутить.

Опустившись на пол, он обхватил ноги руками и взмолился, чтобы сигнал бедствия оказался ошибкой.

Может, если не обращать на него внимания, этот чертов сигнал исчезнет?

Но вот система снова загудела, и на экране появилось то же самое сообщение.

В дверях кабинета возник младший капрал Хейуолд с зубной щеткой во рту.

– Мне не показалось?.. – он наклонился поближе к экрану. – Ни хрена себе! Это что, правда SOS?

Тут он заметил Сайкса, сидевшего на полу и зажавшего голову между колен.

– Что вы там делаете, капрал?

Сайкс выпрямился так быстро, что в глазах замелькали

искры, и откашлялся.

– Сапоги застегиваю, – сказал он каким-то неестественно высоким голосом. И, заставив себя понизить тон, добавил: – Соберите первую группу для оперативного реагирования. Пятиминутная боевая готовность.

Хейуолд уставился на Сайкса с таким выражением лица, будто тот говорил по-китайски. Сайкс помотал головой и, поднимаясь на ноги, заорал: «Шевелитесь, младший капрал!» Эти слова возымели должный эффект, и Хейуолд тут же нажал кнопку сигнала тревоги.

Сайкс запустил проверку системы. После того как на LV-666 побывал целый корабль медицинских техников «Вейланд-Ютани», которым было поручено провести вакцинацию шахтеров с использованием нового типа пенициллина, у них больше не было посетителей. Всего на руднике было 742 шахтера, из них 217 сейчас несли вахту. Сайкс отправил сотруднику «Вейланд-Ютани», управлявшему рудником, распоряжение не запускать туда вторую смену.

Тут же пришел короткий ответ: «НЕЛЬЗЯ!!!».

Сайкс рассердился: «ВАШИ ШАХТЕРЫ ШЛЮТ SOS».

«УВЕРЕН, ЧТО ТАМ НИЧЕГО СЕРЬЕЗНОГО».

Ну вот: прекрасная возможность избежать опасности. Если уж сам начальник рудника отказался от помощи морпехов, кто он такой, чтобы ее навязывать?

Все стало на свои места. Сайкс отряхнул руки и напечатал новое сообщение: «МОРПЕХАМ: КОРПОРАЦИЯ ”Вейланд-Ютани“ ОТКАЗАЛАСЬ ОТ ПОМОЩИ. ОТБОЙ». Затем он нажал кнопку «Отправить» и выключил сигнал тревоги, после чего закинул ноги на стол и ухмыльнулся, наслаждаясь тишиной. Теперь-то он точно успеет вернуться к своей ловушке и разобраться с консорциумом. Они что, думали, что вот так легко от него отделаются? Не на того напали.

Мысленно погрузившись в виртуальный мир игры, капрал вернулся к своим коварным планам, достойным Макиавелли. Он часто жалел, что реальный и виртуальный миры нельзя поменять местами, что он не межгалактический торговец, который на досуге играет за колониального морпеха.

К тому же он еще и проголодался. Разве еще не пора завтракать?

Сайкс как раз допивал кофе, когда на камбуз ворвался младший капрал Хейуолд, вооруженный до зубов. На нем был бронежилет М3 защитной расцветки, черная униформа с баллистическими щитками на коленях, локтях, голенях и предплечьях, а также баллистический шлем с защитной маской,

которая служила еще и проекционным дисплеем. В руках он держал импульсную винтовку M41A.

От этого зрелища у Сайкса даже голова разболелась, но, едва начавшись, боль сразу утихла.

– Что случилось, младший капрал? – спросил он. Завтрак камнем лежал у него в желудке.

Хейуолд немного замешкался, затем сказал:

– Начальнику рудника требуется наша помощь.

«Он передумал?»

– Он не мог передумать, – Сайкс стукнул кулаком по столу. – Он сказал, что им не нужна помощь.

Он заметил, что снова заговорил неестественно высоким голосом.

– Видимо, все-таки нужна, – сказал Хейуолд.

Сайкс закрыл лицо рукой и стал качать головой, медленно повторяя слово «нет», раз за разом, как будто оно было заклинанием, способным изменить действительность.

Хейуолд переминался с ноги на ногу.

– Э-э… капрал?

– Что?

– Мы с ребятами со всем разберемся. А вы… оставайтесь тут, если хотите.

Сайкс прекратил качать головой и смерил подчиненного холодным взглядом.

Хейуолд протянул к нему руку и сказал с фальшивой улыбкой:

– Серьезно, сэр. Мы сами справимся.

Быть трусом – одно дело, но когда с тобой обращаются как с трусом, это уже совсем другое. Сайкс боролся с порывом принять предложение Хейуолда. Он и вправду мог отсидеться у себя в кабинете, поручив подчиненным уладить проблему. Он ведь среди морпехов старший по званию. Не пристало ему подвергать себя опасности. Но что-то во взгляде Хейуолда заставило его передумать. Сайкс не понимал, что именно выражал этот взгляд, но было в нем что-то близкое к сочувствию, а этого он не мог вынести.

Сайкс поднялся.

– Остальные готовы?

– Первая боевая группа готова, капрал, – ответил Хейуолд.

– Вторая и третья тоже должны быть в боевой готовности. Скажите первой группе, что я приду через десять минут.

Хейуолд направился к двери.

– Младший капрал!

Хейуолд повернулся к нему.

– Да, сэр?

– Не воображайте, будто вам известно, что думает и чего хочет капрал. Это ясно?

– Так точно, капрал.

– Свободны.

Как только за Хейуолдом закрылась дверь, Сайкс почувствовал невероятную слабость и рухнул на скамью. Вот и всё. Он обречен. За следующие тридцать секунд он погиб тысячу раз тысячью изощренных способов: его ломали, расстреливали, пожирали, плавили, сжигали, отравляли газом, расплющивали и вспарывали. Сайкс не знал, как на самом деле выглядят эти чудовища, поэтому его воспаленный мозг выдумал целый зоопарк отвратительных существ, и каждое из них приводило его в ужас. Картины, которые рисовало его воображение, были невыносимы. Он встал, сделал два нетвердых шага и выплеснул на пол содержимое своего желудка.

* * *

Спустя полчаса они стояли в лифте, который ехал вниз, на рудник. У Сайкса в наушниках прозвучало уведомление о том, что три члена враждебного торгового консорциума из семи нашли ту самую заднюю дверь, которую он оставил открытой в «Камне филантропа». Он застонал. Если вовремя не захлопнуть ловушку, они разворуют все его богатства.

Доехав до десятого туннеля, они вышли. Здесь уже давно не добывали руду. Туннель разровняли еще несколько десятилетий назад, и теперь он использовался только для административных и логистических нужд. Таким же образом были устроены все туннели с однозначными номерами. Если опасность исходила от какого-нибудь монстра, то он наверняка находился на одном из нижних ярусов – скорее всего, на самом дне шахты, в девяносто первом туннеле.

В заднюю дверь проник четвертый член консорциума.

Сайкс стиснул зубы.

В первой боевой группе числились Хейуолд, Мичиа, Шевлон, Фрэнкс, Филлипс, Шир и Олбрайт. Самым бывалый боец – Мичиа, но из-за пристрастия к выпивке он так и не поднялся выше рядового первого класса. Олбрайт и Шир – преступники, ступившие на путь истинный. Может, им и не хватает опыта, но из обоих вышли неплохие рядовые первого класса. Шевлон настолько неопытна, что едва способна самостоятельно надеть обмундирование. Что касается Филлипса и Хейуолда, оба

младших капрала хорошо себя зарекомендовали. На них Сайкс рассчитывал больше всего.

– Шир!

Та мгновенно вышла вперед. Ее лицо испещряли шрамы от ритуальных татуировок, нанесенных на барже-тюрьме. Она с готовностью ответила:

– Да, капрал!

– Вы с Филлипсом отправляйтесь в разведку в дальний конец туннеля. Через сто метров остановитесь и доложите обстановку.

Филлипс кивнул и подошел к Шир. Пригнувшись, они начали пробираться по туннелю и вскоре скрылись за поворотом.

Немного спустя морпехи доложили, что продвинулись вперед на пятьдесят метров.

Через три минуты по туннелю прокатились звуки стрельбы из импульсных винтовок.

– Шир! Филлипс! Докладывайте! – скомандовал Сайкс по внутренней связи.

Ответа не последовало.

– Что будем делать, капрал? – спросила Шевлон. Капельки пота выступили у нее на носу и над верхней губой. Она вытерла их быстрым движением руки.

– Будем ждать. Они свое дело знают.

Даже если это не так, Сайкс надеялся, что подчиненные хотя бы целы. Он представил, как из-за поворота появляется сотня монстров с огромным числом конечностей. Пытаясь выбросить этих чудищ из головы, он на несколько секунд зажмурился. Тут как раз пришло электронное уведомление о том, что пятый и шестой члены консорциума тоже нашли заднюю дверь. Если удастся по-быстрому разрешить эту ситуацию, может быть, он успеет зайти в игру и захлопнуть ловушку.

Сайкс нехотя открыл глаза.

Прямо сейчас он никак не мог помешать членам консорциума, будь они неладны. Вместе они запросто разворуют все, что он накопил за семнадцать тысяч часов игры. Сколько же ночных смен уйдет на то, чтобы вернуть хотя бы часть украденного?

Олбрайт и Фрэнкс беспокойно зашевелились.

Шевлон так разнервничалась, что, если бы не ремень, точно уронила бы винтовку.

Сайкс еще раз попытался вызвать разведчиков по радио.

– Шир! Ответьте! Шир! – прошипел он.

Его злило, что приходится действовать вслепую, что он ничего не знает о происходящем вокруг.

– Филлипс, доложите обстановку!

Его злило, что он находится здесь, а не наверху, у себя в бараке, что жизнь решила сыграть над ним эту гребаную шутку именно сегодня. Его злило все на этом чертовом свете.

Прошло десять, двадцать, тридцать секунд, а он находил все новые и новые поводы позлиться, нетерпеливо постукивая указательным пальцем по спусковой скобе винтовки.

– Капрал, что происходит? – спросил Хейуолд.

Сайкс покачал головой. Откуда ему-то знать? Почему он вообще должен что-либо знать? Ведь он здесь всего лишь главный.

Где-то в глубине туннеля раздался и тут же смолк душераздирающий крик.

На смену гневу пришел страх, и по спине Сайкса поползли мурашки. В такую передрягу он еще не попадал. Капрал заставил себя дышать ровнее.

– Шир, Филлипс, это Группа Один, ответьте, – повторил он.

Тишина.

Хейуолд указал на что-то в другом конце туннеля:

– Смотрите! Что там такое?

Сайкс вскинул импульсную винтовку и прицелился. Он из таких только на военных учениях стрелял, а в реального противника – ни разу. Неужели придется сделать это сейчас? Страх пронзил все его тело, точно заряд тока. Во рту появился металлический привкус. Положив палец на спусковой крючок, он почувствовал внутри пустоту.

Какая-то темная фигура металась от одной стенки туннеля к другой. Она двигалась так быстро, что у морпехов никак не получалось нормально рассмотреть ее. Как бы Сайкс ни старался, из-за всех этих метаний он не мог понять, что перед ним такое, да еще пот капал в глаза.

– Что это? – спросил он, готовясь спустить курок.

– Слишком быстро несется! – прокричал Хейуолд. – Стреляйте, капрал!

Сайксу не терпелось вытереть заливавший глаза пот, но он не хотел потерять изображение на прицеле. Он зажмурился и открыл глаза, на короткое мгновение зрение прояснилось, и он смог разглядеть свою мишень. Он опустил винтовку и сделал шаг вперед.

Рядовой первого класса Шир бежала уже не так быстро, и ее не так сильно заносило из стороны в сторону. Спотыкаясь, она преодолела последние несколько метров, которые отделяли ее от Сайкса и остальных, и рухнула на землю. Ее руки и ноги изгибались в судорогах, а сквозь поцарапанную маску виднелись широко раскрытые, полные ужаса глаза.

– Плюются, – с трудом выговорила она, а затем повторила: – Плюются.

– Кто плюется?

Сайкс заметил на внешней стороне шлема рядовой мелкие брызги. Ее оружие куда-то пропало.

– Они… все… плюются.

Зачем кому-то плеваться? Бред какой-то. И где Филлипс?

Все тело Шир в напряжении застыло, а потом расслабилось. Глаза у нее были закрыты; грудная клетка почти не двигалась, хотя еще секунду назад она резко вздымалась и опускалась.

– Что с ней такое? – спросил Хейуолд.

– Понятия не имею, – сказал Сайкс и обратился к морпехам: – Будьте начеку. Что-то напало на Шир и, может, на Филлипса тоже. И мы всё еще не знаем, что это.

На пяти юных лицах, обращенных к нему, читался страх. Хейуолд, Мичиа, Шевлон, Фрэнкс и Олбрайт смотрели на капрала Сайкса и ждали приказов. Он тоже смотрел на них, начиная понимать, насколько велик его авторитет. Ему пришло уведомление о том, что в сокровищницу проник седьмой член консорциума. Он не стал открывать подробный отчет. Ну вот еще, тратить время на такую чушь. Наверное, впервые в жизни Сайкс почувствовал, что готов вести за собой людей. Пустота, которую он ощущал внутри, теперь была заполнена непоколебимой уверенностью в себе. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного. Все то, что он прочел во взгляде своих подчиненных, придало ему сил и помогло стать тем, кем ему и полагалось быть. Всю жизнь он бежал от опасности, и вот она его догнала. Но, оказывается, все не так уж плохо: вкус опасности ему даже понравился. Под действием адреналина он вдруг стал замечать малейшие детали и мыслить критически.

Шир он оставит тут. Она все еще жива; на обратном пути они заберут ее и доставят в лазарет. А пока что надо найти Филлипса и выяснить, откуда исходит угроза.

Он улыбнулся.

– Морпехи, держитесь за мной, выполняйте мои команды, и мы отсюда выберемся. Кто-то или что-то разгуливает по базе, и наша задача – найти этого незваного гостя, – он прокашлялся. – А главное, найти Филлипса.

Морпехи закивали.

Шевлон была перепугана до смерти. Сайкс положил руку ей на плечо.

– Выше голову, солдат! По крайней мере, если вы умрете, то умрете героем.

Женщина кивнула и вытерла рукавом пот со лба. Она не

перестала бояться, но к страху прибавилось что-то еще, что-то похожее на решимость.

Ученые, шахтеры, морпехи – они все рассчитывали на него, и впервые в жизни такая ноша была ему по плечу. Осознание всей ответственности и важности своей миссии грело Сайкса изнутри.

– А что будем делать с Шир? – спросил Фрэнкс.

– Оставим ее здесь, а когда закончим операцию, доставим в лазарет. А теперь за мной.

Сайкс пригнулся и начал двигаться вперед, держа винтовку стволом вниз. Так держали винтовки морпехи задолго до Хамараны и адмирала Кинкейда, задолго до сражения в Могадишо и битвы за Тараву. Ствол вниз, приклад упирается в плечо. Такая позиция позволяет при необходимости быстро открыть огонь, при этом винтовка не мешает смотреть перед собой и оценивать ситуацию.

В тридцати метрах от них в луже крови лежал шахтер. Должно быть, это Шир его застрелила. Но с чего вдруг? В нем не было ничего необычного. Одет он был в защитное снаряжение: ботинки, комбинезон, перчатки. Правда, шлема на нем не было, но он на этом участке и не требовался. Шахтер как шахтер – если, конечно, не считать зияющей дыры у него в груди. Что бы тут ни произошло, Шир оценила ситуацию и решила, что угроза есть. Сайкс не мог с ходу определить, в чем именно она заключается, но это его не беспокоило. Он был уверен, что скоро все поймет.

В пятнадцати метрах виднелась металлическая дверь. Сайкс разместил Мичиа и Шевлон с одной стороны двери, Фрэнкса и Олбрайта с другой, а Хейуолда поставил у себя за спиной. Затем он вывел на встроенный в шлем дисплей карту яруса. За дверью находилась переговорная № 57. Внутри переговорной имелась еще одна дверь, которая выходила в туннель, ведущий в другое крыло комплекса. Дверь, перед которой стоял Сайкс, оказалась заперта, и он разблокировал ее с помощью нашлемной индикаторной системы.

– Хейуолд, откройте дверь.

Молодой морпех с беспокойством взглянул на него, но команду выполнил.

Когда дверь открылась, Сайкс заглянул внутрь.

Столы и стулья были перевернуты, а в глубине переговорной находилась группа шахтеров. Шестеро из них обступили седьмого, а тот вжался в угол, закрыв лицо руками, и кричал, чтобы они прекратили. Они не били и не пинали забившегося в угол товарища, а плевали в него, всем телом подавшись вперед. Шахтеры походили на гигантских птиц, яростно клюющих воздух, но даже с того места, где стоял Сайкс, было заметно, что у них

изо рта вылетает слюна. Она покрыла одиночке все руки и капала на грудь. На полу из нее образовалась густая, вязкая лужа.

Сайкс вскинул винтовку и выстрелил в пустой угол.

– Отойдите! – крикнул он.

Все шестеро тут же обернулись.

Капралу стало не по себе при виде выражения на их лицах. Он ожидал увидеть страх или даже ярость. Иначе зачем бы они стали плевать в коллегу? Но шахтеры, похоже, вообще не испытывали никаких эмоций. Их лица были расслабленными, взгляд – пустым.

Внезапно они побежали прямо на него.

Сайкс приготовился стрелять, но передумал и попятился в туннель.

– Закройте дверь!

Хейуолд быстро захлопнул дверь, а Сайкс тут же заблокировал ее и прислонился к ней спиной. Что это было, черт подери? Он прокрутил всю ситуацию в голове. Шестеро шахтеров загнали седьмого в угол и плевали в него. Когда Сайкс выстрелил, они обернулись и кинулись к нему, как будто собирались напасть, хотя перед ними стоял морпех в полной боевой броне с импульсной винтовкой наготове. Чушь какая-то. Почему им взбрело в голову на него кинуться?

– Капрал, смотрите, – сказала Шевлон. Она показывала на участок стены в десяти метрах от них. На нем было пятно.

Хейуолд кинулся туда.

– Капрал, это кровь, – сказал он.

– Может, Филлипса? – предположил Олбрайт.

Оттолкнувшись от двери, Сайкс распрямился и повел остальных к стене с пятном. Оно отдаленно напоминало отпечаток ладони.

– Мичиа, от Филлипса нет вестей?

Тот помотал головой.

– Продолжайте вызывать его.

Ответа не последовало. Обернувшись, Сайкс увидел, что Мичиа и Олбрайт перешептываются в стороне от остальных, и при этом Мичиа мотает головой.

– Эй, вы, что там у вас?

Олбрайт выпрямился, а Мичиа ухмыльнулся и снова покачал головой.

– Да в чем дело? – нетерпеливо спросил Сайкс.

– У Олбрайта есть теория, – сказал Мичиа. – Но, по-моему, он просто насмотрелся ужастиков.

– Что за теория? – Сайкс потерял всякое терпение. – Ну же, Олбрайт, не молчите.

Олбрайт с тревогой посмотрел на Мичиа, но тот только отвернулся.

– Я тут подумал… – он замолчал.

– Нет ничего хуже, чем услышать от морпеха фразу «я тут подумал». Разве что услышать от шахтера «смотри, какую штуку я построил», – сказал Сайкс.

– Я же говорил, – сказал Мичиа.

Олбрайт поник и уставился в пол.

– И все же таких смышленых морпехов, как у меня, не сыщешь и за сотню парсеков, – сказал Сайкс, кивнув на своих солдат. – Выкладывайте, что там у вас.

– Тут кроме нас никого и нет за сотню парсеков, – буркнул Олбрайт.

– Вот и нечего выступать, – сказал Сайкс. – Давайте уже, колитесь.

Но только Олбрайт хотел что-то сказать, как из дальнего конца туннеля появились трое шахтеров. Они на полной скорости неслись на морпехов. Казалось, что они клюют воздух, но Сайкс знал, что на самом деле они плюются. Морпехи вскинули винтовки.

– Что нам делать? – спросила Шевлон.

– Палите по ним, – сказал Сайкс.

Они открыли огонь по бегущим шахтерам, и от шквала выстрелов тех отбросило назад.

– Будьте начеку, сюда могут забрести и другие, – сказал Сайкс после короткой паузы. Затем он повернулся к Олбрайту: – Итак, на чем мы остановились?

– Я все никак не мог понять, что происходит, и тут вспомнил один случай на барже-тюрьме. Я тогда сидел в одиночке, но выжившие говорили об экспериментах.

– О каких еще экспериментах?

– Как-то раз приехали медицинские техники и сделали всем прививку. Через два часа заключенные подняли мятеж.

– Они тоже плевались?

– Нет, ничего такого не было. У них случился приступ ярости, и они попытались поубивать друг друга.

– И все это из-за медицинских техников?

Олбрайт пожал плечами:

– Ничего конкретного выяснить не удалось, но… все было в порядке, потом им вкололи вакцину, и начался какой-то кошмар, – он прищурился. – Мы там были по… как это называется?

– По принудительной высылке, – сказал Хейуолд.

– Как и эти шахтеры, – сказал Сайкс.

– Точно, как и эти шахтеры, – согласился Олбрайт. – И к нам в гости тоже наведались медицинские техники из «Вейланд-Ютани».

Теперь Сайкс все понял. Старое, истощенное месторождение. Шахтеров слишком много – не переселишь. Почему бы не испробовать новый вид биологического оружия? А плевки… это механизм поражения? Твою ж мать!

– Что будем делать? – спросила Шевлон.

– Сначала найдем Филлипса, а потом свалим отсюда.

Собственная самоотверженность воодушевила Сайкса. Раньше, окажись он в подобной ситуации, капрал думал бы только о том, как спасти собственную шкуру, поэтому использовал бы догадку об экспериментах как предлог немедленно слинять. Но теперь, перед лицом опасности, он мог принимать взвешенные решения, как настоящий командир. Сказать, что Сайкс безумно гордился собой, значило бы ничего не сказать. Раньше он был полным ничтожеством, а теперь стал чуть ли не героем. Так вот как чувствуют себя герои! Он проклинал свою трусость. Ему было жутко стыдно за то, каким он был раньше, но, начав планировать дальнейшие действия, он уже не отвлекался на стыд. Нужно было найти Филлипса, забрать Шир и доставить их в лазарет. После этого они закроют доступ к руднику и пошлют сигнал бедствия. Его морпехи месяцев шесть-десять тут продержатся, а за это время до них успеет добраться спасательный корабль. А в гибели шахтеров, если Олбрайт все-таки прав, виновата их собственная корпорация. Сайкс обязательно доложит о них, как только вернется в изученный космос. Но не раньше, иначе под угрозой окажется безопасность его морпехов… черт возьми, мозг у него и правда стал работать, как компьютер.

– Капрал? – обратилась к нему Шевлон. – Вы тоже это слышите?

Сайкс быстро обернулся. Он все еще широко улыбался, очень довольный собой.

– Что?

Остальные стояли лицом к той части туннеля, откуда до этого появились шахтеры.

Сайкс склонил голову набок и услышал тихий, едва различимый шум воды. Сначала звук доносился откуда-то издалека, но теперь становился все ближе и ближе. Капрал прищурился: на спутнике не было водоемов. Между тем шум становился все громче, а на фоне шелеста воды стали различимы раскаты волн. Чтобы проверить, не начались ли у них галлюцинации от какого-нибудь ядовитого газа, Сайкс вывел на

встроенный в шлем дисплей сведения о составе воздуха. Все в порядке, воздух по-прежнему состоял из смеси кислорода с другими элементами, к которым все они давно привыкли.

Сайкс не имел ни малейшего понятия о том, что их ждет.

– Оружие к бою, – прошептал он.

Как один, морпехи вскинули винтовки, упираясь прикладом в плечо.

От страха у Сайкса сжался желудок. Так вот каково это – быть настоящим лидером? Лидерам тоже бывает страшно? Он всегда думал, что те, кто сталкивается с опасностью лицом к лицу, ничего не боятся. Чтобы успокоить нервы, он сделал глубокий вдох, а потом рассмеялся, чем заслужил косые взгляды парочки морпехов и кивнул каждому из них.

– Спокойно, ребята, – невозмутимо сказал он.

Через секунду показался первый.

Никакой воды и никаких волн в туннеле не было.

Это были шахтеры. Они шли бесконечно долго, волоча ноги по полу. Звук сотен шаркающих ног обманул мозг, заставив думать, что он слышит шум воды. Как было догадаться, что навстречу, точно немощные столетние старики, будут шаркать несколько сотен шахтеров?

Тем временем их становилось все больше и больше. Волоча ноги, из-за поворота выходило целое полчище шахтеров. Их головы болтались на груди. Сайкс не мог разглядеть, открыты ли у них глаза.

– Будем стрелять? – спросил Мичиа. Звук его голоса что-то пробудил в шахтерах. Они замерли, а затем одним завораживающим движением вскинули головы и устремили на морпехов свои отсутствующие взгляды.

Их было слишком много. Сайкс быстро прикидывал, что делать. Нужно было что-то придумать.

– Морпехи, за мной! Отступаем!

Он начал отходить назад, и бойцы последовали за ним.

Внезапно шахтеры пустились бегом.

– Твою мать! – Сайкс развернулся и помчался по туннелю. – За мной!

Он вернулся к двери, которую они заперли. Это был их единственный шанс на спасение. Капрал разблокировал и распахнул ее. Стоявшие внутри семеро шахтеров глазели в дверной проем. Сайкс так и не понял, удивило ли их его появление, да и какая разница. Он начал стрелять от бедра, укладывая их одного за другим и на ходу переступая через трупы. А оказавшись внутри, пробежал в глубь переговорной и занял позицию у дальней стены.

Из туннеля донеслись звуки стрельбы.

В переговорную ввалились Хейуолд и Мичиа. Следом влетела Шевлон, с криками отстреливаясь от надвигающихся шахтеров. Лицо у нее было в крови, а левая рука безвольно висела вдоль тела.

– Закрывайте дверь! – крикнула она. – Остальные у них!

Хейуолд налег на дверь плечом, к нему на помощь подоспел Мичиа, и вместе им удалось ее закрыть. Сайкс тут же заблокировал замок.

Олбрайта и Фрэнкса схватили, да и Шир с Филлипсом, наверное, тоже. Получается, что Сайкс потерял уже четверых.

Капрал прижал к голове кулак. Шир! Он бросил ее в тоннеле. И Филлипс. Где же все-таки Филлипс?

К нему подошли Хейуолд и Мичиа.

– Какие будут распоряжения, капрал? – спросил Хейуолд.

Сайкс посмотрел на них. И правда, какие будут распоряжения?

– Ваши распоряжения? – повторил Хейуолд.

Сайкс откашлялся.

– Хейуолд, Мичиа, проверьте, как там Шевлон, нет ли у нее тяжелых ранений. Потом поставьте у двери часового.

Они переглянулись и принялись за дело.

Сайкс вдруг понял, до чего же все просто. Рудник был такой же ловушкой для шахтеров, как его сокровищница – для консорциума. Лучше западни не придумать. Разница заключалась только в том, что «Камень филантропа» – это всего лишь игра. Если бы Сайкс обдумал свое назначение на LV-666 так же серьезно, как обдумывал все ходы в игре, он бы, может быть, догадался, что столь удаленная база с истощенным рудником – просто идеальное место для экспериментов. А теперь он, как и шахтеры, пал жертвой коварных планов корпорации. Ему пришло последнее уведомление: все богатства захвачены, и он больше не может участвовать в игре.

Сайкс беззвучно рассмеялся. Когда-то такие вещи имели значение. Он поднял парочку перевернутых стульев, рассматривая убитых шахтеров. Позже им придется сложить тела в кучу у стены. И главное – не заразиться, пока они тут. Капрал обернулся, чтобы взглянуть на стену у себя за спиной, и заметил вторую дверь. Он совсем про нее забыл. А вдруг она ведет к выходу? Судя по схеме туннеля, за ней начиналось другое крыло комплекса. Если повезет, через него-то они и выберутся.

Сайкс подошел к двери и обнаружил, что она не заперта. Он осторожно открыл ее и увидел… Филлипса!

Морпех стоял прямо за дверью.

Может, он спрятался там от шахтеров из переговорной?

Сайкс уже хотел было втащить его внутрь, но тут он увидел, какой у Филлипса отсутствующий взгляд.

Не успел он отойти, как Филлипс закинул голову назад и сплюнул. Слюна попала прямо в середину защитной маски капрала и повисла на ней.

Сайкс попятился, а Филлипс пошел на него, продолжая плеваться.

Сайкс снова начал стрелять от бедра и ранил Филлипса в живот; пули прошли навылет. Филлипс упал замертво, и тут к ним подбежали Мичиа и Хейуолд.

На глазах у Сайкса слюна Филлипса пришла в движение. Подобно гигантской амебе, она отпустила отростки и с их помощью начала ползти. Добравшись до нижнего края защитной маски, она проникла под нее и оказалась у самого лица Сайкса. В это время мелкие брызги слюны искали отверстия по бокам маски.

Выпустив из рук винтовку, капрал с трудом стащил с себя шлем и кинул его в другой конец переговорной.

На него все-таки что-то попало?

Он заразился?

Сайкс принялся тереть лицо, а потом взглянул на руки: на правой перчатке виднелось мокрое пятнышко. Все, это конец? Он заражен?

Какое-то время спустя – должно быть, он отключился, потому что никак не мог понять, сколько прошло времени с того момента, как он разглядывал руки, – Сайкс осознал, что все еще стоит на месте. Боковым зрением он видел Мичиа и Хейуолда: они стояли по обе стороны от него. А Шевлон, наверное, была у него за спиной. Он захотел повернуться, но не смог. Попытался поднять руку – и убедился, что это тоже ему не под силу. Ему казалось, что руки у него вообще нет, но, конечно, она никуда не делась, просто отдел нервной системы, отвечающий за произвольные движения, отказал.

Сайкс прекрасно понимал, что, прими он предложение Хейуолда, он бы не попал в эту передрягу и до сих пор повелевал бы семью системами в «Камне филантропа». Почему он пошел на это? Почему не остался в безопасности? Он научился издалека чувствовать угрозу – надо было положиться на это свое чутье.

Прошло некоторое время. Сайксу хотелось, чтобы картина перед глазами сменилась, потому что вид закрытой двери ему уже порядком надоел. Он чувствовал себя персонажем видеоигры, который вынужден бездействовать до тех пор, пока геймер не зайдет в свой аккаунт.

Бездействие было невыносимо.

Спустя еще какое-то время он начал смеяться – не вслух, на это он был неспособен, но про себя… у себя в голове… ведь мыслить связно он все еще мог. Он смеялся от души, дни напролет, особенно когда повторял про себя фразу «по крайней мере, умрете героем». Он повторял ее сотни тысяч раз, как будто в наказание себе.

Через некоторое время ему нестерпимо захотелось сплюнуть. Сайкс чувствовал, как слюна накапливается у него во рту.

Потом, когда он уже совсем перестал ориентироваться во времени, капрал почувствовал, что тело начинает отказывать. Хейуолд и Мичиа давно пали. Ноги у него были ватными. Он понимал, что умирает, и радовался этому. Воды не было, еды тоже. Оставалось только немного подождать. Сайкс попытался упасть – так хотя бы в поле зрения оказалось бы что-нибудь новое, но он по-прежнему не мог совершать никаких неавтономных движений.

И, черт возьми, как же ему хотелось сплюнуть.

Хоть бы кто-нибудь открыл эту проклятую дверь.

Темная мать
Дэвид Фарланд

Иногда мы просыпаемся от страшного сна и оказываемся в кромешной тьме.

Картер Бёрк захлопнул дверь, и, едва щелкнул механизм замка, его тут же накрыло волной облегчения. В глазах Рипли, оставшейся по ту сторону двери, явно читалась смерть. «Тупая овца, – подумал он. – Она могла разбогатеть».

Да, Бёрк пытался заразить ее и Ньют Чужими, однако он полагал, что, как только они прибудут в подразделение биологического оружия «Вейланд-Ютани», существ благополучно извлекут, сделают какое-нибудь кесарево сечение. С Рипли и девчонкой все будет хорошо, и все они разбогатеют.

Вместо этого они оказались в ловушке под колонией «Надежда Хадли», в заполненных Ксеноморфами туннелях.

«У некоторых совсем нет воображения. Чокнутая тупая корова. Теперь надо как-то выбираться отсюда».

Бёрк развернулся и побежал через хранилище, слыша, как Рипли бьется в закрытую дверь с той стороны. Он закрыл

сдвижную панель и вдруг услышал, как хитин царапает пол позади него. Потом раздалось шипение. Бёрк резко обернулся и увидел воина-Ксеноморфа у самого выхода. Красные огни сигнальных ламп отражались от его брони.

Страх пронзил сердце мужчины подобно острию копья. Он закричал, подался назад, чтобы схватить хоть что-то, что можно было бы использовать как оружие.

Чужой раскрыл свою двойную челюсть, демонстрируя ряд зубов, с которых капала белая пена. Но, к удивлению Бёрка, существо не стало вонзать в него клыки. Чужой просто схватил его и болезненно приложил о тяжелую металлическую дверь, разбив затылок.

Все погрузилось в темноту.

* * *

Воздух обдувал его лицо, подмышки. «Я лечу… Я Супермен».

Он снова был ребенком и летал по дому в своем воображении. Роскошная квартира его родителей, когда в режиме ночника подсвечивались белые стены и широкие своды над головой, превращалась в божественный собор.

«Нет, – догадался Бёрк, – меня куда-то несут». Он почувствовал, как сильные руки сдавливают ребра, и вдруг ему в голову пришла странная мысль: «Подумай, прежде чем кричать».

Полет по дому был ярким воспоминанием, одним из первых. Мать несла Бёрка в ванную комнату – она только что вытащила его из мокрой кровати. Затем грубо швырнула в ванну и включила воду, прежде чем он успел раздеться. Бёрку тогда было около четырех. Он всматривался в ее прекрасное лицо. Хотя мать была молода, она уже напоминала скульптуру. Все-таки его отец был пластическим хирургом и, как другие члены их загородного клуба, он сделал свою жену великолепной, нечеловечески прекрасной. Истинным памятником своему искусству.

Время от времени мать Бёрка меняла свою внешность, и в тот день она выглядела почти латиноамериканкой, с кожей цвета некрепкого кофе, черными волосами, и пылкими черными глазами.

Отец Бёрка заглянул в ванную и предупредил:

– Будь с ним поласковей, дорогая.

– От него воняет, – парировала мать. – Господи, дети такие вонючие.

В этом воспоминании Бёрк едва узнавал ее. Он гораздо лучше помнил ее с ярко-голубыми глазами и золотистыми волосами,

или рыжеволосой, с широкими скулами. Как и у многих женщин, которые перенесли кучу пластических операций, лицо матери стало необычайно безжизненным, как будто оно было из мрамора, а не из плоти и крови.

Обвинения в том, что он воняет, больно жалили его. Бёрк писался в кровать, и неважно, как часто он мылся – мать все равно говорила, что от него воняет.

В детстве он так и норовил обнять маму, уснуть, положив голову на ее упругую грудь. Но у него никогда не было такой возможности.

Она была богиней, холодной и недоступной…

Бёрк дрожал, ребра его болели, и он понял, что кто-то до сих пор несет его.

«Подумай, прежде чем сделать».

Он с трудом открыл глаза и понял, что его несут через темное помещение. Чужой держал его под мышкой, наклонившись вперед и раскачиваясь, пока мчался на невероятной скорости вниз по длинному коридору.

С трудом дыша, Бёрк решил пораскинуть мозгами. Его схватило существо, которое было больше и сильнее, чем он. И он знал, куда оно его несет.

Оно несло его так же, как мать когда-то, и, к своему стыду, Бёрк почувствовал знакомое тепло между ног. Он не писался с раннего детства. В голове мелькнула мысль: «Теперь и Чужой думает, что от меня воняет».

У Бёрка не было оружия. Ему пришлось убегать от Рипли и ее морпехов с пустыми руками. Но отец когда-то научил его: «Твой ум – это самое мощное твое оружие».

Но сейчас его мысли были спутанными и текли, словно густой мёд. Бёрку стало интересно, понимают ли эти существа человеческую речь, и он осторожно заговорил.

– Подожди минуту, – начал он. – Давай все обсудим.

Сердце его замерло, и секунду, которая казалась вечностью, он ждал, ответит ли ему Ксеноморф.

– Ты меня понимаешь? Мы сможем договориться?

Ксеноморф остановился и, слегка подбросив Бёрка в воздух, повернул его к себе лицом.

«Он понимает меня! – с надеждой подумал Бёрк. – Или он просто как собака, которая реагирует на интонацию?»

Не колеблясь ни секунды, существо зашипело и с размаху приложило человека о пластилевую притолоку, словно он был бейсбольной битой. Все погрузилось в темноту.

* * *

Бёрк очнулся от невыносимой боли и воя сирен в каком-то зловонном помещении. Он попытался восстановить произошедшее и обнаружил, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. А потом вспомнил, где он и какие существа его схватили. «Подумай, прежде чем кричать». Он обмяк, притворившись мертвым. Во рту стоял вкус крови, а правая щека распухла.

Ему снились кошмары. Жуткие видения, похожие на галлюцинации, вызванные опиумом, где всё выглядело искаженным и одновременно настолько реальным, словно подсознание изо всех сил пыталось что-то сообщить ему через яркие картинки. Он попытался вспомнить мимолетный образ девушки, которую соблазнил в колледже. Во сне она сказала что-то вроде: «Ты в ответе за всё, что окажется у тебя во рту», и это сообщение отчего-то показалось ему крайне важным. Как ее звали? А впрочем, это не имело особенного значения. Бёрк соблазнил много девчонок. Он был хорош собой и, в конце концов, богат, а в таком случае женщины готовы поверить в любую чушь, которую ты им наплетешь.

Бёрк приоткрыл здоровый глаз и оглядел мрачное помещение. Картинка была мутной. Он постарался сосредоточиться. По стенам висел коричнево-серый материал, который выглядел точь-в-точь как разделанная грудная клетка животного. В детстве Бёрк убил соседского пса, и ему были знакомы эти формы. Другие формы тоже казались органическими, но было невозможно определить, что это.

Он узнал это место: атмосферный процессор, его нижние уровни. Улей Чужих.

Его сердце замерло. Он попытался пошевелиться, но тело, ноги и руки увязли в какой-то смолистой субстанции. Было ужасно душно, и субстанция источала не поддающуюся определению вонь – смесь человеческой рвоты с запахом гнили и… секса.

Вокруг себя он увидел темные фигуры других людей – мужчин, женщин, детей. Они тоже были в коконах и не могли пошевелиться. Их лица перекошены от ужаса, руки вытянуты по швам. Бёрк не узнал ближайшего к нему человека, должно быть, это был колонист.

В груди мужчины зияла дыра, через которую выбрался наружу зародыш Чужого.

«Так вот откуда тут запах гнили».

Человеческие тела были повсюду, словно налеплены друг на друга.

Бёрк тоже был в коконе, снаружи осталось только лицо. Он

мог дышать зловонным воздухом, но не мог сдвинуться с места.

Он попытался пошевелить ногами, но кокон был слишком тяжелым, напоминая цементные башмаки, и вязким, а снаружи затвердел, словно клей на воздухе.

Бёрк начал качать головой, чтобы хоть немного отлепиться от кокона, но ничего не вышло. Тогда он попробовал пошевелить руками.

В районе правой руки кокон был тверд, как камень, а слева он еще, видимо, не успел застыть. Пальцы чувствовали вязкую субстанцию. Бёрк начал дергаться и извиваться, пока не смог пробить внешнюю тонкую корку возле левой руки.

Он подумал, что если начнет дергаться сильнее, то сможет высвободить руку целиком, а затем, сантиметр за сантиметром, разломать остатки кокона.

Вдруг Бёрк услышал шлепок и поднял голову. В бликах огня он заметил движение, частично скрытое аркой, а затем увидел голову и часть тела гигантского Ксеноморфа, не менее пяти метров ростом. У него – нее – было огромное брюхо, больше чем дом, шире чем автобус, и она только что отложила громадное белое яйцо прямо в кучу дерьмоподобной слизи.

Живот твари подрагивал, напоминая гигантского червя, а затем она слегка наклонилась вперед.

Бёрк узнал эту… часть тела. В голове тут же всплыло название из давно забытого курса биологии. Это был яйцеклад, такой же как у хищных ос или королевы термитов.

В поле зрения попал Ксеноморф поменьше, он поднял яйцо вместе со всей слизью и уставился на Бёрка.

– Нет, остановитесь! – завопил Бёрк и попытался высвободить руку.

Огромная Королева зарычала и уставилась на него. Второй Ксеноморф отложил яйцо, и Бёрк вздохнул спокойно.

Но Ксеноморф-трутень побежал, схватил другое яйцо, которое уже было здесь раньше, и положил его у ног Бёрка.

Бёрк был безумно напуган. В голову ничего не приходило.

Он начал дергаться, чтобы разломать кокон. Попытался высвободить руку, но Ксеноморф зашипел, взмахнул костяным хвостом и вплотную приблизил зубы к его лицу.

– Полегче, – сказал Бёрк. – Я понял. Мне нельзя шевелиться.

И все же он не мог так просто сдаться.

Ксеноморф отступил, наблюдая за ним. Позади твари висел очередной труп, посмотрев на который, Бёрк вспомнил рождественский вертеп, который как-то раз устраивала его мать. Это была сценка, где Мария и Иосиф смотрели на младенца Христа в колыбели, за ними наблюдали три царя, а над их

головами летали ангелы.

Разум Бёрка помутился.

На этот раз роль Иосифа исполнял сам Бёрк, а младенца Иисуса – яйцо с одним из этих существ – лицехватом – внутри. Парящими ангелами были отвратительные трупы, а как только из яйца вылупится существо, отдаленно напоминающее краба, оно взберется ему на лицо, вставит трубку в горло и отложит в него некий эмбрион.

– Послушай! – взмолился Бёрк. Трутень тупо уставился на него, но Королева в другой комнате наклонила голову, словно изучая взгляд человека. Ее морда была жесткой, рельефной, словно вылепленной из гипса, а за этими глазами Бёрк видел расчетливый бесчувственный взгляд собственной матери.

– Что тебе нужно?! – крикнул он ей. В комнате было жарко, кругом уже все полыхало. Бёрк знал, что вскоре от этого места останется только грибовидное облако. – Я работаю в корпорации «Вейланд-Ютани». Я могу дать тебе все, что угодно. Что ты хочешь? Новую планету? – он понял, что тут необходим творческий подход. – Хочешь жрать коров? Или людей? Я могу дать тебе все это.

Королева уставилась на него, будто пытаясь понять, что он сказал, затем отвернулась и отложила еще одно яйцо.

Бёрк весь вспотел, огромные капли пота стекали по лицу. Его вдруг стало мутить, и он закашлялся от рвоты.

Яйцо перед ним начало подрагивать и трястись, на его поверхности появилась трещина. Сердце Бёрка бешено колотилось, а во рту пересохло сильнее, чем в токсичных песках пустыни Гоби. Он снова попытался освободиться, безумно раскачиваясь, и Ксеноморф-трутень предупреждающе зашипел.

Бёрк покачнулся и закричал. Он кричал до тех пор, пока не смог сдвинуться с места. И внезапно, в последнюю минуту, почувствовал, что вновь засыпает. Череп казался мягким в области затылка. «Сотрясение мозга», – подумал Бёрк, пытаясь остаться в сознании. Словно запертый в янтаре, он снова взглянул на яйцо. Всё кончено – лицехват приближается к нему, но, одновременно, словно по-прежнему пребывает в яйце. Бёрк понял, что видит сон. И тем не менее, трутень-Ксеноморф продолжал следить за ним.

– Пошел ты! – заорал Бёрк, когда лицехват выполз из скорлупы, словно в ночном кошмаре.

Трутень подбадривающе зашипел лицехвату и начал с удовлетворением наблюдать за ним, будто акушерка, созерцающая удивительное чудо рождения.

– Пошли вы все! – завопил Бёрк. – Это не младенец Иисус, а я

не…

Неудачник.

Он разозлился и попытался вырваться еще раз. «Подумай, прежде чем кричать».

«Еще есть шанс все исправить», – подумал Бёрк. Он ведь надеялся вывезти с планеты парочку лицехватов внутри Рипли и Ньют.

Им завладела безумная идея – настолько безумная, что он понял: она гениальна! «Это существо может стать золотой жилой. Если я пронесу эмбрион в себе, то смогу сесть на корабль, погрузить себя в стазис и оставить указания для тех, кто найдет меня. Это может сработать».

Единственной проблемой было время. Весь атмосферный процессор скоро взлетит на воздух. После заражения эмбрионом ему нужно освободиться из кокона и выбраться отсюда до того, как существо начнет пожирать его изнутри.

И тут лицехват прыгнул на него. Будто в замедленном движении его лапы мелькнули перед лицом Бёрка, а затем обхватили его голову. Закрыв лицо человека своим мягким крабоподобным телом, гад попытался ввести что-то ему горло.

Бёрк старался не разжимать зубов, трясти головой, но он понял, что каждая секунда его сопротивления была потрачена впустую. Он должен был сделать это, хотя всё внутри него вопило от ужаса.

«Глотай это, – приказал он самому себе. – Просто проглоти».

Он широко раскрыл рот и позволил лицехвату сделать свою работу.

«Господи, что же я наделал?»

Но это был единственный выход. У Бёрка не было оружия, с помощью которого можно было сравнять шансы. У него не было достаточно сил, чтобы освободиться.

Он не мог дышать. Бёрк боролся с существом за глоток воздуха, но тщетно. Его лицо и мускулы напряглись и начали гореть огнем, словно он тонул.

«Просто прими его», – сказал он себе.

И как только Бёрк потерял сознание, в голове всплыли воспоминания.

Будучи подростком, он застал свою мать, знаменитого риелтора, когда она «развлекала» клиента. Причем то, что мужчина делал с ней, было больше похоже на изнасилование, чем на занятие любовью.

Бёрк держал все в секрете три дня, переживая, что теперь будет. Разозлится ли отец, если узнает? Мать сама соблазнила того мужчину, или он ее изнасиловал? Бросит ли она теперь

отца?

Часть его надеялась, что она уйдет. Все-таки она держала дом в ежовых рукавицах, их суровая госпожа. А другая часть хотела просто освободиться от этого секрета.

И вот, во время воскресного обеда он рассказал отцу все, что видел, надеясь… что мать раскается, и ей станет легче, что, может, после этого всем станет лучше.

Последовало тяжелое молчание. Отец Бёрка, суровый человек, который, казалось, никогда не стареет, просто развел руками над тарелкой, подмигнул жене и сказал:

– В нашей семье, каждый делает то, что должен.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Бёрк; губы его дрожали.

– Твоя мама приносит в дом много денег, – ответил отец. – Я известный хирург, но я приношу только восемнадцать процентов от общего дохода. Остальное зарабатывает твоя мама.

У матери в тот момент были рыжие волосы, широкие скулы и кожа, отбеленная до цвета слоновой кости.

– Разве ты не понимаешь, сынок? – продолжал отец. – Я меняю износившиеся лица клиентов. Найти то, что им понравится, – вот моя цель. Обычному риелтору много бы не заплатили, а красивой женщине, которая может засудить их, показать, кто они есть на самом деле, довести до ареста или развода, они платят, и платят очень хорошо.

Пока Бёрк сидел с отвисшей челюстью, отец улыбнулся:

– Я видел запись того изнасилования. Видел их все. Зачем, по-твоему, я делаю твоей маме все эти операции? Это просто часть сделки.

Мать Бёрка посмотрела на сына оценивающим холодным взглядом и произнесла:

– Ради денег я делаю то, что должна. И если в тебе есть хоть что-то от меня, ты последуешь моему примеру…

* * *

Бёрк всегда делал то, что, по его мнению, могло бы продвинуть его вперед.

Он проснулся от воя сирен. Горло было горячим и влажным. Комната пылала. Кругом бушевал пожар. Пот лился с Бёрка ручьем, так много пота. Он стекал под одеждой, облепившей тело внутри кокона. Бёрк чувствовал себя абсолютно вымотанным, силы его были на исходе. Оглядевшись по сторонам в поисках лицехвата, он понял, что того нигде нет. «Сон, – понял он. – Все-таки это был сон».

В узких коридорах Бёрк больше не видел ни Ксеноморфов-трутней, ни Королеву. Лишь яйцо по-прежнему стояло перед ним, ожидания вылупливания своего обитателя.

Выли сирены. Компьютерный женский голос предупредил: «Внимание, опасность! Всему персоналу срочно эвакуироваться. У вас осталось пятнадцать минут, чтобы уйти на минимальное безопасное расстояние».

«Вот дерьмо, – подумал Бёрк. – Как же долго я был в отключке?»

Пятнадцать минут. Успеет ли он убежать?

Даже если побежит во всю мочь, он все равно не успеет уйти из зоны взрыва. Ему нужен транспорт. Даже экскурсионный автобус бы подошел, но лучше корабль.

Бёрк начал бить ладонью левой руки по внутренней части кокона, пытаясь разорвать его. Внешняя корка неохотно треснула, и он смог высвободить руку. Ударяя по кокону над своей правой рукой, он смог разбить корку, хотя сильно устал. Пока он спал, материал вокруг ног и торса затвердел, плотно удерживая его на месте.

Хуже всего было то, что у заболел живот. Пока Бёрк размышлял об этом, его мысли стали путаться. Он понял, что это была не привычная боль от вздутия или изжоги, а такая, которую Бёрк себе и представить не мог – он чувствовал существо внутри себя, прямо в желудке, словно огромный осьминог плавал туда-сюда по аквариуму.

Его накрыло волной страха, тяжелой и холодной, так что он едва не потерял разум. Бёрк знал, что должно вот-вот произойти.

Каким-то образом лицехват все-таки оплодотворил его. Но когда?

Бёрк молотил по кокону, пока его левый кулак не превратился в кусок мяса, мокрого от крови, и все равно не смог пробиться. Он бил и бил, пока не обмяк в изнеможении.

Надежда покинула Бёрка, как вода разбитую бочку, как воздух – его легкие.

Он чуть не упал в обморок от усталости, чуть не сдался. Но он не был готов умереть.

Отдых… Нужно восстановить дыхание…

Он вновь очнулся. Сирены продолжали выть, а компьютер предупредил Бёрка, что у него осталось тринадцать минут, чтобы уйти в безопасное место. Вдалеке Ксеноморфы пронзительно визжали от боли и ярости. Неподалеку слышалось шипение огнемета. Кто-то сражался. Морпехи?

На мгновение Бёрк представил себя в роли героя. А потом внезапно вырвался из липкого кокона, пошатываясь, вывалился в

коридор и увидел, как к нему приближается Королева Чужих. Он пристально вгляделся в темные глаза, которые, казалось, не отражали ничего, кроме пламени пожара.

Глаза его матери. Ее точеное, лишенное эмоций лицо с кожей, туго обтягивающей череп.

Да, Чужой превратился в его мать. Тварь произнесла – и голос ее разнесся гулким эхом: «Ты свободен!»

И тогда Бёрк побежал. Путь ему освещали языки пламени, сверкающие за углами и поворотами улья.

Внутри него что-то дернулось, и он почувствовал жуткий голод. Грудолом высасывал из него всю энергию.

Бёрк пробежал еще немного, добрался до лифта, нажал кнопку вызова, но двери не открылись.

Вместо этого раздался вой сирен.

«Семь минут, чтобы уйти на минимальное безопасное расстояние».

Он с трудом перевел дыхание и понял, наконец, что лифт не придет. Из ближайшей расщелины полыхнуло огнем, и между двумя колоннами образовалась огненная арка. Неподалеку рухнули металлические балки, и реактор задрожал. Все здесь вот-вот развалится.

Бёрк побежал к пожарной лестнице и начал карабкаться наверх. Здание затряслось, и рядом с лестницей снова полыхнул огонь.

Он поднялся на взлетную площадку как раз в тот момент, когда механический голос объявил: «Две минуты, чтобы уйти на минимальное безопасное расстояние».

Бёрк поднял взгляд и увидел, как космический шаттл уже взлетает под облака и его двигатели ярко светятся в полутьме.

Вокруг площадки горели огни, было невыносимо жарко, а небо яркой короной очертила молния. Вся площадка задрожала, словно готовясь накрениться и рухнуть в огненную шахту.

У Бёрка раскалывалась голова, он провел рукой по волосам, растрепав их, и без всякой надежды огляделся.

Внутри него что-то зашевелилось, выдавливая ребра, словно ребенок на стероидах, пинающийся в материнской утробе.

Десятки огнеметов снова полыхнули, вздымая в воздух копоть и дым. Последняя надежда Бёрка улетела вместе с шаттлом.

«Одна минута, чтобы уйти на минимальное безопасное расстояние», – объявил компьютер, и нечто снова толкнуло Бёрка изнутри.

Он задумчиво потряс головой. «Есть ли жизнь после смерти? Будет ли у меня второй шанс? Или я просто сразу попаду в ад?»

Бёрк подумал, сколько миллиардов людей уже задавали себе эти вопросы перед смертью. Потом рухнул на колени, слишком изможденный, чтобы бежать дальше, и выпустил на свет новую жизнь. Чужой проломил его грудную клетку. Вместе с ним хлынула кровь и слизь, а кишки и желудок Бёрка шлепнулись на металлический пол, как плацента матери.

К удивлению Бёрка, существо не вырвало его сердце и легкие. Оно просто оставило в его груди зияющую дыру, а теперь лежало на земле, и его кожа в огненном свете казалась почти красной. Чужой тихонько зарычал и огляделся.

Человек упал на бок, его сердцебиение ослабло, пока жизнь вместе с кровью быстро покидали его тело. Дыхание Бёрка замедлилось, пока у него не осталось сил даже больше ни на что.

Он моргнул и обнаружил себя бодствующим, а лицехват по-прежнему полз по направлению к нему.

Потом земля содрогнулась, и Бёрк осознал «Это место должно быть уничтожено!»

* * *

Иногда мы можем проснуться от страшного сна и оказаться в кромешной тьме.

Эпизод 22
Ларри Коррейя

Сага об оружии. Сезон 1, 22 серия
Импульсная винтовка M41A

M41A – одна из самых успешных боевых винтовок в истории, которая стала настоящим символом американской военной мощи не только на Земле, но и в самых отдаленных уголках космоса. Она участвовала в битвах на всех континентах и в дюжинах миров. Ее обожают те, кто ей пользуется, и боятся те, против кого она направлена.

Однако вопрос внедрения импульсной винтовки неоднозначен, а история ее эволюции полна трагических ошибок, которые стоили многим Колониальным морпехам жизни.

Присоединяйтесь к обсуждению истории легендарной импульсной винтовки M41A в нашей «Саге об оружии»!

Ничто не сравнится со звуком импульсной винтовки. Словно какой-то маньяк колотит отбойным молотком по стальному барабану. Это звук свободы.

Младший капрал Крис Джонс, Колониальная морская пехота США

Сегодня Колониальные морпехи принимают надежные и мощные винтовки как должное, но так было далеко не всегда. Когда Колониальная морская пехота США была создана в 2101 году, их стандартным пехотным оружием была штурмовая винтовка и одна «Вейланд Шторм» на все подразделение.

Сегодняшние морпехи не осознают, насколько им повезло. В мое время у нас было, по большому счету, два варианта: маленькая штурмовая винтовка, шустрая как понос, но ее слабенькие мелкие пульки отлетали от амуниции врага, или винтовка, которая разнесет все во что бы то ни стало, но только если этот кусок металлолома не сломается или его не заклинит безнадежно из-за какой-нибудь пылинки. Вы хоть раз снимали стенку короба со «Шторма»? Изнутри она выглядит как старомодные часы. Когда морпехи говорят,

что какая-то вещь работает, как часы, то мы уж точно не имеем в виду «Шторм».

Старший сержант Майк Уиллис, Колониальная морская пехота США

Лично я в шестидесятых годах пользовался штурмовой винтовкой, потому что хотя бы знал, что она будет стрелять каждый раз, когда я нажму на спуск. Затем у нас появились эти суперпродвинутые машины для убийства, которые при помощи спутниковой связи могли отследить врага через все поле боя, но при этом они были такие капризные, что, казалось, неправильно на пушку посмотришь, и она тут же сломается. Нет ничего хреновее, чем ждать, пока перезагрузится операционная система твоей винтовки, в то время как в тебя палит тысяча шведских повстанцев.

Капрал Черил Кларк, Колониальная морская пехота США

После битвы при Кохане и продолжительной кампании на Миэме, стало ясно, что Колониальную морскую пехоту Соединенных штатов необходимо снабдить оружием нового поколения. Оно должно быть довольно прочным, чтобы перенести суровые битвы в экосистемах разных планет, и мощным, чтобы пробивать новую улучшенную броню. Бронебойные пули всеми любимой штурмовой винтовки калибра 6,8 мм были слишком слабыми, а «Шторм» – слишком хрупкой. После многочисленных операций с неадекватным оружием Колониальные морпехи решительно воспротивились. С них хватит.

Я присутствовал, когда генерал Филлипс закатил истерику перед Космическим командованием. Он сказал: если его люди должны бороться с повстанцами, что им делать? Защекотать противника до смерти? Смотреть, как генералы орут друг на друга, было далеко за пределами моих полномочий, но это было то еще зрелище.

Капитан Трент Миллер, Войска специального назначения США

Программа «Морпех-70» изменила всё, в том числе и закупку стрелкового вооружения. Комиссия, которая была создана для

изучения потребностей в очередном замещении систем вооружения, сразу же столкнулась с ожесточенным противодействием. Корпорация «Вейланд-Ютани» обратилась в суд, утверждая, что Колониальная морская пехота просто неправильно использовала их винтовки «Шторм», не следуя руководству по техническому обслуживанию, что и привело к проблемам с их надежностью.

> Ага… эти педики действительно обвинили во всем нас. Вы можете в это поверить? «Неправильное использование» и «пренебрежение техобслуживанием», как они заявили. Поймите, чертовы макаки, что мы не в стерильной лаборатории на вашем заводе. Всю эту чушь с правильным техническим обслуживанием можно спустить в унитаз, когда ты пролетел через половину галактики, несколько недель просидел по уши в крови, дерьме и кишках, чтобы потом до смерти забить повстанца прикладом винтовки – серьезно, кто придумал впихнуть электронику в приклад? – и к тому же ты немного не в духе, потому что с утра наступил на противопехотную мину. Что ж, простите, что у меня нет специального, одобренного производителем ключика, чтобы починить винтовку. На самом деле, если морпех не может починить что-то с помощью молотка и изоленты, значит, это вообще нельзя починить.
>
> *Сержант Марио Кордова, Колониальная морская пехота США*

В конечном счете, после обвинения во взяточничестве, коррупции и шантаже «Вейланд-Ютани» отозвала иск, и новая бюджетная комиссия по стрелковому вооружению принялась за работу.

> Вы ведь знаете, что говорят о вещах, разработанных всякими комиссиями, не так ли? Именно к этому мы и пришли. Видели бы вы изначальный список требований. Это просто смешно. Характеристики были явно написаны не солдатами. По большому счету, они представляли собой список пожеланий от штабных офицеров, которые видели боевой самолет только если припаркованным после авиашоу, и от лоббистов, требующих дополнить устройство непонятными штуковинами, которые, по счастливой случайности, как раз производит их компания. Винтовки предлагали напичкать таким

количеством разной ерунды, что солдатам пришлось бы перемещать их разве что на тачанке.

Механик 1-го класса Майк Раулстон, Войска специального назначения США

Наступил период смелых концептов. Большая часть многочисленных продвинутых технологий, предложенных комиссией, позже была использована в других оружейных системах, например, смартган M56 был оснащен механизмом стабилизации, правда все это угрожало похоронить текущий проект.

Однако вскоре забрезжил лучик надежды. Пока различные мегакорпорации готовили свое новое оружие к испытаниям, отставной морпех Джонатан Лафорс работал над прототипом винтовки, которая позже стала легендарной M41. Днем он едва сводил концы с концами, работая водителем грузовика, а ночи проводил в своей скромной мастерской. Он был дальним родственником разработчика легендарного оружия Джона Моузиса Брауна (смотри «Сагу об оружии», серии 1, 4, 15, 20). Капрал Лафорс успешно прошел Миэм, так что он из первых рук знал, что нужно современному солдату.

Если вы морпех, то, кому бы вы ни поклонялись, обязательно скажите во время своей молитвы, что вы благодарны Лафорсу. Этот парень – механический гений. Нам повезло, что он фанат оружия, а не космических кораблей или еще чего. Разумеется, у нас тогда были бы отличные корабли, но импульсная винтовка спасла мне жизнь столько раз, что и не счесть. Слава Одину за капрала Лафорса!

Орудийный сержант Эйми Морган, Колониальная морская пехота США

Лафорс взял за основу внешний вид штурмовой винтовки и использовал такой же интегрированный гранатомет с автоматической перезарядкой, но на этом сходства заканчиваются. Звуковое импульсное оружие, которое мятежники использовали при Миэме, чтобы вывести из строя штурмовые винтовки морпехов, показало, что нужен такой ударный механизм, который не будет срабатывать от стороннего воздействия. Так что первым делом он разработал импульсное зажигающее устройство. Эта черта и послужила поводом для небезызвестного прозвища M41A.

Импульсная винтовка – неофициальное название, это всем известно, но так как зажигающее устройство срабатывало от импульса, оно так и прилипло. У морпехов часто так бывает. Один из моих прапрадедушек носил «Свинью»[8], а винтовку его отца называли «Томми»[9]. Звучит круто, по смыслу подходит, вот прозвище и приклеивается. В случае с M41 проблема в том, что, как только какой-нибудь новобранец услышит, что нам выдадут импульсные винтовки, он сразу радуется, думая, что она будет стрелять лазерными лучами или что-то в этом роде. Они что, думают, мы в каком-то научно-фантастическом фильме?

Младший капрал Трипп Дорсет, Колониальная морская пехота США

Спецификации требовали, чтобы в новом оружии были безгильзовые боеприпасы, но тут возникли некоторые трудности. Лафорс считал, что стандартные боеприпасы намного лучше, потому что непрерывный огонь безгильзовыми патронами быстро провоцировал перегрев, что могло привести к неисправности или даже преждевременной поломке. В стандартных винтовках отсекатель гильзы выступает в роли теплопоглотителя, и еще некоторая часть тепла выходит через выпускное отверстие. Лафорс решил проблему с перегревом, использовав для внутреннего механизма передовые материалы, а также суперсовременный порох с пониженной температурой горения.

Лафорс запатентовал несколько новых изобретений. Среди них был автоматический вращающийся затвор, который не только вдвое уменьшал отдачу, но и позволял использовать новый U-образный магазин. Эта великолепная система сделала его оружие намного более управляемым, чем у конкурентов, причем даже при использовании мощных боеприпасов.

У нас была команда лучших инженеров, которые соревновались друг с другом, чтобы представить наилучший образец, а тут на испытаниях появляется какой-то отставной морпех, не имеющий соответствующего образования, и достает эту топорную рухлядь, которая выглядела так, будто он собрал ее в гараже. Позже я узнал, что он действительно собрал ее у себя в гараже. Мы – первоклассные разработчики в военно-промышленном комплексе, все представляют корпорации, тратящие миллионы на научно-исследовательские разработки и маркетинг, и тут

заходит он и встает в ряд со всеми, словно там ему и место, достает из чехла эту уродскую штуковину и приступает к делу.

На первом этапе нужно было сделать показательный выстрел перед офицерами. Ерунда. До тех пор, пока Лафорс не вышел со своим зверем. Сейчас всем знаком звук выстрела импульсной винтовки, но тогда это было кое-что новенькое, и никто из нас не слышал ничего подобного раньше. Ничто так не привлекает внимание, как выстрел импульсной винтовки. Все как по команде повернули головы в ее сторону.

В качестве корпуса он использовал двенадцатимиллиметровый «Дарналл», монстра со старыми безгильзовыми патронами, из которого можно было застрелить генномодифицированного носорога, просто чтобы доказать, что это реально. Повыпендриваться. Эта штуковина стреляла чаще и боґльшими боеприпасами, причем с меньшей отдачей – намного лучше, чем кучка многомиллионных прототипов… у нас просто крышу снесло.

Позже стало известно, что комиссия вообще не приглашала Лафорса, он тайком проник на первичные тестовые испытания. Лафорс спас жизнь одному из лаборантов в битве при Кохане, и, чтобы вернуть должок, попросил его помочь попасть на испытания в качестве «наблюдателя». Я отучился в Массачусетском техническом университете и треть жизни разрабатывал стрелковое оружие на самых передовых проектировочных программах солнечной системы, и там было еще двадцать таких же, как я, а нам всем утер нос любитель, чьей основной работой была продажа барбекю.

Майкл Анкенбрандт, «Дэйхотэй Инжиниринг»

Было очевидно, что разработка Лафорса превзошла все другие, но у него не было возможности производства. После демонстрации, во время которой прототип был заморожен в грязи, а затем выдал серию из шести тысяч выстрелов без единой осечки, Лафорс получил официальное приглашение на соревнование. К нему также подходили несколько конкурентов и предлагали ему огромные суммы денег за его патенты. К удивлению, он отказал им всем, утверждая, что занялся этим, чтобы помочь братьям-морпехам, а не разбогатеть. В то время даже ходили слухи, что кто-то пытался проникнуть в мастерскую

Лафорса, чтобы украсть и уничтожить прототип, в чем обвиняли – несмотря на их возмущенное негодование – корпорацию «Вейланд-Ютани».

С рабочим прототипом на руках и заинтересованностью Колониальной морской пехоты США Лафорс присоединился к «Армату». Эта когда-то уважаемая компания испытывала тяжелые финансовые трудности и все же сумела сохранить репутацию производителя, не экономящего на качестве и всегда поддерживающего солдатов, использующих их оружие. К счастью для Лафорса, «Армата» и Америки, это был идеальный союз.

> Если взглянуть на историю развития легкого стрелкового оружия, может возникнуть вопрос, что было раньше: гильза или винтовка? Это как с яйцом и курицей. Иногда ты разрабатываешь платформу под определенный патрон, а иногда у тебя уже есть оружейный комплекс, и тебе нужно впихнуть в него лучший боеприпас. В этот раз нам повезло. Пока Лафорс разрабатывал импульсную винтовку, «Армат» совершил настоящий прорыв в области химического оружия и материалов. Это позволило нам значительно расширить границы баллистики. Наши новые безгильзовые боеприпасы калибром 10 Ч 24 мм приблизили баллистику старого.300 *Winchester Magnum* к более короткому и легкому патрону, который может пробить самую современную нательную защиту, а заряд взрывчатого вещества в нем может разнести все, что угодно. Проблема была в том, что он давал слишком большую отдачу для того, чтобы использовать его в автоматическом режиме в качестве пехотного оружия. Так что мы позиционировали его, главным образом, для группового стрелкового оружия. Когда Лафорс пришел к нам с облегченной винтовкой, которая с легкостью гасила отдачу нашего экспериментального десятимиллиметрового патрона, наши руководители взяли курс на производство импульсной винтовки. Все остальное – история.
>
> *Техник Мордекай Ицхак, «Армат»*

«Армат» мог использовать еще более современные материалы для своих следующих прототипов, что значительно уменьшило массу и повысило и без того впечатляющий срок боевой пригодности. Их новые материалы окончательно смогли решить главный недостаток импульсной винтовки Лафорса – рассеивание

тепла. Винтовка «Армата» с легкостью одержала победу на оставшихся испытаниях, блестяще пройдя все тестирования. Новую M41 запустили в производство, и в 2171 году она попала в руки Колониальных морпехов.

Однако не все было так гладко. Для производства нескольких первых партий десятимиллиметровых боеприпасов воспользовались услугами подрядчиков, и кто-то внес изменение в боезаряд. Позже в Конгрессе провели расследование, но установить преступника не удалось. Кто бы ни был в этом виноват, ошибка стоила морпехам жизней и испортила репутацию первых моделей M41.

(Предупреждение: следующий далее материал представляет собой репортаж с планеты LV-832. Не рекомендуется к прочтению детям и лицам с неустойчивой психикой).

Это был просто кошмар. Дикая природа на LV-832 мерзкая, суровая и капризная, но колонисты там – крепкие орешки. И тебе приходится им соответствовать, чтобы выжить в этой дыре. Только в одном случае они обращаются к морпехам за помощью – когда нападает рой. Это такой вид. Представьте себе хищную тварь размером с лося и с усиками вместо рогов. По отдельности они не так уж опасны. Только, оказывается, каждые семь лет у них происходит популяционный взрыв, и они превращаются в целый рой, который пожирает все на своем пути, как саранча.

Мой отряд должен был защищать от роя одно из поселений на LV-832. Не проблема. Мы на укрепленной позиции. У нас эти крутые новенькие импульсные винтовки. Противник – кучка тупых инопланетных зверушек. Ничего сложного, верно?

Затем мы услышали гром, словно десять миллионов копыт цокали по горам. А затем… волна. По-другому и не скажешь. Просто волна разъяренных зеленых тел скатывалась с горы прямо на нас. Всё оказалось намного хуже, чем мы ожидали. Капрал Ричардс был нашим передовым наблюдателем. Он погиб ужасной смертью – его за секунду растоптали в кровавое месиво.

Мы открыли огонь изо всех орудий. Единственной нашей надеждой было пробить дыру в этой волне, чтобы из достаточного количества трупов соорудить своего рода стену. Но вскоре наши импульсные винтовки дали сбой. Вот только рой продолжал приближаться.

Старший лейтенант Хэнк Рейнолдс, Колониальная морская пехота США

Ужасный инцидент на LV-832 был не единственным. Проблемы возникали везде, куда были доставлены испорченные боеприпасы. Как только винтовки нагревались, патроны начинали расширяться и застревать, становясь причиной технического сбоя. А бывало, патроны детонировали еще в магазине, что влекло за собой катастрофические результаты.

> Вы когда-нибудь видели, что десятимиллиметровый разрывной снаряд делает с человеком? Он проникает в плоть, а затем взрывается. Вторичные раневые каналы – штука неприятная. Можно, конечно, заткнуть рану, но… Это действительно ужасно. О да, теперь-то мы их любим. Но тогда, в 71-м… представьте, что снаряд сдетонирует еще в винтовке, прямо возле лица. Или еще хуже. Я слышал о парне, у которого импульсная винтовка взорвалась и спровоцировала взрыв гранатомета. Морпехи боялись собственных винтовок. Некоторые ребята носили с собой короткоствольные ружья на случай ближнего боя.
>
> *Младший капрал Дэниел Уокер, Колониальная морская пехота США*

Стали ходить слухи о морпехах, найденных мертвыми на поле боя рядом с разобранной винтовкой, погибших во время отчаянной попытки устранить поломку.

«Армат», надо отдать им должное, не стал отрицать свою вину. Вместо этого они взялись за дело: нашли причину, предупредили Космическое командование и попытались отследить бракованные боеприпасы. К началу слушаний M41 уже работала как нужно. Однако ее дурная слава еще долго ходила по линейным подразделениям, и эта тема до сих пор горячо обсуждается любителями оружия.

В конструкцию немедленно внесли изменения, чтобы сделать M41 менее уязвимой, а также добавили больше кулеров. Ко встроенному электронному счетчику боеприпасов добавили светорегулятор, так как морпехам приходилось заклеивать предыдущие версии изолентой, чтобы не выдавать свои позиции во время ночных операций. Эта версия винтовки была названа M41A, и она до сих пор является стандартным оружием армии Соединенных штатов Америки и Колониальных морпехов.

После устранения недостатков M41A стала зарабатывать себе

другую репутацию.

Наш отряд «Шайенн» прибыл на LZ словно метеорит. Было взорвано столько снарядов и зенитных средств, что ночное небо светилось, как на День независимости. Мы еще не успели приземлиться, а к нам уже с трех сторон пробирались разведчики. Мы потеряли двух бойцов еще до того, как покинули свой транспорт. В наш БТР угодила ракета, и мы потеряли нашего лейтенанта. Мятежники Делорме подготовились к нашему визиту, зарылись в окопы и с нетерпением ждали битвы.

По приказу мой отряд должен был захватить и удержать береговую взлетную площадку. Мы встретили жесткое сопротивление на каждом шагу. Их хорошо профинансировали. Многие мятежники носили самую современную карбоновую защиту, хотя наши импульсные винтовки все равно с ней справлялись. Сотрудники службы ведомственной безопасности Делорме носили эти тяжелые сервоприводные доспехи. Мы называли их «танкистами». Крепкие ублюдки. И хотя наши десятимиллиметровые патроны не могли пробить их броню, самого удара и микровзрыва было достаточно, чтобы отбросить их и дать возможность моим морпехам приблизиться и прикончить их через прорезиненные стыки их доспехов. М41 настолько мощная, что мы просто обстреливали «танкистов», пока не попадали в самые уязвимые участки, и они падали.

Мы прорывались улица за улицей, дом за домом. Из окна нас начал обстреливать снайпер, мы бросили туда гранату и стали продвигаться дальше. Достигнув взлетной площадки, мы поняли, что были одни. Никто больше сюда не пробился. Мы должны были держать позиции, иначе вся миссия оказалась бы завалена.

Битва продолжалась всю ночь. Повстанцы забрасывали нас всем, что было у них под рукой. Мы палили из импульсных винтовок так, что их дула раскалились докрасна, но они не подводили, не заклинивали, даже не кашляли. «Шайенны» пролетали мимо на огромной скорости и сбрасывали нам ящики с патронами и гранатами, чтобы мы могли обороняться.

Я в первый раз пользовался М41А. Она не подвела меня тогда и ни разу с тех пор. После Делорме я брал импульсную винтовку на каждую богом забытую планету, орбиталь, луну, заброшенную колонию и битву

с Чужими. Я использовал ее в условиях нулевой гравитации и под водой. От полярных пустошей до горячих песков, перегружал ее, ронял, поджигал, но M41A ни разу не подвела.

Импульсная винтовка – самая подходящая винтовка для Колониального морпеха.

Старший сержант Майкл Ньюман, Колониальная морская пехота США

M41A завоевала уважение каждого воина, который пользовался ею или… против которого ее использовали. Это механическое чудо заняло свое место в истории, как одна из лучших винтовок, когда либо принятых на вооружение. Импульсная винтовка славится тем, что она побывала везде и делала невозможное. Редкое оружие может стать воплощением смелости и неудержимости солдата, которому оно выдано. Таким оружием стала импульсная винтовка M41A.

Это была «Сага об оружии».

Не для прессы
Кит Р.А. деКандидо

– Мисс Хасегава готова вас принять, мисс Киджела.

Николь Киджела боялась услышать эти слова, как только вошла в обставленную со вкусом приемную генерального директора «Хасегава Ньюс Сервис».

За пятнадцать лет, которые она проработала в ХНС (десять из которых – полевым журналистом), Николь ни разу не была в офисе Хироми Хасегавы.

Черт, да ей вообще не приходилось встречаться с известной главой корпорации один на один. Конечно, они бывали в одной аудитории, но это, как правило, было огромное функциональное пространство на каком-нибудь мероприятии. И то Николь оказывалась в нескольких метрах от нее всего раз или два.

С чувством опасения и страха Николь спрятала свой планшет в сумку – она записывала еще несколько идей для статьи про доктора Шалабаллаз Рао – и подошла к огромной металлической двери, которая любезно перед ней открылась.

Первым делом она отметила, что Хироми Хасегава сидела за

деревянным столом. На его поверхности было немного вещей, чему Николь удивилась, так как обычно столы руководства либо завалены всяким хламом, либо абсолютно пусты, а у Хасегавы было что-то среднее.

Женщина встала, и Николь поразилась, какой она была низкой. На подмостках и трибунах Хасегава выглядела самым высоким человеком в аудитории, но на самом деле ее рост едва превышал полтора метра.

Также Николь заметила, что лицо главы ХНС было значительно преображено пластическими операциями, хоть и очень качественно. Если бы Николь не провела для статьи тщательное изучение последних техник модификации тела, она бы ничего и не заметила.

Хасегава обошла деревянный стол и протянула руку:

– Рада наконец познакомиться с вами, Николь.

– С-спасибо, мэм, – Николь неуверенно пожала руку.

– О, ради бога, не называйте меня «мэм». Если бы тут был кто-то еще, то конечно, я бы сама настаивала на этом, но раз мы наедине, формальности – пустая трата времени, а его у меня не так много. Пожалуйста, зовите меня Хироми.

Испытывая чувство дискомфорта от необходимости быть столь фамильярной с самой большой шишкой в журналистских кругах, Николь вымолвила только:

– Хорошо.

– Пожалуйста, присаживайтесь, Николь, – сама Хасегава села на краешек своего вычурного стола.

– Благодарю, – Николь села.

Хасегава наклонилась вперед с заговорщической улыбкой.

– У вас такой тревожный вид, Николь. Уверяю, вам здесь совершенно нечего бояться.

– При всем уважении, истории о встречах в вашем офисе, которые я слышала, доказывают обратное.

Пренебрежительно махнув рукой, Хасегава ответила:

– Это просто сплетни и инсинуации, – затем ее улыбка превратилась в злобную ухмылку. – Причем прошу заметить, я сама начала их распространять. Не люблю личные встречи, поэтому предпочитаю по возможности ограничить их только неприятными заданиями, так что они могут закончиться увольнением. Однако не беспокойтесь, это другой случай. Обещаю, вы покинете этот кабинет в той же должности и с той же зарплатой, какие у вас были до того, как вы переступили его порог – чего, честно говоря, нельзя сказать о тех многих, кто сидел в этом кресле до вас за последние несколько лет. – Она немного поерзала на месте и встала. – Это искусственное дерево

очень неудобное. Жаль, что нельзя заказать мебель из натуральной древесины.

Николь еле сумела промолчать, и это было заметно. Хасегава посмотрела на нее из-под тяжелых век и снова села за стол.

– Вы хотели что-то сказать, Николь?

С одной стороны, тон бизнесвумен говорил, что Николь должна ответить, причем осторожно. С другой стороны, этот же тон говорил, что ей все равно не понравится ответ.

Однако первое пересилило второе.

– Несколько лет назад я писала статью про закон о лесе и о том, что использование растений сейчас так строго регулируется, что на Земле их осталось едва ли достаточно для того, чтобы поддерживать в воздухе баланс кислорода. Я видела натуральную древесину и разговаривала с людьми, которые ее подделывают. Стол, за которым вы сидите, либо сделан из натурального дерева, либо это настолько качественная подделка, что она стоит намного дороже оригинального изделия.

К огромному облегчению Николь Хасегава улыбнулась.

– Вы действительно так же талантливы, как мне говорили и как я надеялась. Превосходно, это то, что нужно. Действительно, это и есть искусственная древесина, и да, значительно дешевле было бы купить настоящее дерево. Но я также очень люблю дышать, поэтому просто купила самую лучшую подделку, какую смогла найти.

Николь кивнула. Ей не понравилось, что начальница стала ее проверять, но на то она и была начальницей…

– Я говорила о вас с Хеленой. Она сообщила, что вы работали над разоблачительной статьей про «Вейланд-Ютани».

– Работала, – медленно кивнула Николь, – но мне не удалось собрать достаточно подтверждений.

– Вам и не удастся, – Хасегава покачала головой. – Эта компания слишком хорошо владеет искусством прикрывать свою задницу, вы никогда не выведите их на чистую воду, действуя напрямую. Нет, Николь, найти информацию, которую Компания скрывает, можно, только отказавшись от действий в лоб. Вместо этого следует зайти со стороны, чтобы вас никто не заметил. Вот и весь секрет.

Николь нахмурилась.

– Хотите сказать, я снова должна взяться за это дело?

– Я пригласила вас сегодня сюда, чтобы поручить вам новое задание.

Николь заметила, что леди-босс так и не ответила на вопрос.

Хасегава коснулась сенсорной панели на столе, и стена позади нее – на которой был изображен вид на Гималаи –

сменила картинку на статью про Рао, для которой Николь делала заметки.

– Я посмотрела набросок вашей статьи про доктора Рао. Довольно неплохо.

Николь преисполнилась чувством глубокой гордости. Хасегава никогда не хвалила людей направо и налево, и уж тем более без оснований.

– Спасибо.

– Мне понравилось, что вы столь подробно изучили, кто она и почему делает то, что делает. Она личность, а не просто субъект. К тому же вы указываете на детали, которые может оценить умный человек, но при этом они представлены так, что понять их сможет даже полный идиот, – Хасегава вздохнула. – И это хорошо, так как вселенная полна идиотами, – она коснулась другой клавиши, и на стене снова появились Гималаи. – Я довольно долгое время дружу с Эмилио Крузом, начальником штаба Колониальных морпехов, и он попросил меня об услуге.

– Эм, слушаю.

За последнюю минуту Хасегава меняла тему разговора уже второй раз, и Николь совсем запуталась.

– Эмилио хочет, чтобы мы внедрили к ним репортера, который представит их в выгодном свете. Иначе говоря, покажет их более человечными.

– Надолго?

– На год.

Глаза Николь расширились, а рот непроизвольно открылся.

– Простите?

Подняв обе руки, Хасегава начала:

– Я понимаю, это большой срок…

– Очень большой срок! Я уже распланировала отпуск, у меня семья…

– Я обещаю, что ваше задание нисколько не помешает этому. Поймите, большинство подразделений морских пехотинцев примерно восемьдесят процентов своего времени проводит в ожидании новой миссии, а около семидесяти пяти процентов тех миссий простые и безопасные. Сейчас мирное время, так что морпехи, скорее, выполняют функцию стражей. На службе они должны быть безжалостными, но большую часть времени эти ребята сидят на задницах и ничего не делают. И не беспокойтесь, как я уже сказала, вы так же сможете поехать в отпуск и видеться с семьей – вам не придется торчать на задании безвылазно.

– Хорошо, но… какая тут цель? То есть, конечно, оказание услуги морпехам будет иметь свои плюсы для компании в долгосрочном плане, и все же…

Хасегава улыбнулась, и в этот раз это было выражение хищника, готового броситься на свою жертву.

– Это, Николь, не главная ваша задача.

– Прошу прощения? – Николь оставалась в замешательстве на протяжении всего диалога.

– Как я уже сказала, я знакома с Эмилио слишком долгое время. Точнее говоря, не то чтобы он об этом сказал, но я почти уверена, что морпехи в руках Компании. Я почти уверена, что они вместе скрывают правду о том, что в действительности произошло в «Надежде Хадли».

Николь моргнула.

– Вы полагаете, «Вейланд-Ютани» и морпехи виноваты в том, что там случилось?

– Думаю, так и есть, да, – Хасегава наклонилась и пристально посмотрела на Николь. – Как говорится, они скрывают какое-то дерьмо, и я хочу, чтобы вы нашли его. Я верю, что год в отряде морпехов поможет вам это сделать.

– Хорошо-о, – наконец, все, что Хасегава говорила до этого, сошлось в одну картинку. – Наверное, вам будет нужна краткая биография морпехов?

– Не наверное, а нужна. Предоставьте о морпехах те же детали, что и в своем очерке о Рао. Я уже отправила вам их личные дела. Хорошенько поспите сегодня, а утром первым же делом отзвонитесь лейтенанту Беренато в лагере «Обама».

* * *

Я: Пожалуйста, рядовой, назовите свое имя и где вы родились.

РЯДОВОЙ Д.Ш. САНДОВАЛ: Рядовой Дмитрий Сандовал. Родился в Эстонии, но вырос в Бруклине.

Я: А вы, рядовой? Тот же вопрос: имя и место рождения.

РЯДОВОЙ Д.К. САНДОВАЛ: Рядовой Дмитрий Сандовал. Мать и отец родились и выросли в Сан-Педро-де-Макорис, но эта милая мордашка родилась в Чикаго.

Я: Как же вас определили в один отряд?

РЯДОВОЙ Д.К. САНДОВАЛ: Степ подумал, что просто компьютер заглючил, пока мы оба не появились.

РЯДОВОЙ Д.Ш. САНДОВАЛ: Нас различают по кличкам. Меня зовут «Большой Ди», а его – «Маленький Ди».

РЯДОВОЙ Д.К. САНДОВАЛ: И это несправедливо. Я

не маленький, просто я чуть ниже, чем эта горилла-переросток.

Запись беседы с рядовым Дмитрием Шостаковичем Сандовалом и рядовым Дмитрием Карлосом Сандовалом, Колониальная морская пехота, «Джей Компани», проведенной Николь Киджелой.

* * *

Первый месяц Николь провела в лагере «Обама», базе морских пехотинцев, расположенной на границе между Калифорнией и Невадой. Отрядом, за которым она наблюдала, «Джей Компани», руководил лейтенант Эмили Беренато. «Джей» отправили на месяц в этот лагерь в качестве охраны, а также, чтобы потренироваться с новейшим оружием, только сошедшем с конвейера.

В лагере «Обама», насколько успела понять Николь, абсолютно негде было спрятаться от солнца. Это было проблемой, потому что все свое время, не считая сна, морпехи проводили на улице. Через четыре недели ее темная кожа практически стала цвета красного дерева.

Она смотрела, как морпехи учатся управляться с импульсными винтовками M41A «Mark 2». Сама Николь не интересовалась оружием, но она знала, что многие из читателей захотят узнать о новых игрушках все, поэтому она заставила себя выяснить дальность боя импульсной винтовки, научиться ее заряжать, разбирать, узнать, чем она отличается от модели «Mark 1», и так далее. Вся эта информация позднее войдет в материал.

Также она наблюдала, как морпехи тренируются, в частности, много бегают по непересеченной местности и стреляют из разных видов оружия по движущимся мишеням.

Но особенно интересной ей показалась самостоятельная тренировка морпехов. Как-то раз сержант Айед Степанян отпустил их после полудня, и шесть морпехов решили сыграть в снайперский покер. Они взяли четыре бруска и прикрепили к каждому по тринадцать карт из перетасованной колоды, а затем уложили бруски друг на друга.

После этого полдюжины морпехов отошли на две тысячи метров и установили снайперские винтовки M42A. Каждый должен был выстрелить и попасть в карту. После первого круга, они стреляли снова, пока не сделают по пять попыток. Побеждал тот, кто выбивал карты высшей комбинации. Если выстрелил и

промахнулся – выбываешь из игры.

Разумеется, морпехи делали ставки на возможного победителя. Большую часть денег ставили на снайпера Хакима Рашада. Несколько дополнительных ставок шли на пару других морпехов и на саму выигрышную комбинацию.

К четвертой попытке вылетели все кроме Рашада и рядового Малика Вашингтона, новенького и самого тихого члена компании. На самом деле, он прибыл сюда в один день с Николь.

Единственным, кто не участвовал в игре, был капрал Ли Хсу. Он смотрел в бинокль, кто сколько выбил, и вел счет.

– Итак, – начал Хсу, – Рашад выбил две пары, тузы и тройки. У Вашингтона собирается стрит[10] до валета.

Один из рядовых Дмитриев Сандовалов, Маленький Ди, удивился:

– Эй, новичок, ты где так стрелять научился, черт тебя дери?

Вашингтон скромно улыбнулся:

– На ярмарках. Всегда выигрывал плюшевых медведей.

Рашад прицелился и выстрелил.

Хсу поднес к глазам бинокль.

– Туз червей! У Рашада фулл хаус[11]!

Только Вашингтон прицелился, Рашад ухмыльнулся.

– Да не парься, салага. Все равно стрит не бьет фулл хаус.

Вашингтон ничего не ответил. Николь только улыбнулась. У ее камеры хороший зум, и она точно знала, какие карты выбил рядовой.

– Дама пик, – объявил Хсу после выстрела. – Стрит до дамы. Хорошо, но этого недостаточно. Победил Рашад, у него фулл хаус!

В честь Рашада раздались аплодисменты и ободряющие крики. Деньги пошли по рукам.

– Не совсем, капрал, – заметила Николь.

Покачав головой, Вашингтон сказал:

– Все в порядке, мэм. Капрал сказал…

Но Николь продолжила:

– Посмотрите на масти карт, которые выбил рядовой Вашингтон.

Хсу снова поднес бинокль к глазам, и лицо его вытянулось.

– Сукин сын.

– Что такое? – спросил Рашад, на середине прервав свои хвастливые восклицания.

Опустив бинокль, Хсу сказал:

– Репортер права. Вашингтон выбил не просто стрит, а стрит-флэш[12], – он усмехнулся. – Похоже, ты снова выиграл плюшевого медведя.

Лицо Рашада вытянулось. Николь улыбнулась.

Остальные были, кто рассержен, кто приведен в замешательство.

Затем Маленький Ди, ответственный за поставленные на кон деньги, сказал:

– Парни, вы не поверите.

Рашад повернулся к нему.

– Что?

Соединив перед собой ладони, Маленький Ди сказал:

– Не убивайте гонца. Я просто говорю, как есть. А дело в том, что репортер единственная, кто поставил деньги на новичка.

– Превосходно, – сказала Николь, выходя вперед, чтобы забрать у Маленького Ди свой выигрыш.

Покачав головой, Рашад спросил:

– Какого черта вы поставили деньги на его жалкую задницу?

– Потому что я уже знала про плюшевых мишек, – она взяла деньги. – Должна вас всех за это поблагодарить. Эти денежки мне очень пригодятся в отпуске на острове принца Эдуарда. Однако не переживайте, я вернусь через две недели.

– Что такого в этом чертовом острове, что вы решили провести там отпуск?

– Ну, для начала, освежающее отсутствие морпехов.

Все засмеялись, а Большой Ди сказал:

– Мы будем скучать, мисс Киджела.

Он был единственным, кто называл ее так. Остальные обращались по имени или, куда чаще, просто звали ее «репортер».

– Спасибо тебе, Дмитрий, – ответила она.

– Да уж, благодарите его, – сказал Рашад. – Лично я с радостью побыл бы в одиночестве.

– Сказал человек, который оставляет дверь в свою душевую открытой, – заметила она, мило улыбнувшись. – Мне пора.

– Нет, вы никуда не поедете.

Обернувшись, Николь увидела сержанта Степаняна.

– Что вы хотите сказать? – спросила она. – Я запланировала этот отпуск еще год назад, и мой босс сказала мне…

– Не знаю, что сказала ваш босс, но мой босс сказал, что мы собираем вещи и отправляемся к «Нелли», которая отвезет нас на LV-418.

Николь моргнула. Настоящая миссия? На другой планете?

– Э-э, хорошо, но я ведь…

– Согласно моему приказу, мисс Киджела, едут все, включая вас.

* * *

СЕРЖАНТ СТЕПАНЯН: Слушайте, можете говорить со мной о чем угодно, но лучше уделите больше внимания остальным. Я скоро ухожу в отставку, уже заполнил все бумаги.

Я: Правда? Я не знала. В вашем послужном списке ничего об этом не сказано.

СЕРЖАНТ СТЕПАНЯН: Ну, просто я еще пока не подал документы, но обязательно это сделаю. Может быть, завтра.

КАПРАЛ ХСУ: Не обращайте на него внимания, мэм. Он повторяет это уже многие годы, но мы так и не можем от него избавиться.

Запись беседы с сержантом Аидом Степаняном, Колониальная морская пехота, «Джей Компани», проведенной Николь Киджелой.

* * *

Николь провела следующие двадцать четыре часа, пакуя вещи и отправляя бесчисленные голосовые и текстовые сообщения Хасегаве. На все эти сообщения она получила один ответ, за пять минут до того, как должна была доложить о своем прибытии на шаттл, который отвезет их на орбиту к «Нелли»:

«Именно поэтому вы там. Идите обходными путями».

Вздохнув, Николь доложила о своем прибытии на шаттл, после того как отправила запрос на всю информацию, которая была у ХНС о LV-418. В частности, она вспомнила, что ее первым заданием в ХНС пятнадцать лет назад было исследование в рамках статьи о создании колонии, и тогда она нарыла тонну информации по этой теме. Исследование все еще хранилось в архивах, и она полностью все скачала.

Следующие шесть часов Николь потратила на отмену отпуска, но деньги вернуть не удалось, так как времени уже оставалось слишком мало.

«Все равно сможете поехать в отпуск». «Восемьдесят пять процентов времени сидят на месте». Не могу поверить, что я повелась на всю эту чушь!

После десяти часов на «Нелли» они уже были за пределами досягаемости гравитационных колодцев Земли и Луны, и корабль, по сути, превратился в баллистическую ракету, направленную на LV-418. Николь, члены «Джей Компани» и экипаж «Нелли» – все

погрузились в криосон.

Крышка ее криогенной капсулы поднялась, казалось, через секунду, после того как закрылась, но зато не было необходимости на протяжении всего затяжного межпланетного путешествия организовывать на корабле питание и поддерживать атмосферу для нее или кого-либо еще. Не говоря уже об ограниченном выборе развлечений в межзвездном пространстве.

В голове все поплыло, когда Николь села в криокровати, пытаясь сориентироваться в пространстве и остановить корабль, безумно пляшущий в разных направлениях одновременно.

– Вы в порядке?

Николь подняла взгляд и увидела очень размытую копию рядового Вашингтона, смотревшую на нее сверху вниз.

– Все хорошо, Малик.

– По вам не скажешь. Никогда не приходилось спать в криокапсуле?

Она покачала головой, о чем тут же пожалела, потому что голова закружилась еще сильнее.

– Я никогда не была дальше астероидных шахт.

– Ага, – сказал Вашингтон. – В первый раз это как похмелье.

– Это точно, как похмелье, – согласилась Николь, – только нет веселых воспоминаний о попойке.

Вашингтон помог ей встать на ноги и проводил к месту, где располагалась кухня.

– Вперед, – сказал он. – Лучшее средство от криопохмелья – это куча по-настоящему отвратной еды.

Николь усмехнулась:

– Звучит аппетитно.

– И да, спасибо, что вступились за меня в покере. Я просто не хотел спорить с капралом…

– Ну, у меня был свой интерес. Я выиграла кучу денег, – Николь выдавила кривую улыбку.

– Послушайте, есть кое-что, о чем я не упомянул во время нашего интервью, и мне хотелось бы поговорить с вами об этом.

– Это о чем? – нахмурилась Николь.

– У вас, наверное, и без того куча дел, но… В общем, я работаю над романом. И я подумал, возможно, мы с вами сможем как-нибудь поговорить о писательстве?

Николь засмеялась:

– Только если ты не хочешь, чтобы я написала книгу на основе твоих идей и поделила прибыль.

Вашингтон искоса посмотрел на нее.

– Зачем бы мне это?

Они присоединились к другим за завтраком.

Посреди трапезы появилась лейтенант Беренато.

– Только что поговорила с экипажем «Нелли». Ситуация хуже, чем мы думали.

– Какая ситуация? – спросила Николь, и все на нее уставились. – Извините, я весь полет пыталась отменить отпуск, которого меня лишили, – сказала она с горечью.

Рашад усмехнулся:

– Зачем тебе этот остров Эдуарда, когда у тебя есть шанс посмотреть на морпехов в действии, Покер Фейс?

Николь нахмурилась, услышав свое новое прозвище, но решила, что оно нравится ей больше, чем «репортер». За этим хотя бы была история.

Рашад смеялся, пока не заметил на себе пристальный взгляд Беренато. Тогда он заткнулся.

– Вы должны научить меня такому взгляду, – с улыбкой сказала Николь лейтенанту.

Беренато не улыбнулась в ответ.

– А вы должны читать инструктаж. Короче говоря, на планете всего один континент. На нем расположена исследовательская станция. На острове случаются провалы грунта. Сотрудники падают в эти ямы. Станция уезжает, и им нужна наша помощь.

Николь накрыло волной облегчения.

– Просто спасательная операция? Это же отлично!

Степанян хмыкнул.

– Ага, скорее всего, даже ноготки свои не поломаешь. Или я свои. Что только к лучшему, потому что после этого я ухожу в отставку.

Николь закатила глаза и продолжила жевать безвкусный стейк и яичницу.

– Ты никогда не уйдешь в отставку, Степ, – сказал Маленький Ди.

– Я уверен, что он на самом деле и не писал никакое заявление, – добавил Хсу.

– Вот увидите, – загадочно сказал Степанян. – Это моя последняя миссия, говорю вам.

* * *

Я: Каким моментом в своей карьере морского пехотинца вы гордитесь больше всего?

КАПРАЛ РАШАД: Легкотня. Лунные беспорядки. Этот подонок бил женщину. Я выстрелил ему в башку, и

он упал.

Я: Этим вы гордитесь больше всего?

КАПРАЛ РАШАД: Да, черт возьми. Мы служим, и защищаем, и прочее дерьмо, вот и я защитил эту женщину. Ради этого ведь все и затевалось.

Запись беседы с капралом Хакимом Рашадом, Колониальная морская пехота, «Джей Компани», проведенной Николь Киджелой.

* * *

На исследовательской станции планеты LV-418 было помещение, которое ее обитатели называли «патио». Полностью герметичное, – на планете не было пригодной для дыхания атмосферы, – с огромным панорамным окном, из которого было видно весь остров. Он был полон странных растений разнообразных оттенков оранжевого и желтого, а также фиолетовой и черной грязи.

Большая часть этой грязи продолжала проваливаться, образуя гигантские дыры, наподобие той, что появилась прямо под шестью учеными, пока они собирали образцы. Члены «Джей Компани» в автономных космических скафандрах уже вытаскивали ученых из ямы. Рашад, Хсу, Вашингтон, Большой Ди и Маленький Ди устанавливали снаряжение, вытягивали ученых и усаживали их в вездеход – единственный сухопутный транспорт, на котором было безопасно передвигаться по нестабильному грунту.

Рядом с Николь стоял руководитель станции, невысокая женщина по имени Апарна Прадхьюман. Журналистка повернулась к ней:

– Должна спросить, доктор Прадхьюман, зачем вы отправили их туда, зная, что подобное может произойти?

– Все просто – я их не отправляла. Они сами пошли, – Прадхьюман покачала головой. – Идиоты.

У всех морпехов на шлемах были камеры, и Беренато разрешила Николь наблюдать за операцией через планшет, а звук шел через наушники. Николь не обращала на них особого внимания – все записывалось, и она могла вернуться к этому позже, – а звук в наушниках убрала до минимума.

Но вопль Рашада – «Черт возьми, это еще что за дерьмо?!» – привлек ее внимание.

Заглянув в планшет, она увидела, что капрал находился на самой дне ямы. Он передавал ученых Большому Ди, который

поднимал их до середины, а затем передавал Маленькому Ди, и тот поднимался с ними до поверхности. А там уже Вашингтон отводил их к вездеходу и вез обратно на базу. Хсу же приглядывал за оборудованием и следил, чтобы все исправно работало.

Николь увеличила изображение с камеры Рашада и с удивлением увидела в яме кое-что еще, кроме… ну, самой ямы.

Сперва яма выглядела просто как большая дыра в земле, но затем рядом с Рашадом обвалился значительный кусок грязи, открыв огромную полость, до отказа заполненную здоровенными овальными штуковинами.

– Что это за хрень такая?! – снова воскликнул Рашад.

– Это со мной что-то не так, – сказала Николь, – или эти штуки похожи на яйца?

Через наушник Николь услышала, как Беренато спросила:

– Мы можем взять с собой образец?

– Я бы не советовал, – отозвался Хсу. – Если Рашад или кто другой начнет там ковыряться, дыра станет только больше, и мы потеряем людей.

– Хорошо, – согласилась Беренато. – Капрал Рашад, продолжайте снимать, пусть у нас будет хоть что-то.

Прадхьюман наблюдала за происходящим через планшет из-за плеча Николь.

– Что это за штука?

– Понятия не имею, – Николь посмотрела на нее. – Полагаю, вы ничего подобного прежде не видели?

Покачав головой, Прадхьюман ответила:

– Не видела, нет. Хотя должна была.

– Что вы имеете в виду?

Ведущий ученый открыла было рот, но затем осеклась.

– Неважно.

Она ушла, но Николь никогда так просто не сдавалась.

Пока.

* * *

КАПРАЛ ХСУ: Честно говоря, я ненавижу насилие. Ненавижу винтовки, ненавижу убивать, ненавижу тренировки.

Я: Это естественно, вы ведь морпех.

КАПРАЛ ХСУ: Вы смеетесь, но это правда. Я хочу сказать, сейчас мирное время, так что воевать не приходится… По правде, я тут ради техники. Серьезно,

игрушки, с которыми мне тут дают поиграть, намного круче тех, которые доступны гражданским.

Запись беседы с капралом Ли Хсу, Колониальная морская пехота, «Джей Компани», проведенной Николь Киджелой.

* * *

Ночь на LV-418 – понятие относительное, так как большую часть времени там темно, но они в любом случае пытались придерживаться двадцатичетырехчасового режима, чтобы облегчить задачу ученым. Стартовое окно, когда «Нелли» сможет вернуться на Землю, откроется не раньше, чем через пятнадцать часов, поэтому Беренато разрешила людям Прадхьюман собрать все, что они смогут, и провести все финальные тесты, какие возможно. Они сядут на корабль до «Нелли» как только наступит то, что здесь считается утром.

Николь закончила писать заметки о прошедшем дне. Морпехи в деле – большинство репортеров были бы в восторге от такой темы, но ее она интересовала меньше всего. Статьи о морпехах, выполняющих свою работу, можно найти где угодно. Конечно, статья все равно должна выйти достойной, но она хотела побольше узнать о самих людях. Скажем, Николь планировала снова поговорить со Степаняном. Сержант уклонялся от разговора, заявляя, что подал в отставку, но было очевидно, что он повторяет это не первый год.

Она удивилась, когда в дверь казармы позвонили. Помещение было маленьким, но жить можно. У каждого была отдельная койка – что для морпехов было роскошью, – так как база была рассчитана на пятьдесят человек, а их было всего два десятка.

– Войдите, – отозвалась она, и в казарму шаткой походкой вошла Прадхьюман.

– Мисс Киджела, вы должны это увидеть, – сказала она, протягивая компакт-диск.

– Доктор Прадхьюман, вы пьяны?

– Очень на это надеюсь. Иначе я бы не смогла прийти.

Николь протянула руку и взяла диск.

– Док…

– Просто прочтите это, ладно? Исследование планеты. Черта с два они такие неко… – она сглотнула, – некомпетентные.

Буквально на секунду ее смуглое лицо побледнело, а затем начало зеленеть.

– Извините.

Прадхьюман выскочила за дверь, и Николь мысленно пожелала ей вовремя добежать до туалета.

Сгорая от любопытства, она вставила диск во внешний дисковод своего планшета.

На нем был всего один файл, отчет об исследовании планеты LV-418, которое провела «Вейланд Корп» около ста лет назад, за добрых двадцать лет до того, как она поглотила корпорацию «Ютани».

Николь прочитала его, но не нашла ничего необычного, разве что за исключением отсутствия упоминаний о дырах в земле.

Почему она решила показать мне это?

Как вдруг она вспомнила, что у нее уже, возможно, была копия этого файла. Это исследование было частью массивного документа, который она загрузила из архива ХНС.

Николь открыла его и принялась читать.

– Вот дерьмо.

Она дочитала документ до конца, а затем перечитала еще раз.

Отчет об исследовании из архива ХНС полностью отличался от того, что дала ей Прадхьюман.

Среди прочего, в нем четко упоминалось о возможной геологической нестабильности, так же как и о подземных полостях, имеющих биологические показатели.

Ничего из этого не было отмечено в отчете, который «Вейланд-Ютани» дала Прадхьюман для подготовки к экспедиции.

Они знали о дырах и возможности существования там внеземных форм жизни, но ничего не сказали об этом людям, которых туда отправили.

Прежде чем Николь успела понять, какое все это имело значение для ее статьи, – что Хасегава отправила ее не просто поспать год в казарме, – погас свет, замигали красные фонари, раздался вой сирен и механический женский голос объявил: «Предупреждение: обнаружен биологический загрязнитель. Объявляю карантин. Всем оставаться на базе и ждать дальнейших указаний».

Схватив камеру, Николь выбежала за дверь и помчалась по коридору прямо в лазарет, сообразив, что бороться с биологической опасностью будут именно там.

И действительно, там уже была Прадхьюман, изо всех сил сжимавшая в руках кружку чего-то горячего, а также Степанян и местный доктор, сутулый мужчина по имени Чо Дук Парк.

На одной из кроватей кто-то лежал. Николь включила камеру и только потом поняла, что кто бы это ни был, все его лицо

закрывало какое-то существо.

Это был один из морпехов. Заметив лейтенантскую нашивку на рукаве, Николь поняла, что это была Беренато.

– Какого черта здесь происходит? – спросил Степанян.

– Понятия не имею, – Парк пожал плечами. – Похоже на паразита. Я пытался его убрать, но ничего не вышло.

– Пытайтесь лучше, док.

– Все мои попытки приводят к снижению показателей жизнедеятельности. Полагаю, вы хотите, чтобы она осталась жива?

– Ну да, было бы неплохо.

– Тогда покиньте помещение. Дайте мне сделать мою работу.

Всплеснув руками, Степанян бросил: «Отлично», и ушел.

Николь стояла за спиной Парка и снимала все, что он делает. Он разными способами пытался убрать существо, но каждый раз срабатывала тревога, а Беренато начинала биться в конвульсиях.

Вскоре доктор оставил свои попытки, так как они только приносили Беренато еще больше мучений. А еще через некоторое время Николь прекратила снимать (так как доктор, молча наблюдающий за пациентом, – не самый увлекательный материал для репортажа) и отправилась немного вздремнуть в надежде, что ей не будут сниться кошмары о том, что показала ей Прадхьюман.

«Дремала» она больше двенадцати часов. А потом отправилась в лазарет и увидела, как Прадхьюман – сегодня она была более трезвая, чем во время их последней встречи – и Степанян стоят над Беренато и о чем-то спорят. Парка нигде не было.

– Мы должны убираться отсюда.

– Мы не можем оставить лейтенанта.

– Сержант, если мы оставим ее одну, она умрет. Если мы останемся здесь, то умрут все.

– Доктор сказал, ее нельзя трогать, сделаем только хуже. Но оставлять ее я отказываюсь.

– У нас нет выбора.

Пока Николь подумывала незаметно записать их разговор, появился Парк, попивая что-то из жестяной банки.

– Вы двое до сих пор друг на друга орете?

– Мы… – начала Прадхьюман.

– Мне плевать. Вы мешаете моему пациенту.

– Твой пациент в коме.

– Хорошо, тогда вы мешаете мне. А теперь, пожалуйста…

Прежде чем Парк смог продолжить, существо просто отпало от лица Беренато.

– Странно, – Парк подошел к приборам, чтобы проверить ее

состояние.

Как вдруг Беренато снова начала биться в припадке, а ее грудная клетка начала расширяться…

* * *

ЛЕЙТЕНАНТ БЕРЕНАТО: Прошу, хватит задавать мне вопросы. Я понимаю, генерал Круз лично попросил вас поработать здесь. Но хоть мне и приказано дать вам допуск к моему отряду, приказа разговаривать с вами мне не поступало. Так что уходите.

Запись беседы с лейтенантом Эмили Беренато, Колониальная морская пехота, «Джей Компани», проведенной Николь Киджелой.

* * *

Николь сидела в «патио» за огромной баррикадой, которую соорудили Рашад и Вашингтон. Рядом сидел Степанян, тело его покрывали ужасные ожоги от кислоты, которой плевали эти… эти твари, кем бы они ни были.

Выжили только они.

Вначале было всего одно существо, которое появилось на свет, проломив грудь Беренато. Но потом их стало больше. Николь понятия не имела, откуда они взялись, но эти существа захватили базу за один день.

Рашад посмотрел на Вашингтона.

– Сколько у тебя осталось?

– Три обоймы. И огнемет пока исправно работает.

Затем Рашад повернулся к Николь:

– Как Степ?

Николь передернуло.

– Выглядит не очень.

– Черт возьми, что это за твари?

– Не знаю, – сказала Николь. – Но Компания о них знала и ничего не сказала об этом Прадхьюман и остальным.

Николь вздрогнула. Степанян и Маленький Ди отправились на разведку в столовую, где их уже поджидали твари. Только сержант смог выбраться оттуда живым, хоть и поджаренный кислотной кровью.

Монстры утаскивали морпехов одного за другим.

– Вы не знаете, что случилось с Хсу? – спросила Николь.

– Он погиб, как и все остальные, – пробормотал Вашингтон.

– Как думаете, он успел пробраться к узлу связи? Он ведь должен был послать сигнал о помощи.

– Какой толк от этого гребаного сигнала? – спросил Рашад. – Пройдет две недели, прежде чем его кто-то услышит. К тому времени, как они узнают, что мы в беде, мы все уже будем мертвы.

– Но они должны узнать! – воскликнула Николь. – Поэтому меня и отправили на это задание, разве ты не понимаешь? Компания знала об этих тварях, но ничего не сказала ни людям Прадхьюман, ни вам!

Рашад покачал головой:

– Может, успел, а может, и нет, понятия не имею. Благодаря Хсу и Большому Ди от гребаного узла связи осталась лишь огромная дыра. Забрали шестерых ублюдков с собой, хоть ничего из этого и не вышло.

Все это время Вашингтон следил за детектором движения, и вдруг он воскликнул:

– Они идут!

Николь забрала у Степаняна кобуру и вытащила пистолет.

– Прости, Степ, похоже, это и правда было твое последнее задание.

Она встала рядом с Вашингтоном и сняла пистолет с предохранителя.

Вашингтон посмотрел на нее.

– Знаешь, как им пользоваться?

– Разберемся, разве нет?

– Ага, – он фыркнул. – Кажется, я так и не допишу свой роман.

– Нет, – согласилась Николь, выставив пистолет за баррикаду и прицелившись. – Остается надеяться только, что Хсу успел отправить мой последний репортаж.

* * *

Я: И о чем твой роман?

РЯДОВОЙ ВАШИНГТОН: Ну, он про парня и девушку, которые познакомились на Луне, но затем их разлучили, потому что ее родителей перераспределили на Землю. В жизни их обоих происходят сумасшедшие события, а потом, когда им уже за девяносто, они находят друг друга, чтобы начать все сначала.

Я: То есть это любовная история?

РЯДОВОЙ ВАШИНГТОН: Что-то вроде того.

Запись беседы с рядовым Аликом Вашингтоном, Колониальная морская пехота, «Джей Компани», проведенная Николь Киджелой.

* * *

Хироми Хасегава прочла сообщение, которое было отправлено ей напрямую с планеты LV-418 ровно две недели назад. Отправителем была Колониальная морская пехота, но идентификационный номер принадлежал Николь Киджеле.

Судя по сообщению, Николь погибла, так же как и остальные члены «Джей Компани». Но перед смертью она раскрыла историю века. Файлы, прикрепленные к письму, раз и навсегда доказывали, что «Вейланд-Ютани» намеренно скрыла существование Ксеноморфов на LV-418.

Хироми покачала головой:

– Я знала, что ты талантливая, Николь. Отличная работа.

Затем она удалила все сообщение целиком и набрала личный номер генерала Эмилио Круза. Тот сейчас был на Филиппинах, так что у него было примерно четыре утра и он, должно быть, спал.

И действительно, хриплым голосом Круз спросил:

– Хироми, ты знаешь который час?

– Да, Эмилио, я знаю, сколько сейчас времени. Но думаю, ты не захочешь ждать до утра, чтобы услышать, что я оказалась права. «Вейланд-Ютани» замела следы не достаточно хорошо. Одному из моих репортеров практически удалось доказать существование Ксеноморфов на LV-418.

У Круза расширились глаза, на лбу выступили капельки пота.

– И ты уже…

– Успокойся, Эмилио, я уже уничтожила все улики, а Ксеноморфы сделали то же самое с моим репортером… и «Джей Компани», между прочим.

Махнув рукой, Круз сказал:

– Уверен, они погибли геройской смертью. Для этого их и тренируют, – он выдохнул. – Отличная работа, Хироми. Я сообщу совету директоров «Вейланд-Ютани». Уверен, они хорошо заплатят тебе за эту информацию, как и всегда.

– Отлично, – она улыбнулась. – Приятных снов.

Пустое гнездо
Брайан Кин

Когда младший капрал Ломбардо наконец отыскал улей, женщина, казалось, испугалась его больше, чем окружавших ее Чужих. Она стояла на коленях в гнезде, дрожа всем телом, окруженная вылупленными яйцами, высохшими телами лицехватов и закутанными в коконы трупами своих товарищей. С широко раскрытыми глазами она уставилась на Ломбардо, и ее губы напряглись в беззвучном крике.

Ломбардо знал, каково ей. Всего несколько минут назад он тоже кричал.

По правде говоря, он кричал на протяжении всего последнего часа, начиная с момента, когда их подразделение прибыло на Таурус 7. Это касается всех членов двух стрелковых отрядов. На самом деле, кричать не приходилось только капитану Маффи, лейтенанту Кеннеди и техническому помощнику Дилану, андроиду-синтету, – все они были в безопасности на десантном корабле UD-4, а Томас, еще один синтет отряда, прятался на водительском сиденье БТР, припаркованного снаружи. Ломбардо

знал, что они не кричали, потому что их голоса время от времени эхом отдавались в его наушниках: требовали доложить обстановку, или, точнее говоря, гадали, какого черта происходит на продовольственном складе.

Честно говоря, Ломбардо и сам не знал, какого черта там происходило. В наушниках он слышал крики членов другого отряда, как слышал их и его командир. После этого связь с ними пропала. Капрал подозревал, что все они погибли, и возможно, самой жестокой смертью. Единственное, о чем он знал точно, это то, что остальные члены его отряда – Блейзи, Хаймбух и Антонио – были мертвы. Вся его экипировка была забрызгана их кровью. Ломбардо мог бы сообщить об их участи на корабль, но тогда бы у него осталось меньше времени на крики.

Он перевел взгляд с женщины на Ксеноморфов, а затем снова на нее. Ни она, ни ее похитители не шевелились. Гнездо располагалось в бывшем блоке управления фильтрацией воздуха, в самом центре продовольственного склада, попасть куда можно было только через узкий служебный туннель и люк. Ломбардо стоял в проходе – грудь колесом, плечи расправлены, чтобы выглядеть больше и отважнее, чем он был на самом деле. Правда, в данный момент капрал не чувствовал ни своей силы, ни смелости. Он был напуган, его тошнило и трясло от вбрасываемого в кровь адреналина. Импульсная винтовка M41A была тяжелой, как никогда. Он очень хотел обернуться, просто чтобы убедиться, что Чужие не крадутся за ним по коридору, но боялся отвести взгляд от тех, что уже были впереди.

В блоке управления было темно, в углах, за пределами видимости, что-то шевелилось. Очевидно, еще больше Чужих копошилось в темноте, но их нельзя было разглядеть благодаря черно-синей окраске. Вдруг Ломбардо заметил огромный яйцеклад, приклеенный к потолку вязкой и прочной органической субстанцией. Наличие яйцеклада говорило о том, что где-то в помещении скрывалась Королева. К счастью для него, Королева была ограничена в движениях из-за огромного веса яйцеклада. Он помнил это с тренировок: Королева не может двигаться вместе с ним. Ей во всем помогают трутни.

Ломбардо перестал всматриваться в тени и попытался сфокусироваться на том, что можно было разглядеть. Он насчитал четверых воинов плюс женщину. Она выглядела ужасно. Конечно, в улье Ксеноморфов любой будет так выглядеть, но с ней явно было что-то не то. Она казалась болезненной. Насколько Ломбардо мог судить, ей было слегка за сорок. Красивая, несмотря на грязь и кровь, но слишком худая – одежда прямо болтается. Волосы жидкие и безжизненные, а кожа, бледная как

полотно, чуть ли не светится в темноте. Руки и шея покрыты ужасными фиолетовыми синяками. Капрал удивился, почему она не в коконе, как остальные сотрудники продовольственного склада. Женщина не торопилась давать объяснения, она просто продолжала смотреть на него, как и Ксеноморфы, которые, казалось, ждали приказа. Почему-то тишина пугала больше, чем сами Чужие.

– Мне явно недоплачивают за подобное дерьмо, – пробормотал Ломбардо.

– Повторите, Ломбардо? – бесчувственный механический голос Томаса в наушниках звучал еще более холодно, чем в жизни.

– Не могу говорить, – прошептал капрал.

Чужие отреагировали на его голос возней и шипением. Они посмотрели друг на друга, наклоняя свои продолговатые головы, а затем снова повернулись к человеку. Очевидно, они общались, но Ломбардо не понимал как. У них не было черт лица, за исключением ужасающих ртов – ни глаз, ни ушей. А их похрипывания и шипения не были похожи на язык. Так как же они общались? При помощи телепатии? Или каких-нибудь феромонов? А может, эти щелкающие и шипящие звуки, которые они издают, действительно являются каким-то идиотским языком?

Ломбардо задумался, умеют ли Ксеноморфы кричать, и на что это может быть похоже.

Мысленно он снова вернулся к своему отряду. Хаймбух пал первым, меньше чем через пять минут после того, как они вошли на территорию склада. Ксеноморф вонзил острый как лезвие хвост в его тело, словно нож в масло, несмотря на индивидуальные доспехи МЗ-1. Ломбардо нахмурился, вспомнив, как их командир толкал речь о новом бронежилете. Что производитель, «Армат Баттл-филд Системс», специально разработал его для битвы с Ксеноморфами. Что он легкий и удобный, но в то же время обеспечивает максимальную защиту. Что состоит из нескольких слоев: титанового сплава, карбида бора, а под ними – слой углеродного волокна. Что защищает от пуль, осколков гранат и взрывчатки, от лазера и ударной волны, а сверху покрыт специальным противокислотным слоем, защищающим от токсичной крови пришельцев. И что Ксеноморфу было на все это глубоко наплевать, когда он проткнул своим хвостом Хаймбуха и поднял его в воздух. Боец пытался закричать, но стоило ему открыть рот, как из него полилась кровь. Тогда он бросил винтовку и ухватился за скользкий темно-синий отросток, торчащий из его тела. Затем существо резко взмахнуло хвостом, и

Хаймбух врезался в стену. Дрожа и всхлипывая, он умер, пытаясь засунуть кишки обратно в брюшную полость.

Ломбардо передернуло от этого воспоминания. Он подозревал, что люди из Колониальной морской пехоты должны узнать, как получить компенсацию от «Армат Баттлфилд Системс».

Следующим, всего через пару секунд после смерти Хаймбуха, погиб Блейзи. Несмотря на все тренировки и предыдущие схватки с Чужими, он запаниковал и сделал то, чего никогда нельзя делать во время ближнего боя с Ксеноморфом – открыл огонь из смартгана M56, хотя существо было всего в паре метров, и с его хвоста еще капала кровь Хаймбуха. Блейзи выкрикивал проклятия и скалился, пока винтовка дергалась в его руках. По коридору пошла вибрация. Мощное оружие разносило Чужого в клочья, пробив его панцирь, разрывая внутренности и превращая их в месиво. Ломбардо и Антонио были оглушены выстрелами, в ушах звенело, они кое-как успели отступить, чтобы их не накрыло дождем кислотной крови, как все еще матерящегося Блейзи. Его разъяренные восклицания вскоре превратились в крики, когда смертоносная жидкость попала на открытые участки кожи. Тут Ломбардо должен отдать должное парням из «Армат Баттлфилд Системс» – их специальный противокислотный слой работал как магический оберег. Жидкий токсин безобидно скатывался со шлема Блейзи, жилета, ботинок и подкладок. Но вот открытые части тела шипели и пузырились, пока ядовитая кровь пришельца сжигала его заживо. Коридор наполнился смрадом паленого мяса и чего-то еще, что напомнило Ломбардо запах воздуха перед грозой – электричества. M56 выскользнула из рук Блейзи. Ослепленный, он, спотыкаясь, подошел к Ломбардо и Антонио, беспомощно хныча, пока лицо его слезало с кости, обнажая череп и дымящиеся мышцы. Его глаза пузырились в глазницах, а плоть оплывала с рук, как горячий воск. Когда он открыл рот, пытаясь закричать, Ломбардо с ужасом заметил, что язык товарища сгорел. Блейзи успел сделать к ним всего один шаг, прежде чем лопнуть, подобно переспелой тыкве. Разлетевшиеся по стенам красновато-розовые куски плоти дымились, источая отвратительный запах.

Но крики Антонио – они были хуже всех. Стоит заметить, что оба бойца одновременно потеряли разум, став свидетелями того, как Хаймбух и Блейзи были убиты таким жестоким образом. Ни Ломбардо, ни Антонио нельзя было назвать новичками в своем деле. Обоим доводилось быть свидетелями – и участниками – ужасов войны. Они сражались с Ксеноморфами-одиночками полдюжины раз, участвовали в подавлении мятежей на Райджел

9, пресекали террористические атаки как на космической станции «Лазаль Бионэшенл», так и во время восстановительных работ в Европе, подавляли восстание на Новом Титане и участвовали в многочисленных стычках во время холодной войны между «Вейланд-Ютани» и «Глоуб Корпорейшн». Несмотря на все это, они запаниковали после того, как один Ксеноморф уничтожил двух их сослуживцев таким быстрым и ужасающим способом. Одно дело увидеть, как твоего друга – друга, которого ты знаешь с курса базовой подготовки – застрелили или подорвали. Другое дело – смотреть, как его превращают в суп.

Ломбардо и Антонио стали пробираться дальше, в сторону продовольственного склада, игнорируя приказы командира, эхом отдающиеся в наушниках. Они бежали, задыхаясь и стреляя во все, что движется и не движется. Остановились они в столовой, и то только для того, чтобы проверить оружие, экипировку и перевести дыхание.

– Ты как? – спросил Ломбардо.

– Хреново, – ответил Антонио. – У меня все ботинки в Блейзи, а у тебя на носу кусочек Хаймбуха.

Нахмурившись, Ломбардо вытер нос тыльной стороной ладони. Затем посмотрел на руку и увидел размазанную кровь.

– Ничего больше не осталось?

Антонио пожал плечами:

– Теперь у тебя как будто боевой раскрас.

Ломбардо оглядел столовую, проверяя углы.

– Мы в дерьме.

– Помню, когда мы все были новобранцами, – отозвался Антонио, – Хаймбух пошел на службу, чтобы получить деньги от «Вейланд», а Блейзи – потому что весь из себя патриот.

– И мы с тобой, – согласился Ломбардо. – Судья дал нам выбор, помнишь?

Антонио кивнул:

– Жизнь в тюрьме или жизнь Колониального морпеха. Но я никогда бы не подумал, что…

Слова потонули в громком металлическом скрежете, а затем Ксеноморф утащил Антонио через вентиляционный люк в потолке. Ломбардо не мог сказать, насколько огромной была эта тварь. Он успел увидеть только размытое темно-синее пятно, а следом – как ноги Антонио дергаются в воздухе, пока чудовище пытается затащить его в шахту. Затем оба исчезли из виду и началась возня. В шахте эхом отдавались глухие удары и хлопки. Потом Антонио закричал. Чужой зашипел. Антонио издал пронзительный вопль. Следом послышался мягкий хруст, и Антонио завопил – долгий, высокий, приглушенный вопль, без

слов, но в нем слышались невообразимая боль и страх. Крик резко оборвался, и наступила тишина. С вентиляционной панели закапала кровь. Ломбардо навел винтовку на потолок, перевел селектор с одиночного выстрела в режим беспрерывной автоматической стрельбы и открыл огонь. Потолок начал ломаться, панель за панелью. Руки капрала онемели от постоянной отдачи, а грудь начала болеть, но он продолжал стрелять. Ксеноморф рухнул на стол, его токсичная кровь растеклась по керамической поверхности. Ломбардо не прекращал огонь, счетчик на правой стороне винтовки добросовестно отсчитывал количество оставшихся патронов. Морпех стрелял, пока весь потолок не обрушился, а потом, кашляя, выполз из-под обломков и встал. В ушах звенело, в воздухе клубилась пыль. Он нашел останки Антонио, но понять, как тот умер, было невозможно. Ломбардо оставалось ориентироваться только на предсмертные крики товарищей.

Теперь, стоя лицом к лицу с Ксеноморфами в блоке управления фильтрацией воздуха, он слышал лишь призрачное эхо этих криков.

– Надо было выбирать тюрьму, – пробормотал капрал.

Один из Чужих медленно продвинулся вперед, подкрадываясь к нему. Его когти цокали, как градины по металлической крыше. Из предыдущих инструктажей Ломбардо знал, что Ксеноморфы в основном предпочитают сидеть в засаде поодиночке, хотя иногда собираются в целые рои. Все его предыдущие стычки с ними ограничивались всего одной особью. К счастью, остальные трое Чужих оставались на месте, с заметной радостью позволив главному Ксеноморфу действовать. Существо сделало еще один шаг, из пасти донесся мягкий рокот. Его острый как лезвие хвост медленно раскачивался из стороны в сторону. Ломбардо съежился, снова вспомнив, что один из подобных хвостов сделал с Хаймбухом.

– Всё, хватит, – он вскинул свою M41A. – Стой, где стоишь, лапуля.

Проигнорировав его, Ксеноморф подошел еще ближе. Судя по телодвижениям, существо готовилось к нападению. Остальные трое тоже сменили позиции, похоже, ободрившись осторожно-агрессивным поведением собрата. Ломбардо показалось, что твари пытаются его окружить, но учитывая, что он стоял прямо в проеме люка, у них вряд ли это получится.

– Чертовы тупые жуки. Вам нужно сменить тактику.

Его голос отразился от стен и глухим эхом вернулся к нему.

Ломбардо сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и почувствовал запах крови своих друзей, запекшейся на его

бронежилете.

Женщина все еще пристально смотрела на него.

– Не волнуйтесь, мэм. Все будет хорошо, – Ломбардо старался говорить как можно убедительнее, хотя сам ни в чем уверен не был.

Женщина медленно покачала головой и изрекла:

– Нет.

Морпех сделал шаг назад. Ксеноморфы подступили еще ближе. Он снова шагнул, и они сделали то же самое.

– Отлично, вы, мешки с дерьмом. Идите за мной, – не отводя глаз от врагов, капрал прошептал в микрофон: – Томас, ты все еще там?

– Так точно, – подтвердил механический голос. – Жду вас, Ломбардо.

– Командир? Вы тоже все еще на линии?

– Так точно, младший капрал, – ответил командир Маффи. – Доложите обстановку.

– Мой отряд погиб. Но зато, похоже, одному из гражданских удалось выжить.

– А остальные?

– Замурованы в коконы, – отрапортовал Ломбардо.

– Они живы? Атмосфера создает помехи для наших сенсоров, мы не можем считать их биологические показатели.

– Они все мертвы, – солгал Ломбардо, надеясь, что правда не вскроется. Он не хотел задерживаться здесь дольше, чем нужно. – Как я и сказал, всего один выживший. Женщина. Разрешите немедленно отступить, сэр.

– Женщина с вами?

– Пока нет, я работаю над этим.

Ломбардо остановился, дойдя до середины туннеля. Он продолжал целиться в открытый люк, затем перевел селектор в режим четырех выстрелов подряд. Чужие заходили в туннель, осторожно следуя друг за другом. Они не делали резких движений, очевидно, понимая, что человек заманивает их в ловушку. Ломбардо дождался, пока они дойдут до точки, откуда ни до него, ни до женщины не долетят брызги их крови, а затем поставил палец прямо перед магазином винтовки, где был второй спусковой крючок. Он нажал его и выпустил последнюю гранату. Винтовка в его руках дернулась, и заряд вылетел из гранатомета прямо в толпящихся Ксеноморфов.

– Ложись! – крикнул Ломбардо, бросился на землю и перекатился, надеясь, что женщина поняла, что он обращался к ней.

Ксеноморфы завизжали, но затем их вопли утонули в

оглушительном «БА-БАХ». У Ломбардо зазвенело в ушах. Туннель пошатнулся. Морпех перекатился, встал на колени и вновь вскинул винтовку. Теперь на том месте, где всего секунду назад стояли Чужие, дымилась огромная дыра. Кислотная кровь прожигала металлические панели, коридор заполнили обломки и оторванные части тел. Сам туннель, однако, был цел. По крайней мере, он надеялся на это.

Вскочив на ноги, Ломбардо поработал челюстью, чтобы вернуть давление в обоих ушах в норму. Добравшись до обломков, он осторожно обошел еще шипящие кислотные лужи, стараясь при этом не зацепить острые металлические осколки, а затем снова вошел в блок управления фильтрацией воздуха. Женщина лежала на полу лицом вниз, закрывая руками уши и дрожа. Ломбардо стал звать ее, но потом понял, что она, скорее всего, так же, как и он, временно оглохла. Тогда он прокрался вперед, на всякий случай оглядываясь и проверяя, не притаились ли в помещении другие Ксеноморфы. Теперь в темных углах было пусто. Возможно, взрыв отпугнул их. Ломбардо поводил стволом винтовки из стороны в сторону, напряженный и готовый дать отпор в любой момент. Все-таки никого. Тогда он подбежал к жертве, все еще лежавшей, съежившись, на полу, и протянул руку.

– Все хорошо? Встать можете?

Женщина ничего не ответила и даже не посмотрела на него. Ломбардо похлопал ее по плечу. Женщина подняла голову и уставилась на него, выражение ее лица было совершенно безумным. Потом она поползла назад, по-крабьи перебираясь через металлическую решетку. Ломбардо направил дуло винтовки в потолок и поднял свободную руку ладонью вперед.

– Все в порядке! – крикнул он. – Я здесь, чтобы помочь вам. Мы получили сигнал бедствия.

Женщина замерла, моргнула. Когда она заговорила, морпех едва мог ее расслышать из-за звона в ушах.

– Граната, – он показал на ухо. – Я не слышу вас. Вы ранены?

Женщина моргнула, а потом тоже указала на уши.

Покачав головой, Ломбардо протянул ей руку. Женщина уставилась на нее, словно он предлагал ей дохлую рыбу. Затем медленно протянула свою. Ее ладонь была холодной. Тяжело вздохнув, он поднял женщину на ноги. Она пошатнулась и схватилась за живот.

– Спокойно! – крикнул он ей в ухо. – Не торопитесь. Вы можете идти?

Она кивнула.

«Отлично, – подумал морпех. – По крайней мере, теперь мы друг друга слышим».

– Я младший капрал Майкл Ломбардо, Колониальная морская пехота. А вас как зовут?

Она замерла на мгновение, облизнула губы и огляделась. Затем снова сфокусировала взгляд на нем.

– Элис.

– Хорошо, Элис. Вы не знаете, есть еще выжившие?

Он надеялся, что она скажет «нет».

Элис покачала головой:

– Только я. Все остальные… они уже мертвы.

Ломбардо понял, что теперь слышит ее куда лучше. Звон в ушах поутих.

– Вам повезло, что я успел сюда вовремя, – сказал он. – Готов спорить, вы бы стали следующей.

Элис снова отвернулась от него и стала вглядываться в темные углы, словно надеялась кого-то там найти.

– Нет, – прошептала она. – Только я. Больше никого не осталось.

– Думаю, у вас шок.

Элис широко улыбнулась и снова уставилась в темноту. Ломбардо проследил за ее взглядом, ожидая увидеть еще одного Ксеноморфа или даже Королеву, выпрыгивающую из-за оборудования, но там никого не было.

– Командир, – позвал он.

– Да, Ломбардо, прием, – последовал ответ Кеннеди.

– Примите к сведению: возможно, нам понадобится помощь Дилана. Думаю, у нее психологическая травма.

– Вас понял.

– Элис, пожалуйста, посмотрите на меня.

Она медленно повернулась к нему, все еще улыбаясь. Выражение ее лицо заставило Ломбардо вздрогнуть, но он не знал, почему.

– Элис, снаружи нас ожидает транспорт. Мы должны добраться до него. Я хочу, чтобы вы держались как можно ближе ко мне, хорошо?

Пожав плечами, она кивнула.

– Вы знаете, куда делись остальные Ксеноморфы? Вы видели, как они бежали, когда я бросил гранату?

– Здесь никого нет, только я.

– Ладно, – он замер, думая, что делать дальше. Затем наклонился, расстегнул один из шести потайных карманов на своих камуфляжных штанах, выудил боевой нож и протянул Элис рукоятью вперед. – Вот, держите.

Она кивнула и взяла оружие, не сказав ни слова. Ломбардо знал, что если они наткнутся на Ксеноморфов, нож будет

абсолютно бесполезен в реальной схватке, но он надеялся, что это поможет женщине отойти от шока и собраться с духом, чтобы пойти с ним. Морпех повернулся к люку.

– Держитесь сразу позади меня, – предупредил он, – и будьте поосторожнее в туннеле. Там полно острых металлических осколков, некоторые из них горячие. А еще на полу и стенах небольшие лужи с кислотой. Поверьте мне, вам не понравится, если вы угодите в них.

Если Элис и поняла его, то не подала виду. Вздохнув, Ломбардо пошел вперед, пригнувшись в проходе. Через секунду Элис пошла за ним. Когда они подошли к месту взрыва, он показал ей, куда можно наступать и как обойти осколки, а затем повел дальше и вывел в главный коридор. Ломбардо остановился, пытаясь вспомнить, откуда пришел. Ведь тогда ему приходилось бежать и стрелять в Ксеноморфов, прежде чем они успеют до него добраться.

– Где выход? – обеспокоенно спросил он, наконец.

Элис указала вправо.

– Разве некому вам подсказать? Я слышала, как вы с кем-то разговаривали.

– Местная атмосфера создает помехи для оборудования. Считывать данные невозможно, мы можем только говорить по радиосвязи, и всё.

– Тогда следуйте за мной, – она обошла его и направилась вперед по коридору.

Ломбардо взял ее за руку, и Элис вздрогнула. Он ослабил хватку, удивившись, что сделал ей больно, хотя и несильно сжимал руку.

– Простите, не хотел причинить вам боль.

– Все в порядке. Это… это не ваша вина. Я больна.

– Больны? Чем?

– Не бойтесь, это не заразно. У меня рак.

– Извините, – он запнулся, не найдя, что ответить. – Мне очень жаль.

Она пожала плечами:

– Рак убивает людей с тех пор, как мы выбрались на сушу, верно? Мы можем путешествовать между галактиками, колонизировать планеты, клонировать людей, пересаживать органы, скачивать наше сознание, но до сих пор не нашли лекарство от рака. Я давно с этим смирилась.

– А сколько… вы уже?..

– Да, младший капрал. Боюсь, я на последней стадии.

– Мне, правда, очень жаль.

– И мне. Жаль, что вам пришлось пройти через весь этот ужас,

чтобы спасти умирающую женщину.

– Что ж, – сказал Ломбардо, снова глядя вперед. – Вы еще не мертвы, Элис. И не умрете, пока я рядом. Только позвольте мне пойти первым. Если Ксеноморфы снова появятся, я не хочу случайно застрелить вас.

– Не появятся, – сказала она безразличным тоном. – Они все ушли.

Ломбардо нахмурился.

– Почему вы так в этом уверены?

Элис грустно улыбнулась:

– Потому что все остальные детеныши уже вылупились. Королева сейчас в укрытии. Они опустошили гнездо, едва вы прибыли сюда. Остальные Ксеноморфы теперь охраняют ее.

– Но я видел яйцеклад, там, в блоке управления.

– К тому времени Королева уже отделилась от него. Она отрастит новый и начнет весь процесс заново. Но для этого ей нужно время.

– Что ж, вряд ли оно у нее будет.

Ломбардо остановился у поворота и осторожно заглянул за угол. Коридор был пуст, и он повел женщину дальше.

– Хотите, мы свяжемся с вашей семьей? Я могу передать приказ по радиосвязи.

– Нет, – ответила Элис. – У меня нет семьи. Я совсем одна.

– Ни мужа, ни детей?

– У меня была дочь, но она… умерла.

– Мне жаль.

– Это было давно. Она родилась мертвой. Я ходила с ней девять месяцев, и все шло хорошо. Она была жива. Мы наблюдали за ней через мониторы. Но во время родов она… она не выжила. Я думала, попробовать снова, когда придет время, но в итоге оказалась здесь, а дальше… дальше вы и сами все знаете.

Ломбардо закусил губу, не зная, что сказать. Да и какого черта тут вообще можно сказать? Разве есть слова, которые смогли бы ее утешить? Женщину, которая попала в плен к пришельцам, стала свидетелем смерти всех своих друзей и коллег и к тому же сама умирала от гребаного рака последней стадии, а вдобавок ко всему еще и потеряла единственного ребенка.

Он остановился у другого поворота и посмотрел в обе стороны. Нарисованная на стене стрелка указывала путь к столовой.

– Я пришел оттуда. Может, есть более короткая дорога к выходу?

– Да, нужно свернуть налево.

Ломбардо последовал ее указанию и пошел дальше по

темному коридору. Тишину нарушали только их шаги и дыхание. Капрал бросил взгляд на дисплей, расположенный на боковой части винтовки, чтобы проверить, сколько осталось патронов и на сколько времени хватит заряда. Хаймбух всегда заклеивал дисплей черной изолентой, чтобы снайперы не могли его вычислить, но Ломбардо никогда так не делал, предпочитая всегда быть в курсе состояния своего оружия. Довольный результатами, он дернул рукоятку взвода, дабы убедиться, что винтовка заряжена. Морпех понимал, что, с психологической точки зрения, эти действия просто помогали ему оставаться начеку, но ему все равно стало легче. Такое же воздействие, как он надеялся, боевой нож оказывал на Элис.

На следующем повороте он увидел красный знак, светящийся в темноте. Он висел прямо у выхода. Ломбардо облегченно выдохнул.

– Вот видите? – заметила Элис. – Я же говорила, что тут близко.

– Не может быть все так просто, – пробормотал капрал. – Неужели они действительно нас отпустят?

– Они не идут за нами, – ответила Элис.

Ломбардо поплелся к выходу.

– Почему вы так в этом уверены?

– Потому что они отправили меня.

Он остановился и только хотел обернуться, как вдруг почувствовал нечто холодное в районе горла. Краем глаза он заметил блеск металла. Мир рухнул. Вдруг он почувствовал острую боль, а по шее потекло нечто горячее и липкое. До его ушей донеслось какое-то бульканье. Споткнувшись, он ударился о стену и повернулся к Элис. В руке она сжимала боевой нож, его лезвие было красным от крови.

«Это ведь моя кровь, – догадался морпех. – Она…»

– Это мой последний шанс, – сказала она. – Разве ты не понимаешь? Королева, она умнее всех остальных. Она поняла мои намерения. Перед смертью я хотела снова побыть матерью. Я хотела ощутить это чувство еще раз – жизнь, которая пинается и растет во мне. Это удивительно.

Ломбардо попытался поднять импульсную винтовку, но оружие казалось тяжелым, как валун. Тогда он выпустил ее из рук и поднес их к горлу, застонав, когда все его пальцы залило кровью.

– Ты… – прохрипел он. – Что… ты?..

– Я была счастлива, – улыбка Элис превратилась в злобную гримасу. – Но потом пришел ты и все испортил. Нужно же было тебе заявиться!

Захлебываясь, Ломбардо попытался заговорить. Ему вдруг стало очень холодно. Он облокотился на стену и сполз по ней, изумленно глядя на женщину.

– Я не позволю им забрать моего малыша, – сказала Элис. – И я должна была не дать тебе уйти отсюда. Я должна защитить их, понимаешь?

Ломбардо неуклюже шарил по полу скользкими от крови пальцами, пытаясь нащупать винтовку. Когда он снова поднял взгляд, Элис упала перед ним на колени, по-прежнему держа в руке нож. Хотела что-то сказать, но вместо этого судорожно вздохнула, словно от боли. Ее взгляд на секунду остекленел, а когда она снова к нему повернулась, на ее лице застыло восхищенное выражение.

– Осталось совсем немного, – сказала Элис, погладив себя по груди.

Ломбардо удивленно наблюдал, как нечто шевелилось прямо в районе ее грудной клетки.

Он был мертв еще до того, как у Элис начались родовые схватки.

Наступает тьма
Хизер Грэм

– Вы не слышали крики?

Казалось, что слова придавили солнечный день как тяжелая и неотвратимая глыба льда. Анджела Холл старалась не смотреть на высокого, напористого мужчину, который их произнес. Она работала в своем саду, полная гордости за те великолепные томаты, которые ей удалось вырастить. Анджела как раз надкусила один, присыпав его солью из маленькой солонки на поясе. Это было просто потрясающе. Так вкусно. Просто чудо.

Она воткнула лопатку в землю, отряхнула руки и встала, разглядывая небо. День был просто замечательный.

– Вы слышали меня? Я могу показать вам запись с камер наблюдения.

Анджела все еще не обращала внимание. Она не могла. Ей не хотелось отрываться от обработанной земли и этого неба. Синего неба с небольшими вкраплениями облачков. Величественного – и невероятного.

Это был мир, созданный людьми.

Планета Олета в созвездии Трезубца давно зарекомендовала себя настоящим оазисом радушного гостеприимства в той части галактики Андромеды, которую большая часть людей считала полностью необитаемой. Кроме того, она была настолько удалена от большинства известных цивилизаций, так что – в настоящий момент – это было нетронутое и прекрасное место для жизни.

Основное занятие на Олете – добыча серебра. Анджела была не шахтером, а фермером, да еще с ученой степенью по агрономии и животноводству, но шахтеры всегда были ей по душе. Ей частенько приходилось сталкиваться с ними, когда она была капитаном взвода Колониальных морпехов – в той части ее жизни, которую она изо всех сил старалась оставить позади.

И ей хотелось, чтобы все так и оставалось.

Она никому не рассказывала о своем прошлом – где она побывала, что с ней происходило и… что она делала.

Но стоящий перед ней, шеф полиции Уоррик Тарлетон определенно знал все это. Потому-то он и пришел сюда, к ней. С этой невероятной историей.

– Вы слышали меня? – тихо спросил Тарлетон. – Если нет, то послушайте это!

Он протянул руку, вынуждая Анджелу взглянуть на экран его передатчика. Она старалась не смотреть. Ей подумалось, что здесь и смотреть особо не на что. Темнота и тени, и затем… брызги крови на объектив, отлетающие… конечности.

И крики. Крики умирающих, которые не прекращались до тех пор, пока объектив полностью не залило кровью, после чего все люди были мертвы.

Анджела повернулась, чтобы взглянуть на шефа, чувствуя себя настолько же растерзанной, как и тела жертв в пещерах.

– Да, капитан Холл. Они открыли эту новую серебряную шахту. Были церемонии открытия, пикник, оркестр… и крики. В новой шахте обнаружены четыре трупа, два ребенка пропали.

– Я больше не капитан Холл! Итак, еще один идиот из Компании решил, что он сможет создать оружие, и провез яйца на эту планету. Когда наконец наш вид избавится от говнюков, настолько же опасных, как дикие звери? – ее голос звучал монотонно. – Вам нужно вызвать солдат; вам нужны военные, чтобы разобраться с этим. Если с этим можно разобраться. Я не могу помочь вам, никто не знает, кто я такая!

Никто не знал! «Перестать быть морпехом» – это часть ее прекрасного нового мира!

– Я уже вызвал солдат, они в пути, – ответил Тарлетон, глядя на нее столь напряженно, что Анджеле хотелось кричать. – Проблема заключается в том… что местные новобранцы просто

дети. Они никогда не встречались с кем-то… чем-то вроде… вроде того, что мы видели на записях камеры наблюдения.

– Экспертов, которые бы знали, что делать в такой ситуации, не существует.

– Послушайте… но там же два ребенка внизу.

– Я… я не могу вам помочь, – прошептала Анджела.

«И возможно, это чистая правда. Я никогда не забуду Планету 8 в секторе Стар Магнолия в галактике Млечного пути. Именно там мы столкнулись с Ксеноморфами, которые использовали тела драконов-кондоров для своего созревания. С созданиями, которые уничтожили весь мой отряд, пожирали их заживо, одного за другим. Я беспомощно смотрела, как они схватили Даниэля…»

Лишь один взгляд на эти записи возродил страх. Парализующий страх!

– Хорошо. Тогда вы под арестом, – заявил Тарлетон.

– Что?

– Вы отказываетесь помочь добровольно, но вы все равно отправитесь вместе со мной. Вы под арестом.

– За что?

– За неоказание содействия в полицейском расследовании.

– Но это даже не законное основание!

– Еще какое законное, – мрачно уведомил ее шеф. – Вы – это… всё, что у меня есть. Вы пережили атаку Ксеноморфов на ваш взвод. Вы – единственная выжившая. Вы убили их Королеву.

«Потому что я была в отчаянии, я думала, я бежала, я спряталась и каким-то чудом… да, я выжила. А вокруг меня не осталось ничего, похожего на человеческое тело».

Тарлетон указал на свой аэромобиль. Анджела снова взглянула на прекрасное небо. Поистине, человек творит настоящие чудеса: технологии превратили такой безжизненной кусок скалы, как Олета, в цветущий рай. Но человек также способен на вопиющий идиотизм. Кто-то каким-то образом привез на эту планету яйца Чужих. Яйца Ксеноморфов. Кто-то каким-то образом решил, что он создаст новую рабочую силу или оружие – что-то величественное – там, где другие провалились.

Идиоты никогда не понимали.

И, может быть, ей было не суждено сбежать от этих тварей.

– Всё, что я смогла разглядеть на коммутаторе, – лишь тени, – сказала она, заняв место на пассажирском сиденье каплевидного аэромобиля. – Я знаю, что серебро – это основной минерал для добычи, но, насколько мне известно, здесь также добывают драгоценные камни и каменную соль. Я никогда с этим не сталкивалась. Что это за шахта?

– Серебряная, – коротко ответил Тарлетон и взглянул на

Анджелу: – Это имеет значение?

– Все имеет значение, – ответила она, и добавила: – Мне нужно снова посмотреть запись.

Шеф передал ей коммуникатор. Анджела бегло его осмотрела, затем нажала кнопку повтора записи и заставила себя смотреть на экран.

– Какие из местных форм жизни обитают в пещерах? Здесь есть вообще какие-нибудь местные виды? Насколько я понимаю, планета была просто безжизненным куском скалы, когда они начали терраформирование и создание атмосферы.

Тарлетон посмотрел на нее. Анджела уже встречалась с ним прежде, и полицейский ей нравился. Он был неразговорчив. Большой мужчина, высокий и мускулистый, с темно-рыжими волосами и твердым взглядом голубых глаз. Шахтами заправляли военные, в то время как Тарлетон был начальником гражданской полиции.

– Да вы абсолютно правы, в здешних шахтах никто не водится.

Вздрогнув, Анджела снова включила запись. Она всматривалась в тени. Похоже, существа, отбрасывающие тени, имели множество конечностей.

– В шахтах кто-то жил, – сказала она. – Даже если кому-то удалось протащить яйца, это только первая стадия для этих существ. Им нужен какой-то носитель – как мы знаем, носителем может быть человек, или любой другой вид, обитающий на любой из планет. – Она хмуро взглянула на Тарлетона. – Почему вы обратились ко мне? Это же произошло на шахте.

– Да.

– Значит, это с самого начала находится под военной юрисдикцией, – заметила Анджела.

– Да.

– Тогда…

– Потому что они идиоты, – отрезал Тарлетон.

– Но они…

– Ими руководит подполковник Саймон Николсон. Он выпускник респектабельной военной академии, но никогда не был на поле боя. Его назначили сюда только потому, что его семья заинтересована в этих шахтах. И сейчас он заявляет, что люди внизу просто обезумели из-за какого-то газа, попавшего в систему воздухоснабжения. Он говорит, что это они на записи разрывают друг друга на куски.

Анджела недоверчиво посмотрела на шефа.

– Пускай этот Саймон Николсон за главного, но у него под началом куча морпехов. Они спустятся в шахту и узнают, что там

случилось на самом деле.

– Вы знаете, что случилось на самом деле.

Они подъехали к шахте.

Тарлетон припарковался и выскочил из машины. Анджела шла следом.

Вокруг стояли остатки сцены, грили для барбекю, столы для пикника, накрытые скатертями, и многое другое. Но отдыхающих нигде не было. Вокруг сновали мужчины и женщины в военной форме, разбирая оружие и выстраиваясь в шеренгу.

Между двумя огромными военными грузовиками был разбит полевой командный пункт. Тарлетон направился именно туда. Анджела поспешила за ним.

Мужчина, которого она заметила, был молод – около двадцати пяти на первый взгляд. Его глаза были широко раскрыты из-за волны надвигающейся паники, но он прилагал все усилия, чтобы излучать напускную уверенность.

– Группа «Альфа», спускайтесь по лестнице на второй уровень. Группа «Бета» займется подъемниками. Мы уверены, что за убийствами стоят наши собственные люди под воздействием каких-то психотропных веществ, так что соблюдайте осторожность. Сохраняйте жизни любой ценой – включая ваши собственные жизни.

– Есть, сэр! – два капитана, молодая девушка, около двадцати лет, и мужчина, несколько постарше, подтвердили приказы, на ходу поправляя свои защитные маски.

– Что вы делаете?! – воскликнул Тарлетон.

– Свою работу! – ответил Николсон.

– Наши люди мертвы, Николсон. Вы что, идиот? Нет там никакого газа – это какие-то инопланетные твари внизу!

Казалось, что Николсон вот-вот взорвется.

– Как вы смеете, Тарлетон! Арестовать его! – крикнул он одному из солдат.

– Черта с два! Я – начальник полиции!

– Гражданской полиции.

– Это не военная операция… – начал шеф.

– Сейчас уже военная, – оборвал его Николсон. – Я объявляю военное положение – тяжелые времена, требуют тяжелых решений.

– Подполковник Николсон! – отсалютовала Анджела. Она достаточно долго была в армии, чтобы знать, что богатенькие сынки из военной академии скорее умрут сами или позволят умереть кому-то еще, прежде чем забудут про все свои степени и звания. Ей даже удалось выдавить небольшую улыбку. – Сэр! Анджела Холл, отставной военный. И я…

– Да, я знаю кто вы такая, мисс Холл. Все знают, кто вы такая! Бывший боец! Спасибо за ваш визит, но вы больше не на военной службе, и эта ситуация не имеет никакого отношения к Ксеноморфам, – он изучал схему шахты, едва глядя на нее.

– Сэр, я прошу вас изменить свое мнение. Если вы взглянете на эту запись…

– Я могу поместить под военный арест и вас тоже, – коротко заметил Николсон.

«Ну, вот и началось. Крики бойцов. Командиры по очереди вызывают друг друга. Крики, крики, непрекращающиеся крики… Кровь заливает объектив, пока зрители не перестают видеть что-либо… из-за моря багровой крови».

– Следующий взвод! – скомандовал Николсон. – Будьте начеку!

Морпехи вскарабкались и забрались в отверстие шахты – они тоже поправляли свои защитные маски.

– Ослы! – закричал Тарлетон и бросился вслед за морпехами.

– Кто-нибудь, остановите этого идиота! – приказал Николсон. Солдаты бросились за полицейским, но было поздно – он уже протолкнулся среди морпехов и исчез внутри пещеры.

– Пускай отправится туда и угробит себя, – пробормотал Николсон и покачал головой. – Где же ученые? Они уже должны быть здесь – если им удастся взять под контроль это загрязнение!

– Сэр! – один из солдат, стоящих перед ним, выглядел особенно обеспокоенным. – Сэр! Солдаты шепчутся о городе под этими пещерами и о звуках, доносившихся оттуда. Люди уверены, что там есть какое-то существо.

– Джо, прекрати! Только то, что ты мой кузен, не дает тебе права оспаривать мои решения.

– Но, Саймон…

– Заткнись, – отрезал Николсон и обратился к солдатам: – Эй, морпехи! Вперед! Ура!

Мужчины и женщины в защитных масках подчинились, хотя Анджеле показалось, что они стали двигаться медленнее, чем раньше.

– Подполковник… – начала Анджела.

– Там нет никаких Ксеноморфов! – сорвался Николсон. – Им нужны носители. А здесь лишь одни скалы!

Кузен Джо с другой стороны от подполковника закашлялся.

Анджела серьезно посмотрела на Николсона. Он выглядел перепуганным до чертиков.

– Ты можешь смотреть, как твои люди умирают, – тихо сказала она, – только потому, что там в пещерах есть какой-то Ксеноморф.

Николсон нетерпеливо взглянул на нее.

– Я стараюсь воздать должное вашим прошлым заслугам, мисс Холл. Вы были морпехом и многое пережили. Но сейчас вам необходимо уйти отсюда и позволить мне разобраться с этой ситуацией. Правительство считает, что последние Ксеноморфы были уничтожены больше года назад, тем более, они не могут находиться на этой планете. Терраформирование началось всего столетие назад и совершенно исключено, что на этой планете есть хоть один Ксеноморф!

– Послушайте, но там внизу дети! – сказала Анджела. На секунду она задержала дыхание.

Тарлетон побежал в пещеры. Должно быть он мертв, как и все остальные.

«За исключением того, что Тарлетон знал, что это Ксеноморфы!»

Николсон приказал ей уйти.

«Я могу бежать. Мне не нужно быть здесь. Мне не нужно вновь встречаться с этим кошмаром…»

Но все же в пещерах были дети.

Пути к бегству не оставалось. В зависимости от типа, Ксеноморфы рано или поздно прикончат всех солдат на этой планете… а потом примутся за гражданских.

– Саймон! – нетерпеливо сказал Джо.

– Что еще?! Какого дьявола тебе нужно? – закричал Николсон.

Джо понизил голос:

– Я слышал, что говорил твой отец, – он нервно взглянул на Анджелу. – Он говорил о том, что эти шахты было слишком легко копать. Словно эти туннели были… вырыты чем-то… немеханическим и… внеземным. Он считает, что после создания атмосферы, Компания могла привезти сюда гигантских сколопендр с Голубой луны.

Анджела почувствовала, как ее накрывает ледяная волна страха.

Она просто не могла в это поверить. Не могла поверить, что кто-нибудь, даже самая амбициозная и безрассудная компания, сможет привезти гигантских сколопендр и яйца Ксеноморфов на одну планету.

– Сколопендры с Голубой луны в качестве носителей Ксеноморфов. Господь всемогущий, помоги нам, ибо здесь потребуется действительно божественное вмешательство! – воскликнула Анджела.

– Нет, нет, они никогда бы не привезли сюда гигантских сколопендр! – Николсон говорил, но, казалось, не верил

собственным словам.

«Да, они могли привезти этих тварей с Голубой луны, сколопендры превосходно роют туннели… гораздо лучше, чем любые известные бурильные установки».

Николсон внезапно повернулся, чтобы поговорить с кем-то. Анджела увидела мужчину, которого она никогда прежде не видела, и все-таки видела бесчисленное количество раз.

Это был не человек. Андроид, модель Томми II. Самая последняя модель – у них в отряде был точно такой же в качестве научного офицера, когда она в последний раз сражалась с Ксеноморфами.

– Компания привозила сюда яйца сколопендр? – спросил Николсон.

– Нет. По крайней мере, я о них не слышал. Я не… после некоторых происшествий в прошлом, я был запрограммирован говорить только правду, – сказал андроид.

– Сколопендры, подумать только… – прошептала Анджела.

Крики раздались снова – это был третий взвод морпехов Николсона. Анджела не могла не смотреть на экран.

Куски тела… разлетающиеся в разные стороны.

Она видела тени, в которых угадывались… гигантские руки Чужого. Сотни отростков – плодов генетического смешения сколопендры и Чужого.

Внезапно вспыхнула яркая вспышка света, когда чей-то фонарик пролетел по пещере.

Именно в этот момент Анджела заметила ребенка. Маленькая девочка, сжавшаяся под каменным выступом, которая просто стояла там, и плакала, глядя на происходящее в состоянии шока.

Внезапно в кадре появился шеф полиции Тарлетон, который бросился напрямик к ребенку. Он схватил девочку и потащил ее за один из неровных булыжников, валяющихся по обеим сторонам отработанного туннеля шахты.

Затем свет погас, и Анджеле не удалось понять, смогли ли Тарлетон с девочкой добраться туда в безопасности.

Она вздрогнула и снова посмотрела на подполковника Николсона.

– Послушайте, Николсон, и хорошенько запомните это. Меня не волнует, что вы тут говорите. Это Ксеноморфы, гибриды, выросшие в телах гигантских сколопендр. Вы можете выкурить их ядерным оружием. Скорее всего это уничтожит всю планету, но, если вы не убьете их сейчас, этой планете все равно наступит конец. Выживших не будет. Прикажите своим людям снять эти маски, все равно они бесполезны. Вам нужно более сильное оружие, например, огнеметы. И не посылайте людей маленькими

группками одна за другой. Нам нужна одна большая группа морпехов, которые расчистят путь с помощью автоматов и огнеметов. Дети каким-то чудом смогли выжить. Вы сами видели маленькую девочку за одним из камней.

Николсон просто стоял и смотрел на нее.

Анджела разразилась нетерпеливыми проклятиями.

– Что случилось с вашим боевым духом? – резко спросила она.

– Вы просто не понимаете, о чем говорите, – ответил Николсон.

«Он или полный идиот, или в состоянии шока. Ему определенно не рассказывали о крови и кишках на поле боя в его дорогущей академии».

Анджела снова выругалась. Подполковник не собирался ее слушать. Тогда она развернулась и направилась к одному из грузовиков. К счастью, оружие не сильно изменилось с тех пор, когда она оставила армию.

Она обнаружила огнемет огромной мощности с большой дистанцией огня. Он назывался «Шерстистый мамонт».

«Хватит ли этого, чтобы уничтожить гигантских Ксеноморфо-сколопендр? Я не уверена. Но по крайней мере я могла бы спасти детей, а потом убраться отсюда…»

Она почувствовала, что не одна. Томми II следовал за ней. Анджела подозрительно посмотрела на него.

– Я не могу лгать и не могу убивать, – заверил синтет.

– Тогда ты, черт возьми, очень отличаешься от некоторых своих предшественников, – заявила она.

– Я действительно отличаюсь, – подтвердил Томми.

Она не знала, верить ему или нет. А кроме того, не знала, выберется она из пещер, или нет. Но она видела девочку и понимала, что пути назад нет – только вперед, в пещеры. Она зарядила оружие и побежала. Андроид бежал следом.

Перед входом в пещеру Анджела остановилась. Андроид был неподалеку, и пока она переводила дух, разглядывая вход, вырезанные в земле лестницы и шахту лифта, то заметила, что к ней присоединилось еще три морпеха.

Почти столько же, сколько было в прошлой группе, которую она потеряла…

Анджела приветливо им кивнула и заговорила:

– Как известно, Ксеноморфы могут очень различаться в зависимости от носителя. В нашем случае это гигантские сколопендры. На них также могут влиять любые генетические воздействия на стадии лицехватов. Прежде всего помните, что их кровь – это кислота. Кроме того, у них есть внутренняя пасть,

которая опаснее всего. Представьте все это на существе с сотней или около того ног… и будьте внимательны. Скорее всего у них будут пасть и жвала, которые действительно «кусаются».

Они отдали ей честь – двое мужчин и одна короткостриженная, мускулистая девушка.

– Лифтом не пользуемся, держимся все вместе.

– Так точно, мэм! – отрапортовал один из морпехов.

Сформировав группу, они начали спускаться по лестнице.

Анджела заметила шевелящиеся ножки существа и на секунду замерла.

Все гораздо хуже, чем она предполагала. У них были действительно огромные ножки, расположенные на длинном теле. Анджела насчитала троих существ с огромной, удлиненной головой и омерзительной приоткрытой пастью… раскрытой наготове для броска второй челюсти, полной острых, как бритва, зубов. Готовых вонзиться, стоит только приблизиться. Вдоль тел были расположены сотни извивающихся ножек, а под второй челюстью находились жвала, готовые рвать и метать…

– Огонь! – приказала Анджела.

Они одновременно открыли огонь, направив потоки огня на огромные головы Ксеноморфов.

«Да, да, огонь как нельзя кстати! Огонь испаряет кислоту этих существ, он сжигает их в пламени, он убивает их».

– Прикройте меня! – крикнула она, спускаясь к подножью лестницы. Вокруг были огромные туннели, но между ними торчали отдельные скалы и выступы. Протиснувшись под скалу, Анджела заметила меленькую девочку. Девочка уже перестала плакать и просто тряслась, глядя на нее полными ужаса глазами.

– Тарлетон! – крикнула Анджела.

Ответа не последовало. Шефа полиции нигде не было видно, как и его останков. Но, с другой стороны, смогла бы она узнать… Земля вокруг была опалена кислотой и огнем, повсюду были лужи крови и куски униформы морпехов… все еще приставшие к телам.

Анджела обняла ребенка и посмотрела на морпехов и андроида.

– Я возвращаюсь! – предупредила она.

– В укрытие! – внезапно закричал Томми II, поднимая свое оружие. – Бегите!

И она побежала. Этого было достаточно для ее первой вылазки вниз. Анджела была уверена, что, по крайней мере, одно из трех существ было мертво, но два других все еще продолжали извиваться, перебирая ножками, щелкая своими жвалами и челюстями.

Она побежала вверх по лестнице, морпехи следовали за ней.

Когда последние лучи угасающего дня коснулись Анджелы на последней ступеньке у выхода из пещеры, девочка все еще была крепко зажата в ее объятьях. Морпехи следовали за ней, непрерывно ведя огонь по Ксеноморфам…

Вдруг она услышала резкий звук, этот ужасный звук, который издают Ксеноморфы, вне зависимости от того, к какому виду они относятся.

«Я знаю этот звук, знаю его слишком хорошо, он преследовал меня в слишком многих кошмарах!»

Подполковник Саймон Николсон, кажется, пришел в себя и вернул себе часть самообладания с тех пор, как Анджела вместе с тремя морпехами и андроидом скрылась в пещере. Он выкрикивал приказания новой волне солдат:

– Быстрей, берите огнеметы!

Анджела сжимала девочку все крепче, по мере того как она приближалась к командному центру. Когда она попыталась спустить девочку вниз, ребенок просто вцепился в нее.

– Джейк… Дядя Уоррик спустился, чтобы найти его… Джейк… мой брат, вы должны спасти моего брата и дядю Уоррика… пожалуйста. Ох… – девочка зарыдала.

Прижав ее к себе, Анджела закрыла глаза.

Дядя Уоррик. Получается, что коп пришел к ней по хорошей – и очень личной причине. Эти дети были его родными племянниками. Шеф полиции ничего ей не предлагал, зная, с чем он столкнулся на самом деле. И он знал, что Анджела гораздо лучший выбор, чем подполковник, который все еще был здесь, продолжая сотрясать воздух…

– Хорошо. Как тебя зовут? – спросила она девчушку.

– Дублин.

– Тебя зовут Дублин?

Девочка торжественно кивнула:

– Говорят, что это такое место.

– Да, мне говорили, что это было чудесное место, – сказала Анджела. – Хорошо, а теперь отпусти меня.

Девочка крепко вцепилась в нее.

– Дублин, детка, тебе нужно меня отпустить или я не смогу вернуться. Не смогу найти дядю Уоррика или твоего брата.

– Какого дьявола?! – внезапно воскликнул подполковник Николсон.

Анджела развернулась; она только что опустила Дублин на землю, но теперь снова взяла ее на руки.

Один из Ксеноморфов смог найти выход из пещеры.

Они убили одного, Анджела знала наверняка, что они убили

одного из них, – но сейчас из пещеры выползало еще несколько тварей – огромные головы, длинные тела с множеством ножек и… задние части, закрученные словно хвост скорпиона. Их жвала безудержно щелкали, а вторые пасти с ослепительно острыми зубами наполнились слюной от вечного голода…

Она подняла Дублин с земли и побежала к одному из грузовиков. Она думала о том, как они убивали этих существ в прошлом…

«Так просто, когда ты можешь отправить этих истекающих кислотой тварей в открытый космос!»

«Думай! – сказала она себе. – Думай».

Огонь сработал, но его потребуется слишком много!

Морпехи были повсюду. Они сражались… и умирали.

Анджела посадила Дублин на пассажирское сиденье военного грузовика.

– Сиди здесь! Не шевелись и не выходи наружу!

Девочка кивнула, а затем закричала. Анджела обернулась как раз вовремя, чтобы заметить атакующего Ксеноморфа.

Ей хватило времени, чтобы схватить оружие и послать огненную струю в монстра. Его голова загорелась. Существо завизжало, исполняя ужасный танец смерти перед ее глазами.

Один из морпехов, храбро последовавший за Анджелой, был проткнут, по крайней мере, четырьмя лапами одного из существ.

– Что же нам делать, что делать, что нам делать?! – кричал подполковник Николсон. Он был рядом с Анджелой – пытаясь оттолкнуть ее и спрятаться в машине вместе с ребенком.

Анджела не обращала на него внимания. Еще одна тварь приближалась к ней, щелкая жвалами. Зубы Ксеноморфа сверкали в свете фар грузовика – на поле боя стремительно опускалась ночь.

Она внезапно повернулась и схватила подполковника за лацканы.

– Есть еще какой-нибудь выход из пещер? Еще одна серебряная шахта?

Он замотал головой, уставившись на нее, словно безумный:

– Соль. Каменная соль.

«Соль. Каменная соль».

Она вспомнила свое детство на одной из планет Млечного пути, похожей на Землю, – и соседского мальчишку, который кидался камнями в домашних животных, и обожал поджигать ящериц.

«А еще он посыпал солью гусениц и смотрел, как они корчатся и умирают. Гусеницы. Да, на самом деле, все они были уязвимы. Она изучала существ, она любила землю и земледелие,

и животноводство…»

– Соль! – закричала Анджела. – Соль, там ее тонны! Соль и огонь, соль и огонь…

– Есть, мэм! – ответил Томми II.

Хвост Ксеноморфо-сколопендры развернулся для удара, но Анджела уклонилась и, откатившись в сторону, направилась ко входу в соляную шахту.

Именно тогда она увидела его.

Маленький мальчик. Должно быть, всего на год или два старше своей сестры. Она знала, что его зовут Джейк.

Он нашел выход наружу. И он был один.

Один из Ксеноморфов направился прямо к нему.

Значило ли это, что Уоррик Тарлетон мертв? «Скорее всего», – подумала Анджела, и, хотя она не совсем хорошо знала шефа, в этот момент ей стало грустно. Он знал правду и был готов за нее сражаться, несмотря ни на что. Она была напугана, но он придал ей смелости.

– Джейк, ложись! – крикнула Анджела. Она видела, что одна из тварей была ранена, лишившись нескольких ног.

Но их оставалось достаточно, чтобы двигаться, и она ползла к мальчику.

Анджела бросилась вперед, открыв огонь из своего огнемета. Существо издало ужасный вопль. Она знала, что нужно целиться в голову и глаза, и твердо удерживала свою цель.

Она почти добила его, и тут…

Горючее кончилось. Ее огнемет захлебнулся.

Существа не были глупыми – вне зависимости от своего носителя, они всегда обладали пугающим уровнем интеллекта.

Существо направлялось к ней и мальчику.

Ну что же, вот и всё. Ей удалось спастись однажды, но сейчас…

Анджела начала размахивать руками, привлекая тварь, направляясь влево от мальчишки.

– Беги, Джейк, беги. Видишь военный грузовик вон там? Беги туда, его корпус защищен от воздействия кислоты, огня и пуль. Беги, беги!.. Эй, ты! Господи, какой же ты отвратительный! Ползи сюда, сюда…

Она ждала. Одна из этих ножек могла воткнуться в нее в любую секунду. Нога поднимет ее и поднесет к чавкающей внутренней пасти омерзительной твари.

Наверное, настал ее черед…

– Иди сюда, инопланетный ублюдок! – закричала Анджела.

Внезапно потоки пламени охватили существо, разрывая его на куски. Она услышала один из этих ужасных криков и

обернулась. Позади стоял шеф Тарлетон с огнеметом в руках, который он, должно быть, взял у одного из мертвых морпехов.

– Соль на подходе! – закричал он.

Анджела уставилась на него.

«Соль! Сработает ли это?»

Морпехи приближались. Не хватало только подполковника – и его кузена Джо. Но в то же время их сопровождал андроид.

Томми волок какую-то массивную машину с огромным соплом. Анджела разглядывала механизм, все еще не оправившись от шока: все-таки мужчина рядом с ней только что сжег Ксеноморфа, который едва не убил ее.

Тварь умирала… но другие создания начали вылезать из пещеры.

– Пригнись! – окликнул ее Уоррик. – Пригнись и отходи!

Анджела упала на землю, он рухнул следом, быстро скатываясь вниз по склону, прочь от входа в пещеру. Оттуда она увидела, как морпехи загружают бесчисленные тонны каменной соли в машину с массивным соплом, в то время как андроид Томми II садится за пульт управления.

Затем он запустил ее… и каменная соль, рыхлая и жесткая, начала разлетаться во все стороны.

Соль летела без остановки, как разноцветный дождь, словно град, подобно радуге из снежинок… В добываемой соли было столько минералов, что цвета кристалликов казались почти бесконечными. Это было прекрасное зрелище – большие и маленькие кристаллики соли продолжали разлетаться вокруг, словно ворсинки или крошечные брызги…

Они опускались на этих тварей, и в темноте казалось, что они покрывают их этим цветом. В то время как твари визжали в крещендо, словно Злая Ведьма Запада[13], которую окатили водой.

Морпехи выжидали.

Ночное небо словно начало наливаться красками.

Один за другим Ксеноморфы падали. И когда они оказывались без движения, морпехи бросались на них волнами, сжигая их остатки, разрывая их в клочья ножами, прикладами и штыками.

Не останавливаясь, Томми II подвел машину ко входу в пещеру и начал заполнять ее каменной солью.

Это было похоже на фейерверк.

Анджела остановилась у военного грузовика рядом с Уорриком Тарлетоном и смотрела за происходящим.

С каждой минутой ночь подходила к концу.

Томми II слез с машины.

– Спасибо. Это было блестяще, – сказала ему Анджела.

Он улыбнулся:

– Я не могу лгать или убивать людей. И не могу позволить им умереть, если в моих силах это остановить. И вы дали мне эти силы.

Она покачала головой, размахивая руками в воздухе.

– Нет, нет, нет… ты сам знаешь, что ты сделал. Морпехи – настоящие молодцы.

«Теперь я могу пойти домой, – подумала она. – Домой, в маленький дом, на уютную маленькую ферму, куда я собиралась. Они будут далеко-далеко от…»

Нет. Они никогда не будут далеко-далеко от опасности. Она не сможет укрыться от этого.

Анджела поняла, что все закончилось – и что все морпехи смотрят на нее.

– Браво, капитан, браво! – выкрикнул один молодой солдат.

– Ура! – пошел крик по рядам.

Анджела подняла руки и смутилась.

Она понимала, что безвозвратно потеряла то, что было у нее этим утром. Жизнь, полную иллюзий, что она сможет спрятаться, что сможет найти мир, свободный от всякой опасности…

Уоррик Тарлетон тоже был здесь, кивая в мрачной признательности морпехам – и ей.

Анджела повернулась и заметила, как много мертвых тел валялись тут и там. И хотя многие умерли, прежде чем твари были остановлены, подполковник Саймон Николсон был все еще цел и невредим.

Она подумала, что он немедленно попытается взять все под контроль и вернуть свои полномочия.

– Я не делал этого! Клянусь вам, я не делал этого!

Нет, ему было это не нужно. И Анджела верила ему.

Шеф Тарлетон начал говорить, положив одну руку на голову своего племянника, а другую – на голову племянницы.

– Это ваш кузен, Джо Николсон. Ваш отец привез гигантских сколопендр с Голубой луны, чтобы вырыть туннели шахты. Но одного Джо было для этого недостаточно. Вы заправляли тут всем – возможно Джо был лучшим бойцом, но вы – единственный наследник своего семейства.

– Мой отец… нет, это не правда… – начал Николсон.

Он не верил собственным словам.

– Может, Джо сожрали? – предположил Томми II. – Я нигде его не вижу.

– Вот он! – Симпатичная молодая девушка-морпех подошла ближе, волоча за собой Джо. – Жив-здоров. Пытался сбежать за

минуту до того, как начался настоящий бой.

– Нет… не убивайте меня, не убивайте, не убивайте меня… – бормотал мужчина.

Шеф Тарлетон встряхнул его за воротник.

– Вы под арестом. Эй, сержант! – обратился он к молодому морпеху. – Отведите этого человека в казармы. Я уверен: за все содеянное он заслуживает ссылки в каторжное поселение, но я, черт меня дери, не судья и не присяжные.

– Так точно, шеф! – отрапортовал морпех.

Уоррик Тарлетон смотрел на Анджелу. Она ухмылялась, пока морпехи принялись за работу.

Они осмотрели своих раненых и своих павших. И словно по чьей-то подсказке – что, конечно, было простым совпадением, – дети бросились к ней в объятья.

– Спасибо, спасибо!

Она благодарно кивнула.

– Ну что, теперь я не под арестом?

– Я был уверен, что ты… что ты будешь на высоте. Знаешь, они, скорее всего, попытаются уговорить тебя вернуться, взять здесь все под свое командование, – сказал ей Тарлетон.

– Возможно… Но я могу остаться в резерве, – ответила Анджела, разглядывая его. – Я впечатлена. Джо Николсон, старый добрый кузен Джо. Из-за него погибло много людей. И едва не погибли дети. И все-таки – ты сдержался. Ты даже не врезал ему. Признаюсь, что мне бы этого очень хотелось!

– Если бы я его тронул, то тут же убил бы, – ответил Тарлетон. – И… да, я цепляюсь за то, что, в конечном счете, делает нас людьми, что отличает нас. То, что поднимает нас над всеми остальными созданиями. Я имею в виду… мы видим зло в некоторых из нас, так? В каждом из нас блуждает зверь. Но также есть и нечто большее, – мягко прибавил он. – Итак, я подброшу тебя домой. Я имею в виду, морпехи со всем разберутся. Я ведь вытащил тебя с твоей фермы…

Все еще изучая его, она кивнула. Он ей нравился. Действительно нравился. Он, этот проклятый андроид – и множество морпехов. Ей никто так не нравился с тех пор…

С тех пор как умер Даниэль…

И потом, она не знала никого, кто бы взвалил на себя столько ответственности за судьбы других людей с тех самых пор.

– Ты все еще стоишь тут? – спросил Тарлетон. – Это значит, что некий отличный отряд морпехов ждет прекрасное будущее?

– Возможно, – ответила Анджела. – Но ты прав. Нам нужна вышестоящая власть. А сейчас… – она взъерошила волосы детей и спросила: – Вы проголодались? У меня на ферме растет столько

всего вкусного.

– Проголодались? – воскликнул Джейк. – Я умираю от голода!

– Если твой дядя не возражает… – пробормотала Анджела.

– Все в порядке. Я имею в виду, я ведь тоже получил приглашение?

– Разумеется!

Они прошли мимо грузовиков и огней обратно к аэромобилю.

– Довольно ловко, а? Когда ты ко мне пришел, то не упомянул, что эти дети – твои племянники, – заметила Анджела.

Шеф уставился на макушку Джейка и улыбнулся.

– Я пытался быть искренним, – сказал он, а затем, все еще улыбаясь, добавил: – И, конечно же, пытался избежать глупостей.

Анджела засмеялась. Ее чудесный мир, искусственный и ложный во многих отношениях, едва не был уничтожен.

Но эта ночь все изменила…

Она подумала, что вокруг нее была красота какого-то другого рода. Она все еще жила в искусственном мире. И все же…

Он был поразительно реален.

Смертельные объятия
Майк Резник, Марина Дж. Лостеттер

– Кровь Ксеноморфа, одно из самых агрессивных разъедающих веществ, известных человечеству, идеальна для применения в строительстве и для нарезки материалов. Как вы уже убедились, Корпорация усовершенствовала технологию добычи и переработки крови, и мы думаем, вы согласитесь, что внедрение этого метода на вашей базе не только безопасно, но и прибыльно, – сказал простодушный на вид мистер Джонс, протискиваясь с планшетом для бумаг в руках вперед небольшой группы. Ему не терпелось добраться до конечного пункта экскурсии. – Ну, а это – наша гордость и радость. Именно здесь начинается волшебство. – Джонс важно указал на лабораторию с панорамными окнами. Коридор снаружи лаборатории был отделан белыми панелями, у входа возвышались два вооруженных невозмутимых охранника. Генерал Амотц удостоила их вежливым кивком, проходя мимо в сопровождении двух собственных охранников.

Она не придала значения и половине сказанного Джонсом.

Его профессиональная подготовка была неплохой, но совершенно блекла на фоне военных ее уровня. Руководство отозвало Амотц из отпуска не для показной экскурсии по недостроенной военной космической станции. Ее вызвали, так как это задание было срочным, а она вдобавок являлась ближайшим уполномоченным лицом из тех, кто мог его выполнить.

В связи с неожиданным появлением популяций Ксеноморфов в разных местах, так называемые «усовершенствованные технологии» Корпорации вызвали сомнение, поэтому руководство Колониальной морской пехоты приняло решение тщательнее изучить методы, используемые для строительства военной базы.

Амотц вручили приглашение и приставили в качестве охраны бедных Рибара и Кортеза, которые так же были в отпуске. Отдыхающие военные находились ближе всех, что и являлось причиной строительства базы именно в этом месте – поблизости просто не хватало постоянных людей.

В лаборатории, по дорожкам, вмонтированным в потолок, двигались взад-вперед автоматизированные руки, управляемые техниками из контрольной будки, расположенной недалеко от лаборатории и от пристроенного яйцехранилища. Экскурсанты только что закончили знакомство с контрольной комнатой и осмотрели содержимое лаборатории с экрана мониторов, но генералу Амотц не терпелось посмотреть на всё поближе.

Как только они подошли ближе к окнам, Амотц невольно сощурилась. Освещение в коридоре было ослепительно ярким, в то время как остальные лампы горели вполнакала. Руки из черного металла двигались с наводящей ужас точностью, их движения казались вполне естественными при более тусклом освещении. Одни оканчивались кистями с удлиненными пальцами, другие были оснащены щипцами. Одна из рук напоминала приспособление с шипами; она извивалась взад-вперед у окна, как раз там, где освещение зала позволяло рассмотреть всё в деталях. Это мог быть хвост, готовый ударить, порезать, уколоть. Складывалось впечатление, что существо находилось в ожидании, когда один из ничего не подозревающих людей приблизится к мерцающему стеклу, потеряв бдительность.

– Давайте все подойдем поближе, – произнес мистер Джонс, направляясь к подозрительной механической руке.

Сердце Амотц необъяснимо и бешено забилось в груди. Ей хотелось рассмотреть одно из этих творений поближе, но сознание рисовало несуществующих монстров.

С поразительной скоростью рука, за которой она наблюдала, метнулась из темного угла в глубь комнаты к большой емкости, занимавшей одну треть пространства, двигаясь над стеклом, как

заботливая мать. Емкость была заполнена неподвижной желтой жидкостью. Абсолютно неподвижной. Мистер Джонс уже объяснил, что там они содержат стерилизованных лицехватов. Сотни лицехватов.

Амотц снова прищурилась, пытаясь разглядеть очертания тел в физрастворе. Что-то, напоминающее костлявые, бледные пальцы изможденного человека. Очертания дернулись, – возможно это была игра освещения или зрения, – и призрачная фигура исчезла.

– Давайте посмотрим направо. Вы увидите…

– Мэм? Генерал? Мистер Рибар? Прошу прощения за беспокойство… – молоденькая ассистентка, с которой Рибар оставил своего сына, стояла рядом, смущенно поправляя на носу очки. – Дэниел спрашивает вас. Он сказал, время принимать лекарство, но вы ничего мне не оставили.

Рибар выглядел раздраженным. Это задание было поручено ему в самую последнюю минуту, он пытался отказаться, так как не с кем было оставить сына. Амотц предложила просто взять ребенка с собой. В конце концов, это всего лишь один из обычных дежурных визитов.

Рибар тяжело вздохнул.

– Дэниел не принимает никаких лекарств, – сказал он. Ассистентка смутилась еще больше. – Он разыгрывает тебя, – продолжил Рибар. – Обычное дело для десятилеток.

Лицо девушки ненадолго расплылось в широкой улыбке:

– Ой, да, конечно. Извините.

– Кто с ним сейчас?

Щеки ассистентки зарделись.

– Он один. Я оставила его в комнате, которую вам выделили.

Амотц решила вмешаться:

– Иди проверь его, в целях безопасности.

Женщина поспешила уйти.

– Боже, какая она наивная! – засмеялся Кортез.

Экскурсовод стоял в смятении. Казалось, всё то, что сейчас произошло, звучало для него на непонятном иностранном языке.

– Прошу прощения, мистер Джонс, – сказала Амотц. – Пожалуйста, продолжайте.

– Хорошо. Обратите внимание направо, мы начинаем процесс стерилизации.

Справа находилась большая темная клетка с толстыми прутьями и покореженными стенами. Она примыкала к массивной серой двери яйцехранилища с многочисленными отметинами от когтей. За дверью – конвейерная лента, которая заработала с грохотом и скрипом, как только закрутились приводные колеса.

Дверь хранилища опустилась, и в конце конвейера открылся люк. Из-под пола выросла горбатая фигура из белого пластика и нержавеющей стали. Она выглядела призрачной и надломленной в темной глубине клетки. Это был манекен с приблизительными очертаниями человеческого тела, если полуоблезший скелет можно сравнить с фигурой человека. Его яйцевидная голова покачивалась на плечах.

Манекен ожил, приведенный в движение невидимой рукой техника. Он покачивал головой и расплывался в широкой дьявольской улыбке, демонстрируя шестеренки и зажимы во рту. Голубой сигнальный маячок сверкал за металлическими зубами.

Из двери хранилища выскользнуло коричневато-зеленое яйцо. Казалось, его оболочка осыплется, как кожа с иссохшего трупа, стоит к ней прикоснуться. Только, в отличие от обычных овоморфов, это яйцо было покрыто длинными нитями амниотической слизи, напоминающей слюну.

Амотц бессознательно поднесла руку к горлу, судорожно сглотнув.

– Существует три вида стимуляторов, подающих сигнал яйцу и лицехвату о потенциальном носителе, находящемся поблизости, – сказал Джонс непринужденно, как будто описывая что-то обыденное типа распродажи выпечки. – Не каждый лицехват реагирует на одни и те же стимуляторы, поэтому я продемонстрирую вам все. Первый: человеческое тело как источник тепла.

Манекен внутри клетки стал изображать пародию на танец.

– Второй: феромоны млекопитающих.

Робот «хвост» метнулся через всю комнату, как будто намереваясь пронзить овоморфа. Вместо этого, он обдал тяжелой струей четыре лепесткообразных губы яйца, которые даже не пошевелились. Амотц показалось, что комната наполнилась резким запахом мускуса.

– И наконец, третий: выделение углекислого газа. Аналогичным способом находят свою жертву постельные клопы.

Другая механическая рука опрыскала сжатые губы газом, и они, наконец, раскрылись.

Амотц напряглась, когда из складок высунулась костлявая нога, подергиваясь, как будто пробуя на ощупь воздух. В следующий момент существо прыгнуло на манекен, широко обхватив его ногами, подобно гигантской руке, сжавшейся в кулак.

Манекен только юродиво ухмылялся, когда тонкий, точно хлыст, хвост существа обвился вокруг его шеи. В следующую секунду руки лицехвата обхватили голову манекена, впившись в

рот своими репродуктивными органами.

– Смотрите! – настаивал Джонс.

Секундой спустя существо начало неистово извиваться, перебирая ногами, как будто хотело отпустить голову манекена. Тонкий красный луч, пущенный сверху, перерезал хвост пришельца у основания, одновременно прижигая рану.

Лицехваты не умеют кричать. Они способны издавать лишь самопроизвольные звуки. Но судя по тому, как существо отлетело в сторону и упало на пол, перебирая ногами в воздухе, точно мертвый паук, оно страдало от боли.

– Мы прижигаем хоботок – трубку, которая производит паразитические клетки, под их влиянием плоть носителя преобразуется в грудолома, – и удаляем хвост. Как вы видите, лишенные способности к размножению, лицехваты смирны и абсолютно безопасны для работы.

Пока Джонс бубнил, черные металлические щипцы появились в клетке, чтобы забрать животное.

Как только рука схватило существо, оно дернулось, словно жук, в которого ткнули палкой. Оно все еще оставалось в полускрюченном состоянии, без движения, пока рука не приблизилась к стенке емкости. Почуяв каким-то образом, что он будет снова заточен со своими собратьями, лицехват неистово задергался. Его ножки с коготками вцепились в щипцы, оставляя на руке серебряные отметины. Существо задергалось сильнее, начало извиваться, и тогда техник усилил захват.

Это было роковой ошибкой.

Под усилием захвата, одна из ног оторвалась, испустив фонтан желто-зеленой крови, которая пенилась и шипела, разъедая металл. Рука дернулась, все еще направляясь к емкости, и накренилась. Техник потерял контроль, и рука ударилась о стекло, оставив на ней трещину. Щипцы раскрылись, бесцеремонно уронив извивающееся животное на пол.

В ту же минуту Кортез и Рибар вскинули оружие, как и охранники в конце зала.

Одновременно с этим взвыла сирена, и пространство заполнилось мигающим желтым светом прожекторов.

– Всё в порядке, – объявил Джонс, подняв руки и продвигаясь между морпехами и окнами. – У нас существуют предохранительные меры. Всё в порядке. Работая с животными, мы должны быть готовы к форс-мажорным обстоятельствам. Лаборатория закрыта. Мы это всё уже проходили. Всё хорошо.

– Посмотрите, генерал! – Кортез показал на емкость, несколько лицехватов в которой подплыли к трещине. Один за другим, они беспомощно бились о слабое стекло.

– Всё в порядке, – прохрипел Джонс.

Но ситуация явно вышла из-под контроля. Сердце Амотц стучало через раз – сначала в ушах, а затем в животе, как будто пытаясь выскочить наружу.

Все больше лицехватов присоединялись к штурму. Все больше и больше предположительно покорных, предположительно недееспособных пришельцев билось о стекло, испещренное тонкими паутинками изломов, пока…

Емкость разбилась вдребезги, накрыв все содержимое лаборатории сокрушительным водопадом. Сотни лицехватов барахтались в воде, отряхиваясь по-собачьи, их дыхательные клапаны расширялись и сжимались, пытаясь вытолкнуть капли физраствора.

Их были сотни. Сотни. Липкая кожа и узловатые суставы хотели одного: плодиться, плодиться, плодиться.

– Всё в полном порядке, – по-прежнему настаивал Джонс, хватая Кортеза за запястье и пытаясь увести руку морпеха от оружия. – Они закрыты, и помните: все они стерилизованы, они безвре…

Волна лицехватов ринулась вперед, почувствовав тепло человеческих тел. Их выжженные репродуктивные органы стучали по стеклу, оставляя на нем следы всевозможных жидкостей. Их ногти скрежетали о стекло и друг друга, словно крысиные лапки. Тварей становилось все больше и больше, они карабкались друг на друга, торопясь добраться до людей.

Как только морпехи вскинули оружие, готовясь к атаке, Амотц жестом подозвала охранников.

– Вы двое, давайте сюда и соберите больше людей! Нам нужно больше силы!

– Генерал, – заскулил Джонс, – в этом нет необходимости. Мы…

Она схватила его за воротник так, что он потерял равновесие.

– Если ты еще раз скажешь «в порядке», мне это будет только на руку, и я сломаю твой паршивый нос.

Гора лицехватов росла и росла, пока не превратилась в огромное скопление ног. Три существа распластались на стекле во всю свою длину. Своим нагромождением они образовали треугольник, который казался… правильным.

– Сейчас начнется реальное дерьмо, – Амотц плюнула в сторону Джонса. – Для меня несложно распознать стратегические приемы, а это один из них. Эти твари не просто пустоголовые букашки. Тебе бы лучше найти угол поукромнее. – Она смерила экскурсовода взглядом, полным презрения.

Тот поправил рубашку.

– Я никуда не пойду. Я полностью уверен в Корпорации и наших мерах безопасности.

– Так оглянись! – зашипела Амотц. – Потому что ты здесь один такой.

– Если вы начнете стрелять, вы разрушите базу. Их кровь разъест абсолютно все!

– Это была не моя идея – притащить на корабль кислотные бомбы и злить тварей!

Кортез закричал, когда три распластанных на стекле лицехвата были разорваны своими же сородичами. Им оторвали ноги, разорвали спины и дыхательные клапаны. Через считаные секунды, принесшие себя в жертву пришельцы исчезли в луже кислотной крови. А потом стекло рухнуло, словно растаявший сахар, не оставляя никакой преграды между людьми и толпой разъяренных паразитов.

– Огонь! – приказала генерал, показывая всем жестом отойти в глубь зала, как только началась стрельба.

Пронзительные выстрелы пистолетов сливались с барабанной дробью винтовок охраны. Твари взлетали в воздух, растопыривая конечности и оставляя отметины на полу. Другие карабкались по стенам, бросались под ноги.

Хаос и смятение царили повсюду. Тела и ноги куда ни глянь. Они были повсюду, один на другом, словно кишащее море пауков, но намного хуже.

Мистер Джонс обмочился, и резкий запах аммиака смешался с кислой вонью разлагающегося металла.

Кислота заполнила все вокруг. Пылали бочки, горел озон. Рибар вскрикнул от боли, когда длинная струя желтой крови обожгла его голень, обнажая кость. Он споткнулся, и Амотц забрала его оружие.

– Вызовите корабль, – приказала она раненому. – Нужно убираться отсюда. Дайте им знать, что это срочная эвакуация.

Морпех вышел на связь с экипажем.

Их корабль остался на орбите рядом с планетой, ожидая, когда завершится обход генералом станции. Предполагалось, что они заберут всех на Землю. Всех, даже…

Ребенок Рибара.

Черт.

– Не дайте никому уйти! – прокричала Амотц. – Нам нужно отстоять базу.

Лицехват набросился на Кортеза как раз в тот момент, когда у того закончились патроны. Морпех выставил перед собой руки, закрывая лицо, и Чужой вцепился в ружье. Кортез отбросил его в сторону.

Охранник споткнулся, и лицехват обвился вокруг его колена, безрезультатно пытаясь проникнуть внутрь прижженным хоботком. Через мгновение он усилил захват, сжимая коленную чашечку, и – хрусть! – человеческий крик отдался эхом в узком коридоре.

Краем глаза Амотц успела рассмотреть новую фигуру в общем месиве. Она не была ни костлявой, ни узловатой, ни большой, ни плотной. Длинной. Как хлыст. Как…

Хвост.

– Они не все стерилизованы! – выдохнула она, но, естественно, никто не услышал ее сквозь стрельбу и шипение кислоты. Должно быть, один из лицехватов прожег дырку и проник в яйцехранилище, добравшись до нетронутых яиц.

Хвостатая тварь выпрыгнула в полуметре от генерала.

– Осторожно! – прокричала Амотц, по большому счету обращаясь к пустоте. Жертва твари была позади нее, за ее плечами.

Она обернулась как раз в тот момент, когда существо обвилось вокруг мистера Джонса. Последних слов экскурсовода было не разобрать из-за удушающих объятий твари и яйцеклада во рту. Но какими бы они ни были, очевидно, это не была фраза «всё в порядке».

Мистер Джонс осел, его тело обмякло, как мешок с костями. Он упал на палубу прежде, чем Амотц успела вскрикнуть.

– Защищайте рты! – приказала генерал. – Здесь есть лицехваты-оплодотворители!

Все было бесполезно. Новорожденные лицехваты находились под охраной своих же собратьев, а раненые принимали весь огонь на себя. Непреодолимое стадное чувство к размножению овладело ими, как коллективный разум.

Следом за Джонсом упал Кортез. Затем – охранник справа. Второй охранник повернулся к Амотц, собираясь что-то прокричать, и в тот же миг лицехват прыгнул на него, тремя ногами пытаясь раскрыть человеку рот пошире, прежде чем проникнуть внутрь.

Амотц забрала у Рибара последнюю обойму, намереваясь защищать его.

– Дэниел, – прокашлял морпех. Его пальцы сжимали окровавленную ногу.

– Ты скоро увидишь его, обещаю!

Количество лицехватов сократилось, но не потому что они убили многих. Пол покрывали многочисленные дыры – идеальные лазейки для побега. Все, что оставалось генералу, – с ужасом наблюдать за тем, как лицехваты уползали, пропадая в обшивке

космической станции.

– Нужно убираться отсюда! – гаркнула она в ухо Рибара. – Ты можешь идти сам? Стыковочный отсек близко. Корабль в пути.

– А как же Дэниел?

– Я возьму его на себя. Ты будешь только обузой.

Как только последняя из тварей скрылась из виду, она отдала Рибару его служебный пистолет.

– Нет, я должен…

– Давай не будем играть в героев. Ты же хочешь, чтобы твой сын выжил? Я приказываю тебе идти к стыковочному отсеку.

Морпех мрачно кивнул.

– Мне очень жаль, – промямлил он, перед тем как уйти. – Вообще-то это моя работа, защищать вас. Вашу жизнь.

– Твоя миссия все еще в силе. А теперь убирайся отсюда.

Он отдал ей честь и вышел, а Амотц наклонилась к одному из сраженных охранников в поисках оружия. Мужчина все еще дышал, но как только она склонилась к его лицу, пришелец крепче сжал свои объятия.

– Полегче, – прошептала генерал, наклоняясь, чтобы вытащить винтовку из рук мужчины. Потом проверила обойму – та была наполовину пуста.

– Мне очень жаль, – сказала Амотц, повторяя слова Рибара, хотя понимала, что охранник ее уже не слышит. Он уже был фактически мертв. Единственное, что его ожидало, это личинка Ксеноморфа, пробивающаяся сквозь его грудь. – Мне очень жаль, – повторила она, отходя на безопасное расстояние, чтобы выстрелить ему в голову.

Она поступила так же со вторым охранником, потом с Джонсом и Кортезом, каждый раз порывисто дыша, спуская курок. Потом прислонилась к стене, изучила глазами пространство и осторожно выскользнула из лаборатории. Всего шесть коридоров отделяли генерала от ребенка, но, по закону Мёрфи, на этой тысяче кубических метров ее ожидало все что угодно.

* * *

За пределами лаборатории все казалось неестественно застывшим, только неистово выла сирена, из-за чего казалось, что все заполнилось белым шумом. Амотц продвигалась пригнувшись, в полной готовности выстрелить или отпрыгнуть с пути лицехвата. Пот заливал лицо, ее бросало то в жар, то в холод, пока глаза изучающе бегали по периметру. Каждая секунда давалась труднее, чем предыдущая. А что, если она не успеет?

Что, если доберется до назначения и найдет Дэниела на полу, с холодной безликой маской твари на лице?

У Рибара будет полное право обвинять ее в смерти сына.

На пути генерала уже встретились те, кому не повезло – распластанные тела, невольные носители Ксеноморфов. Времени прикончить всех не было, и каждый раз ее сердце сжималось, когда приходилось сделать выбор: идти дальше, или облегчить муки страдальца.

Большинство коридоров были обтянуты желтой сигнальной лентой, несколько – огорожены темным пластиком, за которым появлялись и пропадали призрачные фигуры. В воздухе стоял запах горячего метала, смешанного с кислотой. Каждый раз, чувствуя терпкий кислотный запах, Амотц вздрагивала: ей казалось, что где-то рядом поджидает лицехват.

И он действительно спрыгнул с потолка в полной боевой готовности – за десять метров до цели путешествия. Женщина упала на пол, набивая синяки на коленки, но избежав объятий цепких лап. Когти полоснули ее по спине, оставив полосы жгучей боли.

Не раздумывая, она повернулась и выстрелила в упор, чувствуя, как пульсирует в ушах кровь. Костлявое тело прыгнувшего ей в лицо животного содрогнулось от удара пули. Брызги кислоты обожгли правую щеку генерала, мгновенно превращаясь в глубокие раны, но Амотц даже не попыталась протереть кожу, понимая, что только обожжет руки.

Неважно, что останется шрам, неважно, что она чувствовала обожженную свежую плоть на своих губах. Все это было неважно: и боль, и время, и дыхание, пока она не найдет Дэниела.

В том, что мальчик застрял здесь, была ее вина. Значит, она должна его спасти.

Дверь была закрыта. Амотц попыталась вспомнить имя ассистентки.

– Мисс… мисс Кэмпбел? Откройте дверь, это генерал Амотц.

В комнате раздался истошный крик, но дверь открылась. С той стороны на нее смотрел моргающий Дэниел. Амотц быстро толкнула мальчика внутрь, закрывая за собой дверь.

Мисс Кэмпбел сидела в углу комнаты, сжавшись в клубок между столом и кроватью.

– Нам нужно уходить, сейчас же! – требовательно сказала Амотц.

– В чем дело? – спокойно и рассудительно спросил Дэниел.

– Нам нужно добраться до твоего отца. Он хотел забрать тебя сам, но я дала ему задание, поэтому он не может, понимаешь? – Амотц осторожно сжала ладошку мальчика и, приоткрыв дверь,

снова изучила обстановку в коридоре. – Возьми мисс Кэмпбел за руку.

– Нет, – глупо сказала ассистентка.

Амотц едва взглянула на нее, подготавливая себя к спринту.

– Хорошо, не держите его за руку.

– Я никуда не пойду.

– У вас нет выбора.

Кэмпбел поджала колени к груди, пряча в них лицо, и сдавленно прохныкала:

– Я остаюсь.

– Послушайте, у меня нет привычки убеждать людей делать то, что я говорю. Я отдаю приказы военным, они выполняют. Проще не бывает.

– Я не…

– Я понимаю. Вам придется выбирать: идти со мной, или умирать здесь.

Молчание.

«Ну давай же, – мысленно поторопила ее Амотц, – поднимайся! Я не могу спасти тебя, если ты сама не хочешь этого!»

– Я… Я подожду здесь. Кто-нибудь обязательно придет.

– Я пришла. Больше никого не будет.

Кэмпбел подняла голову, посмотрела на генерала рассеянными глазами и твердо повторила:

– Нет!

Амотц не собиралась возиться с ней, как с ребенком. Возможно, человек менее разумный и с развитым комплексом спасателя заставил бы эту дуру подняться на ноги, но только не генерал. Она знала: спасение утопающего – дело рук самого утопающего, и невозможно заставить взрослую женщину выбрать между тропой смерти и прятками. Амотц уважала ее выбор. Они же с мальчиком не могли более ждать.

Черт, может, Кэмпбел права? Может, кто-нибудь придет и спасет ее? Амотц могла только надеяться на это.

Она крепче сжала руку Дэниела.

– Ты готов, малыш?

Тот закивал, подняв на нее большие глаза. В тот момент он казался вдвое младше своего возраста, и таким же уязвимым.

– Только не отпускай мою руку, что бы ни произошло. Слышишь?

– Хорошо.

– Готов? Мы сейчас очень быстро побежим. Дай мне знать, если увидишь зубастиков, хорошо? – Она глубоко вздохнула. – Три… два… один!

Дэниел споткнулся сразу же, как они оказались за дверью. Амотц тащила его за руку, волочила за собой, но понимала – из этого ничего не выйдет.

– Простите, простите! – выдохнул мальчик, и глаза его наполнились слезами. Амотц была уверена, что Кэмпбел не объяснила малышу, почему воют сирены, но он все понимал. Он знал: происходит что-то плохое, поэтому весь трепетал и старался бежать быстрее. Но этого было недостаточно.

– У меня есть идея! – предложила Амотц. – Если я посажу тебя к себе на спину, сможешь крепко держаться?

Дэниел был слишком большим, чтобы нести его на руках, к тому же они были нужны ей свободными для винтовки.

Мальчишка утер нос рукавом:

– Ага.

– Отлично. Давай, забирайся ко мне на спину. – И генерал наклонилась к мальчику.

Они не продвинулись от двери и двух метров – их движения были слишком медленными и шумными. Из-за угла появились три лицехвата, выскользнув из-под отвалившегося куска рифленого пластика. Пара бесхвостых и один полностью готовый к продолжению рода.

– Дэниел, скорее! Скорее! Держись! Спрячь лицо! Что бы ни случилось, не смотри! Голову вниз! – Амотц поднялась на ноги прежде, чем он полностью забрался на спину, его ножки в маленьких ботинках болтались по бокам. – Держись. Держись так крепко, как только можешь!

Ноги лицехватов заскользили по трубам потолка, выбивая резкое стакатто по мере того, как они приближались.

Амотц схватилась за оружие в тот момент, когда Дэниел окончательно устроился на ее спине. Она сделала несколько удачных выстрелов, убрав всех троих. Кислота брызнула на палубу, словно вода из потекшего крана, в то время как останки пришельцев все еще цеплялись к потолку.

Она обежала это место. Мальчик болтался за спиной, его руки больно впивались в шею, затрудняя дыхание.

Но они двигались с хорошей скоростью. Они это сделают. Один коридор вниз, потом еще два, несколько поворотов – и они почти дома.

– Держись, малыш! – Амотц закашлялась, пытаясь говорить так убедительно, как только возможно. Ее дыхание было резким и поверхностным, в ушах нарастал шум – то ли пульс крови, то ли побочный эффект гипервентиляции. Позвоночник ныл от боли, колени дрожали, но она знала, что сможет это сделать. Один шаг, потом другой, – и каждый приближал Дэниела к спасению.

Наконец, генерал подбежала к последнему повороту, за которым был зал лаборатории и стыковочный отсек.

– Почти добрались, – ее энтузиазм иссяк, и она резко затормозила.

В дальнем углу коридора из потолка, словно титановые джунгли, торчали провода и трубы обшивки. Они раскачивались вперед и назад под движениями десятков лицехватов, скачущих по неровным обрубкам. Из нескольких труб тек конденсат, образовав внизу бассейн, который мгновенно покрывался туманом из-за перепада температур. Большинство тварей были стерилизованы, но несколько способных к размножению ловко скользили вверх и вниз по лианам, перешагивая через своих собратьев и используя их как опору для передвижения.

Они были словно живая стена, во всю ширину коридора.

«Они знают! Каким-то образом паразиты понимают, что это наш путь к свободе».

– Дэниел, помни, что я тебе сказала. Не смотреть!

Амотц попыталась вспомнить тот момент, когда они только прибыли на базу. Она тогда мельком взглянула на план станции. Были ли там другие пути, ведущие к отсеку? Были ли?

«Возможно. Кажется, да, был один. Придется сделать большой крюк, но…»

Был ли у нее другой выход?

Она повернулась на каблуках, и ее ботинки заскрипели по решетке. Амотц снова выглянула за угол… и ахнула.

– Что происходит? – спросил Дэниел.

Коридор кишел лицехватами. Триста шестьдесят градусов извивающихся бледных тварей надвигались на нее стеной. Гигантская глотка, готовая сожрать.

Их так много.

Слишком много.

– Малыш, доверься мне. Пожалуйста.

Он кивнул, выглянув из-за ее спины.

Амотц снова повернулась, готовая прорываться сквозь джунгли с лицехватами.

Занавес из тварей зашевелился, охваченный всеобщей дрожью возбуждения. Один из оплодотворителей стал раскачиваться взад-вперед, уцепившись за гибкую трубу, пока она не выбросила лицехвата вперед, подобно камню из рогатки.

Генерал выстрелила одновременно с криком, вырвавшимся сквозь ее стиснутые зубы, и гаденыш взлетел в воздух. Продолжая вести огонь и не замедляя бега, Амотц пробивала в занавесе из тварей брешь за брешью.

Когда обойма опустела, с потолка обрушилась смесь кислоты

и обломков кабелей, проедая пол и создавая опасную трещину. Из тел поверженных тварей, которые все еще цеплялись к потолку, сочилась кровь, разъедая пол еще сильнее. Дыра увеличилась с двух с половиной до трех метров.

«Будет больно…»

Бросив винтовку, Амотц сдернула Дэниела со спины, обвила его руки вокруг своей шеи так, чтобы она смогла прижать ребенка к груди, и снова побежала. Еще несколько шагов, и она либо перепрыгнет, либо умрет.

«Три… два… один».

Ее ботинок заскользил по влажному полу, снизив скорость и ослабив инерцию, с которой она должна была перепрыгнуть зияющую дыру. Спину в районе позвоночника обдало кислотой, прожигающей плоть так же, как лихорадочная паника прожигала генерала изнутри.

В последнюю секунду Амотц с силой подкинула Дэниела, толкая его на другую сторону. Край расплавившегося пола больно ударил ее в диафрагму. Остатки кислоты, оставшейся на металле, прожигали живот, но она ухватилась пальцами за решетку в полу и, подтянувшись, выбралась на ровную поверхность.

Сознание заполнилось туманом, тело – болью. Кожа горела, и все, чего она хотела – остаться здесь. Отдышаться. Все закончилось. Шоковое состояние пыталось овладеть ею, а все тело кричало от боли. Она закрыла глаза. Потом почувствовала руки на своих плечах и шее. Маленькие и большие руки.

Крики: «Быстрее, быстрее, они здесь!»

Это были Рибар и пилот корабля.

– Давайте, поднимайтесь! – требовал Рибар с сыном на руках. – Они приближаются!

Амотц казалось, что все, на что она сейчас способна, это ползти. Теперь, когда ребенок в безопасности, все, через что она прошла, того стоило. Они могли оставить ее здесь, и она бы…

Рибар хлестал ее по лицу, по свежим шрамам от кислотных ожогов.

– Генерал! Моя работа заключается в том, чтобы вы были живы, и я не отступлю!

Еще толчок.

«Ты сможешь. Ты же генерал Колониальных морских пехотинцев США. Ты сможешь поднять свою задницу и остаться в живых».

Она протянула руку пилоту, с трудом поднимаясь на ноги, которые отказывались слушаться. Кислота прожгла суставы с тыльной стороны коленей.

Рибар подставил плечо, помогая ее тащить.

А топот ног лицехватов все приближался, становился все громче, казалось, заглушая вой сирен.

Дверь отсека открылась как раз в тот момент, когда первый Чужой попытался перепрыгнуть через дыру. И вот он уже на другой стороне. За ним последовали другие лицехваты – пять, десять, двадцать.

Амотц дергала ногами, пытаясь помочь и идти быстрее.

Дэниел заскочил первым, потом Рибар и, наконец, пилот. Морпех начал закрывать двери, когда ноги генерала все еще были снаружи. Если она не успеет их убрать, то дверь заклинит, и лицехваты смогут пробраться внутрь.

У Амотц вертелся на языке приказ оставить ее здесь.

«Бегите, бегите! Я все равно уже труп, но вы не должны умирать! Рибар уже сделал все, что мог. Его миссия завершена».

Лицехват схватил ее за ботинок. Ревущая толпа добралась до нее. Она услышала сухой треск служебного пистолета Рибара, а затем увидела дырку в своей ноге. Уже не важно – одним куском плоти больше, одним меньше.

Ее тело устало бороться. Устало быть в сознании.

Она отключилась.

* * *

Когда она пришла в себя, недостроенная космическая станция уже виднелась из заднего окна. В ушах стояла звенящая тишина, тело было легким. Амотц лежала на хирургическом столе, перебинтованная с головы до ног. Тело словно онемело. Какими бы обезболивающими ее не накачали, их действие было чертовски эффективно.

Рядом сидел Рибар с Дэниелом на коленях. Обе руки мальчика были перебинтованы в местах, где кислота прожгла кожу, когда они прыгнули.

– Мы не думали, что вы справитесь! – признался морпех.

– И я.

– Многовато для простого обхода, а? Я полагаю, мы больше не инвестируем в новые строительные технологии Корпорации?

Она усмехнулась:

– Да. И знаешь, что еще? Я больше никогда не соглашусь на дежурный обход.

Рибар улыбнулся и спросил:

– Кроме шуток, как вы себя чувствуете, генерал?

Она поджала губы и щелкнула челюстью. Это означало неясность, и запутанность, и озлобленность на весь мир. Теперь

она точно знала, как чувствует себя котлета в мясорубке. С другой стороны, она была рада остаться в живых и чувствовала себя немного уставшей от того, что жива. Эмоций было так много, что она не могла выбрать.

В конце концов Амотц пожала плечами, вздохнула и сказала:

– Я в порядке.

Интересно, что сказал бы на это детектор лжи?

КРОМЕШНЫЙ МРАК
Джонатан Маберри

Мы снижались низко и быстро, используя шторм, как прикрытие. На корпусе потрескивали молнии, и тяжелые ветра пытались нас сбить с пути, но за пультом была Лулу, а она могла пилотировать хоть падающую сквозь ад звезду.

Была ли эта посадка мягкой? Нет, но все остались в живых, поэтому скажем, что она прошла удачно.

Я хотел взять с собой целый взвод, но на планерке перед заданием было решено, что у команды из трех человек шансов больше, чем у взвода или даже отряда. Это то, что они называют толерантным вторжением для наблюдения и сбора информации с возможной реакцией на цель. Типичный военный язык, который в переводе на гражданский означал, что нам нужно проникнуть внутрь, посмотреть, что, да как, а затем либо уйти с миром, либо спустить курок. Оценить риски было невозможно, так как мы не имели представления, с чем придется иметь дело.

Фиорина «Фьюри» 161 не была нашим домом. «Вейланд-Ютани» ею также не владела. Больше не владела. Много лет назад

тут были завод и тюрьма, управляемые «Ви-Ю», где заключенные занимались как добычей минеральных руд – в основном, свинца и железа, – так и выплавкой и отправкой на продажу. Когда они обнаружили свинец на семистах астероидах и малых планетах, где была низкая гравитация и такая же низкая стоимость отправки товара на орбиту, рудники на Фьюри пришлось закрыть.

Большинство заключенных вывезли с планеты, но небольшая группа решила остаться. Горстка религиозных придурков, которые обрели Иисуса и готовы были сидеть на горе в его ожидании – так же близко к спасению, как прыщ на заднице дьявола. По какой-то причине это имело для них смысл. Но, так как они оказались в двойном проигрыше, не пытайтесь найти в этом логику, бесполезно.

После того как Фьюри вышла из-под опеки «Ви-Ю», она совсем исчезла из вида. Договор аренды закончился. Всем было абсолютно плевать на ее дальнейшую судьбу.

Пока десять лет назад на нее не приземлился спасательный шаттл. Эта информация никогда не фигурировала в новостях. Нет, сэр. Знали те, кому это было нужно. Естественно, только ограниченный круг людей в Компании. А я вот никогда в жизни не слышал об этом до прошлого вторника. Ни слова, ни звука. Пока не настал мой час.

Я только что забрал с паршивой маленькой плавучей орбитальной лаборатории своих людей, выполнявших там паршивую работенку. Скрупулезные идиоты из «НеоНорс» строили в этой лаборатории новый вид суперскоростной торпеды в качестве торгового транспорта. Почему они думали, что Одину будет интересна межгалактическая торговля, я не имею представления. Я получил приказ их закрыть, и мы их закрыли. Обошлись без потерь, но что было гораздо важнее – мы им задали жару. Хорошая практика для моих молодых стрелков, потому что в «Нео-Норс» были жесткие ребята.

Но недостаточно жесткие.

Мы прибыли на станцию в предвкушении трехдневного отгула и серьезного штурма алкогольного магазина, но вместо этого нас ждал приказ: отправиться на Фьюри 161 и выяснить, кто приземлился на старом заводе и запустил освещение.

Никто и представления не имел, кто это мог быть.

Все, что мы знали – это точно не наши.

Да и хрен с ним.

Мы погрузились на «Старслип F-430». Да, один из этих новых кораблей. Выглядит точной копией пули. Большой, тупой, уродливый, быстрый. Они погрузили нас на взлетную платформу и нажали кнопку.

А проснулись мы уже на орбите над целью.

* * *

Четверо на корабле.

Нас трое и пилот.

Пилот был синтетическим роботом по имени Сид, и он походил на мою мать, только в мужской одежде. Не специально, просто так получилось. Сид не был особо разговорчивым. Он вел корабль, будил нас после гиперсна и проводил летучки после полетов. Я оказался на палубе первым и мне пришлось отвечать на рутинные вопросы, целью которых была обычная проверка мозговой деятельности после пробуждения.

– Имя? – спросил Сид.

– Алан Харпер.

– Звание?

– Мастер-сержант корпуса Колониальных морских пехотинцев США, силовая разведка.

И так далее: серийный номер, девичья фамилия матери, первое домашнее животное.

Лулу Хупс и Бакс Пател были следующими. Оба сержанты, старые друзья. Мы вместе проходили через Долину Теней так много раз, что я уже и не сосчитаю. Надежные, непоколебимые, бесстрашные. Пока все шло хорошо, Бакс был милашкой, зато Лулу – противной до безумия. Это было своего рода версией игры «хороший-плохой полицейский», но когда доходило до дела, ребята были настоящими морпехами, что означало: им плевать на тех, кто по другую сторону линии огня.

Я выбрал их, так как мы достаточно долго проработали вместе. Достаточно для возникновения физической близости. Не в буквальном смысле, а то, что чувствуют солдаты. Есть такое явление, когда люди с соответствующей подготовкой и достаточной практикой понимают друг друга с полуслова. Взгляд подобен долгому разговору. Ты знаешь их от А до Я, вы были вместе в таком дерьме, что ты уверен в них на сто процентов. Наша связь настолько тесна, что даже в перестрелке мы передавали друг другу свежую обойму еще до того, как у кого-нибудь из нас заканчивались патроны. Что-то в этом роде.

Окончательно проснувшись от четырехнедельного сна, мы столпились около Сида, и он ввел нас в курс дела по текущему маршруту. Наш корабль находился на орбите широкой и неправильной формы, используемой как свалка для мусора еще со времен действия рудника. «Старслип» являлся новейшим в

поколении тактических кораблей-невидимок, поэтому если кто-то и хотел нас выследить, все, что он увидел бы, выглядело очередной порцией мусора в одной большой куче.

– Некоторая информация нашей миссии была засекречена, пока мы не окажемся на орбите, – объявил Сид. – Вот что мы знаем на данный момент…

И он рассказал нам о том, что действительно произошло с той самой спасательной шлюпкой. История началась не на Фьюри и вообще задолго до моего рождения. Все началось с корабля под названием «Нострамо» – шоу ужасов с участием пришельцев и настоящего Ксеноморфа. Сид рассказал нам о единственном выжившем на том корабле – лейтенанте Эллен Рипли. Никому кроме нее не удалось выжить на корабле, кишащем уникально агрессивными тварями. Сид прямо так и сказал – уникально агрессивными. Я заметил, как Лулу и Бакс переглянулись. Мы никогда раньше не слышали об этом дерьме.

Сид рассказал, что после того, как все члены экипажа были убиты, Рипли уничтожила корабль и свалила на спасательном челноке. О том, что она провела в гиперсне пятьдесят семь лет, о том, как ее нашла спасательная команда, о том, как ее выперли из Компании, так как никто не поверил в безумную историю – особенно после того, как она взорвала корабль. И о том, как после всех этих событий колония на планете Ахерон, LV-426, погрузилась во тьму. А планета эта – один из спутников Калпамоса, где команда Рипли впервые столкнулась с Ксеноморфами.

Затем Сид рассказал нам продолжение истории, от которого мои яйца завернуло вовнутрь грудной клетки. Компания отправила на Ахерон отряд Колониальных морпехов для расследования ситуации. Ну и, скажем, для нахождения Ксеноморфов. Ребята из подразделения по биологическому оружию довольно потирали руки в предвкушении того, что они могли бы сделать с одним из них. Но все пошло не так. К тому времени, когда экспедиция добралась до колонистов, все они были мертвы, и повсюду шастали монстры. Все погибли, за исключением одного морпеха, капрала Хикса, маленькой девочки, последней выжившей из колонистов, и, черт подери, Эллен Рипли. Она взорвала действующий завод, превратив большую часть планеты в пылающие врата ада.

– А эта сучка Рипли любит повзрывать, – заметила Лулу. – Она мне даже нравится.

Бакс покачал головой:

– Почему у меня такое чувство, что теперь каждый раз, когда ты что-нибудь будешь взрывать, ты будешь сравнивать себя с ней?

Лулу подумала об этом, пожала плечами и кивнула:

– Возможно.

Сид проигнорировал обоих, продолжив историю о том, как Ксеноморф каким-то образом инфицировал Рипли во время гиперсна. А поскольку у этих засранцев высокое содержание кислоты в крови, дым от горящего пластика активизировал пожарную сигнализацию и спасательные шлюпки. Капсулы с тремя выжившими были помещены в спасательные шлюпки и сброшены в атмосферу ближайшей необитаемой планеты. Как вы думаете, какой?

– Фьюри.

– Чтоб меня поимели, – сказала Лулу. – Так это что, спасательная экспедиция для них?

– После всех этих лет? – спросил Бакс. – На мой взгляд поздновато для выпускного бала.

– Нет, – сказал Сид, – Хикс и девочка были объявлены погибшими, когда шлюпка разбилась. Рипли спасли заключенные с рудника, но в шлюпке с ней был по крайней мере один Ксеноморф. Он сбежал и убил большую часть заключенных и весь административный состав.

– Твою мать, – прошептал Бакс. – Всего один?

– Всего один, – сказал Сид.

– А что с Рипли? – спросил я.

– Тоже мертва. Ксеноморф ее оплодотворил, и она покончила с собой, чтобы убить Королеву Ксеноморфов, которую вынашивала.

– Оплодотворил? Как конкретно? – спросила Лулу. – Она что, устала их убивать и решила закрутить интрижку с одним из засранцев?

– Спасибо, я не хочу даже представлять это, – сказал Бакс.

Сид объяснил весь процесс появления на свет Ксеноморфа.

– Лопни моя селезенка, – пробормотал Бакс. Похоже, его тошнило.

– Рипли взорвала и завод? – спросила Лулу.

– Не в этот раз, – сказал Сид, продолжив рассказ тем, что Рипли убедила заключенных попробовать уничтожить Чужих, погрузив их в расплавленный свинец. Это не сработало, но она все равно их убила. Рипли бросилась в свинец сама, тем самым предотвратив развитие Королевы. От нее ничего не осталось для выращивания. Среди выживших остался один заключенный, но он ничего из себя не представлял, и его имя исчезло из официальной версии.

«Вейланд-Ютани» отправила три отдельных научных команды для изучения территории, но они ничего не нашли. Дело о

Фиорине 161 было закрыто и убрано подальше, как дорогостоящая потеря времени и возможностей.

– Ну, и кто здесь сейчас? – спросил Бакс.

– Неизвестно, – ответил Сид. – Компания оставила несколько спутников на орбите, они и начали бить тревогу.

– Поселенцы? – спросила Лулу.

– Маловероятно.

– Даже если и так, – сказала она, – к нам-то это каким боком относится? Наша миссия – защищать гражданских и интересы Компании, но раз никто из тех, кто платит нам бабки, больше не заинтересован в Фьюри, почему бы нам не дать отсюда деру?

– Мы соберем тепловые данные с рудника и с суперскоростного корабля, – объяснил Сид. – У него невидимая обшивка, поэтому есть большая вероятность того, что наше оборудование может его не увидеть.

Я усмехнулся. Слово «вероятность» в данном случае звучало забавно. Возможности невидимых технологий безграничны, некоторые из них настолько хороши, что иные конкурирующие планеты и корпорации не могут найти друг друга. Мы способны обнаружить практически всё, и никто – НИКТО – не сможет идентифицировать нас. Компания изобрела корабль для военных целей, но использовала его и для частных операций тоже. Таких, как наша.

– Дело в том, что если кто-то вкладывает деньги в такую дорогостоящую операцию, значит, на Фьюри есть что-то важное. А если это важно, то оно по закону принадлежит «Ви-Ю».

– По закону? – переспросил Бакс, подняв бровь.

– Этически, – поправился Сид. Казалось, он пытался переосмыслить суть сказанного. – Компания никогда официально не отказывалась от планеты и оплатила имеющие обратную силу налоги и платежи, чтобы полностью восстановить иск.

– Они владеют ею, – подытожил я. – О чьем корабле идет речь?

– Кому он принадлежит, относится к области догадок, – сказал Сид. – Но кто бы это ни был, у них есть деньги. Горстка поселенцев не может позволить себе такой корабль.

– Если они могут позволить себе такие технологии, – угрюмо вставил Бакс, – они могут позволить и охрану.

– Согласен, – кивнул Сид.

Лулу оскалилась в его сторону улыбкой убийцы – узкой, тяжелой и ледяной.

– Да пошли они.

* * *

Итак, Лулу повела корабль.

А уж она всегда вела корабль так, будто бежала, ограбив банк. Бакс молился Ганеше, а я то и дело проверял свой пояс безопасности. Глупо, я знаю, потому что если мы разобьемся на такой скорости, мой труп будет пристегнут по всем правилам безопасности, только и всего.

Ледяной шторм превратил зону рудника в заснеженную страну чудес. Минус двадцать два за окном, ветра превратили снег в нескончаемый поток ледяных кристаллов. Лулу напевала какую-то древнюю песенку о марихуане, белокожих и вине. Корабль болтало под порывами ветра, поэтому если бы кто-нибудь и выследил нас, он не увидел бы ничего – мы были песчинкой в общем месиве. Если мы выберемся, разумеется. С такими штормовыми ветрами, всегда есть шанс, что защитную панель сорвет.

– Держитесь, мальчики, – завопила Лулу, – посадка будет не очень мягкой!

Она не шутила. И не преувеличивала.

Мы грохнулись на землю с такой силой, что все системы протестующе завопили. Все дребезжало, начиная от болтов на палубе и заканчивая моими зубными пломбами. Когда мы приземлились, казалось Бакс готов упасть ничком и целовать грязь.

Лулу ухмыльнулась, следуя за нами вразвалку.

– Трусишки, – сказала она.

– Поцелуй меня… в задницу… – ответил Бакс, но его голос так сильно дрожал, что было понятно: он не шутил.

– Достаточно! – рявкнул я. – Закрыли рты оба.

Я взглянул на карту местности, выведенную на дисплей тактического компьютера, пристегнутого к моему предплечью. Лулу и Бакс присоединили свои компьютеры к моему, чтобы настроить вай-фай и синхронизировать телеметрию. Мы не могли рисковать, используя спутниковую связь, так как нас могли легко обнаружить. К руднику вела хорошая тропа; под «хорошей» я имею в виду сплошную головную боль. Никто в здравом уме не додумался бы воспользоваться ею, чтобы зайти к нам с тыла.

За пять часов мы продвинулись на шесть километров.

На протяжении всего пути встретились лишь скалы, еще скалы, лед, больше скал, снег, и снова треклятые горы. Один раз Бакс увидел существо, метнувшееся нам под ноги, но, когда Лулу сразила его одиночным выстрелом, тварь оказалась шестиногим нечто с длинной шерстью. И хотя никто из нас с подобным существом раньше не встречался, это явно не был Ксеноморф, поэтому мы оставили его на окровавленном снегу и пошли

дальше. Ветра задували нам в спину, очевидно из жалости, потому что они дули с такой силой, что только ускоряли наш шаг, толкая вперед.

На половине пути мы остановились попить теплой воды из фляжек, подкрепиться чистым протеином и электролитными батончиками. Куча калорий, все необходимые питательные вещества, но на вкус как дерьмо. Сальное, твердое дерьмо. Что интересно, я никогда не видел их в гражданских магазинах. Мы подзарядились энергией и через пятнадцать минут были готовы ко всему, что угодно.

Забравшись на каменный выступ, который возвышался над береговой линией застывшего океана, мы изучили живописную картину внизу.

– Да, это точно не поселенцы, – сказал Бакс.

Здание завода было массивным и больше походило на средневековый замок там, на Земле. Огромные башни из камня и железа устремлялись в небо. Казалось, лед сковал их, как будто сжав пальцами. Там были груды старого мусора, заметенного снегом, и бесформенные куски металла. Недалеко приземлился корабль на восьми мощных ногах. О таком дизайне я много читал, но никогда не сталкивался с ним вживую. Это было исследовательское судно класса «Бай Лонг». Около трехсот метров в длину, с передней балкой в семьдесят метров, заведенной назад к стройному хвосту. Корабль был раскрашен под стать своему имени – белый дракон. Зубы и прочее. Массивные двигатели, и впечатляющий и пугающий набор бойниц для пушек и ракет, торчащих во все стороны.

Не нравилось мне все это, но многое стало понятным. Ну, или, кое-что. Там, где заканчивались полномочия планетарного правительства или альянсов звездных систем, закона не существовало. Все, что было за пределами основной системы, подчинялось тем, кто мог предложить инфраструктуру и защиту. «Вейланд-Ютани» откусила большой кусок этого пирога, но космос, согласитесь, огромен. В нем хватало источников и места как для развития конкуренции, так и для борьбы в предпринимательской деятельности. Кроме «Ви-Ю» существовало еще около дюжины корпораций такого же уровня, и около трехсот мелких. Но единственная компания, которая могла потягаться с «Ви-Ю», это «Джингти Лонг», основанная в Новом Китае. У них была двенадцатизвездочная система и деловые интересы во всем, начиная от генетически спроектированных домашних питомцев до добывания тяжелых металлов и фармацевтики. Общее количество рабочих составляло шестнадцать миллионов, ни больше ни меньше. Ну да, больше.

Они называли своих ребят вугонг, что означает «многоножка». Производная от особого вида спецодежды, снабженной множеством дополнительных выдвигающихся рук, способных использовать автоматическое огнестрельное оружие. Я встречался с несколькими из их команды нос к носу на нейтральных астероидах и планетах. Они положили несколько моих ребят, я похоронил горстку их. В общем, дружбы не получилось.

– Твою мать, – пробормотал Бакс. Три года назад после встречи с этими ребятами ему вырезали около двадцати шести сантиметров кишечника.

– Милота, – сказала Лулу. Ей вообще никто не нравился, зато ее всегда привлекало встретить кого-нибудь стоящего для схватки.

Я ничего не сказал. Это был мой рабочий день, и мне не платили за собственное мнение.

Территория позади корабля была расчищена бульдозерами, а в центре находились обломки поврежденного космического спасательного военного судна «337 EEV». Это корыто – одно из тех старомодных, взглянув на которые даже в голову не придет, что его можно использовать для чего-то – только на свалку. А вот и нет. Маленькие передвижные рабочие палатки возведены внутри, и даже подсвечены. А вот снаружи не было ни души.

– Может, они внутри, пережидают шторм? – предложил Бакс.

– Лулу, – сказал я, – тепловизоры.

Она скользнула одним из датчиков и переключила режим с обычного на термальный.

– Получилось.

– Сколько их и где?

– Никого на шлюпке. Никого в палатках. Но корабль полон.

– Сосчитай.

Она закусила губу.

– Не могу назвать конкретное число. Некоторые в передней части корабля. Скажем, восемнадцать, но у некоторых сигнал слабее, как будто они охлаждаются. Вот здесь тоже следы. Около дюжины, но не могу сказать точно.

– Возможно, обшивка сбивает сигнал? – предположил Бакс.

– Возможно. Что еще?

– В машинном отделении их как будто скопище, но там еще хуже. Я думаю, они облепили реактор.

– Скопление?

– Похоже на то. Черт, все так размыто, я не могу разглядеть очертания. Предположим, десять.

Я прищурился, глядя на корабль:

– Вместимость судна семьдесят человек.

– Да черт с ним, с кораблем, – сказала Лулу. – Мне не терпится посмотреть, что там внутри.

– Где экипаж? – спросил Бакс.

– На заводе? – предположила Лулу, но затем покачала головой. – Нет. Даже если учесть влияние конструкции, я бьюсь об заклад: там что-то холодное и мертвое.

Это был плохой выбор слов, и она это поняла сразу же, как только произнесла.

– Что мы делаем, босс? – спросила Лулу, отвлекая от сказанного.

– Мы сюда прибыли не в качестве наблюдателей, – сказал я. – Мы спустимся вниз. Изучим, что там, и попробуем доставить это на корабль.

– Свод правил ведения боевых действий? – спросил Бакс.

Я кивнул на спасательную шлюпку.

– Это шлюпка с корабля корпуса морпехов, таким образом, это наша собственность. Рудник и все прочее принадлежит людям, на которых мы работаем. Что означает: ребята с того корабля – мародеры. Честно говоря, я не дружу с теми, кто пытается украсть мои игрушки.

Лулу и Бакс улыбнулись. Улыбки их не предвещали ничего хорошего. Впрочем, как и моя.

* * *

Мы спустились вниз тихо, используя максимум прикрытия, ощетинившись стволами во все стороны и занимая боевую позицию, где бы мы не меняли направление. Сначала мы направились к спасательному челноку «Сулако». Изучив все внутри, я ожидал увидеть жуткий бардак, но ошибался. Мы замедлили шаг, чтобы посмотреть, что же здесь произошло.

Это была оболочка. Все оборудование, каждая контрольная панель, каждый дюйм кабеля отсутствовали. Ребята из научной команды «Джингти Лонг» проделали самую тщательную работу по демонтажу оборудования, ничего подобного я раньше не видел.

– Босс, я не понимаю, – сказал тихо Бакс. – Зачем все снимать? Лодка разбилась, некоторые места выгорели. Не осталось ничего, что можно было бы выставить даже на распродаже.

– Ага, – согласилась Лулу. – Долгий путь, однако, чтобы снять разбитое оборудование.

– Это означает, что они пришли не за этим, – сказал я. – Не забывайте, Рипли была оплодотворена эмбрионом Чужого на этой лодке, и на борту должен быть по крайней мере один лицехват.

– Точно, – сказал Бакс, – но я думал, научные экспедиции «Ви-Ю» уже всё перерыли.

– Возможно, они что-то упустили, – сказала Лулу, пожимая плечами.

– Возможно, у этих парней лучшие методы сбора данных – сказал я. – Ты же знаешь, как работают в «Джингти Лонг». Они всегда используют странные методы в подходе ко всему. Они перепрыгивали планку в развитии технологий уже много раз, и возможно, нашли решение задачи, с которой не смогли справиться умники из «Ви-Ю».

Скорее всего, это было правдой. Конечно, «Вейланд-Ютани» была большой акулой на рынке технологий, но то, что «Джингти Лонг» постоянно следовала по пятам, объясняло многое. Я читал об одной операции, совместно проводимой некими структурами «А» и «Б», вперемешку со шпионажем высокого уровня.

Бакс и Лулу посмотрели на лодку, затем на завод и на меня.

– Что ты пытаешься сказать? – начала Лулу. – Что вся заварушка из-за того, что эти засранцы пытаются выращивать Чужих?

– Ксеноморфов, – поправил Бакс, но Лулу его проигнорировала.

– Возможно, – сказал я. – Мы не знаем точно, но я думаю, нам лучше с этим разобраться прежде, чем они наделают глупостей.

Как только мы сдвинулись с места, я почувствовал нарастающий ледяной ком в желудке. Сид много рассказал нам о Ксеноморфах, они были реально жуткие зубастики. Убить их нереально трудно, к тому же эта их кислотная кровь и выпрыгивающая глоточная челюсть, да и вообще они сильные и экстремально злобные твари. Если бы все их грехи заключались в убийстве экипажа грузового корабля или безымянных заключенных на заводе, меня бы это нисколько не тревожило; но они уничтожили целый взвод морпехов на Ахероне. В нашу миссию входила защита любых образцов, – полностью или частично, и всего, что относилось к лабораториям «Ви-Ю». Но что было сложно, это проследить, чтобы эти твари не размножились. Это было бы преимуществом в соревновании, которое наша команда провалила, что могло вылиться в нечто гораздо худшее, если «Джингти Лонг», пополнив свои лаборатории, разработала биологическое оружие. Это могло отразиться не только на экономическом балансе власти. С Ксеноморфом на поводке «Джингти Лонг» могла бы начать – и, скорее всего, выиграть –

войну.

Мы использовали мусор, чтобы замести следы, но тут Бакс похлопал меня по руке и кивнул в сторону камер наблюдения, вмонтированных по краям корабля «Джингти Лонг». Маленькие сенсорные датчики не подавали признаков жизни. Я огляделся. Все рабочее освещение в лагере работало, но за иллюминаторами корабля отсутствовало какое-либо движение.

– Это хорошо или плохо? – спросил Бакс.

– Ничего хорошего здесь нет, – сказал я.

Мы полностью осмотрели корабль, но не нашли никаких признаков активности. Обшивка двигателя все еще была теплой, но это могла быть система подогрева, так как перезапуск этой малышки займет больше времени, да и будет дешевле, если оставить его работать на холостом ходу. Мы закончили нашу разведку у заднего люка, и здесь мы нашли кровь.

Много крови.

Слишком много.

Мы остановились и встали на краю широкой лужи. Было очевидно, что это кровь не одного человека. Шесть, может быть, семь. Лулу встала на колени и указала рукой на сотни крошечных островков в этом озере красного. Оболочки.

Там были и куски мяса.

Я услышал, как Бакс забубнил молитву:

– Ом Гам Ганапатайе Намаха.

Это была молитва о защите индуистскому богу Ганеше, который убирает препятствия и предлагает защиту. Лулу молчала. Она, в общем-то, не верила ни во что, но понимала, что сейчас не время насмехаться над кем-то, кто просит о поддержке. Сложно быть атеистом, особенно на планетах так далеко от дома.

Мы посмотрели на задний люк. Он был приоткрыт, через отверстие около пятнадцати сантиметров не видно ничего, только кромешная тьма. За исключением дверного прохода с кровавым отпечатком руки.

И это не был отпечаток руки человека.

* * *

Мы стояли, направив оружие на дверь. Никто из нас не проронил ни слова.

Признаться, мне было страшно. Нам всем было страшно.

Китайская команда прибыла сюда выяснить, что упустили ребята «Вейланд-Ютани». Возможно, яйцо. Лицехвата. ДНК. Что-то.

И они нашли это.

Или оно нашло их.

Я пытался быстро проанализировать события, используя полученную перед заданием информацию. В общем, если мы что и знали, так это то, что Ксеноморфы быстро росли. Очень быстро. У того, который был на «Ностромо», весь цикл превращения из яйца в новорожденного, а затем в полноценного убийцу, занял чуть меньше дня. Страшно подумать. Страшно подумать, учитывая то, что на корабле «Джингти Лонг» было семьдесят или более человек.

Хотя, как бы они вырастили Чужого?

Нашли яйцо, спрятанное на спасательной шлюпке? Навряд ли. Наши ребята не пропустят такого.

Хотя…

Когда Рипли спаслась с разбившегося корабля, это было незадолго до того, как на руднике начались убийства, и даже задолго до того, как прибыла первая команда «Ви-Ю». Мы знаем, что один из лицехватов находился внутри Рипли, так как она была беременна. Ну или, как там еще назвать то, что с ней произошло.

Должен быть второй лицехват, потому что Ксеноморф начал убивать всех подряд на заводе.

Был ли там третий? Четвертый?

Сколько их прибыло на Фьюри с Рипли, Хиксом и девочкой? Сколько выжило после крушения? Сколько сбежало в замерзшую пустошь этого мира?

Это ли обнаружили китайцы? Прибыли ли они сюда в надежде найти нечто, что сбежало со спасательного челнока?

Этот отпечаток казался насмешкой, ироничным посланием, которое говорило, что каждый, кто вовлечен в эту операцию, глуп. Самоубийственно глуп. Даже учитывая то, что мы знали об этих тварях, мы их недооценивали. Снова, и снова. На «Ностромо». На Ахероне. На «Сулако». На Фьюри 161.

Ошибки на каждом шагу, потому что цивилизации, технологически развитые, как мы, совершают такие ошибки. Как они это называют? Высокомерие? Что-то в этом роде. Мы думаем, что мы умнее, чем Природа, но разве это когда-либо было правдой? В двадцать первом веке нам пора уже выучить этот урок; все болезни возвращаются, хотя мы думали, что давно победили их. А все потому, что люди неправильно использовали антибиотики. Какие были показатели смертности в 2020–2030-х годах? Шестьдесят пять миллионов? Что-то типа этого. Тоже самое с первыми колониями на Марсе, когда люди думали, что справятся с проблемами радиации и ростом бактерий во льду. Я

был там однажды на кладбище. Из пятидесяти первых отправленных на Марс колонистов, сорок восемь умерло от рака и инфекции, вызванной неизвестной бактерией.

Мы идиоты. Уже долгое время.

– Что делаем, босс? – спросил Бакс, но я не ответил ему сразу. Вместо этого я поднял голову от открытой двери к облакам. Нашей миссией было не только обезопасить место, но и все биологические образцы.

Образцы чего?

– Господи, – сказал я, и остальные быстро посмотрели в мою сторону.

Я направил свое оружие на линию темноты между дверью и люком.

– Послушайте меня, – сказал я мягко. А потом рассказал им все то, о чем я подумал тогда. Все до единого. Они стояли, как вкопанные, и слушали.

– Босс, мы не играем в политические игры, – сказал Бакс.

– Я знаю.

– Мы здесь, чтобы выполнить нашу работу, – сказала Лулу.

– Я знаю.

Внутри корабля раздался крик. Истошный вопль человека. Крик боли. Судя по происходящему, как будто что-то произошло с телом и душой кричащего, а его сознание не могло ни остаться, ни сбежать. Потом голос прокричал что-то на китайском, ни один из нас не понял. Хотя нет, поняли. Не слова, значение. Содержимое. Это была молитва. Человек кричал так пронзительно, что было трудно разобрать, мужчина это был, или женщина. Пронзительный вопль, который просил даже не жалости. Он умолял о свободе. Крик становился все громче и громче, а затем растворился.

Тишина.

Абсолютная и пугающая.

Бакс облизал губы:

– И они хотят, чтобы мы привезли это на Землю?

– Да, – кивнул я.

– О боже, – сказал он.

– Да.

Бакс крепко держал свое оружие, но сделал шаг назад. Это было не отступление, а, скорее, заявление о намерениях. Лулу дернулась в его сторону.

– Что ты делаешь? – требовательно спросила она.

Бакс не ответил, но сделал еще один шаг назад.

– У нас есть работа, которую нужно выполнить.

– Да, есть, – подтвердил я. Лулу повернулась ко мне, хмурясь

– что-то в моем голосе ей не понравилось. Она попыталась что-то сказать, но тут из тьмы раздался новый звук. Что-то похожее на визг. Высокий, но не человеческий.

Мы прислушались. Звук раздался снова, на этот раз ближе.

– Босс?.. – спросила Лулу, и на этот раз в ее голосе было сомнение.

Еще один крик, и другой. Нет… два крика, перебивающих друг друга. Там не одна тварь. Мы прислушались. Мы их слышали.

Их.

Крики, сливающиеся с царапающими, дребезжащими, щелкающими звуками. Что-то приближалось по направлению к нам из тьмы за этим узким проходом.

– Они хотят, чтобы мы доставили это на Землю.

В этот раз это были слова Лулу. Ее голос был прерывистым. Вся бравада испарилась. Когда я повернулся к ней, она стояла позади Бакса.

– Да, – сказал я.

– Нет, – сказала она.

– Нет, – сказал Бакс.

Я вскинул винтовку к плечу.

– Нет, – сказал я.

Аварийный вызов
Джеймс А. Мур

Перкинс смотрела прямо на Каллахана, как вдруг ее голова взорвалась внутри сверхпрочного защитного шлема. Ее глаза на мгновение вздулись, а затем размазались вместе с кровью и серым веществом мозга по внутренней стороне смотрового стекла, стекая вместе с кусочками черепа.

– Ах ты, мать твою! – выкрикнул Фо свой обычный боевой клич и дал очередь по металлическому чудовищу, вдруг возникшему у них на пути. Его плазмотрон «ПАР-320» прожарил горячими импульсами обжигающей плазмы всю окровавленную конечность чудовища, которое по-прежнему пыталась сорвать с Перкинс ее броню. Женщина была уже мертва, но в ушах Каллахана все еще слышались ее крики.

Три часа назад они направились к обитаемой системе Лиддивелл, чтобы отдохнуть и набраться сил, а всего десять минут спустя получили сигнал бедствия от «Шинаме Мару». Будучи Колониальными морпехами, они отправились на помощь, хотя большинству предстояла ротация, и они уже предвкушали,

как вскорости снимут свое вонючее боевое облачение. Чиновник из компании «Вейланд-Ютани», владеющей потерпевшим крушение кораблем снабжения, обещал премию в случае быстрого выполнения работы, а деньги, как известно, никогда не бывают лишними.

Снаружи корабль выглядел вполне нормально, если не считать бьющие в глаза огни, исходящие непонятно из какого ада, его сокрушившего. Это не был корабль известного типа, но, по словам капитана, он был больше видимой части и, по крайней мере, его половина излучала свет в той области спектра, который был недоступен человеческому глазу. Излучение, вызывающее боль, было невидимо, но могло сжечь незащищенную сетчатку за пару минут.

Ответственный чиновник из «Вейланд-Ютани» также хотел получить образцы этого. За это были обещаны еще большие премии, а Каллахан любил стимулы в работе.

Все это, однако, потеряло смысл, как только существо, появившееся изнутри корабля, напало для них.

Десять минут назад они оценили ситуацию по имеющейся скудной иформации: что бы ни сокрушило «Шинаме Мару», – никто не мог сказать, намеренно или нет, – офицерский состав был уничтожен, пилоты, скорее всего, погибли, командный центр разрушен, а большая часть оставшегося в живых экипажа заперта на корме вместе с оборудованием, предназначенным для начала терраформирования планеты назначения. Как минимум, пятнадцать человек погибли или пропали без вести, и корабль продолжал терять атмосферу там, где пробоины не были заделаны оставшимися в живых членами экипажа.

Спецподразделению предстояло жаркое дельце, и они шли на задание в полном боевом облачении, но с минимальной визуальной поддержкой – излучение, угрожающее головам морпехов, также нарушило работу камер их защитных шлемов. Дю Марист, руководитель операции, делал все, что мог, но он мало что мог, кроме того, что можно было наблюдать снаружи «Шинаме Мару». И этого пока что было достаточно, чтобы понять – произошло нечто большее, чем оно казалось с первого взгляда.

Все, что они увидели за две минуты, проведенные внутри, это кровь, замерзшие куски разорванных тел, разрушенные механизмы и обломки, крутящиеся вихрем по основной палубе. Искусственная гравитация не работала, и все, что не было закреплено на своих местах, носилось вокруг членов отряда с разными скоростями. Можно было подумать, что морпехи находятся внутри большого стеклянного шара с искусственным снегом, оказавшегося в руках сумасшедшего гиганта.

Магнитные захваты на ботинках могли удерживать их на любой поверхности, но большинство просто по привычке выбирало пол для того, чтобы перемещаться. Действовать в тяжелом защитном скафандре куда легче в условиях половины стандартной гравитации.

Перкинс уже подключила свою портативную станцию к корабельной системе, и пыталась оценить детали ситуации, как вдруг металлическая конечность, подобно телескопической антенне, вытянулась во всю длину вдоль коридора, ведущего к пробоине, и продырявила насквозь закаленную броню ее шлема, а заодно и голову. Фо, один из самых больших парней, известных Каллахану, изверг свое знаменитое ругательство и начал стрельбу. Похоже, настало самое время присоединиться к заварушке.

Плазменные вспышки пронеслись вдоль коридора и прожарили насквозь все то, чего коснулись. Вспышки оказались не очень большими, как и должно было быть в закрытом пространстве, но они сделали свое дело достаточно хорошо. Случайный импульс плазмы расплавил броню Перкинс на ее ноге. Сама женщина была к этому моменту уже слишком мертва, чтобы пожаловался на товарища, но и схватившее ее существо, казалось, это не очень обеспокоило. Металлическая конечность продолжала тащить тело внутрь корабля в сторону пробоины.

«Шинаме Мару» был самым заурядным кораблем промышленного класса для транспортировки грузов. Стандартные префабрикованные переборки имелись лишь в жилых помещениях и в местах работы экипажа, остальная же его внутренность была сделана в основном из металла с его достаточной изоляцией там, где нужна была защита служебных трубопроводов от неловких человеческих рук.

Они бежали за тем, что осталось от Перкинс, а перед их глазами мелькало белое полимерное покрытие стен.

Капитан Огамбе выкрикнул по внутренней связи:

– Осторожнее! Не дайте убить себя на охоте, придурки!

Огамбе был таким же солдатом, как и они, и они обычно слушались его. Однако существо, прикончившее Перкинс, убило одного из них, и это событие оставило дурной привкус во рту Каллахана. Фо участвовал вместе с нею более чем в пятидесяти миссиях и называл ее «младшая сестренка», если, конечно, не был озабочен ее раздеванием.

В общем, Фо был просто вне себя.

Он атаковал тварь, стреляя вдоль коридора правого борта. Левый борт разделялся вблизи переходного шлюза, и там оставалось много пространства для спальных отсеков и кают-

компании. Светящееся существо пробило корпус со стороны правого борта.

Магнитные ботинки морпехов лязгали не совсем обычно – они блокировались не полной силой тяжести, а лишь примерно половинной, так что бежать было куда проще обычного. Фо прибыл из колонии, где сила тяжести была почти наполовину больше, чем стандартная земная, и удивительно, что он еще не разбил себе голову о потолок на бегу.

За ними двигалось все остальное подразделение, и почти каждый из них, не стесняясь выражений, изливал свои чувства по внутренней связи по поводу того, что он готов сделать этому Ксеноморфу, убившему Перкинс.

Каллахан делал все возможное, чтобы держать себя в руках. Злость приводит к неосторожности. Немного злости – это неплохо, помогает держать тебя в форме, но если ее становится больше, это может отвлечь твое внимание.

Фо пришлось вспомнить об этом, когда вторая конечность точно на шарнирах выкатилась из коридора впереди них и попыталась продырявить его. Морпеху удалось увернуться, и он отделался длинным порезом на груди. Это была лишь скользящая рана, и нановолокна немедленно начали восстановление броневой ткани, затягивая появившиеся отверстия. И это было замечательно, иначе хватило бы двух минут, чтобы погибнуть от радиации и недостатка воздуха.

Как бы то ни было, это происшествие остудило Фо, и его гнев снизился до приемлемого уровня.

– Чертово дерьмо! – только и проворчал он.

– Притормози, – Каллахан замедлил ход, осмотрел компаньона и одобрительно кивнул – броня выполняла все предписанные ей функции. На броне у Фо было написано несколько китайских иероглифов, и он понял, что некоторые явно придется потом подправить. Череп, нарисованный над защитным стеклом шлема, смотрел на Каллахана с такой же яростью, как и глаза Фо.

– Идем за ней!

– Она мертва, приятель, – Каллахан покачал головой. – Мы идем за ней, но не надо так торопиться. Капитан прав. Если тебя убьют, это не принесет тебе никакой пользы.

Он проверил обойму и приготовил боезапас. Еще десять выстрелов, и придется доставать новую обойму. Не так-то легко в громоздких доспехах, но именно по этой причине он давно освоил этот маневр.

Фо оглядел его с головы до ног, и через смотровое стекло было видно, как двигалась его голова:

– Я в порядке.

– Тогда вперед.

Остальные быстро догоняли их, и если бы они остановились, им пришлось бы вернуться в строй. Теперь они напоминали собак, спущенных с поводка. Догони эту пару Огамбе, он бы не позволил своевольничать. Когда операция будет завершена, каждый получит по заслугам, но капитан понимал – пока что не следует сильно ругать тех, кто слишком разыгрался, если они разыгрались на пользу команде.

С точки зрения Каллахана, они просто вызвались добровольцами в разведку.

Фо встал и встряхнулся. По краям новых заплаток на его доспехах было немного крови, но они держали давление, и можно было не опасаться кровопотери. Он был не настолько глуп, чтобы пробовать бежать со слишком глубокими ранами.

Итак, они продолжили движение. Магнитные ботинки снова загремели и залязгали, и оба морпеха включили нашлемные фонари, чтобы иметь лучшее представление о том, что впереди. Этого было достаточно, чтобы замедлить продвижение.

Коридор был какой-то неправильный – только таким словом можно было описать его. Переборки потеряли форму, как будто что-то заставило их пойти пузырями и потрескаться. Те стены, что были ближе к ним, казались нормальными, но всего в десяти футах от них материал стен вздувался и пузырился наружу, как будто покрытое волдырями тело.

– Долбаные стены. Можно подумать, у них герпес, – сплюнул Фо.

В воздухе все еще было много инородных частиц, некоторые из которых раньше были людьми. Было достаточно холодно, чтобы заморозить мясо, кровь и кости, и вся эта мерзость все еще носилась по коридору, напоминая окровавленную метель.

За этой «метелью» трудно было увидеть то, что они искали.

– Оно возвращается – то, что утащило ее. Бьюсь об заклад.

– Почему ты так думаешь? – Фо хмуро посмотрел на товарища.

– Оно утащило ее не без причины. Оно зарежет любого, кого захочет, и это оно порвало Перкинс. А сейчас оно возвращается.

– У меня есть граната.

– У меня тоже, но я не хочу взорвать корабль. Компания такие вещи не одобряет. – Каллахан снова пошел вперед, прищурившись и стараясь разглядеть что-нибудь за кровавым месивом в воздухе и не желая особо о нем думать. – Кроме того, я хочу получить бонус.

– Бонусы не имеют значения для мертвецов.

– Не планирую умирать.

Вдали замерцали огни того же типа, что они видели за бортом корабля. И от этих проблесков каждый кусочек внутри крутящегося месива из обломков кораблекрушения на их пути сразу засверкал черным и белым перед тем, как снова стать разноцветным.

– Мои глаза! – Фо зажмурился и продолжил движение. Каллахан следовал за ним, пытаясь укрыться от слепящих вспышек за массивным телом своего напарника, но даже заслон Фо плохо помогал. Он слышал о специальных смотровых стеклах, которые автоматически компенсируют избыток светового излучения, но в стандартный комплект они не входили, и надо было покупать их за свои деньги. Если бы премии на это хватило, вот тогда…

Металлическое существо с грохотом прокатилось по коридору на большой скорости, и оба морпеха инстинктивно пригнулись. На твари можно было различить сочленения, но в основном это было только длинное металлическое щупальце с отводками-кабелями. Кое-где по всей длине щупальца имелись участки, где металла, казалось, не было, а в других местах трудно было что-то толком разглядеть из-за слишком яркого света.

Фо все равно выстрелил и пробил в существе три дырки достаточно близко друг к другу для того, чтобы расчленить его пополам.

Та половина, что уже прошла мимо них, отскочила и заелозила из стороны в сторону, заполняя собой коридор. Другая половина, та, которая уходила вглубь дальше по коридору, продолжала движение.

Фо вскочил, вслед за ним Каллахан, и они помчались по коридору, стремясь увидеть, откуда растет конечность. Она скользила мимо людей, и если Фо не ошибался, она была более тридцати метров в длину.

Позади вспыхивали огни, но это были совсем другие огни. Морпехи сразу поняли это, когда увидели их – это были отсветы плазменных залпов.

– Чертовски надеюсь, что они нас не подстрелят!

Прежде, чем Каллахан успел ответить, чудовище напало.

Оно было достаточно крупным, чтобы заполнить бóльшую часть коридора, но он понял, что не все его части можно разглядеть, и это совсем не обнадеживало.

Трудно сказать, из чего оно было сделано, зато видно было, что его покрывает запекшаяся черная кровь и что-то еще более кошмарное. У него было так много конечностей, что сразу и не сосчитать, и большинство из них казались намного короче того

телескопического щупальца, которое Фо разрезал пополам. Они были всех форм и размеров, и около половины из них долбили стены, вгрызаясь в пластик, чтобы получить точку опоры, пока само существо прокладывало путь к людям, выгибаясь и глухо бухаясь о пол и стены.

Не сосредоточивая внимание на всем существе, Каллахан прицелился в те его части, которые были освещены, и открыл огонь. Фо, со своей стороны, пытался изрешетить поверхность приближающегося к ним монстра. Казалось, однако, ни тот ни другой не смогли нанести существу большого вреда, наоборот, оно еще прибавило хода.

При каждом движении чудовища интенсивность света возрастала.

Оно было лишено симметрии. В движущихся частях этого создания прослеживалось так же мало смысла, как и в огромном количестве отростков, которые оно использовало для перемещения вперед.

Внезапно одна из конечностей твари взметнулась и отрубила руку Фо чуть ниже плеча. Металл окрасился красным, морпех закричал, а его горячая кровь брызнула во все стороны. В это время другая конечность существа вытянулась и обхватила Фо тремя металлическими пальцами, похожими на костяшки скелета, потянув его к своей основной массе. Доспехи Фо снова начали свою работу, и нановолокна стали затягивать раны в броне, возможно даже затягивая при этом источник кровотечения.

На этот раз Фо не успел выстрелить. Кровопотеря была слишком внезапной, а рана слишком серьезной. Он был либо в шоке, либо потерял сознание. Каллахан оглянулся, не подошло ли подкрепление:

– Эта проклятая дрянь только что схватила Фо! Где кто-нибудь?

Бендез и Огамбе бежали к нему по коридору, и голос капитана зазвучал по внутренней связи:

– Остальные ищут другой маршрут. Мы хотим обойти его с фланга, если это возможно.

Огамбе быстро принял командование и большими шагами двинулся вперед мимо Каллахана. На вооружении капитана была штурмовая пушка «Хемминг 450», и он встал понадежнее, чтобы не отшвырнуло отдачей, перед тем, как выпустить из нее десять зарядов.

С каждым залпом металлическое чудовище перед ним содрогалось и отступало, и каждый залп сдирал с тела механического зверя все новые порции его плоти. Большие порции. К тому времени, как Огамбе закончил свою работу, в

твари стали видны несколько новых отверстий, которые не имели ничего общего с сияющими огнями.

Капитан оглянулся, и Каллахан почувствовал, что он очень рассержен:

– Ты не хочешь рассказать мне, где Фо?

– Ублюдок схватил его, это все, что я знаю.

Существо снова пришло в движение, и снова замерцали огни. Оба – и Бендез, и Каллахан – вздрогнули от боли, но Огамбе продолжал идти вперед. Обзорное стекло его шлема потемнело – кое-кто оказался достаточно умен, чтобы взять на вооружение новую технику еще до встречи с проклятым чудовищем. Заняв устойчивую позицию, капитан снова открыл огонь и выпустил еще десять зарядов.

– Один из вас, ко мне, прикройте меня! Я должен перезарядиться!

Каллахан выдвинулся вперед, на ходу выбросив пустой магазин и вставив в оружие новый. Огамбе занимал много места, но в коридоре оставалось достаточно пространства для маневра. Каллахан облокотился на стену и открыл огонь, целясь в то темное место, где машина была уже повреждена. Каждый залп освещал внутренность существа. Он успел увидеть доспехи Фо, находящегося в его центре, но было поздно – плазменный залп уже был произведен, и морпех увидел, как пламя прожгло насквозь броню товарища, словно это было масло. Если Фо был еще жив, то Каллахан убил его.

Полученного, казалось, было достаточно для существа. Оно уползало назад, скользя по коридору в том направлении, где мерцали чужие огни.

Огамбе выругался, а Каллахан просто смотрел и молчал.

Проклятье! Тело Фо сгорело вместе с его доспехами. Нет никакого сомнения в том, что он сам только что убил своего друга.

Пока он смотрел, с уничтоженным им существом произошла удивительная метаморфоза. Оно развалилось на три отдельные части, куда втянулась вся его оставшаяся масса. У каждой части было много механических конечностей, и каждая немедленно изменяла форму. На глазах морпехов части существа сами собой разглаживались и придавали себе новые формы, как будто высококлассный скульптор с легкостью лепил эти формы из глины. Все конечности теперь располагались впереди, и большинство из них колыхались в невесомости, как будто это были лапки насекомого, а в это время каждая часть развалившегося существа пришла в движение по направлению к каждому из троих людей.

За ярким светом огней Каллахан мог различить за основными телами существа что-то наподобие толстых канатов и какие-то механические поршни и шестерни, которые двигались слишком быстро, чтобы разобраться в деталях.

Долго думать о Фо не было времени – речь шла о том, чтобы драться или умереть, а он не собирался умирать.

Плазменные заряды сожгли все на своем пути, но проклятое существо, казалось, и из этого извлекло урок. Оно переместило основную массу своих движущихся частей с пути Каллахана, и ему пришлось сменить позицию. Металл горел, несколько обезумевших конечностей расплавились и потеряли форму, но Каллахан должен был отступать, и вся масса – полтонны металла, нацеленного на измельчение его тела вместе с доспехами – напала на него.

Огамбе снова открыл огонь, и его снаряды разорвали на куски основное тело той трети чудовища, которое его преследовало. И все же оно продолжало идти вперед, и то, что осталось от него – в основном зубчатые лезвия из кусков стали, – смогло дотянуться до груди капитана и чуть не размазало его по ближайшей стене. Стена прогнулась вместе с доспехами Огамбе. По внутренней связи был хорошо слышен его сдавленный стон и треск ломающихся ребер.

Бендез выполнил свою задачу лучше. Вместо импульсной пушки он был вооружен плазменным резаком. Такие штуковины были разработаны для прожигания металлических корпусов, и морпех использовал свой, чтобы разрезать нацеленную на него треть существа почти пополам. Сила отдачи заставила его отпрянуть, но и нападающий остановился, очевидно, потеряв дееспособность.

Теперь оставшиеся две трети существа готовы были пойти в атаку на Каллахана:

– В сторону! Бросаю! – не говоря больше ни слова, он выдернул чеку из своей единственной гранаты и швырнул ее вдоль коридора в сторону огней.

– Каллахан! Подожди! – слова Бендеза прозвучали слишком поздно.

Нулевая гравитация облегчала задачу – металлический шар гранаты прокатился гораздо дальше, чем можно было ожидать в обычном гравитационном поле. Он докатился до ярко светящихся огней, от которых глаза будто кровоточили, а затем слепящий свет изменил свой характер. Нет, он остался таким же ярким, как прежде, но только в части видимого спектра. Все, находящееся снизу от точки взрыва, окрасилось ярко-белым от этого ослепительного блеска, и те части, которые морпех не мог видеть,

сразу плавились от сильного жара, не успевая материализоваться. Все три конечности, выдвинувшиеся ранее из основного тела, расплавились более чем на половину своей длины, а остальные их части потеряли активность и беспомощно плавали в невесомости, царившей на корабле.

– Какого хрена вы там творите?! – послышались крики по внутренней связи. – Собираешься сжечь нас заживо?!

– Это другой коридор, Каллахан, – сказал Бендез. – Они идут по другому коридору. Проверка состояния! Эй, парни, вы живы?

– Мы живы, но кому-то я здорово надеру задницу, когда мы закончим с этим! – это была Роллинз, и она не шутила.

– Уничтожь этого ублюдка! – послышался чей-то голос, и за этим немедленно последовал результат: внизу, там, где Каллахан расплавил видимую половину чудовища, плазменный огонь потоком обрушился на чужой механизм.

В совершенной вселенной гигант, которого они уничтожали, несомненно, уже давно бы выгорел дотла. Однако чем бы ни было это проклятое чудовище, его явно создали для того, чтобы выживать в экстремальных условиях космоса. Часть его расплавилась, это правда, а часть засохла и превратилась в шлак в этом пекле. Остальная же часть существа отреагировала так, как будто его только что прокалили, и выплеснула еще больше света, видимого лишь отчасти, а затем породила нечто совершенно иное. Из существа потекла волна густой субстанции, покрывая собой стены коридора и направляясь к людям.

Каллахан схватил Огамбе и потащил назад, направляясь обратно к шлюзовой камере и коридору, ведущему к их кораблю. Волосы на его голове встали дыбом, а телу стало холодно, как будто оно покрылось гусиной кожей. Что бы ни было им уготовано, не стоило ждать ничего хорошего в этом аду.

Огамбе был жив, но стонал от боли. Явно сломаны ребра и, похоже, внутреннее кровотечение вдобавок.

Бендез шел прямо за ним.

Есть время драться и время бежать, но когда тебя захлестывает волна дерьма, приходит время отступать.

Они дошли до места, куда еще не добралась излившаяся субстанция, и Бендез оглядел свои ноги:

– Дерьмо меня всего захлестнуло.

Каллахан тоже посмотрел на него:

– Оно что-то делает с твоей броней. Вернись на корабль и смени скафандр, Бендез. Возьми Огамбе с собой. – Та субстанция, которая накрыла товарища, была полупрозрачной, и через нее пробивались тонкие волокна. Там, где эта масса касалась брони Бендеза, та лопалась и поглощалась субстанцией. Броня не то,

чтобы таяла, но если Каллахан был прав, она не могла держать воздух слишком долго.

Бендез кивнул и стянул с руки резак:

– Возьми это. Должно помочь.

Каллахан кивнул и подхватил оружие. Бендез двинулся назад.

Послышался голос Дю Маристе. Руководитель операции так долго молчал, что он даже забыл о нем.

– То, что вы сейчас сделали, сильно его разозлило, и теперь оно заливает какой-то дрянью корабль снаружи. Что бы оно ни было, это наносит большой вред корпусу.

– Оно поедает корабль, – тихо сказал Каллахан с ужасом в голосе.

– Что?

– Эта субстанция. Я видел броню Бенни – она изменила ее поверхность. Думаю, это дерьмо поедает корабль. Поедает все, чего касается.

Он внимательно осмотрел поверхность, затронутую субстанцией.

Дю Маристе заговорил снова:

– За каким чертом оно это делает?

– Оно производит ремонт. Я думаю, оно хочет восстановить себя.

Кто-то закричал по внутренней связи, и, перекрывая этот крик, Роллинз сказала:

– Оно определенно что-то делает. Мы пытались убрать его с Моретти, но, кажется, слишком поздно, – ее голос прозвучал излишне спокойно.

Свет снова стал ярче, и существо, уже подступавшее к Каллахану, снова пустилось по коридору. В нем были заметны изменения – оно адаптировалось к окружающей среде. Вместо многих конечностей оно сотворило себе тяжелый панцирь, по большей части из того же материала – морпех видел на нем следы ожогов от предыдущих плазменных атак. Существо катилось вперед, толстые пластины брони виднелись спереди и по центру. А еще оно вооружилось. Внутри были видны останки Фо, застрявшие там, расплавленные и исковерканные. Единственное, что уцелело – это импульсная пушка, все еще сжатая в руках погибшего друга. На одну невыносимую секунду Каллахан испытал страх, что проклятое чудище может прицелиться в него и выстрелить. Ему пришлось подавить смех, порожденный не юмором, а чем-то, граничащим с безумием.

Позади массы, которая приближалась к нему, Каллахан увидел хорошо знакомую вспышку плазмы. Чтобы породить такое

зарево, должна была палить половина отряда, но он не мог видеть товарищей – только результаты их атаки. Обгоревшее, разбитое и вновь восстановившееся существо, направлявшееся, чтобы убить его, вздрогнуло и остановилось.

Каллахан открыл рот, чтобы начать говорить, но Роллинз опередила его:

– Оно остановилось, но ненадолго. Что мы будем делать с этой чертовой штукой?

– Что ты имеешь в виду? – спросил Дю Маристе.

– Я имею в виду, что Каллахан был прав. Оно пожирает корабль для того, чтобы самому себя отремонтировать. Там есть трубы, всасывающие все, что можно расплавить тем дерьмом, которое оно изрыгает, и по этим трубам подается питание непосредственно тем частям, которые оно само в себе строит. Я не знаю, с какой дьявольщиной мы имеем дело, но нам нужно поскорее убираться.

– Что скажешь, Каллахан?

– Я не такой проницательный, но думаю, нам придется отцепить основной груз, и пусть это существо или заберет остальную часть корабля, или разнесет его в пыль! Весь наш боезапас не сможет остановить его.

– Точно, мы уже видели, на что способна граната, – подтвердила Роллинз. – Она только разозлила ублюдка.

Тут заговорил Огамбе, и его голос звучал напряженно и устало:

– Сделай это. Роллинз, твоя команда должна встретиться с Каллаханом и запечатать замки. Очистите места стыков.

– Принято. Каллахан, мы заходим по левому борту, не подстрели нас, – да, она же собиралась надрать ему задницу, когда все закончится!

– Двигайтесь охрененно быстро! А я тем временем отвлеку эту штуку.

Свежая обойма с боеприпасами заняла свое место, но Каллахан держал плазменный резак Бендеза наготове на случай, если существо окажется слишком близко.

Слева от себя он заметил свет, отраженный шлемами идущего ему навстречу отряда. Справа увидел, как существо вздрогнуло и снова начало просыпаться. Какой бы вред они ему не причиняли, оно быстро восстанавливалось.

Каллахан подумал, сможет ли он добраться до него с плазменным резаком, прежде чем оно снова активизируется, но решил, что шансов слишком мало.

Роллинз шла впереди. Она смотрела на него, и в ее глазах он увидел ярость:

– Какого черта ты стоишь? У тебя же есть резак, так выжги замки! У нас нет времени на предъявление исков, – она указала на соединительные шлангокабели, которыми «Шинаме Мару» был пристыкован к своему грузу и оставшемуся экипажу корабля. В случае их нарушения протоколы безопасности блокируют поставки, и после этого возникает вопрос об использовании двигателей с обеих сторон для расталкивания корабля и груза в разных направлениях.

Пока они говорили, Патель начал захват порта, где начинала работу Перкинс. Свет, отраженный от экрана, скрывал лицо Пателя.

Каллахан кивнул и направился к шлангокабелю правого борта. Для того чтобы прожечь каждый капитально заизолированный замок, крепящий груз к кораблю, требовалось около минуты. Вспышка плазменного факела заставила его зажмуриться. Изоляция довольно быстро расплавилась, и, как только началась настоящая резка, металл и резина стали спекаться по мере их выжигания и замерзать в невесомости в виде статуй вольной формы, подернутых рябью.

– Спускайтесь, черт побери! – закричала Роллинз, и Каллахан невольно оглянулся. Существо, которое они, казалось, остановили, снова начало атаку на них, отряд изготовился к бою и открыл огонь.

Не было времени, чтобы наблюдать, он отвернулся и продолжал резать.

Послышался голос Дю Маристе:

– Компания предпочла бы иметь оставшийся корабль целым.

– Компания будет иметь его, если только мы уберемся отсюда! – зашипел встрявший в разговор Огамбе, а затем проворчал: – Эта дрянь идет на нас, и мы должны ее расколошматить.

Каллахан осмотрел свою работу и довольно кивнул: последние соединения первого шлангокабеля были разорваны.

– Полдела сделано.

Огни атакующего создания были настолько яркими, что нестерпимо мерцали перед глазами, как будто голубые призраки, а он все равно двигался вперед, понемногу продвигаясь к левому борту, в стороне от сражения.

С этой стороны он мог видеть, как наступает машина.

– Теперь заходит слева!

В существе появилось отличие – став на этот раз более текучим, оно быстро и плавно катилось вперед, а сверху на нем виднелся какой-то набалдашник. Он выглядел как настоящее дальнобойное орудие.

Роллинз уже отдавала приказы лающим голосом.

– Принято, – сказал Патель, – и через мгновение стена плавно скользнула вниз, перекрыв коридор. Она была мощной и герметичной.

Каллахан облегченно вздохнул и начал резать второй шлангокабель, автоматически уклоняясь от кусочков расплавленного металла каждый раз, когда они падали на его скафандр. Пока что броня держалась, но следовало быть осторожным.

Новая стена левого борта содрогнулась.

Правый борт был погружен в жуткий свет, отблески плазменной дуги отбрасывали длинные тени на его пути, а затем их пожирал плазменный факел. Каллахан не был техником, он просто старался перерезать все, что мешало, и максимально быстро.

– Давай быстрее, Каллахан! Нам нужно вернуться на корабль, и как можно скорее!

– Я работаю так быстро, как могу, Роллинз!

– Все равно, работай быстрее!

Уоллестон вскрикнул от боли, а затем выругался. По крайней мере, он был еще жив.

– Готово! – последний провод был прожжен, и Каллахан выпрямился.

– Пошли! – сказал Патель. – Я сейчас взорву стыковочные захваты!

Стена левого борта светилась и начинала плавиться сверху. Она уже пошла пузырями в их сторону.

Каллахана не нужно было просить дважды. Он направился к запечатанному переходному шлюзу и увидел, насколько плохи дела по правому борту: двое его товарищей были ранены, один пропал, а двое не двигались. Остальные пятеро все еще отстреливались и отступали.

Патель проскользнул мимо него и застучал по клавишам управления переходного шлюза:

– Пошли, ребята. Давай! Давай!

Каллахан приготовил оружие и посмотрел на стену порта. Все должны были успеть убраться.

Подошли Роллинз и все остальные, они тащили за собой раненых. Кто-то из них – Каллахан решил, что это Мурно – потерял ногу. Защитный костюм красиво и аккуратно запечатал рану, но это мало помогало. Оторванная нога плавала вблизи расколошмаченного и на время обездвиженного монстра, который успел натворить столько бед.

За то время, пока Каллахан смотрел, густая жидкость

понемногу просочилась сквозь стены, окружающие сломанную машину. На стенах все более явно проступала сыпь, и они начинали пузыриться, превращась в какой-то строительный материал, пригодный для поедания этим проклятым существом.

Патель похлопал его по плечу:

– Пошли!

Они пробрались через переходные шлюзы на свой спускаемый корабль так быстро, как только могли. Когда все заняли свои места, Патель пробежал по клавишам управления на стартовой панели, а затем бухнулся напротив стены в своем толстом бронированном комбинезоне и спокойно произнес:

– Дю Маристе, мы готовы.

Ответ последовал незамедлительно: корабль пошел вверх, отшвыривая в сторону остатки цепляющихся шлангокабелей.

Как только они удалились на достаточное расстояние, Патель подорвал заряды, и огромный запас материалов, предназначенный для строительства еще одной колонии, отошел от «Шинаме Мару». Каллахан непроизвольно проводил взглядом корабль Компании. Более половины его корпуса как будто покрылось сыпью – адский пир на судне продолжался.

– Мы должны взорвать его.

Патель посмотрел на него:

– Зачем?

– Оно становится достаточно сильным, и если оно перестроит себя, то может попытаться догнать нас.

– Компания хочет, чтобы корабль остался целым.

– Они просто сумасшедшие.

Броня Бендеза была покрыта этой дрянью, и Каллахан подумал о том, что могло остаться от защитного комбинезона, и что случилось с жидкостью, которая поглощала его.

– Кроме того, я думаю, они уже получили свои образцы.

Ему ответила Роллинз:

– Да? Ну, что же, все мы любим стимулы в работе.

И в голосе ее была та же усталость, которую чувствовал в себе сам Каллахан.

Опасная добыча
Скотт Сиглер

Защитник прячется в тени.

Он ранен.

Он ждет.

Он слушает.

Его отряда больше нет, все убиты на охоте за опасной добычей. Защитник не чувствует знакомых касаний, не слышит опознавательных сигналов. Защитник чует запах отряда, но отличительные черты каждой особи заглушает однообразный запах смерти.

Защитник слышит и ощущает присутствие только одного существа – опасной добычи.

Носитель…

Почти непреодолимое желание атаковать переполняет защитника. Необоримая жажда захватить носителя, доставить его в колонию. Стремления такой силы, что они могут подавить все остальные.

Защитник предназначен для этого.

Но в то же время защитник испытывает другую, не менее настойчивую, потребность, вступающую в противоречие со стремлением захватывать – это как столкновение двух ураганов, которые пытаются поглотить друг друга. И это потребность предупредить колонию.

Защитник ждет.

По колебаниям почвы защитник определяет, что опасная добыча тоже ранена. Она издает блеющие звуки. Добыча ползет.

Защитник пытается услышать звуки шумовых жал. И не слышит. Он пытается услышать громкий топот опасной добычи. И не слышит.

И все равно он ждет, а его примитивный, но рациональный мозг обрабатывает столкновение двух этих стремлений.

Защитник – единственный выживший из всего отряда. Инстинкт диктует ему разную манеру поведения в группе и в одиночестве. В одиночестве защитник должен быть более осторожен. Если он будет слишком агрессивным и погибнет во время атаки, в колонии не узнают об угрозе.

Защитник прячется в тени. Невидимый. Неподвижный.

Защитник ждет.

Опасная добыча – это одновременно и носитель, и угроза. Угроза другим защитникам, колонии, Королеве. Угроза настолько серьезная, что оставлять ее в живых нельзя. Поэтому отряд решительно пошел в атаку.

Это был уже второй раз, когда защитник сталкивался с особями данного вида. В первый раз у добычи/носителей была мягкая оболочка разных цветов. И все носители были разного размера. Некоторые были большими, некоторые – маленькими. Некоторые могли жалить шумом. Но большинство – нет. Однако, когда бой был окончен, все выжившие носители издавали одинаковые блеющие звуки – признаки слабости и страха. Выживших забрали в колонию.

В этот раз носители – опасная добыча – выглядели одинаково. Все одного размера. У всех пестрая, зеленая оболочка с твердыми вставками, похожими на жесткий панцирь самого защитника.

В первый раз, когда защитник столкнулся с особями данного вида, добыча тут же разбежалась. Их собирали по одному или по паре за раз и доставляли в колонию. Защитник не привел ни одного – естественное стремление не было удовлетворено.

А во второй раз опасная добыча уже выступала как отряд. Они действовали согласованно в ходе всего сражения. Одно только это возводило их в ранг опаснейшей угрозы, даже не учитывая использование ими шумовых жал, оказавшихся такими разрушительными.

Отряд нанес удар, защищая колонию и Королеву.

В самом начале сражения защитнику повредили конечность. Два укуса шумового жала вывели ее из строя. К тому времени, как защитник оправился достаточно, чтобы вернуться в строй, весь его отряд был уничтожен, так же, как и большая часть опасной добычи.

Кроме одной особи.

Раненой, способной только ползти.

Колонию нужно предупредить. След нужно оставить. Донести предупреждение домой – это самое важное, то, что нужно сделать в первую очередь, но есть еще основная, примитивная потребность…

…всепоглощающая, естественная потребность расширять колонию.

Защитник ждет.

Защитник слушает.

Защитник ощущает.

Наконец, убедившись, что ползающий и блеющий носитель один, защитник возникает из тени и молча приближается.

Опасная добыча слишком слаба, чтобы сражаться. Она блеет громче, чем прежде. Могут ли особи ее вида прийти на этот звук?

Два стремления, как две приливные волны, сталкиваются друг с другом – выжить и предупредить… расширять колонию.

Защитник удовлетворит оба стремления.

Он неуклюже поднимает блеющую добычу здоровой конечностью. Носитель кажется таким плотным. Носитель меньше защитника, но тяжелее.

Защитник направляется в колонию. По пути он волочит хвост по грязи и камням, отмечая запахом путь для других.

Защитник не способен чувствовать счастье. Или грусть. Или злость. Он возвращается в колонию, потому что предназначен для этого.

Вскоре он различает низкочастотный гудящий звук, напоминающий жужжание. Защитник чует «свой» запах – тот, который отличает колонию защитника от колонии любой другой Королевы.

Защитник знает, что слабеет. Ему нанесен серьезный ущерб, и состояние все ухудшается.

Он знает, что долго не проживет, но точно проживет достаточно, чтобы доставить предупреждение – и носителя – в колонию.

* * *

Защитник несет опасную добычу к главному входу в колонию.

На протяжении всего пути добыча едва подавала признаки жизни, но теперь начинает сопротивляться. Однако, она слишком слаба для сопротивления. Защитник недоумевает, как такое тяжелое существо может быть таким слабым.

В колонии тепло. Спокойно. Она полна запахов: кислота, отходы, хитин, феромоны, отличающие отдельных особей, касты и группы. Она полна шума: низкое гудение воздуха в резонаторных полостях длинных голов защитников, звенящее шипение тесного общения, бесконечное постукивание когтей и хвостов по продуктам жизнедеятельности, из которых, в основном, и состоит колония.

Другие особи замечают защитника, замечают, что он несет. Они стекаются к носителю, трогают его, обнюхивают, иногда даже пробуют на вкус, слушают его странное блеяние. Защитник ощущает в них растущее волнение и беспокойство – им нужно идти, захватить еще носителей и доставить их сюда.

Защитник прижимает голову к стене с наростами из подсыхающих выделений особей его вида. Он жужжит, передавая сообщение. Низкочастотная вибрация передается по стенам, распространяясь почти на всю колонию. Это не слова, но сообщение всем понятно: новые носители.

На сообщение собирается еще больше особей. Намного больше. Они вылезают из дюжины отверстий.

Добыча сопротивляется попыткам ее потрогать. Пытается отвернуться от тянущихся к ней конечностей, но их так много, что ее лицо пропадает в этом черном водовороте.

Блеяние… громче, чем прежде.

Другие особи напирают так сильно, что защитник не может шевельнуться, он зажат телами тех, кто хочет узнать больше об этом носителе. Феромоны окутывают его, шум оглушает, колышущаяся черная масса наступает в неистребимой жажде обладания.

Если бы можно было выразить это словами, если бы существовал подобный боевой клич, то все ходы и выходы колонии сотрясало бы сумасшедшее: Расширить колонию…

Запах, оставленный защитником, приведет к месту сражения, которое находится рядом с ульем носителей. Однако запах указывает только направление, но не уровень опасности. Посредством резонаторной полости, занимающей большую часть черепа, защитник издает пять низких звуков, похожих на карканье, чтобы обозначить пятерых врагов, встреченных отрядом. Потом выдвигает внутреннюю челюсть и щелкает ею

особым образом. Так он указывает на способность опасной добычи убивать на расстоянии. Защитник резко подергивает своей длинной головой из стороны в сторону: шумовые жала распространяют вибрацию, отбивающую все чувства – следующий отряд должен быть готов к этому. И наконец, защитник испускает опознавательный запах, скопированный им с девяти мертвых особей из его отряда. Он добавляет к этому запах смерти, сообщая, что все они мертвы.

Мертвых защитников не будут помнить. Их упоминают только для того, чтобы другие знали: опасная добыча может убивать массово. Опасная добыча – это угроза для колонии; ее нужно захватить или уничтожить. Активность колонии возрастает. Смятение и агрессия, вызванные появлением новой угрозы, перемешиваются со всепоглощающей тягой захватить больше носителей. Особи лезут ближе, шипя и скрипя. Они карабкаются на стены, они скользят по потолку, они сбиваются в кучи, охваченные диким желанием, таким незамутненным и яростным, что оно граничит с безумием.

Они предназначены для этого.

Особи покидают колонию, двигаясь к улью добычи по запаху, оставленному защитником.

Защитник знает, что он должен сделать теперь.

Он тащит раненую добычу в глубь колонии.

* * *

Защитник приносит добычу к кладке яиц. Их охраняют две особи.

Нет, защитник не способен испытывать эмоции, но, бесспорно, при посещении этого места возникает определенное ощущение. Если выразить его одним словом, это слово будет надежда.

Здесь будущее колонии; оно в яйцах, усеивающих пол.

Больше запахов. Защитник идет туда, откуда доносится запах готовности, туда, где яйца в последней стадии созревания. Созревший переносчик внутри яйца, кажется, ощущает присутствие носителя. Защитник слышит шорох маленьких лапок, шевеление хвостов, готовых отправить переносчика к любому носителю, оказавшемуся поблизости от расколовшегося яйца. Переносчики издают тихие звуки, шлепая одной лапкой о другую, сообщая: Я готов, выбери меня.

Но одно яйцо не только трясется, подергивается и колотится.

Одно яйцо поет.

Опознавательный звук, который таким, как защитник, знаком только через вибрации стен и пола. Этот звук зовет защитника, притягивает его.

Да, это то самое яйцо.

Защитник слабеет. Ущерб слишком велик. Но ему хватает сил прислонить носителя к стене рядом с поющим яйцом. Добыча перестает блеять и сопротивляться. Защитник и две особи прижимают к конечностям добычи кусочки твердого материала и выплевывают на них слюну. Слюна мгновенно становится вязкой. И почти так же быстро затвердевает, фиксируя носителя на месте.

Добыча была опасна. Теперь она неподвижна. Теперь она укутана.

Скоро яйцо треснет. И переносчик закрепится на носителе.

Ноги отказывают защитнику. Он спотыкается, почти падая на другое яйцо.

Ущерб слишком велик.

Особи, находящиеся здесь, подходят ближе. Они трогают, они нюхают, они пробуют на вкус. Они испускают феромоны, но не сочувствия, а скорее завершенности. Защитник чует эти феромоны, ощущает их и понимает, что осталось еще одно действие, последняя возможность помочь колонии.

* * *

Слабый, неспособный больше двигаться, защитник доставлен к Королеве.

Защитник никогда раньше не был рядом с Королевой. Теперь, оказавшись здесь, он испытывает ощущение целостности. Свершения.

Королева великолепна. Королева – это альфа и омега.

И Королева… Королева умирает.

Защитник понимает, что его последнее действие поможет Королеве прожить подольше, а помощь Королеве – это помощь колонии.

Королева наклоняет свою огромную, красивую голову, дотрагиваясь ею до головы защитника. Королева жужжит. Тело защитника вибрирует от этого звука, от этой песни. Этой песней защитнику дают понять, что Королева знает. Знает, что защитник принес носителя. Знает, что защитник указал путь к улью носителей. В этой песне гордость. Признание. Что-то еще, чего примитивный мозг защитника не в силах осознать, а если бы мог, то определил бы как благодарность.

Защитник справился.

И теперь у него есть последняя возможность послужить колонии. У защитника нет представления о времени, расстоянии или пространстве. У него нет мыслей о том, что он прожил стоящую жизнь, жизнь беззаветного служения. Но есть спокойствие, ощущение умиротворения.

Он сделал все, для чего был предназначен.

Боль утихнет.

Королева открывает пасть.

Защитник не сопротивляется, когда острые зубы со скрипом вгрызаются в его панцирь, укус за укусом.

Конечности и хвост защитника дрожат и подергиваются, он ощущает и слышит, как Королева насыщается, поглощая его тело.

* * *

Яйцо не думает. Яйцо не чувствует. Но яйцо может ощущать. И яйцо знает.

Яйцо способно распознавать три вещи: вибрации, обозначающие движение и размер, ритмичный стук и наличие определенного выхлопного газа. Любые два из этих трех факторов могут вызвать сокращение мышц, раскрыть створки, защищающие переносчика.

Особые клетки яйца фиксируют наличие этого газа: Углекислый газ. Подходящие носители испускают этот газ. Яйцо ни коим образом не понимает этого, и не понимало бы, что такое углекислый газ, даже будь у него мозг, которого нет.

Оно отмечает отсутствие вибраций, обозначающих движение ближайшего носителя. Яйцо не слушает, а ощущает. Скорлупа яйца – это настолько чувствительный и точно настроенный орган, что она может зафиксировать не только шаги потенциального носителя, но и нечто гораздо более тихое – ровное биение его сердца.

Слабое, но несомненное: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

Носитель близко.

Выхлопные газы. Сердцебиение.

Почти…

Сердцебиение неровное. Слабое. Будь оно сильнее, ровнее, яйцо бы уже треснуло. В генетическом коде яйца одна команда важнее всех прочих – убедиться, что носитель достаточно здоров, чтобы пережить внедрение и созревание. Потому что, вскоре после вылупления из яйца, переносчик умрет, несмотря на то, доставлен эмбрион или нет.

А переносчик внутри яйца, и этот – особенно, обязан

доставить эмбрион.

Серия импульсов в нервной системе яйца запускает автоматический и, вместе с тем, довольно сложный процесс анализа поступающих данных. Углекислый газ есть, но рваный пульс носителя указывает на то, что он, возможно, проживет недостаточно долго.

Затем неровное сердцебиение стабилизируется, становится ритмичнее.

Носитель не совсем здоров, но он подходит.

Створки раскрываются с мягким хлюпом.

* * *

Впервые воздух касается кожи переносчика. Нервы обжигает огнем. Нейромедиаторы переполняют хрупкую кровеносную систему. Расслабленные мышцы, наконец-то, сокращаются и растягиваются.

Переносчик не думает. Он реагирует. Он отвечает. В ходе эволюции эти существа приобрели способность ощущать время каждой своей клеточкой – как только они вылупляются, они должны двигаться быстро, потому что срок их жизни недолог.

Переносчик создан так, чтобы найти цель, которая должна быть неподалеку.

Он фиксирует появление углекислого газа.

Затем, сердцебиение.

Даже не будь этих признаков, он бы среагировал на движение рядом с ним. Любого из этих раздражителей достаточно, чтобы переносчик двинулся к своей цели, к тому, что составляет смысл его существования.

Переносчик распрямляет восемь длинных, подрагивающих конечностей. Их кончики прижимаются к прочным, влажным стенкам яйца. Переносчик выскальзывает из этой безопасной утробы. Его хвост все еще остается во влажной теплоте, а все остальное тело уже ощущает холод внешнего мира.

Переносчик сосредотачивается – углекислый газ, сердцебиение – и поворачивается на эти раздражители.

Глаза переносчика – это примитивные органы. Они способны различить движение, а также области света и темноты. Именно второе и помогает переносчику в поиске цели: по всей Вселенной самые развитые создания имеют больше одного глаза. Обычно два, но иногда три, или даже четыре. Однако, сколько бы ни было глаз, у всех этих существ только одно ротовое отверстие.

А переносчику нужно именно ротовое отверстие.

Он сканирует пятна света и тени перед собой: два небольших темных пятна, одно пятно побольше.

Восемь конечностей вздрагивают. Их кончики сжимаются. Хвост свивается в тугую спираль, чтобы оттолкнуться от мягкой, но прочной внутренней стенки яйца.

Углекислый газ.

Сердцебиение.

Два маленьких пятна над одним большим.

Хвост распрямляется, резко и быстро, запуская переносчика в воздух. Конечности раскинуты широко, готовы сжать, обнять.

Он попал.

Конечности охватывают голову носителя.

Хвост обвивается вокруг его шеи и крепко ее сжимает.

Носитель сопротивляется; его зубы сжаты, как будто он знает, что его ждет. Чувствительным подбрюшьем переносчик ощущает губы носителя, отмечает положение зубов и челюстей.

Его хвост сжимается.

Кожа носителя теплая, теплее, чем воздух снаружи. Переносчик ощущает, что сердцебиение носителя ускоряется. Все быстрее и быстрее.

Носитель сопротивляется, пытается терпеть, но ему не хватает воздуха. Когда его собственное тело предает его, когда рот распахивается в судорожной попытке вдохнуть, костяные крючки появляются из подбрюшья переносчика и закрепляются на верхней и нижней челюсти носителя. Мощные мышцы переносчика держат челюсти открытыми и не позволяют зубам сомкнуться.

Переносчик вытягивает хоботок во рту носителя, пропихивает его в теплое, влажное горло. Переносчик наполняет легкие носителя воздухом, не давая ему задохнуться. Но у хоботка есть и другая функция, более важная, чем снабжение носителя кислородом.

Теперь глубоко в груди носителя, в нижней части пищевода, скрыто будущее колонии.

* * *

Эта добыча опасна.

Эта добыча – угроза колонии.

Такие угрозы требуют немедленных и сокрушительных действий.

Защитник не скорбит о том, чьим запахом помечен этот след. Защитник способен печалиться ровно настолько, насколько

способен бояться. Проще говоря, не способен совсем.

Защитник не умен, но и не глуп. Защитник может считать. Только самым элементарным способом. Он не может умножать или делить. У него нет слов или символов, обозначающих числа, но он их знает. Защитник распознает отличительные запахи каждой особи в этом новом, огромном отряде.

Сто шестнадцать особей.

Самый большой отряд, который когда-либо встречал защитник.

* * *

Помеченный запахом путь заканчивается.

В темноте защитник и другие особи собираются в одну группу.

Воздух пропитан запахом смерти. Здесь было сражение. Девять защитников погибли.

Носители должны быть где-то недалеко. Отряд должен найти их.

Защитник припадает к земле, упираясь ладонями в грязь и камни. Другие делают то же самое.

Прижавшись к земле, защитник пропускает через себя ощущения, обрисовывающие ночной пейзаж: легкий ветерок, поднимающий над землей песок и пыль; едва ощутимые касания насекомых и маленьких животных; привычный мерный шаг другого отряда, проходящего где-то недалеко.

А потом защитник ощущает это. Еще очень слабый и отдаленный звук – ритмичный топот, производимый чем-то плотным, тяжелым. Чем-то двуногим, непохожим на защитника… чем-то чужим.

Защитник слегка поворачивает голову направо – оттуда доносятся эти колебания. Он не знает, как далеко находится угроза, но она не рядом.

Молчание – это основное правило, но защитник фактически глава этого отряда – и он решается зашипеть. Только он и только один раз, так что враги не смогут определить, сколько особей в отряде. Звуковая волна распространяется, отражается от камней и редких растений, возвращается назад. С помощью такой эхолокации защитник отмечает положение объектов в пространстве перед ним.

Движение здесь не зафиксировано.

Защитник приподнимается. Он снова издает шипение, чуть более громкое, чтобы иметь возможность «увидеть» немного

дальше. Когда возвращаются эти звуковые волны, защитник ощущает что-то еще, что-то очень важное: ровная поверхность, широкие объекты, устремленные в небо.

Улей.

Защитник молча подкрадывается к улью. Отряд поднимается и следует за ним, как единый организм.

* * *

У носителей громоздкий улей. Он состоит из множества курганов с неестественно ровными склонами. Защитник никогда не встречал ничего столь огромного. Колония защитника расположена под землей – высокие курганы в улье чужаков поднимаются в небо. Сияют многочисленные огни. Сейчас ночь, темно, но в некоторых частях улья светло как днем.

Отряд не приближается к улью сразу. Он занимает позицию за невысоким холмом. Только защитник выглядывает из-за этого холма. Остальные прячутся в темноте, тихие, как камни.

Наконец, шумовые жала выдают местоположение жертв – секундные вспышки света в одном из курганов улья.

Там опасная добыча. Защитник пытается сосчитать их, но они скрыты небольшими заграждениями, а вспышки не помогают различить отдельные лица. Примитивный мозг защитника сначала выдает семь, затем восемь.

Опасная добыча атакована другим отрядом. Носители не бегут – они удерживают свои позиции. Так много вспышек, так много шумовых жал. Защитник наблюдает, как падают такие же, как он, один за другим. Некоторые лежат неподвижно. Некоторые подергиваются. Некоторые бьются в судорогах. Немногие поднимаются и бросаются в атаку, чтобы снова быть поверженными.

Даже с такого расстояния от шумовых жал волнами расходятся болезненные импульсы. Тело защитника, так же, как и тела других особей его отряда, способно ощущать вибрацию и звук – поэтому все они страдают от звуковых волн, идущих из-за заграждений.

Защитник издает тихий зов. Подходят две особи. Они ничем не отличаются от остальных. Здесь нет особей из касты «лидеров». Все защитники практически одинаковые. Эти двое ответили на зов просто потому, что они были ближе всех.

Трое защитников прижимаются друг к другу. Когда их тела соприкасаются, низкочастотные сигналы, идущие из резонаторных полостей, проходят сквозь них.

То, что обсуждается, никак нельзя назвать планом. План требует подготовки, анализа, разработки стратегии. То, что обсуждается, намного проще.

Особь справа от защитника сползает к подножию холма и уносится направо, в сопровождении еще тридцати бесшумных теней.

Особь слева от защитника тоже сползает к подножию. Он – и еще тридцать особей – атакуют опасную добычу прямо из этой точки.

Там, где был один отряд, стало три.

Защитник спускается. Теперь его отряд так мал, что может общаться совершенно беззвучно: без шипения, которое можно услышать, без похлопываний, которые можно заметить. Его тело дрожит, затем прекращает, снова дрожит и прекращает – так он дает понять, что остальные должны сгруппироваться вокруг него. Он соприкасается конечностями с двумя защитниками, они – со стоящими рядом, и так далее, пока все не оказываются тесно прижатыми друг к другу. Через пожатия защитник отправляет простые сообщения. Это не столько особый язык, сколько передача основного замысла:

Этот идет первым. Остальные следуют за ним. Тихо. Медленно. В улье отряд прячется, ждет. Молчание. Когда этот атакует, остальные поддержат.

Защитник падает на четвереньки и движется влево.

Пятьдесят шесть особей следуют за ним.

* * *

Защитник прячется в тени рядом с отверстием в улье.

Он наблюдает. Он видит.

Желание напасть переполняет его. Необходимость защитить улей, жажда захватить носителей – эти два инстинктивных стремления бешено стучат в мозгу защитника, так же, как стучит его сердце, сияют так же, как таинственные огни на стенах улья.

Но защитник ждет, а вместе с ним ждет и отряд.

Защитник видел, как один носитель выбежал из этого отверстия и побежал к тем, кто сражается с другими отрядами. Защитник видел, что отверстие закрылось само, его запечатала движущаяся стена.

Если оно открылось однажды, значит, может открыться снова.

Вокруг отверстия горы предметов образовали заграждения. Защитник понимает, что эти заграждения были созданы с той же целью, что и заграждения в колонии – перекрыть доступ,

защитить, направить врага предсказуемым путем.

За заграждением стоит один носитель. В руках у него шумовое жало, самое большое из всех, что защитник видел. Это жало выглядит как часть носителя, соединяясь с ним дополнительной металлической рукой.

Так близко. Жизнеспособный носитель, прямо здесь, на расстоянии рывка. Захватить его, доставить в колонию… эта потребность так сильна.

Перед защитником встает трудный выбор – захватить одинокую жертву сейчас, или продолжать ждать. Этот носитель не участвует в общем сражении. Он охраняет отверстие в улье… а значит, внутри могут быль другие носители.

Расширить колонию…

Каждое решение защитника основывается на чистой логике, математическом расчете, не зависящем от эмоций. Мозг защитника взвешивает вероятности, рассматривает их в системе предварительной оценки, появившейся задолго до его рождения.

Захватить одного носителя или много?

Много.

Защитник не то чтобы решает подождать, он просто не двигается в данный момент.

Резкий звук, высокочастотный и низкочастотный одновременно. Защитник ощущает приближение чего-то более тяжелого, чем отряд, несущийся на полной скорости.

Затем защитник видит, что сотрясает землю – это движущийся улей.

Движущийся улей ревет и выпускает столб пламени. Ударная волна проходит сквозь тело защитника, наполняя его болью. Это шумовое жало, но такое мощное, что оглушенный защитник замирает на пару секунд.

Что-то с грохотом взрывается там, где один из отрядов сейчас атакует улей.

Так много новой информации. Так много новых ощущений.

Защитник ждет. Он шипит, пытаясь определить, что происходит на поле сражения.

Отраженные звуковые волны возвращаются, и защитник фиксирует движущиеся жертвы. Четыре… нет, пять, носителей мчатся прочь от нападающих отрядов.

Много носителей, движущихся, спасающихся бегством. Они приближаются. Они направляются ко входу в улей.

Стена, закрывшая вход… она сдвигается.

Улей открыт.

Защитник поднимается. Отряд поднимается за ним. Пригнувшись, на четвереньках, защитник несется к отверстию в

улье. Отряд нагоняет его.

Инстинктивно они выстраиваются по трое в ряд, защитник впереди и в центре. Отряд понимает, что шумовые жала несут смерть. Если начнется стрельба, трое спереди послужат щитом, приняв удар на себя, чтобы остальные могли подобраться ближе.

Длинная, стремительно движущаяся колонна высших хищников приближается. Опасная добыча реагирует быстро, издает сигналы тревоги, разворачивает огромное жало, нацеливая его на отряд. Вспышки срываются с конца жала. Особь слева от защитника отброшена назад. Особь справа от защитника теряет конечность, раскидывая во все стороны хитин, кислоту и куски плоти.

Защитник взлетает в воздух, когда вспышки из жала летят в тех, кто позади него. Опасная добыча поднимает жало вверх, но уже поздно – защитник перепрыгивает заграждение и обрушивается на жертву, всем весом вдавливая ее в землю.

Отряд карабкается через заграждения. Их встречает оглушительная какофония жужжащих жал. Защитник чует феромоны агонии, смерти. Шумовые жала носителей оглушают его болью. Защитник как никогда близок к тому, чтобы принести колонии наибольшую пользу – это ощущение подстегивает выброс феромонов, повышающих агрессивность. Через пару секунд защитника захлестывают волны информации и ощущений.

Опасная добыча с дополнительной конечностью издает блеющие звуки. Она пытается подняться. Она такая плотная, такая тяжелая, но, несмотря на весь свой вес, такая слабая. Защитник сжимает ее всеми конечностями и хвостом. Это должно вывести ее из строя.

Защитник широко распахивает пасть – двухкилограммовая внутренняя челюсть вырывается наружу с огромной скоростью, врезаясь добыче в грудь и сминая пестрый зеленый панцирь. Добыча содрогается, но не останавливается. Она по-прежнему пытается подняться.

Защитник сильнее добычи, но его веса недостаточно, чтобы удерживать ее на земле. Еще один защитник хватает добычу, не давая ей двигаться, затем другой. Добыча борется. Защитник целится добыче в голову и снова бьет внутренней челюстью. Двухкилограммовое орудие врезается в лицо добычи и в тот момент тонкие челюсти рвут ее плоть и вцепляются в скулу. Брызжет кровь.

Добыча сопротивляется. Защитник ощущает, как сокращаются внутренние мышцы, наполняя жидкостью два полых зуба внутренней челюсти. Почти сразу добыча затихает, слабеет.

И, наконец, прекращает сопротивление.

Внутренней челюстью защитник ощущает сердцебиение добычи: медленное, ровное, сильное.

Носитель еще жив. Он здоров.

Другие особи врываются через открытый вход. Несколько жертв продолжают сопротивляться, но они ошеломлены, задавлены массой блестящих черных панцирей и дергающихся хвостов.

Защитник поднимает захваченного носителя и бежит прочь от улья. Оставшиеся обыщут улей, захватят потенциальных носителей и уничтожат все, что невозможно захватить. Защитник слышит издаваемые жалами звуки внутри улья. Одиночные и нечастые сначала, вскоре они совсем затихают.

Сражение окончено.

Колония в безопасности, по крайней мере, пока.

Защитник находит оставленный запахом след. Захваченного им носителя нужно отнести в колонию – к кладке яиц.

* * *

Юная Королева просыпается.

И начинает действовать инстинктивно.

Она должна освободиться. Она должна вырваться на волю. Она отталкивается ножками, маленькими, но сильными. Она чувствует, как ее корона упирается в грудину носителя. Все ее тело сжимается, затем разом распрямляется: туловище, хвост и ноги вместе направляют всю ее силу на участок в несколько квадратных сантиметров.

Она чувствует, как трещат сдерживающие ее кости.

Она сжимается снова и снова распрямляется, ощущая, как увеличивается трещина.

В третий раз она чувствует, как ломаются кости носителя и рвется его плоть. Ее тело уже наполовину снаружи. Тело носителя бьется вокруг нее в судорогах предсмертной агонии.

Новая Королева впервые открывает рот. Она пока не может видеть. Она шипит… отраженные звуковые волны сообщают ей, что она не одна.

Руки поднимают ее, освобождая полностью. Нежные руки, любящие руки.

Ее несут. Она чувствует себя защищенной.

Заботливые руки подносят что-то к ее рту. Она обнюхивает это, и, внезапно, ее переполняет желание есть. Она бы съела все, что ей дадут, но именно эта пища предназначена только для нее, для будущей Королевы.

На этой стадии жизни ее тело невероятно плотное. Только небольшая часть его состоит из обычных клеток: мышцы, мозг, нервная система, несколько временных органов, которые исчезнут в течение пары часов. А вот большая часть ее тела состоит из миллионов и миллионов спрессованных клеток, в которых почти нет жидкости. Эти спящие клетки сжаты так сильно, что представляют собой почти твердую массу.

Переваренная пища распространяется по ее пищеварительному тракту, эти сжатые клетки получают влагу и питательные вещества – и начинают расширяться. Маленькая Королева напоминает насухо выжатую губку, которую опустили в воду. Жидкость скапливается в этих спящих клетках. Плотность ее тела уменьшается, но, пропорционально этому, увеличивается размер.

Если бы она была одна, без поддержки своей колонии, маленькая Королева ела бы все, что сумела найти. Ее острые, твердые зубы способны раскусить практически что угодно, так же, как и ее пищеварительная система способна что угодно переварить. Однако, эта особая пища специально предназначена для тела юной Королевы, поэтому темпы ее роста зашкаливают.

Ее клетки расширяются. Они делятся. В течение получаса кожа становится ей тесна и так натягивается, что образуются разрывы, из которых выпирает плоть. Спустя час после ее рождения кожа рвется – ее тело увеличилось. Она становится длиннее, толще. Новая кожа тут же начинает затвердевать, чтобы стать опорой для туловища и конечностей. Но и эта кожа продержится только несколько часов, пока Королева снова не станет слишком большой, а затем все повторится сначала.

Ее защитники достигают предельного размера чуть больше, чем за день.

Она намного, намного крупнее их, но вырасти до размера взрослой особи она сможет меньше, чем за неделю.

Вскоре после того, как это случится, она начнет откладывать яйца.

Наконец, любящие руки отпускают юную Королеву. Ей уже почти удается стоять самостоятельно. Защитники помогают ей встать прямо. Она чует/ощущает на вкус феромоны, отличающие их от прочих. Ее хвост прижимается к земле, но он еще слишком слаб, чтобы выдерживать ее вес.

Юная Королева слышит что-то: какой-то низкий звук. Песня только для нее, песня, рассказывающая о ней.

Защитники подхватывают эту песню. Они повторяют ее, усиливают ее звучание, и она распространяется по всей колонии.

В этой песне поется о личности Юной Королевы.

Я есть… Я существую.

Она осознает себя. Она – личность, а те, кто вокруг нее – нет, они просто ее продолжения.

Кроме одной особи.

Юная Королева, наконец, может видеть. Она может слышать, чувствовать, ощущать вибрации. В один момент все ее органы чувств осаждены разом. Запахи, вкусы, звуки…

Зрение.

Перед ней ее мать – в сотни раз больше нее. Вытянутая корона, блестящий черный панцирь, тонкие руки, изящное туловище, длинные зубы.

Большая Королева наклоняет голову к маленькой. Жирная слизь капает из пасти старой Королевы в рот молодой, которая проглатывает ее, чтобы получить дополнительное питание и столь необходимую ее быстро растущему телу жидкость.

Старая Королева прекрасна и очень важна, но от нее исходит тревожащий запах.

Старая Королева умирает.

Шипение, постукивание, феромоны… две Королевы разделяют то, о чем защитники даже не подозревают – беседу, реальный обмен информацией и идеями. У двух Королев немного времени. Старая Королева знает, что должна передать свои знания, пока это время не вышло.

Юная Королева слушает, очень внимательно.

Вместе, в полумраке, мать и дочь обсуждают будущее колонии.

* * *

Автор хотел бы выразить благодарность Крису Граллу, мастеру-сержанту спецподразделения армии США в отставке, за предоставление консультаций для описания поведения отряда и невербального общения, логичных и основанных на проверенной тактике элитных сухопутных подразделений.

Также автор благодарит Гвен Пирсон, Доктора Энтомологии, за предоставленную информацию об общении и поведении социальных насекомых.

Работа Рекса Кокрофа, биолога Миссурийского Университета также сыграла важную роль в использовании способов общения насекомых применительно к Ксеноморфам.

Злоба
Тим Леббон

– Займемся делом!

Знакомый призыв Шпренкеля перед заданием раздался эхом по кораблю, но никто не ответил, так как они вошли в зону разреженной атмосферы. Сильная вибрация сотрясла судно, и Даренд закрыла глаза, когда ее защитный костюм принял большую часть удара. Она всегда ненавидела эту часть процесса. Вход в атмосферу, разреженная она или нет, после недель путешествий по космосу всегда был шоковым состоянием для организма – гравитация, корабль болтает и сжимает под воздействием давления, и когда знаешь, что полет подходит к концу, ты в неведении, какие опасности тебя поджидают.

В данном случае, было немного определенности. Колония на планете Мир Уэллера перестала выходить на связь, их подразделение Колониальных морских пехотинцев находилось ближе всех, поэтому было отправлено для выяснения причины. Тот факт, что они направлялись домой после двухлетнего полета по сектору Дельта, никого не интересовал. Майор Акоко Хэлли

приняла приказ безоговорочно, выбрала экипаж для полета с ней на корабле, два часа назад они покинули комфорт истребителя «Эриел» для заключительной миссии.

– Мои яйца словно попали в шейкер, – пожаловался Нассис.

– У тебя нет яиц, – ответила Бествик. – Я их отрезала, пока ты дрых в гипнокапсуле. Ты просто еще не до конца оттаял, чтобы это заметить.

По кораблю раздался смех, который обрубил голос майора Хэлли:

– Проверка системы и оружия через пять минут. Я хочу, чтобы все были готовы до того, как мы приземлимся.

Даренд вздохнула. Она бы с радостью пошла за Хэлли хоть в пекло ада, но майор полностью соответствовала своему прозвищу – Снежная Сука. Когда они приземлились, она была холодна и держала дистанцию.

В круглом трюме корабля морпехи проходили процедуру самопроверки. Даренд подключила свой боевой костюм, проверив все системы онлайн, и убедилась, что они в норме. Следующей была винтовка, и она обнулила все данные, чтобы обновить уровни. Лазер, плазма и нанозаряды – все уровни заполнены. В конце проверки она и ее сосед, большой парень Мисра, подтвердили данные друг друга. Каждый заявил о своей полной боевой готовности.

Майор Хэлли кивнула. Их жизненно важные показатели будут отражены на щитке ее костюма. Она медленно повернула голову, оценив команду. Бествик и Нассис сидели слева, Шпренкель и Эддолс справа, Даренд и Мисра на противоположной стороне трюма.

Они были хорошей, надежной командой, воевали вместе, смотрели в лицо опасности и смерти, и ответственно выполняли свою миссию. Даренд знала, что майор больше привыкла руководить крупными операциями Тридцать девятого отряда Косморожденных, известного как «Дьявольские псы», участвуя в дозорных и военных мероприятиях, однако Снежная Сука получала удовольствие и от мелких, более частных заданий.

Кто-то сказал, что майор – бывшая наркозависимая, заменившая тягу к наркотикам на жажду войны. У Даренд на этот счет не было мнения. Даже если бы и было, она никогда бы его не озвучила.

– Четыре минуты, – сказал Хайк из кабины пилота. – Я перехватил сигнал маяка. Ничего подозрительного.

– Покружи над объектом, – откликнулась Хэлли. – Даренд, за мной. – Они щелкнули ремнями безопасности и прошли в кабину пилота, хватаясь за поручни, так как корабль содрогался под

воздействием атмосферы.

Естественная среда была огромной и выглядела так же, как на любой другой планете, на которых побывала Даренд за свои одиннадцать лет службы морпехом. Разрушенное, голое, безжизненное – это место было покрыто шрамами и враждебно. Всё из-за разреженной атмосферы, изрыгаемой массивными процессорами в нескольких милях на восток. Ветры крепчали.

– Не то место, где хотелось бы провести Рождество, – сказала Даренд.

– Не то место, где хотелось бы провести хоть что-нибудь, – ответил Хайк. – Эти засранцы знают, за что платят такие деньги.

– Никогда не знаешь, куда Компания отправит тебя в следующий раз, – хмыкнула майор.

– Это что, база «Вейланд-Ютани»? – удивленно спросила Даренд. Об этом нигде не упоминалось. Все данные указывали на то, что они имеют дело с независимым объектом. Она думала, что, возможно, это контрактники, зарабатывающие наблюдением за процессорами, или какая-то научная база, основанная одним их институтов.

– Не исключено, – сказала Хэлли. – Но у Компании везде свои интересы, как вы знаете, а у меня приказы. Здесь проводились исследования, и нам нужно привезти всё, что только возможно.

– А персонал базы?

– Поможем, если сможем. Они все еще в приоритете, – Снежная Сука отвела взгляд, и Даренд подумала: «В приоритете для нас, но, возможно, не для Компании».

– Что здесь произошло, майор? – спросила она.

– Судя по всему, никто не знает. Но все коммуникации в порядке и, на мой взгляд, повреждений нет.

– Наружных, по крайней мере, – уточнил Хайк.

Даренд стало не по себе. Их пытались убедить в том, что это поисково-спасательная операция, и теперь, всего за несколько минут до посадки, Хэлли поведала им совершенно другое.

– Майор? – спросила она.

Хэлли улыбнулась. Это было редкое явление.

– Даренд, выкинь это из головы. Мои люди всегда на первом месте, ты это знаешь. Независимо от того, что хочет Компания… если мы сможем, мы справимся.

– Да, босс.

– Ты моя опора в этом, – сказала Хэлли. – Поняла?

Даренд кивнула. Они знали друг друга давно. Она всегда доверяла майору, и у нее не было причины потерять это доверие сейчас.

– Хайк, снижаемся, – приказала Хэлли.

* * *

В полной экипировке из-за токсичной атмосферы, с настроенными системами связи, шесть морпехов следовали за майором в восточную часть объекта. Это была огромная база, состоящая из главного центрального помещения с четырьмя пристройками, взлетной площадкой на севере и наружными зданиями, разбросанными на разных расстояниях. Место выглядело как древнее поселение – расширенное, растянутое, с несколькими мусорными свалками, окруженное вытоптанным и покореженным колесами техники ландшафтом. В записях упоминалось, что среде обитания было более двухсот лет, Даренд подозревала, что база находилась здесь с самого начала.

Мисра был ее напарником. В похожих ситуациях они всегда работали вместе, прикрывая спины друг друга и безоговорочно друг другу доверяя. Они много раз сражались вместе, и работать сообща для обоих было так же естественно, как и дышать.

За главными дверьми все казалось нормальным. Бествик захлопнула двери, и наступила тишина.

– Вперед, медленно, – прошептала Хэлли, но все подчиненные прекрасно расслышали ее через передатчики в своих боевых костюмах.

Коридор был широким, низким и забитым мусором, а обшарпанные, полинялые стены указывали на то, что им часто пользовались. И при этом – ни следов военных, ни движения.

– Нассис, – произнесла Хэлли. Тот держал датчик движения перед собой, а затем плавно продвинулся вперед группы. Данные, передаваемые им, прыгали вверх и вниз на дисплеях, показывая хаотичную диаграмму конструкции на тридцать метров вперед. Никакого движения.

– Босс, здесь я могу подключиться к коммуникационным линиям объекта, – сказала Эддолс. Она сконнектилась со связным узлом в стене, пока остальные морпехи растянулись в защитную линию.

Даренд пыталась понять смысл этого места. Майор не дала точных указаний по поводу того, что они искали. Из-за настоящего состояния объекта было довольно трудно предположить, что являлось первоначальной основной задачей при возведении этой базы. Было вероятно, что с годами цель изменилась, и сейчас…

Что-то пошло не так.

– Ничего, – сказала Эддолс. – Я просканировала все каналы. Никаких признаков разговора, и вообще доступ к сетям не осуществлялся более девятнадцати дней.

– В любом случае, если что-то и произошло, это было давно, – откликнулся Шпренкель.

– Будьте настороже, – приказала Хэлли, хотя в этом не было необходимости: отряд и без того передвигался на цыпочках. Морпехи прекрасно знали, что самые худшие из опасностей могли затаиться до поры.

Они продвигались вперед по направлению к восточному крылу центрального коридора, пока не добрались до первых дверей, ведущих в сторону комнат.

– Мисра и Даренд – налево, Бествик и Шпренкель – направо, – приказала Хэлли. – В порядке очереди.

Они работали методично, сканируя комнаты разнообразными приспособлениями за закрытыми дверьми, прежде чем войти – датчиками движения, мониторами нагрева, газоанализаторами. Они нашли офисы, жилые комнаты, склады, но – ничего живого.

Никаких следов того, что же здесь произошло.

Через пятнадцать минут отряд достиг круглого центрального помещения базы. Это конструкция была намного больше, в несколько этажей, так что и времени на ее обход тоже требовалось больше.

– Разделимся на две группы? – предложил Мисра, но майор покачала головой:

– Плохая идея. Пусть это займет больше времени, но я хочу, чтобы мы оставались все вместе. Для начала осмотрим первый этаж, а затем продвинемся наверх. Я хочу посмотреть…

– Майор, там кто-то есть! – сказал Нассис.

Даренд продвинулась влево и пригнулась, Мисра замер справа позади нее. Они направили свои винтовки в сторону слегка изогнутого коридора, Даренд проверила датчики движения.

– Этажом выше, – сказала она. – Выглядит странным, как…

– Как рой, – закончил Мисра.

– Какой приятный выбор слова, – сказала Даренд. – Спасибо.

– Шевелитесь! – зашипела Хэлли, и они двинулись за ней в сторону ближайшего лестничного пролета.

Датчики подпрыгнули, обозначив первые признаки движения. Морпехи плавно и быстро поднимались по ступеням, осторожно скользя между лестничными клетками, проверяя поступающую к костюмам информацию и полагаясь на свои экраны и ушные имплантаты. Каждый морпех был обучен все время держать ситуацию под контролем – костюмы могли дать сбой, а датчики – неверно интерпретировать информацию.

Даренд первой уловила движение, прежде чем среагировали системы.

– Уходите с лестницы! – сказала она, целясь в двигающуюся фигуру. Она не выстрелила, так как это мог быть один из экипажа, запутавшийся, или раненый, или испуганный происходящим. Но ее палец лег на спусковой крючок, и она уставилась на место, где только что была фигура.

– Что это было? – спросил Мисра.

– Я не знаю.

Они оба изготовились к стрельбе. К тому времени, как Хэлли присела за ними, все снова затихло.

– Может, тень? – сказала майор. Даренд вздохнула: она не могла спутать тень с чем-то еще, и они все это знали.

– Что за вонь? – спросила Эддолс.

Даренд медленно и глубоко вдохнула.

– Что-то горит, – сказала она. – Это горящая плоть.

– Нет, – поправила Бествик. – Сгоревшая плоть. Она уже не горит.

Наверху лестничной клетки был коридор, в конце которого, за тяжелыми сорванными с петель дверьми, они нашли первую из больших контрольных комнат.

– Твою мать, – прошептала Даренд. Она пыталась успокоиться и восстановить дыхание, но на какой-то момент просто застыла в шоке. Но отрицать увиденное было невозможно.

Всё выгорело дотла. Все сгорели. Все помещение выжжено дочерна, стены, пол и потолок покрыты копотью, компьютерные терминалы разрушены, мебель перевернута вверх дном, образуя странные скульптуры. Трупы скрутились в хрустящие статуи – некоторые поодиночке, но куда больше – у двух эвакуационных выходов, которые так и не открылись. Эти кучи были огромными: раскинутые в стороны тонкие конечности и оплавленные головы, сгоревшая плоть обнажает почерневшие кости, треснувшие и скрутившиеся от воздействия ужасной температуры. Металлические конструкции оплавились, платформа вокруг комнаты рухнула.

– Двигаемся, но медленно, – приказала Хэлли. – Шпренкель, Бествик, посчитайте трупы.

– Вы серьезно? – спросил Бествик.

– Можно примерно, – сказала Хэлли. – Численность персонала составляла девяносто восемь человек. Мы начнем считать. Эддолс, займи ближайшую лестницу.

Пару минут спустя они отправились дальше. Бествик насчитала сорок тел в одной большой комнате, а когда они забрались на следующий уровень, там погибших оказалось еще больше. Трупы заполняли три комнаты, забаррикадированные двери в которых сплавились с петлями, тела скрючились в

ужасных позах, полных агонии. Несколько трупов сплавилось в один. Даренд была даже рада, что черты лиц было невозможно распознать. Хотя она видела несколько меньших по размеру изуродованных останков. Это могли быть дети.

– Кто мог это сделать? – спросила она.

– Плазменное оружие? – предположил Мисра, но все услышали сомнение в его голосе.

– Явно не оружие, известное нам, – сказала Хэлли. – Супергромкое устройство, поверхностное разрушение, даже огнеметы не смогли бы так точно сработать. Но что бы это ни было, охотилось оно только на людей.

– Я думаю это гиблое дело, – сказала Бествик.

– Согласен, – отозвался Шпренкель. – Ни признаков движения или активности, ни выживших.

– Мы должны проверить остатки базы, – сказал Мисра.

– И мы проверим, – ответила Хэлли, взглянув на Даренд, затем отвернулась.

«Что здесь происходит? – недоумевала Даренд. – Может, Компания проводила опыты, и что-то пошло не по плану? Новое оружие?»

– Закончим с этим крылом, – сказала Хэлли. – Северное крыло следующее, затем…

– Еще движение! – перебил ее Шпренкель. – Наступает со всех сторон!

– Это снова рой, – сказала Даренд, и взглянула на Мисру.

– Я прикрою, – ответил тот.

– На позиции! – приказала Хэлли. Не было необходимости вдаваться в подробности. Морпехи знали, что делать. Трое выстроились вдоль коридора в одном направлении, четверо – в другом. Теперь они могли только ждать, когда детекторы движения покажут приближение роя.

Они увидели их одновременно.

– Что за… – сказала Бествик, и ее голос поглотил взрыв выстрелов.

Даренд начала с коротких лазерных лучей. Костюм затемнил забрало, реагируя на вспышки взрывающихся и мигающих залпов, но она по-прежнему видела порхающих тварей чуть больше ее кулака, сплошным потоком стремительно летящих через коридор по направлению к ним. Даже сраженные выстрелами, они все еще изрыгали пламя.

Ее костюм подсветил цели, и Даренд продолжала стрелять, быстро переключаясь с лазера на нанозаряды, когда количество тварей увеличилось. Существа уворачивались, дергались, и хотя некоторые уклонялись от выстрелов морпехов, многим это не

удавалось. Они разлетались на части, ударялись о стены и потолок, шлепаясь на пол и оставляя мокрые разводы. Казалось, все они готовы взорваться, будто наполненные сжатым газом. Даренд машинально отметила нехватку в атмосфере кислорода – твари были своего рода источником внутреннего сгорания.

Это имело смысл.

Все те люди сгорели.

Как только Даренд переместилась с одной твари на другую, ужасное подтверждение пришло с другого направления.

– Нассис, осторожно!

– Босс, пригнитесь, не дайте им…

– Эддолс, уходи!

– О нет…

– Эддолс!

Раздался громкий пронзительный крик, и Даренд рискнула быстро обернуться назад.

Эддолс сделала один-единственный роковой шаг в направлении атакующего роя. Твари тут же окружили ее, маневрируя и пытаясь подобраться ближе, пока она стреляла.

Их рты изрыгнули огонь. Он струился в воздухе, словно напалм, вопреки всем законам гравитации, атакуя Эддолс и проникнув через защитный костюм, словно его и не было.

Нассис ринулся на помощь, но Хэлли удержала его.

Эддолс кричала. Пронзительный крик был полон агонии. Она беспорядочно заметалась, выронила оружие и побежала в противоположную от отряда сторону.

– Эддолс! – выдохнула Даренд, зная: только что она стала свидетелем того, как умирает ее друг.

Твари собрались в рой, все еще извергая на свою уязвимую жертву этот странный, подобный лаве огонь. Женщина оказалась в середине роя, и все больше и больше тварей присоединялись к экзекуции. Черный, масляной дым клубился от ее изорванного костюма, вонь жареного мяса наполнила воздух.

– Граната! – жарко и влажно прохрипела Эддолс.

Даренд и остальные, поняв ее намерение, на несколько секунд припали к земле. Взрыв разорвал коридор, уничтожив немало огненных тварей, снося защитную стену и сбивая еще больше существ, бросая их на пол.

Даренд подпрыгнула вверх, поджала ноги, подняла винтовку и выпустила нанозаряд в тварей, все еще катающихся по полу и пытающихся выжить. Небольшие взрывы покончили со всеми. Она перевела взгляд. Глаза широко раскрыты. Дыхание легкое и быстрое.

Останки Эддолс разметало по всему коридору.

Даренд много раз видела, как умирают люди, и некоторые были из числа ее друзей. Но никто из ее близких не умирал подобной смертью. Не было даже облегчения от того, что смерть не была мучительной, потому что это было не так. После всех этих криков и объятия пламенем, взрыв едва ли был для Эддолс пыткой.

– Твою мать! – закричала Даренд, выпустив несколько коротких лазерных залпов в покрытую кровью и плотью часть коридора, где погибла ее подруга. Выстрелы ненадолго озарили коридор, явив тени нескольких тварей, уползавших из хаоса. Кто-то тут же прикончил их несколькими точными выстрелами. Даренд даже не видела, кто это был. Она повернулась и уставилась в стену. Потом посмотрела вниз, на мертвых тварей у ее ног.

– Даренд? – позвала ее Хэлли.

– Да.

Майор крепко взяла ее за руку и развернула к себе лицом.

– Я в порядке, босс, – кивнула Даренд. Суровое лицо Хэлли выражало силу, безопасность и понимание. Даренд посмотрела за спину майора, на остатки отряда. Она любила каждого из них.

– Нам нужно двигаться, – сказала Хэлли. – Быстрый тщательный осмотр. Теперь мы знаем, с чем имеем дело.

– Знаем ли? – спросил Шпренкель. Он пнул труп существа, который отлетел под ударом ботинка, ударившись о стену, и соскользнул вниз, в темную влажную массу.

– Мисра? – позвала Хэлли. Мисра был одним из экспертов «Дьявольских Псов» по внеземным формам жизни, хорошо знакомым с большинством видов существ, известных со времен, когда человечество стало переселяться в глубины космоса. Как-то он рассказывал Даренд, что однажды видел на расстоянии Ксеноморфа и был рад, что тварь не подошла ближе.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал Мисра. – И никогда не слышал. Я перерыл все папки и файлы, до которых мог только добраться, – такие твари нигде не упоминаются.

– Мелкие злобные ублюдки, – сказала Бествик.

– Огненный плевун, – сказал Шпренкель. – Хорошее имечко, а?

Даренд снова посмотрела вниз, на одно из мертвых существ, продолжая наблюдать за данными костюма на случай, если они изменятся. Существо имело четыре тонких перепончатых крыла, было немного меньше ее головы, грушевидной формы и покрыто чешуей. Оно оказалось безглазым, рот в форме круглого отверстия окружали наросты, которые могли быть обгоревшей костью или наружными зубами. Одно из самых странных и

гротескных созданий, которые она когда-либо видела.

Даренд пнула тварь изо всех сил, и та приземлилась в нескольких метрах, плюхнувшись в жидкое, густое месиво.

– Ты уверен? – спросила Хэлли Мисру.

– Вы серьезно, босс? – ответил тот. – Огнедышащая ящероптица?

– Кто-то есть впереди, – сказал Шпренкель.

Даренд взглянула на майора, ожидая немедленных приказов, но та казалась чем-то отвлеченной. Она хмуро смотрела на месиво, которое раньше было Эддолс.

– Майор, нам нужно идти вперед и зачистить весь объект, – сказала Даренд. – Здесь нам больше нечего спасать.

– Но мы только что закончили одно крыло и центральный зал, – сказал Мисра.

Хэлли кивнула Даренд:

– Да, оно того не стоит. Нет признаков выживших, все мертвы, а если еще кто-то и остался… к черту. Окей, ребята, давайте назад, на корабль. Мы обработаем это гребаное место с орбиты.

– Я бы предложила разнести тут все к чертям нейтронной бомбой, – откликнулась Бествик, – но это только мои слова.

– Я решу, как только мы взлетим и будем в безопасности, – сказала Хэлли. – Вперед.

– Мы не можем уйти, – заспорил Мисра. – Наша миссия не завершена.

– Она завершена, если я так сказала, рядовой, – ответила Хэлли.

– Нет, – Мисра затряс головой. Как только Даренд увидела мимолетное движение его винтовки и уловила странное выражение его лица, огненные плевуны атаковали снова. Без предупреждения, без показаний датчиков они заполнили коридор сверху донизу с обеих сторон, появляясь из тени и желобов, пробивая двери, как будто их не было вовсе. Они обрушились на морпехов клубящимся пламенем.

Даренд выстрелила позади Мисры, уничтожив одну из тварей за его спиной. Та разлетелась на кусочки, обрушив столб пламени на стену. Хэлли пригнулась рядом, и они открыли огонь, пока Нассис, Бествик и Шпренкель атаковали врага с другой стороны.

Коридор превратился в сцену хаоса и разрушения. Лазерные вспышки разрезали воздух, ударяясь о стены и потолок, нанозаряды разлетались пламенем, плазменные залпы взрывали и оплавляли конструкции, поджаривая по дюжине тварей за раз. Костюм Даренд молниеносно высветил повышение температуры, как со стороны плюющихся существ, так и от оружия пехотинцев.

Обмундирование пока еще защищало ее, но она уже чувствовала, насколько становится жарко.

– Откуда они берутся?! – прокричала Бествик.

– Проще отходить в этом направлении! – ответила Даренд. – Мы доберемся до дверей в восточном крыле, запломбируем их взрывом плазмы, а затем со всех ног на корабль!

– Хороший план, – сказала Хэлли. – Тогда вперед.

– Мы тебя прикроем, – добавил Шпренкель.

Даренд, Мисра и Хэлли начали продвигаться вперед, переступая через шипящих, изрыгающих огонь существ и продолжая стрелять. В некоторых местах с потолка капал плавящийся металл, и Даренд почувствовала, как ее костюм затвердел на плече в том месте, куда попала капля. Спроектированный с ограниченной защитой от кислотной крови Ксеноморфа, костюм все-таки справлялся, хотя ее плечо отяжелело, ограничив движение.

Потолок впереди них обрушился. Куча огненных созданий ринулась вниз из-под крепления, разбрызгивая металл, огонь, газ. Даренд подумала: «Это конец, мы покойники!»

Она, Хэлли и Мисра открыли огонь из плазменных пушек одновременно. Забрало шлема затемнилось, в спине отдавались многочисленные удары, костюм затвердел, защищая ее от осколков и волны плазменного огня, обрушившегося на коридор. Системы дали сбой, и на долгие секунды датчики застыли. Даже жизненные показатели обнулились, прежде чем рецепторы и преобразователи мигнули снова, восстанавливаясь от энергетического перепада и возобновляя работу доспехов и оружия.

Чья-то рука схватила ее за запястье, протаскивая за собой вперед. Хэлли. Казалось, атака завершилась – твари либо сбежали, либо погибли. Но что-то было не так.

Позади Хэлли, спиной к пылающим руинам коридора и горящим тварям, стоял Мисра, направив оружие на товарищей.

– Эта миссия не завершена, – сказал он. – Мы не обошли объект полностью. Кто-то еще может остаться в живых.

– Какого хрена… – начал Шпренкель.

– Мисра? – Даренд встряхнула головой, ошарашенная перестрелкой и вспышками плазмы.

Хэлли шагнула вперед, и морпех перевел оружие на нее.

– Простите, босс, – сказал он, – простите, но мы должны…

– Все мертвы, – сказала Бествик. – Ты это знаешь. Мы видели тела.

– Это не про выживших или трупы, – сказала Хэлли. – Здесь что-то еще.

– Что может быть еще? – спросила Даренд.

– Я полагаю, он имеет особые приказы от Компании, – сказала Хэлли.

Зрачки Мисры расширились, а затем сузились, когда он перевел оружие, целясь в грудь Хэлли. Одно нажатие на курок – и майора размазало бы по стенам. Впрочем, после этого он бы тоже умер. Даренд видела, что Мисра это понимает.

– Есть результаты исследований, – сказал, в конце концов, Мисра. – Мы их найдем, передадим, кому следует, и будем богаты. Каждый из нас.

– Да дерьмо это все собачье, – сплюнула Бествик.

– Со мной связался кое-кто из «АрмоТек», – продолжал Мисра. – Было сказано, что если мы доберемся, и дело будет совсем хреново, мне отвалят хорошее вознаграждение, если я привезу то, над чем проводились исследования. Существует лаборатория, в северном крыле, глубоко под землей. У них там кое-что есть.

– Кое-что? – переспросила Даренд.

– Ксеноморф, – ответила Хэлли.

– Вы знали? – спросил Мисра, оправляясь от шока. Он сместил оружие.

– Конечно, я знала, – сказала майор. – Это была часть моего задания. Похоже, они вышли на тебя, чтобы перестраховаться. – Она покачала головой. – Чертова Компания.

– Мы все еще можем сделать это! – сказал Мисра. Его винтовка не шелохнулась.

– Я не стану рисковать оставшимися членами команды. Мы убираемся отсюда, Мисра. Все мертвы, а объект достаточно прожарен. Это мы и расскажем.

– Дура!

– А ты Колониальный морской пехотинец! Ты служил в «Дьявольских Псах» целых пять лет! И все это ты выбросил к чертям собачьим ради…

– Ради миллиона, да, – сказал Мисра, яростно кивая. – Да. Я теперь босс, я.

– Нет, – сказала Хэлли.

Мисра нахмурился.

Майор слегка повернула голову, посмотрев куда-то ему за спину. Реакция морпехов была непоколебимой, инстинктивной. Мисра взглянул назад.

Хэлли, Даренд и Бествик выстрелили одновременно. Два лазерных луча ударили мятежнику в живот, последний срезал треть головы, отбросив тело на покрытый огненными тварями пол и выплеснув мозг в общее месиво.

Наступила тишина, прерываемая только тяжелым дыханием Даренд. Она не сожалела о содеянном. Мисра бы не первым, кого она убила, но, возможно, он больше всех этого заслуживал.

– Всего этого не было, – сказала Хэлли, взглянув на оставшихся членов команды.

– Чего конкретно? – спросил Нассис.

– Пошли отсюда.

* * *

Они почти добрались до корабля.

Спешно продвигаясь по восточному крылу, минуя комнаты и места, которые уже проверили и подчистили, Даренд и оставшиеся морпехи опасались нападения сзади.

А они пришли отовсюду.

Огненные твари, должно быть, окружили объект снаружи, копошась в пустых комнатах и ожидая у закрытых дверей, когда морпехи подойдут ближе. Плеск пламени, плавящего двери, падение с обшивки сверху – их движение стало очевидным буквально за мгновения перед атакой.

Даренд прикрывала отступление отряда. Она повернулась с винтовкой в руке и посмотрела в ту сторону, откуда они пришли, ловя тварей в сетку целеуказателя. Ее соратники работали молча, сплоченно, как единое целое, доверяясь инстинкту, разделив пространство на сектора и зачищая все углы.

– Семьдесят метров! – раздался крик. Даренд было как никогда приятно услышать голос Хайка. – Следуйте за моим сигналом – наружу через хранилище и внешнюю дверь!

– Продвигаемся, – сказала Хэлли. Даже на линии огня она сохраняла хладнокровие. Иногда Даренд хотела быть такой, как майор.

Раздался крик. Даренд обернулась и увидела огненную тварь, вцепившуюся в ногу Шпренкеля, обдавая его конечность пламенем. Морпех выстрелил, но промахнулся, так как существо подобралось ближе. Пока костюм защищал его, но…

Пол задрожал. Даренд споткнулась и упала, ударившись боком о пол, но тут же перевернулась на спину и выстрелила в существо, целящееся прямо в ее голову. Влажные горящие внутренности вывалились на ее лицо, забрало шлема замигало, оставляя ее в неведении, что произойдет далее.

Перегревшийся пол прогнулся вниз, а потом и вовсе обрушился, увлекая Даренд за собой. Она закричала, слыша, как товарищи зовут ее по имени. Темнота поглотила ее, несмотря на

то, что забрало шлема снова заработало. Переворачиваясь в воздухе, Даренд приложилась к полу правым боком… и продолжала падать.

Все звуки исчезли. Свет появлялся и исчезал, появлялся и исчезал, как будто наверху играли лазерные и огненные вспышки.

«Как будто в космосе», – подумала Даренд, потому что она парила в невесомости.

Ее костюм снова дал сбой, системы замигали прежде, чем погаснуть совсем. А потом Даренд поглотила темнота.

* * *

Она не могла быть без сознания больше нескольких минут. Очнувшись, она обнаружила, что барахтается на полу затопленного подвала. Ее винтовка тянула ее ко дну. Даренд никогда не выпускала ее из рук, даже перед лицом смерти. Ее рука сомкнулась на ложе, и она использовала оружие как якорь, чтобы оглядеться.

Датчики костюма не работали. Возможно, из-за удара… или она повредила его, и вода проникла внутрь, отключив электронику? Удача, что кислородная маска все еще работала. Без нее она бы захлебнулась.

«Корабль! – подумала Даренд. – Нужно поторопиться!»

Она заставила себя подняться и огляделась вокруг. Вода достигала уровня шеи, а дыра, через которую она провалилась, была на высоте трех метров, озаряемая вспыхивающим пламенем. Выстрелов слышно не было.

– Босс? – позвала Даренд. – Бествик? Шпренкель? Нассис? – Ответа не последовало, она также не слышала голосов на радиоволне. Ее связные системы отключились так же, как и костюм.

– Ну просто охрененно круто! – буркнула она и осторожно двинулась по направлению к стене, а потом начала карабкаться наверх, используя металлические крепления в конструкции.

Сильная вибрация сотрясла землю. Даренд остановилась, а затем полезла вверх еще быстрее. Когда она выбралась на поверхность коридора со следами битвы, ее сердце учащенно билось. Она перевалилась через край дыры как раз в тот момент, когда услышала отчетливые звуки взмывающего корабля.

– О нет, – пробормотала она. Если ее костюм отключился, значит, биодатчики покажут, что она мертва.

Держа винтовку, Даренд посмотрела в обе стороны коридора. Было тихо и пустынно, не считая пылающих трупов тварей и

плывущего по коридору дыма.

«Я отправлю им сообщение! – подумала она. – Возвращайся в центральный зал управления, почини связь, дай им знать, что ты жива!» Колониальные морпехи никогда не бросали своих.

Она была уже там.

Так же, как и они. Твари приближались из глубин коридора, их было около пятидесяти. Даренд повернула в обратную сторону. Казалось, они двигались медленнее, чем раньше, и более вдумчиво. Возможно, они были напуганы, после того как она и ее товарищи испепелили столько их горячих тел.

Возможно, они были гораздо умнее.

«Они знают, что я блуждаю здесь одна, – подумала Даренд. – И хотят поиграть со мной».

– Да и хрен с ним, – произнесла она вслух. Проверив уровень заряда своей винтовки и удостоверившись, что тот достаточен, женщина подняла оружие и, расставив ноги, заняла привычную боевую стойку.

– Что ж, подходите, ублюдки! – прокричала она. – Займемся делом!

Ее палец нажал на спуск, и мир погрузился в пламя.

Об авторах

ПОЛ КУППЕРБЕРГ – автор романов, рассказов, комиксов и нехудожественной литературы, в том числе «Старая история» и «Мои рассказы: Посыльный для Гитлера и другие» (обе книги выпустило издательство Crazy 8 Press). Он написал больше тысячи комиксов, от Супермена до Скуби-Ду. Его молодежный роман «Кевин» (издательство Grosset & Dunlap) номинировался на премию ГЛААД[14] и в 2014 году был награжден премией «Скрайб» Международной ассоциации писателей по медиавселенным, а цикл «Жизнь с Арчи» (включая спорную арку «Смерть Арчи») для Archie Comics номинировался на премии Харви и Айснера. Пол – главный редактор и автор издательства Charlton Neo Comics (http://morttodd.com/charlton.html). Следите за его творчеством в «Фейсбуке», «Твиттере» (@PaulKupperberg) и на сайте PaulKupperberg.com.

ДЭН АБНЕТТ – обладатель множества наград, его работы семь раз становились бестселлерами по версии «Нью-Йорк таймс». Он написал более пятидесяти романов, включая известный цикл «Призраки Гаунта», трилогии «Инквизитор» и «Рейвенор», книги для разошедшегося миллионными тиражами межавторского цикла «Ересь Хоруса», «Безмолвных звезд движение» («Доктор Кто»), «Ракета и Грут спасают Вселенную», «Мстители: Каждый хочет править миром», «Триумф: Герой Её Величества» и «Попутчик», а также «Лара Крофт: Расхитительница гробниц. Десять тысяч бессмертных» и «Феод» в соавторстве с Ник Винсент. В мире комиксов он известен своими работами для MARVEL, DC, Boom! Dark Horse и 2000AD. В 2008 году его работы по вселенной «Стражей Галактики» для MARVEL вдохновили создателей киноблокбастера. Также он активно пишет для игровой индустрии: «Средиземье: Тени Мордора» и «Чужой: Изоляция». Дэн живет и работает в Соединенном Королевстве со своей женой Ник Винсент-Абнетт, редактором и писателем. Следите за ним в «Твиттере» @VincentAbnett.

РЭЙЧЕЛ КЕЙН – автор национальных и международных бестселлеров в жанрах научной фантастики, молодежных романов, фэнтези и саспенса. Ее работы: подростковые циклы «Морганвилльские вампиры» и «Великая библиотека», фэнтези-цикл «Повелители стихий», триллер «Озеро Стилхаус». К настоящему времени Рэйчел написала более пятидесяти книг и сотню рассказов. Ищите ее на сайте rachelcaine.com, в «Фейсбуке»

rachelcainefanpage и «Твиттере» @rachelcaine.

ИВОНН НАВАРРО живет на юге Аризоны и является автором более двадцати опубликованных романов и более ста рассказов. Роман «Музыка смерти», изданный в 1996 году, стал ее четвертой опубликованной работой. Ивонн – обладательница премии Брэма Стокера и множества других писательских наград. Еще она рисует и пишет картины. Замужем за писателем Уэстоном Оксом. Они обожают своих догов Упырeныша, Зверюгу и Я-есть-Грут и говорящего попугайчика по кличке Бёрдзилла. Ивонн признается, что в ее мастерской стоит фотография молодого Майкла Бина с автографом. Навестите ее на сайте www.yvonnenavarro.com или в «Фейсбуке».

КРИСТОФЕР ГОЛДЕН – автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», среди которых «Арарат», «Метель» и «Оловянные солдатики». Вместе с Майком Миньолой создал две культовые серии комиксов: «Балтимор» и «Джо Голем: Оккультный детектив». Составитель антологий «Ночные захватчики», «Новые мертвецы» и «Темные города». Его первым путешествием во франшизу Чужих стал роман «Река боли». Голден живет в штате Массачусетс. Навестите его на сайте www.christophergolden.com.

МЭТТ ФОРБЕК – отмеченный наградами автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» и разработчик игр. На сегодняшний день написал более тридцати романов и сценарии множества игр. Среди его последних работ роман «HALO: Новая кровь», комиксы по вселенной игры Magic: The Gathering, «Капитан Америка: Полный путеводитель по Первому мстителю», молодежные фэнтези-романы «Академия монстров» и готовящаяся к выходу ролевая игра Shotguns & Sorcery, основанная на его книгах. Мэтт живет в городе Белуэт, штат Висконсин, с женой и пятью детьми, четверо из которых близнецы. Узнать больше о нем и его работах можно, посетив сайт Forbeck.com.

РЭЙ ГАРТОН пишет романы, повести и рассказы уже более тридцати лет. Работает в жанре ужасов, криминальной прозы, саспенса и даже комедии. Произведения: номинированный на премию Брэма Стокера роман «Живые девушки», «Ненасытный», «Милейшие мертвецы», «Медики», «Воронка» и многие другие. Его рассказы можно увидеть в журналах и антологиях, а также в авторских сборниках «Методы безумия», «Цена ненависти» и «Осколки костей». В 2006 году Рэй получил звание Грандмастера Всемирного конвента любителей ужасов. Он живет на севере

Калифорнии со своей женой и в настоящее время работает над несколькими проектами. Его веб-сайт RayGartonOnline.com.

УЭСТОН ОКС – бывший сотрудник разведки и солдат спецподразделений. Он сражался с военнослужащими противника, террористами, наркоторговцами и торговцами людьми. В основанных на личном опыте военных рассказах Уэстон пишет о гуманитарных операциях в Бангладеш, о службе в Афганистане и о том, как чуть не оказался съеденным в Папуа-Новой Гвинее. Его художественную и документальную прозу высоко оценивают многие издания. Американская библиотечная ассоциация назвала его одним из главных авторов в жанре ужасов двадцать первого века. Окс – лауреат премии Брэма Стокера, номинант премии «Пушкарт» и обладатель множества литературных наград Нью-Мексико-Аризона. Он написал более двадцати шести книг в различных жанрах. Научно-фантастический цикл Окса, который начинается с книги «Жизнь бойца», хвалят за описание солдат с ПТСР в мирной жизни и на войне, а военный цикл с элементами фантастики «Морские котики: Отряд 666» выбран для экранизации с Дуэйном Джонсоном в главной роли.

ЛАРРИ КОРЕЙЯ. Несмотря на то, что «Охотник на монстров Интернешнл» Ларри опубликовал самостоятельно, в апреле 2008 года он вошел в список бестселлеров журнала «Энтертейнмент уикли». После этого Ларри заключил контракт на публикацию с издательством Baen Books. «Охотник на монстров Интернешнл» был переиздан в 2009 году и в ноябре 2009 вошел в список бестселлеров журнала «Локус». Продолжение – «Охотник на монстров: Месть» – вошло в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Третья книга цикла – «Охотник на монстров: Альфа» – вышла в июле 2011 года и также стала бестселлером по версии «Нью-Йорк таймс». В 2011 году Корейя прошел в финал голосования премии Джона Кэмпбелла за лучший роман в жанре научной фантастики/фэнтези. «Война» – третья книга цикла «Хроники рыцарей Гримнуара» – в 2014 номинировалась на премию «Хьюго» как лучший роман года. Цикл «Мертвая шестерка» начинался как онлайн-боевик в сотрудничестве с Майком Купари (Ночной Змей) на форуме об ответственном владении огнестрельным оружием – серия постов называлась «С возвращением, мистер Ночной Змей». Эти работы предшествовали публикации «Охотника на монстров».

КИТ Р. А. ДЕКАНДИДО за двадцать лет написал романы,

рассказы и комиксы для многих вселенных, а также оригинальные произведения в собственных вселенных. Среди недавно вышедших и готовящихся к публикации работ трилогия «Истории Асгарда» (в которую входят книги о Торе, Сиф и Трех воинах), роман «Гнев Кали» по вселенной «Звездные Врата: SG-1», повесть по сериалу «Герои: Возрождение» «Спаси чирлидершу, уничтожь мир», городское фэнтези «Запечатанный очаг», полицейский детектив в мире классического фэнтези «Округ русалок», серия повестей «Полицейское управление супер-сити» и рассказы в антологиях «Ночи живых мертвецов», «Секретные материалы. Никому не доверяй», «Вампирские войны: Ночные ужасы», «Команда с Бейкер-стрит», «Боги на ТВ: Программа на лето», «Альтернативные Соединенные Штаты», «Чертова дюжина магии» и «Корпорация «Лимбус». Книга 3». Узнайте больше на его веселом сайте в ретро-стиле DeCandido.net.

БРАЙАН КИН пишет романы, комиксы, рассказы и иногда работает журналистом. Он автор более сорока книг, в основном в жанре ужасов, криминального детектива и темного фэнтези, включая «Комплекс», «Напряжение», «Упырь» и «Восхождение». Брайан удостоен множества премий и наград, включая звание Грандмастера Всемирного конвента любителей ужасов (2014), премию Брэма Стокера в номинации «публицистика» (2001) и в номинации «дебютный роман» (2003), премию «Шокер» за лучшую книгу года (2004) и награды от американского контингента в составе Международных сил содействия безопасности в Афганистане и авиабазы Уайтмен (на которой дислоцируются малозаметные стратегические бомбардировщики B-2). Он также ведет популярный подкаст «Шоу ужасов с Брайаном Кином».

ХИЗЕР ГРЭМ – автор международных и национальных бестселлеров и более двухсот романов, повестей и рассказов. Она основатель компании Slushpile Productions, занимается организацией театральных постановок и благотворительных концертов для детей. На I-Tunes можно найти записи Хизер Грэм и Slushpile. Ее давно интересовало все пугающее. Она пишет ужасы, саспенс, любовные и исторические романы, рождественские сказки. Ее можно найти на «Фейсбуке» или на theoriginalheathergraham.com.

Майкл Даймэнд Резник, более известный как МАЙК РЕЗНИК, популярный и плодовитый американский фантаст. Согласно журналу «Локус», ни один из авторов рассказов, как ныне

живущих, так и умерших, не превзошел его по количеству наград. Он получил пять премий «Хьюго», премию «Небьюла» и множество престижных наград в США, Франции, Испании, Японии, Хорватии и Польше, а также входил в шорт-листы крупных премий в Англии, Италии и Австралии. Перу автора принадлежат шестьдесят восемь романов, более двухсот пятидесяти рассказов и два сценария, а кроме того Майк является составителем сорока одной антологии. Его работы переведены на двадцать пять языков. Его можно найти в «Твиттере» @ResnickMike или на сайте www.mikeresnick.com.

Рассказы МАРИНЫ ДЖ. ЛОСТЕТТЕР появлялись в таких онлайн-журналах, как Lightspeed, InterGalactic Medicine Show и Flash Fiction Online. Она родилась в Орегоне, сейчас живет в Арканзасе со своим мужем Алексом. Марина любит путешествовать по свету, играть в настольные игры и все, что относится к искусству. Ее можно найти в «Твиттере» (@MarinaLostetter) и на официальном сайте www.lostetter.net.

ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ – автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», пятикратный лауреат премии Брэма Стокера и автор комиксов. Он пишет во многих жанрах, включая саспенс, триллеры, ужасы, научную фантастику, фэнтези, боевик и стимпанк, для взрослых и подростков. Его работы: триллеры о Джо Леджере, «Гниль и разруха», «Склеп теней», «Секретные материалы: Начало. Адвокат дьявола», «Марс-один», «Вирус», «Вампирские войны» и многие другие. Джонатан пишет комиксы для MARVEL («Черная пантера», «Каратель» и другие), Dark Horse («Отравленная кровь») и IDW («Находчивый воин», «Вампирские войны»). Он также составитель нескольких широко известных антологий: «Секретные материалы. Никому не доверяй», «Ночи живых мертвецов» и «Страхи». Некоторые его работы готовятся к экранизации в кино и на ТВ. Он популярный ведущий семинаров, докладчик и преподаватель писательского мастерства. Живет в Дель-Мар, штат Калифорния. Ищите его на сайте www.jonathanmaberry.com.

Автор бестселлеров ДЖЕЙМС А. МУР написал более сорока романов, включая хорошо принятые критиками «Фейерверк», «Под сенью дерева», «Кроваво-красный», трилогию «Серенити-Фоллс» (с участием вновь появляющегося антигероя Джонатана Кроули) и недавно вышедшие «Город чудес» и «Последняя жертва». Он автор романа «Чужой: Море печали», входящего в новую трилогию о Чужих от Titan Books (еще две книги написаны Кристофером Голденом и Тимом Леббоном). Писатель дважды

номинировался на премию Брэма Стокера и три года был сотрудником Ассоциации писателей хоррора, сначала секретарем, а затем вице-президентом.

СКОТТ СИГЛЕР – автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Написал семнадцать романов, шесть повестей и десятки рассказов. Его работы издают Crown Publishing и Del Rey Books, включая недавно вышедшую «Одни» (завершающую книгу «Трилогии поколений»). Скотт также один из основателей Empty Set Entertainment, которая публикует его молодежную серию «Галактическая футбольная лига».

ДЭВИД ФАРЛАНД – удостоенный множества наград автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Написал более пятидесяти романов в жанрах научной фантастики и фэнтези. Писал романы к циклам «Звездные войны» и «Мумия». Дэвид любит говорить: «Почти все мои детские мечты исполнились. Теперь мне осталось написать роман по “Безумному Максу”».

ТИМ ЛЕББОН – автор бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс». Пишет в жанре ужасов и фэнтези. Проживает в Южном Уэльсе. Он опубликовал почти тридцать романов, а также десятки повестей и сотни рассказов. Последние его работы: апокалиптический «Колдбрук», «Чужой: Из теней», «Вход в пустоту. Заря джедая» (вселенная «Звездных войн»), трилогия «Отравленный город» от американского издательства Pyr, «Молчание» от Titan Books, триллер «Терпение», цикл «Война Ярости» по вселенной Чужих и Хищника и ожидаемая трилогия «Реликвии». Тим четырежды становился лауреатом Британской премии фэнтези, был лауреатом премии Брэма Стокера и писательской премии Международной ассоциации писателей по медиавселенным. Его работы выходили в финал Всемирной премии фэнтези, премий Международной Гильдии Ужаса и Премии имени Ширли Джексон. Работал над фильмом «Врата тьмы» (с Николасом Кейджем), детским мультипликационным фильмом ужасов «Зачарованный дом», написал сценарий «Время развлечений» (совместно со Стивеном Волком) и «Изгнанные ангелы» (с Саймоном Кларком). Узнать больше про Тима можно на его сайте www.timlebbon.net.

notes

Примечания

1

Имеется в виду герой фильма Стивена Спилберга 1982 г. «Инопланетянин» (англ. E.T. the Extra-Terrestrial).

2

Аннаполис – столица штата Мэриленд, где находится Военно-морская академия США.

З

Конс – древнеримский бог зерновых культур, запасов зерна, зернохранилищ и т. д.

4

Имена андроидам даны по названиям шахматных фигур: Бишоп – слон, Рук и Касл – ладья, Кинг – король, Найт – конь (всадник).

5

Боевой нож на вооружении американской армии и спецназа.

6

Кладдахское кольцо – традиционное ирландское кольцо с изображением рук, держащих сердце, увенчанное короной. Означает дружбу, любовь и верность.

7

Брат (исп.).

8

«Свинья» – прозвище, данное американскому единому пулемету М60 за недостатки конструкции и внешний вид.

9

Американский пистолет-пулемет Томпсона, прозванный «Томми-ганом».

10

Покерная комбинация, состоящая из карт разной масти, достоинства которых идут по порядку.

11

Покерная комбинация, состоящая из трех карт одного достоинства и двух – другого.

12

Самая старшая покерная комбинация, состоящая из пяти карт одной масти, идущих по достоинству.

13

Антагонист романа Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз».

14

GLAAD (Gay & Lesbian Alliance Against Defamation) – Альянс геев и лесбиянок против диффамации.